

PEHOME

А. Э. Башкуев

ЛОВЧИЙ
Крысы и дудочка

Санкт-Петербург
РЕНОМЕ
2017

УДК 355.40(09)
ББК 67.401.213
БЗЗ

Башкуев, А. Э.

БЗЗ Ловчий. Крысы и дудочка / А. Э. Башкуев. — СПб. : «Реноме», 2017. — 408 с.

ISBN 978-5-91918-862-9 (переплет)

ISBN 978-5-91918-863-6 (обложка)

Завершается «Век в кружевах» — Век «Просвещенного Абсолютизма». Один за другим уходят великие монархи, а с ними и блистательные авантюристы, и тайные наушники. На смену им идут новые «господа Осени» — Буржуа, господа цинические и практические. Сознывая общую суть и неотвратимость наступающих перемен, Государыня Екатерина Великая приказывает начинать обучение и формирование новой, буржуазной элиты Российской Империи.

УДК 355.40(09)
ББК 67.401.213

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-91918-862-9 (переплет)

ISBN 978-5-91918-863-6 (обложка)

© Башкуев А. Э., 2017

Эта книга посвящается тем, кто своей любовью делает нас такими, какие мы есть. Эта книга посвящена нашим женам, родителям и наставникам.

Предисловие

В 1990-е годы мне посчастливилось учиться в Литературном институте в Москве и в рамках моей дипломной работы помогать в разборе архивного материала из ГАИ (Государственного архивного института), который как раз в те интересные годы у нас рассекретили. Собственно, Литературному институту были возвращены его собственные архивы, в том числе протоколы и прочие документы масонской ложи Amis Reunis, московское отделение которой как раз и располагалось в давние годы в здании по адресу Тверской бульвар, 25. Вернее, тогда это был дом Александра Яковлева, бессменного секретаря ложи. Возможно, вы читали его работы, которые он в 1820–1830-х годах издавал за подписью Герцен. Позже этот псевдоним перешел к его племяннику — тоже Александру, которого мы лучше знаем как Александра Герцена.

Здесь надо оговориться. Всякий раз, когда народ у нас слышит слова «масонь» или там «масонская ложа», картинка в голове у всех возникает одна, тогда как масонская ложа «амисов» — явление несколько иного порядка. Так как я не хочу заранее раскрывать содержание книги, скажу лишь, что для людей, знающих нашу историю, лучшим аналогом «амисов» советской поры станет «Операция “Трест”».

Основной массой документов, собранных Яковлевым, были подробные протоколы заседаний ложи Amis Reunis, а также тщательно подобранные им свидетельства о жизни и деятельности ее создателя — графа Александра Христофоровича фон Бенкендорфа, руководителя тогдашней российской разведки и контрразведки, начальника Третьего (Тайного) управления, создателя Жандармского корпуса.

Главным в этом собрании были записки, оставленные самим Александром Христофоровичем. Личный и бессменный секретарь графа Бенкендорфа Витковский после его смерти попытался соединить их в некое подобие его автобиографии под названием **«Незабвенный»**, однако по прямому указанию царя Николая Первого эти записки были тогда засекречены. Одновременно с Витковским свою книгу о грессмейстере своей ложи попытался написать и Александр Яковлев. Он собрал множество воспоминаний и свидетельств о своем лучшем друге и покровителе и обобщил их в некое подобии театральной пьесы с тем же названием — **«Незабвенный»**. Однако и эта работа была запрещена по высочайшему повелению при попытке ее публикации. В итоге и автобиография Бенкендорфа с редактурой Витковского, и пьеса пера Яковлева сохранились

в архивах и стали известны лишь через полтора столетия после смерти героя повествования... На основе этих архивов, вдохновленный этой историей, лет двадцать назад я написал некий текст под названием «Призвание варяга». Однако текст тот был от первого лица, и потому рассказ там получался чуточку одномерный. На сей раз я постараюсь рассказать эту историю с самых разных многочисленных точек зрения.

В истории процессов, кажущихся нам непрерывными, периодически возникают точки «перелома». Когда все, что было ранее — люди, отношения, обстоятельства, — теряет значение, а действительно важным становится лишь то, что сделано в момент «нового основания». Именно таким стал период, когда в России появились обновленные специальные службы, линия преемственности в которых длится с начала XIX века по сей день. Время великих «авантюристов», а также знаменитых «ассасинов» прошлого, последние проявления которых описаны в данной книге, постепенно сменялись планомерной коллективной работой государственных организаций, кои пресекали прежнюю «вольницу». Происходящее сейчас — последствия и итог той огромной работы, которую и провел Бенкендорф — «Ловчий Российской Империи», ибо то, что существовало до него, по ряду причин не сохранилось и кануло в Лету. При этом надобно хорошо понимать, что новая организация, ее структура возникли не на пустом месте, и мы в нашей книге постарались показать и сами корни явления — откуда у него «ноги растут». Сутью же изменений этой поры была повсеместная смена прежних Аристократических новыми Буржуазными отношениями. Новые времена требовали новых решений, а результаты нам по сей день видны и заметны. Вот пара всем известных примеров.

После смерти Бенкендорфа вдруг выяснилось, что члены британского парламента в массе своей — агенты нашей разведки. Это привело к падению британского правительства, феномену чартистского движения, и это и была первая, но не последняя «охота на ведьм» в тех краях... И сейчас, наблюдая сверху за судорожными поисками русского следа в Америке и Европе, граф Бенкендорф всем причастным там шлет привет.

В свое время, посылая одного из лучших своих учеников, Тютчева, резидентом русской разведки в Баварию, Бенкендорф хорошо знал, что тем самым он, возможно, губит автора уже известных ему строк «молчи, скрывайся и таи...». Вроде бы история очередного таланта, принесенного в жертву Империи, на том и закончилась. Ан нет, пройдет много лет, и уже в наши дни Путин дарит своему министру иностранных дел, который, кстати, тоже пишет стихи, томик Тютчева.

Да и вступительным словом мы бы хотели избрать цитату немецкого историка Теодора Моммзена 1870-х годов про Александра фон Бенкендорфа и царя Николая:

«Главной трагедией современной России стало то, что ее Кардинал Ришелье умер раньше ее Людовика Тринадцатого».

Серия 1

Aller Anfang ist Schwer

(Все начинается с горя)

1768. «Долгожданный мир»

1 а

Кадры, похожие на кадры старой хроники. На них французский король Людовик Пятнадцатый обручается с прекрасной Марией Елизаветой Австрийской. Он говорит по-французски, его жестикация сходна с выступлением старого, жирного, скабрёзного комика на эстраде. Не забываем, что Людовику Пятнадцатому уже 58 лет, недавно умер его единственный сын и у него уже есть восемь дочерей. Поверх его речи с треском и хрипами будто из старого фонографа идет русский перевод.

Людовик Пятнадцатый: Мадам и мсье, нами наконец-то преодолены все наши прежние разногласия с нашими австрийскими кузенами. Моя милая кузина Мария Терезия в знак нашего примирения решила выдать за меня замуж свою прекрасную дочь — Марию Елизавету. Тем самым я прекращаю мой долгий траур и желаю дать Франции новую надежду взамен моего бедного Луи Фердинанда!

(Пленка идет со все более сильными хрипами, с полосами и помехами, как в конце роликов старых фильмов.)

Павильон. Поздний вечер. Версаль.

Бал перед самой свадьбой

2 а

Огромная зала, освещенная гигантскими многосвечными люстрами, под которыми танцуют и веселятся сотни придворных. Бал возглавляет старый бочкообразный Людовик

Пятнадцатый и прелестная юная австрийская принцесса Мария Елизавета, которая сама юность и очарование. За этой парюю наблюдают придворные дамы, которые меж собою шушукуются.

МАДАМ ШУАЗЕЛЬ (*ехидно*): Ах, как же она прелестна! От нее точно будут крепкие и сильные мальчики, и наша корона, наконец, в безопасности. Ибо ежели верны слухи, то все сыновья только умершего Луи Фердинанда бесплодны, и это значит, что у государя нет наследника! Воображаю, как нынче бесится ваша патронесса — мадам Дюбарри, такой король из рук уплывает!

МАДАМ д'ЭГИЛЬОН (*резко*): Не вам и вашим масонам рассуждать про династии. У мадам Дюбарри в сто раз больше ума и коварства, чем у этой австрийской телочки! Уверена, что Дюбарри еще не сда-лась и всего этого так не оставит.

3 а

Павильон. Ночь. Версаль. После бала. Покои Марии Елизаветы

Картины бала и огромные люстры медленно меркнут. В своей комнате, оставшись одна, юная Мария Елизавета все еще кружится в танце, то и дело свою белую невестину вуаль вверх подбрасывая. По всему видно, что девушка счастлива. Она, раскинув руки, падает навзничь на свою огромную кровать и начинает смеяться. Раздается негромкий скрип половицы. Девушка с изумлением поднимается, но из темных углов на нее набрасываются фигуры в черном, которые держат ее за руки и за ноги, а один из негодяев начинает срывать с нее платье. Девушка пытается закричать, но рот ее зажимают рукою в черной перчатке. Откуда-то из глубины комнаты раздается сладкий голос мадам Дюбарри.

МАДАМ ДЮБАРРИ: Эта свинья, хоть и ненавидит быть у женщин не первым, но ради замирения с Австрией соврет что угодно. Нужно, чтобы она со всех сторон была порченой. Дайте света, я сама покажу — где.

Появляется горящий фонарь, который освещает лицо бедной девушки. Снова раздается голос мадам Дюбарри, и тонкая трость касается щеки девушки.

МАДАМ ДЮБАРРИ: Как же она молода и красива! Небось они в этой Австрии в молоке моются. Вот здесь и здесь и проследите, чтоб она чувствовала.

У лица Марии Елизаветы из темноты возникает кинжал, Зрачки ее глаз в ужасе расширяются, а по мимике понятно, что она дико кричит от смертельного ужаса, но руки, зажимающие ее рот, держат цепко. Нож опускается на лицо несчастной, свет меркнет, а в сгущающейся тьме звучит довольный голос мадам Дюбарри.

МАДАМ ДЮБАРРИ: Теперь — все по очереди. Король должен иметь к этой шлюхе полное отвращение.

Натура. Лето. Утро. Версаль. Сад

4 а

По саду Версаля король Людовик Пятнадцатый почти бежит куда-то. За ним чуть не в припрыжку бежит его свита. Такое ощущение, будто король в совершеннейшем ужасе.

КАНЦЛЕР д'ЭГИЛЬОН: Ваше Величество, это дело рук мадам Дюбарри. Она даже на лице несчастной свой вензель вырезала! Коли прикажете, мы посадим ее немедленно в Бастилию!

ЛЮДОВИК ПЯТНАДЦАТЫЙ (*отмахиваясь*): Да вы что?! Она это сделала только лишь от безмерной любви ко мне, ее повелителю. И еще от ненависти к австрийцам. И все вы должны бы так же вести себя по отношению к врагам государства.

КАНЦЛЕР д'ЭГИЛЬОН: Но, Ваше Величество, ведь это же ваша невеста, она — гостья Франции. Осталось лишь пожениться!

ЛЮДОВИК ПЯТНАДЦАТЫЙ: Мне жениться?! На порченной?! После такого количества мужиков? Да они, конечно же, заразили ее чем-нибудь! Ни за что! Пошлите к ее матери, я найду как уладить скандал!

КАНЦЛЕР Д'ЭГИЛЬОН: Но все же в конце концов увидят ее, а у нее на лице — этакое! Ежели она вообще выживет...

ЛЮДОВИК ПЯТНАДЦАТЫЙ: А вот и хорошо! И пусть сдохнет! А пока деть куда-нибудь ее с моих глаз и сказать, что она — опасно заразная, и чтобы никаких посетителей. У нее... оспа! Да, точно — оспа, ведь вы же мне о том и докладывали.

Так, продолжая меж собой переругиваться, король, его канцлер и свита убегают куда-то вдаль. В небе светит прекрасное солнце, в саду распустились красивейшие цветы. Очень тихо и жарко.

5а

Натура. Лето. Поздний вечер.

Имение Лувесьен в семи верстах от Версаля

Маленький дом на краю густой рощи. Вокруг него ни души. Какие-то странные жуткие звуки, будто то ли гукает сова, то ли кричит какая-то еще ночная птица. На краю рощи движение. Мы видим, как откуда-то из темноты появляется большая карета, а от рощи к ней со всех ног бегут люди, которые несут чье-то тело на носилках. Похоже, что это женщина, закутанная с головой в белую простыню, через которую в области головы проступают темные пятна крови. Женщина жалобно стонет.

ЕЛИЗАВЕТА: Оставьте меня, дайте мне умереть, прошу вас! Сжальтесь надо мною! Кто вы? Дайте же мне умереть!

Таинственные люди несут ее, не слушая, они ловко заносят носилки в карету, и сидящий внутри человек начинает аккуратно и умело разматывать страшную кровавую простыню. Это сравнительно молодой человек в черном одеянии с крупным наперсным крестом, который указывает на его принадлежность к духовенству. Мы не видим лица раненой женщины, мы видим лишь лицо этого человека и то, с каким вниманием и осторожностью он действует. Судя по коротким и судорожным вскрикам женщины, ей очень больно от того, как тот снимает с нее простыню.

Карета начинает движение, ибо лицо неизвестного мужчины начинает покачиваться.

АББАТ НИКОЛЯ: Раны с сильными нагноениями, ибо их не лечили, однако глаз все же можно спасти. Стало быть, что могу, я исправлю.

ЕЛИЗАВЕТА (*немного невнятно — ей больно говорить*): Кто вы? Зачем вы это делаете?

АББАТ НИКОЛЯ: Я — покорный слуга вашей матушки государыни императрицы и скромный аббат иезуитского ордена. Вся ваша свита сейчас арестована, но это и не важно. Мы, собственно, не в свите и прибыли.

ЕЛИЗАВЕТА (*со стоном*): Матушка, господи, ну конечно же, матушка... Как же я теперь покажусь матушке? Такой... порченной... Я хочу умереть. Почему вы не дадите мне умереть?

АББАТ НИКОЛЯ (*успокаивающе*): Как добрый христианин я не мог вас там бросить. Вас же просто оставили умирать одну в этом доме, подышать как собака. Да, боюсь, мы не готовы будем в таком виде вернуть вас вашей матери. Мы поедем в наше тихое аббатство...

ЕЛИЗАВЕТА (*с надрывом*): А зачем мне жить — вот такой?! Почему Господь со мною допустил этакое?!

АББАТ НИКОЛЯ: Сложно понять Божий промысел. Но ежели он не дал вам умереть тотчас, стало быть, у него на вас — план. Да и разве не хотелось бы вам отомстить за то, что с вами сделали?

ЕЛИЗАВЕТА (*стонет*): Отомстить? Господи, какая боль... Какое вам дело до моих слез?!

АББАТ НИКОЛЯ (*со странной усмешкой*): У Господа на нас свои планы. Мадам Дюбарри запретила во Франции наш орден и конфисковала имущество. К примеру, я потерял мое родовое имение в Пикардии и мою парижскую кафедру. Да, это мелочь по сравнению с вашим несчастьем. Но кто я такой? Я всего лишь мелкий аббат, готовый заботиться о моей единственной пациентке. И ждать.

ЕЛИЗАВЕТА (*еле слышно*): Просто выжить, лечиться и ждать... И ткать свою паутину. Да будет так. *Aller Anfang ist Schwer.*

Аббат Николя: Да, в начале всего всегда лежит горе... Доверьтесь, я помогу вам. У нас все получится.

6а

1770. Павильон. Осень. Утро. Вена. Шенбрунн

В тронной зале Шенбруннского дворца многолюдно и тихо. Государыня императрица Мария Терезия, сидя на огромном троне, читает про себя длинный текст договора. Перед нею на две ступеньки ниже сидит на простом стуле с неудобной прямой спинкой король Людовик Пятнадцатый и терпеливо ждёт, пока императрица закончит. Возможно, что та давно уже все прочитала и попросту тянет время. Наконец Мария Терезия небрежно передает своему канцлеру — князю Кауницу документ и приказывает.

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ: Перо! Все верно, мы забудем всю эту пакостную историю, но Франция обязана будет взять в жены другую нашу дочь — Марию-Антуанетту. На сей раз с охраной, и ежели мои австрийцы для вас негожи — назовите кого, хоть русских, хоть шведов. *(С этими словами Мария Терезия документы подписывает.)*

ЛЮДОВИК ПЯТНАДЦАТЫЙ *(торопливо)*: Только не русских!

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ *(деловито)*: Стало быть — шведы. Итак, моя дочь Антуанетта станет женою вашего внука Людовика, и ее сын от этого брака получит общую корону Франции и Священной Римской Империи, а наши дома — как и во времена Короля Солнце — опять станут единым целым. Но ежели внук ваш умрет раньше того, чем родит моя дочь, то она унаследует за ним Францию как лен Австрийской Империи.

ЛЮДОВИК ПЯТНАДЦАТЫЙ: Вы забыли одно. Ваша дочь действительно унаследует мою Францию, ежели ее муж умрет до рожденья наследника, но это случится только лишь после моей смерти. Если же он умрет раньше меня, то его жена станет или женой другого моего внука, Луи-Станислава, или моего внука Карла — как ей повезет, и условия этого договора перейдут на тот — второй брак.

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ *(со зловещей усмешкой)*: Что, надеетесь жить вечно? А ведь вы не мальчик. Да, разумеется, если вы переживете своего

старшего внука, то моя дочь станет женою вашего внука следующего. Моя — любая дочь, ибо их у меня шестнадцать. На тех же условиях!

КАНЦЛЕР д'Эгильон (*стоя за стулом Людовика и чуть не плача*): Что вы творите, Ваше Величество?! Вся Европа знает, что ваши внуки бесплодные! А у нее — стая дочек, и рано или поздно одна из них точно унаследует Францию!

Людовик Пятнадцатый (*посмеиваясь*): Вы точно прочли текст договора? Она дает за дочкой фантастическое приданое, и мы сможем кутить на него еще лет двадцать. А унаследуют Францию они лишь после моей смерти. После нас — хоть потоп!

1778. **Натура. Лето. Утро. Царское Село**

7а

На площадке перед Царскосельским дворцом разбит огромный шатер, в котором завтракает Ее Величество. Это крупная, скорей рыхлая, чем плотная женщина с оплывшим лицом и двумя подбородками. Тем не менее глаза у нее живые и яркие. Рядом с ней за столом ее престарелый секретарь, он же министр по делам образования Бецкой, напротив столь же старый министр иностранных дел граф Панин. Погода днем обещает быть жаркой, но легкий утренний ветерок приносит прохладу. Государыня ложкой отколупывает верхушку яйца всмятку и с интересом спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: Из утреннего доклада я слышала, что в Европах умер Вольтер. Может, отчеканим в его честь медаль? Или придумаем какую-то премию?

ПАНИН (*угрюмо прихлебывая из чашки*): Розгами за него надо пороть, а не премию.

БЕЦКОЙ (*намазывая себе хлеб маслом*): Помер Ефим, да и хрен с ним. Побаловались Вольтером — и будя. Самое милое дело в этой связи — объявить вольтерьянство у нас вне закона.

ЕКАТЕРИНА (*с ехидцей*): Что за притча? Вчера хвалили его все, и сегодня вдруг — вне закона.

Панин (*все так же угрюмо*): Со всей Европы передают: страшная это болезнь — вольтерьянство. Франция, к примеру, поголовно заражена. Вот вам истинный крест!

Екатерина (*холодно*): Так, может, то не вольтерьянство, а масонство, как у твоего племяша? Сказывают, что обратили его давеча в Швеции, мол, теперь он на Руси у нас главный и присягу дал шведам. Или я не так поняла?

Панин (*с отчаяньем в голосе*): Нету масонов! Все это детские забавы да выдумки! Подумаешь, пара юнцов собралась в Стокгольме да в шутку назвала его тут у нас главным! Не о них надо печаловаться, а о вольтерьянцах, что несут смуту и беззакония! Я, как только увижу его, стервеца, обязательно розгой выдеру!

Екатерина (*с угрозой*): Не трудись, Никита Иваныч, теперь-то уж и сама разберусь, кто у нас в империи главный. Я или он, главным шведом на масонское царство назначенный. Нет ли в том измены и не было ли ему совета... От дядюшки...

Панин (*со стоном*): Да не было, нету в том умысла! Детские забавы все, глупости. Они же играли — вместе с Наследником! Ну и напридумывали, что племяш Куракин — русский гроссмейстер, а Павел у него главный рыцарь! Глупости оно все, крестом богом клянусь!

Екатерина (*распаяясь*): Стало быть, племяш твой Куракин у нас на Руси нынче главный, а сын мой у него вроде как на посылках?! По краю ножа ходишь, Никита! Как бы тебе не обрезать!

Панин (*заливаясь слезами*): Не вели казнить, матушка! Это не масоны, это все вольтерьянцы поганые! Запретить, запретить всех их надобно, дабы не смущали они юное поколение!

Бецкой (*с удовольствием откусывая кусок*): А я тоже так думаю. Одно дело детские шалости, другое — взрослые гадости. Мы ведь стеснялись тебе сказать, матушка. Ты никак с Вольтером тем переписывалась, а тебе на близкого ничего не скажи, за близкого ты же ведь вгорячах и прибьешь. А раз помер, так я тебе прямо скажу — вредный это был человечешко. Учил всех, что Бога нет!

Екатерина (*чуть успокаиваясь и начиная с ожесточением выскрести ложкой яйцо*): Так он же ученый. Значит, как он сам писал, имеет право на эту... гипотезу.

Бецкой (*поучительно*): Вот! (*Воздевая палец вверх.*) Царская власть у нас — от Бога. Раз Бога нет, то и цари не нужны. У них во Франции сказать про это легко, ибо французская династия выморочная, и, как они — бездетные, вымрут, станут просто малою частью от Австрии.

ЕКАТЕРИНА (*отставив еду и с угрозой в голосе*): Тогда раньше что ж вы молчали, советнички? Вольтеру-то я не вчера стала писать.

Панин (*оправившись и утерев слезу, со значением*): Нынче у нас есть ваш внук — Александр Павлович — продолжилась династия. Стало быть, с вольтерьянством пора и завязывать.

Бецкой (*поддакивая*): Именно так, Ваше Величество! Образование хорошо, коль оно укрепляет страну и служит на пользу монархии. Однако взгляните на Голландию, или Швецию, или Францию — страны, где прижилось вольтерьянство.

Панин: Из первых рук доложу — там одни либертины вокруг! Мерзкий король Луй Пятнадцатый предается грязному разврату, описанием коего не хочу оскорбить Ваше Величество. Мужики их нынче носят женское да благоухают духами и красят губы помадою. И то же самое и в Швеции, и в Голландии. Надо нам такое просвещение с наукою?

Бецкой: А все пошло с того, что Вольтер сказал им, что Бога нет. Вот и перестали там бояться грома Небесного и Божьей кары!

ЕКАТЕРИНА (*прищурившись*): Спроста, Никита Иванович, ты этого разговора не завел бы. Где учителей нынче нам брать прикажешь? Может — у масонов?

Панин (*веско*): Мне доложили, что по наущенью французов Святой престол запретил орден иезуитов, и теперь по всему миру их гоняют, как тараканов тапками. Что если их, как врагов Вольтеровых, к нам притянуть?

ЕКАТЕРИНА: Так они же враги и нам — католики!

Бецкой: Э, матушка, враг моего врага — нам друг. Во Франции уже все говорят, мол, Бога нет. Кругом вместо веры одни ложи масонские. А главные враги масонов да вольтерьянцев именно иезуиты, для которых Бог — свет в окошке. Ты, матушка, у нас Глава Русской церкви. Так и позови их.

ЕКАТЕРИНА: Не приедут же...

ПАНИН: Не все приедут, ибо для них мы схизматики. Обратите внимание, в отличие от протестантов не еретики, но — схизматики. И сам Святой престол их нынче выгнал. А эти люди — я с многими по делам сталкивался — привыкли кому-то служить. Думаю, что кто-то ради службы за веру в Господа согласится преодолеть эту схизму.

ЕКАТЕРИНА: Складно говоришь, Никита Иванович. Кстати, среди иезуитов и племяшка моя затерялась. Небось и ее нынче как таракана гоняют там тапками. Привози-ка ко мне этого своего поделника. Коль и вправду договоримся, большая польза для страны с того выйдет.

8 а

1780. Кадры старой хроники. Берлин. Сан-Суси

Бесконечное факельное шествие. Звуки траурной музыки. Диктор за кадром громко говорит: «Его Величество объявил однодневный национальный траур по его близкому другу — барону фон Шеллингу. Его смерть — невосполнимая утрата для всей германской нации». Мы видим открытый гроб с телом покойного, лицо которого практически неотлично от лица его будущего правнука — Александра фон Бенкендорфа. Кругом приспущены флаги, на которых креповые траурные ленты. У гроба стоят старшие офицеры с траурными нарукавными повязками. Ближе всех — бесшумный секретарь фон Шеллинга по имени фон Рапп. Волосы его сильно всклокочены, глаза от слез красные, и он все еще всхлипывает. Он смотрит на лицо своего мертвого господина и видит...

9 а

1762. «За семнадцать лет до этого». Натура.

Начало зимы. Поздний вечер. Мариенбург. Пруссия

На темной холодной веранде большого дома стоит барон Эрих фон Шеллинг. На нем генеральская форма прусского вермахта. Он стоит, упершись руками в перила веранды и буквально впившись взглядом в надвигающуюся ночь. Все

вокруг в первом снегу и колотых льдинках — будто кусочках разбившегося стекла. Сзади раздаются печатающие шаги. Старик оборачивается, к нему идет все тот же фон Рапп, просто он лет на двадцать моложе. Он протягивает старику донесение.

Фон Рапп: Мой экселенц, прибыло предписание немедленно отправляться в Берлин. Государь ждет вас на аудиенцию.

Старик небрежно отмахивается от протянутых ему бумаг.

Эрих фон Шеллинг: Я ждал этого. Какие известия из застенков?

Фон Рапп: Ваш сват совершенно ослеп после пыток. Ему вырвали все зубы, но он так ничего и не сказал. По навету пытаемых слуг выписаны ордера на домашних... Ваш сын...

Эрих фон Шеллинг (*с видимой досадой*): Что с ним? Он опять во что-то там вляпался? Я же приказал ему бежать что есть мочи!

Фон Рапп: Он успел. По слухам, его видели на корабле, отбывшем в Америку. Там его не достать. Вашу невестку забрали в Цейхгауз, это не тюрьма, может быть...

Эрих фон Шеллинг: Нет. Это — ловушка. Помощь сыну — одно, и это простят, а безродной еврейке — иное. С нею все кончено. К тому же из-за нее я отказался от сына! Будем надеяться, что она крепка и вынослива.

Фон Рапп: Мне нужны уточнения. Ваша внучка сейчас на пути к вашей дальней родне во Франконии. Однако ее надо учить. Какое имя ей дать, чтобы наши ее не сыскали?

Эрих фон Шеллинг: Поместите ее в иезуитский колледж и оставьте ей ее имя. В жизни оно ей весьма пригодится. Иезуиты не выдают врагам Церкви имен учеников и воспитанников.

Фон Рапп (*с ужасом в голосе*): Но они же наши заклятые враги, католики!

Эрих фон Шеллинг: Тем лучше, врагам девочку на казнь они точно не выдадут. А что касается веры, так в вере нет ни эллина, ни иудея! Все ясно?

Фон Рапп (*прищелкивая каблуками*): Так точно, мой экселенц. Лошади скоро будут!

Фон Рапп делает поворот кругом и удаляется. Старик возвращается к прежнему положению и вновь начинает напряженно вглядываться в сгущающуюся темноту. Над темным лесом восходит луна, начинают выть волки. На лице старика играют крупные желваки, и вдруг он с яростью и ненавистью начинает кричать.

Эрих фон Шеллинг: Софья, я знаю — ты меня слышишь! Ты — ведьма, отняла честь и разум у моего сына, спаси же мне внучку! Молчи, сучка, терпи сколько сможешь, но спаси мне ее!!!

По лицу барона идут помехи и полосы, и внутри этих помех и полос проступают очертания темного гроба, траурных лент и общегерманского траура...

10 а

1780. **Натура. Ранняя весна. Хмурое утро.**

Причал Кронштадта

Выстрел из пушки. К причалу пристает торговая шхуна. На флаге ее полощется прямой черный крест на белом поле. С берега на борт шхуны по мосткам поднимается старый лакей, навстречу ему из каюты выходит молодая девица в прусском мундире и черном плаще, с виду похожей на монашеский. Она небольшого роста, у нее худенькая фигура, чуть вытянутое лицо с огромными глазами, упрямый подбородок и острый носик. Увидав ее, встречающий лакей суетливо достает мешочек с деньгами, который передает появившемуся капитану. Тот развязывает мешочек, видит деньги, согласно кивает и прячет их где-то в своей одежде. Девица же отдает лакею маленький саквояж и на его изумленный взгляд говорит.

Шарлотта: Это весь мой багаж.

С этими словами она лезет куда-то в складки своей одежды, достает кисет с деньгами и вытряхивает его себе на ладонь. Там три монетки. Шарлотта протягивает их капитану.

ШАРЛОТТА: Danke schön!

В ответ капитан смотрит на три монеты, смачно плюет на них и выбрасывает их в Неву.

КАПИТАН: Judengeld.

Натура. Ранняя весна. Хмурое утро.

11 а

Пристань Кронштадта

На выходе с пристани Шарлотту останавливают. Молодой человек в морской форме отдает честь.

АРЕФЬЕВ: Вахтенный офицер Иван Арефьев. Прошу предъявить документы.

Шарлотта протягивает ему бумаги. Таможенник смотрит в какой-то листок и говорит лакею.

АРЕФЬЕВ: У меня тут указано, что должна прибыть мадемуазель Эйлер к своему дяде — лекарю Шимону Боткину, а у нее документы на какую-то баронессу Шарлотту фон Шеллинг.

ШАРЛОТТА: Эйлер — фамилия моей матери. По отцу я фон Шеллинг.

АРЕФЬЕВ: Откуда знаете русский?

ШАРЛОТТА: Мой дед Леонард Эйлер был у вас в стране академиком.

АРЕФЬЕВ: Эйлер... Эйлер... Ах да, припоминаю. Был такой немец. А чего же он бежал из России?

ШАРЛОТТА: Он у вас при царице Анне был академиком, а потом — немцев били.

АРЕФЬЕВ (*с кривою ухмылкой*): Так ведь и было за что... Али нет? Шеллинг, Шеллинг, фон Шеллинг... Стоп. Вам придется пройти со мной в управление.

Натура. Ранняя весна. Хмурый день.

16

Пристань на Сенатской

Шарлотта и дядя ее Шимон Боткин идут по набережной навверх от пристани. Доктор Боткин — маленький

человечек с лицом, похожим на печеное яблоко, и большим носом. Он одет в лапсердак, на голове его шапочка с характерными длинными ушками, а на носу очки на шелковой ленте. За ними лакей Боткина тащит маленький саквояж. На улице сыро, зябко и холодно. Кричат то ли грачи, то ли вороны. Навстречу им огромная толпа мужиков волочит исполинский камень на огромных салазках. Камень не едет, и мужики друг другу кричат: «Наддай, братки, пока снег есть. Надо поспеть, а то все растает, и тогда мы этот Гром-камень с места не сдвинем!» Доктор морщится.

Боткин: Боже мой, какое ужасное варварство! Снега уже нигде нет, а они его тащат и тащат. Право — как муравьи.

ШАРЛОТТА: Зачем это?

Боткин: Не знаю, душа моя. Небось венценосная тетка твоя решила устроить у нас фараонство. Пирамиды мы строим — не иначе.

Шарлотта задумчиво смотрит на камень и говорит.

ШАРЛОТТА: А ведь дотащат они его — ей-богу, дотащат! Понять бы, куда и для чего?

Доктор в ответ пожимает плечами.

Павильон. Вечер. Дом доктора Шимона Боткина

Доктор и его жена суетятся, угощая племянницу, и пьют с нею чай. Комната мала, тесна и вся уставлена всякою всячиной: вазочками, статуэтками и всем прочим вплоть до огромной меноры. Дядя и тетя за гостьей ухаживают и пытаются ей угодить, Шарлотта с небрежной благосклонностью принимает все их знаки внимания.

Боткин: Ах, как же ведь хорошо, что ты к нам приехала! На днях пойдем во дворец, и я познакомлю тебя со всеми нашими!

По лицу Шарлотты видно, что ее эти планы не радуют, но она не хочет огорчать родственников.

ШАРЛОТТА: Я и сама рада, дядюшка. Ах, какая милая вазочка!

От этих слов доктор аж на месте подскакивает, начинает бурно копать в своем барахле, выуживает оттуда сахарницу и с воодушевлением восклицает.

Боткин: Смотри, какая фанная. Памятка от твоего прадеда Гзелля. Тебе дома о нем, конечно, рассказывали? Как нет?! Его прислали самым первым рабби в эту варварскую страну в годы правления Анны...

Шарлотта, слушавшая дядю вполуха, от этих слов как от резкой зубной боли морщится.

ШАРЛОТТА: Мне давеча сказывали, что на Руси дурная слава про Анну. Я бы не стала всем говорить, что вы тут появились при Анне!

Боткин: Но это же мой дед и твой прадед!

Шарлотта внезапно бьет кулаком по столу и даже не говорит, а будто лязгает.

ШАРЛОТТА: Никаких более разговоров про Анну! Я и без того немка, чтобы вы тут еще про ненавистную людям Анну поминали да болтали языком попусту! *Verstehen Sie?!*

Дядя и тетя в ужасе от гнева своей маленькой росточком племянницы чуть ли не прячутся под стол. Шарлотта гневно смотрит на них, а потом с досадою машет рукой и, вставая из-за стола, подходит к окну. За ним темно. В окне отражаются отблески огня от камина, и в них Шарлотте видится.

Павильон. День. Помещение таможни в Кронштадте

36

Шарлотта стоит перед столом, за которым старший таможенник (Селиванов) читает какие-то документы, а молодой таможенник, тот, который встречал Шарлотту на пристани (Арефьев), ему что-то показывает.

Селиванов: Иоганн фон Шеллинг — прусский генерал. Создатель ихней разведки. Шесть успешных миссий в России. При поимке живым брать.

ШАРЛОТТА: Это мой дед по отцу. Только живым его взять не получится. Это по нему траур.

СЕЛИВАНОВ: Та-а-ак. А вот скажи-ка мне, девица, как это вышло, что у лютого прусского генерала внучка... того... то бишь еврейской нации?

ШАРЛОТТА: Мой отец с семьей поссорился. Женился на маме. Принял участие в заговоре. Бежал в Америку. Маму казнили вместо него.

СЕЛИВАНОВ: Ага. Стало быть, фармазон — вольнодумец. Бунтовщик. И на что же ты, милая, с таким батькой у нас тут надеялась?

ШАРЛОТТА: Папу в Америке англичане повесили. За участие в мятеже. Мне сказали, что для вас это бонус.

СЕЛИВАНОВ: Значит, мамку — пруссаки, а батьку — британцы... Да, дела... Эх, знатно в молодости мы рубились то с теми, то с этими... А ты меня не жалоби, знаю я вас, чертово семя! Есть негласное указание — родню мятежников к нам в страну не пущать! Так что извини, красавица, вот бог — вот порог.

ШАРЛОТТА: Мне говорили, что мы можем работать в столице, ежели представим две рекомендации от лиц значительных.

СЕЛИВАНОВ: Так точно. Но исключительно от членов двора с их ручательством и доказанием отсутствия порочных связей с рекомендателем. То бишь для вас мы примем рекомендации лишь от женщин.

АРЕФЬЕВ (*с той же кривою ухмылкой*): А то все едут и едут...

ШАРЛОТТА (*подавая письмо*): Вот рекомендательное письмо от моей лучшей подруги, мы с нею учились и жили в одной келье вдвоем в колледже иезуитов. Это принцесса Мария Федоровна.

СТАРШИЙ (*читая письмо и кивая бумаге с большим уважением*): Жена Наследника Павла Петровича?! Похвально. Однако же она иноземка и порою не понимает...

ШАРЛОТТА (*картинно вздыхая и подавая второе письмо*): Тогда я боюсь, что у меня больше нет ничего. Другое письмо от моей родной

тетушки, но она вроде бы опять иноземка. Наверно, вы и ее не слушаете? Это Государыня Екатерина Великая.

(Немая сцена.)

Павильон. Вечер. Опять дом Шимона Боткина

46

От этого воспоминания Шарлотта улыбается. Улыбка у нее не самая добрая. Стук в дверь. Жена Боткина суетливо вскакивает и бежит открывать. Возвращается с подносом, на нем письмо. Шарлотта повелительно кивает дядюшке, и тот торопливо распечатывает его. Читает и с изумлением говорит.

Боткин: Надо же как у нас быстро докладывают! Царственная тетка о твоём приезде проведала и теперь нас к себе требует.

Шарлотта кивает в ответ и решительно подходит к нему, протягивая руку к конверту. Камера наплывом даёт её сосредоточенное лицо...

Павильон. День. Зимний дворец. Кабинет Екатерины Великой

56

Шарлотта продолжает движение, и мы видим, что она уже входит в кабинет Её Величества. Теперь на ней прусский военный мундир, на голове накрахмаленный парик, на шее пышный белый платок, ремни и сапоги формы ярко начищены. Её можно принять скорее именно за офицера германской армии. Государыня стоит за высокой конторкой, на носу очки на шелковой ленте — такие же, как у доктора Боткина. При виде племянницы Государыня снимает очки и подслеповато щурится.

ЕКАТЕРИНА: Смотрите, кто к нам пожаловал! С каких это пор ко мне прибыть не торопятся?

ШАРЛОТТА: Прошу прощения, Ваше Величество, без приглашения я не осмеливалась.

ЕКАТЕРИНА: Какое же нужно тебе приглашение?! Ты ж родная для меня кровь... Приехала, наскандалила, служивых моих напугала, я уж думала: придет сейчас — с ноги будет дверь мою открывать. А ты вдруг — юрк, и нету тебя, будто не было!

ШАРЛОТТА: Простите меня, Ваше Величество. Я забылась перед вашими слугами.

ЕКАТЕРИНА (*небрежно отмахиваясь*): Да, полно... А что вся в черном? Траур какой? У нас нельзя — радость великая, великий князь Орлов для нас Крым взял, сейчас нельзя носить черное. На той неделе у нас будет бал, чтоб была обязательно. За черное в одежде буду всех пороть на конюшне.

От этих слов Шарлотта впадает в легкое замешательство. Государыня понимающе усмехается.

ЕКАТЕРИНА: Все знаю. Сама приехала сюда в одном платье. Просто выбрось этот мундир, голою не оставим. Скажи слугам мерку — все сделают. Племяшка моя не может быть бедной и ходить лишь в казенном. Усвоила?

ШАРЛОТТА: Так точно, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*морщась*): И ты это... народ у меня не пугай. Они только турок не боятся на приступе, а умных девок пугаются. Так что снимай-ка свои сапоги и привыкай к политесу и туфелькам. Да и прошу тебя: делай глаза пошире, а рожу — попроще. И улыбайся.

ШАРЛОТТА (*нервно облизывая губы*): Так точно... Простите. Я все поняла, тетюшка...

Шарлотта опускается в книксене. В офицерской форме книксен выглядит странно. Государыня небрежно кивает и возвращается к своей конторке. Шарлотта выходит из кабинета Ее Величества. В коридоре ей помогают надеть черный дорожный плащ. Шарлотта возится перед зеркалом с завязками плаща, рядом стоит слуга с ее треуголкой. Шарлотта наконец заканчивает одеваться, берет треуголку в руку и смотрит в зеркало. Затем возвращает треуголку слуге и долго смотрит на свое отражение. Лицо

ее неподвижно, при этом она то щурится, то гримасничает. Наконец она кончиками пальцев обеих рук растягивает губы в улыбке (со стороны это выглядит жутко). Шарлотта отпускает уголки рта и с досадою машет, затем отводит глаза, будто вспоминает что-то. На лице ее появляется хоть и нехорошая, но озорная улыбка. Шарлотта довольно кивает своему отражению в зеркале, прищелкивает пальцами — слуга опять подает ей треуголку, Шарлотта задорно улыбается, надевает треуголку чуть набекрень и резко поворачивается, начиная движение от зеркала. В миг поворота пола ее плаща одним широким взмахом будто накрывает ее отражение в зеркале...

Натура. День. Лестница Зимнего дворца

66

На первый взгляд, мы все еще смотрим в зеркало, однако вдруг выясняется, что это не зеркало в коридоре Зимнего, а окно двери на лестницу. Из окна видно, как к двери идет Шарлотта все в том же черном прусском офицерском мундире и длинном плаще. Ее сопровождает доктор Боткин все в том же докторском одеянии — давшнем лапсердаке и пейсатой шапочке, а в руках у него саквояж приезжей племянницы.

К двери подходит молодая высокая женщина в строгом сером платье и белом фартуке. У нее треугольное, будто вырубленное из камня лицо, а губы сжаты так плотно, что превратились в тонкую бескровную линию. Все вместе это дает очень высокомерное и как бы брезгливое выражение на лице старшей фрейлины. Она распахивает дверь и выходит на улицу. Шарлотта и Боткин останавливаются и смотрят на нее.

Эльза фон Винценгерод: Вы прибыли в покои для фрейлин Ее Величества. Меня зовут фроляйн фон Винценгерод. Я тут слежу за порядком. Ложимся спать по звонку. Встаем по звонку. Прием пищи только по моему разрешению. Пищу приносят служанки, вам появляться на кухне запрещено. Приносить пищу запрещено. Приводить гостей запрещено. Видеться с мужчинами (*оценивающе*

смотрит на Боткина, затем презрительно фыркает) запрещено. Якшаться с нехристями — тоже запрещено. Первое нарушение — штраф. Второе — розги. За третье нарушение — высылаю в деревню, свиней там пасти. Вам все ясно?

Шарлотта смотрит на дядю. Тот не знает, куда ему со стыда провалиться от такого приема. Шарлотта целует его на прощанье и шепчет.

ШАРЛОТТА: Все равно ты — любимый мой дядюшка. Я тебе напишу. Я люблю тебя, дядя.

76 Павильон. День. Зимний дворец. Комната Шарлотты

Шарлотта входит в длинную узкую келью. Обстановка спартанская. Маленький стол, стул, узкая кровать, небольшой шкаф-комод, в углу вешалка. Вместе с нею в келью входит Эльза. С виду старшая фрейлина чуть смягчилась и выглядит человечнее. На деле она совсем немного старше Шарлотты, однако одежда и прическа весьма сильно ее старят.

ЭЛЬЗА ФОН ВИНЦЕНГЕРОД: Располагайтесь здесь, душечка. Мне доложили, что вы учились у нас дома — в Гессене. Что за школа?

ШАРЛОТТА: Колледж иезуитов, затем университет в Марбурге, отделение химии.

ЭЛЬЗА (*с сомнением в голосе*): Прекрасное заведение, учат науки, латынь и хорошим манерам. Однако они — протестанты!

ШАРЛОТТА: Я была рукоположена в сан в колледже и во Славу Божию мне было дозволено довершить обучение у еретиков. По окончании обучения мне готовили кафедру в одном из наших колледжей.

ЭЛЬЗА (*с легким фырканьем*): Ну и что ж помешало монашеству?

ШАРЛОТТА: Прусский король потребовал мою голову. Ландграф не желал воевать, и если бы не помощь нашего ордена... Возможно я была бы не здесь, а в петле (*в ответ на изумленный взгляд Эльзы*). Мой отец участвовал в заговоре, и король приказал убить всех его отпрысков.

ЭЛЬЗА (*с возмущением в голосе*): Мы — католики, из нашего Гессена в безбожную Пруссию выдачи нет! К тому же ландграф наш по сей день числится в свите Ее Величества и был генерал русской армии!

ШАРЛОТТА (*разводя руками*): Мой отец с прочими гессенцами отбыл наемником на подавление мятежа в английских колониях. Там он перешел на сторону колонистов. С точки зрения ландграфа Людвига, он изменник. И я как дочь изменника должна была быть выдана на казнь. Впрочем, кстати подоспело письмо из России. И вот я здесь, как и прочие гессенцы.

ЭЛЬЗА: Да, я тоже из Гессена и рада, что вы веры истинной. Даже в Гессене от еретиков шагу уже не ступить, а Богослужение должно быть на Божьем языке — на латыни! А не на языке простонародья и плебса! Но мы отвлеклись, сейчас придет портной, снимет мерку. Мы не ходим в мужском одеянии. Платье будет не новое, его перешьют из нарядов одной девицы, она месяц как умерла от чахотки. Была такая же как вы — худая и мелкая. М-да... Я позабочусь о том, чтобы еды вам приносили двойную порцию. А вы постарайтесь не мочить ног, следите за тем, чтобы вас не продуло. По утрам я советую делать гимнастику. В здоровом теле — здоровый дух. Да, если при кашле увидите кровь в мокроте, уезжайте немедленно. Лучше живой и дома в тепле, чем мертвой на нашем болоте в столице. Я вас, молодых дур, уж с десяток тут схоронила...

При этом Эльза все время ходит по комнате, проверяя белым платком, нет ли где пыли, хорошо ль выдвигаются ящики, не скрипит ли стул или стол. Осмотром она остается довольна и, показывая Шарлотте свой белый платок, с гордостью говорит.

ЭЛЬЗА: Чтобы и дальше оставалось все чистым. Нерях, ленивиц и лежебок я тут не потерплю. За сломанное и разбитое вычитаю из жалованья. Я за вами всеми — слежу.

С этими словами Эльза выходит. Шарлотта переводит дыхание, ей явно не по себе в присутствии этой сухой и уверенной в себе женщины. Она устало опускается на кровать. Кровать, видимо, жесткая, Шарлотта смотрит вниз и видит, что кровать по сути — деревянные нарты, пусть

и ладно сколоченные. Впрочем, Шарлотта устала и ложится на эту постель как есть, в форме. Раздается стук в дверь. Шарлотта вскакивает. Из-за двери голос.

ПОРТНИХА: Пришла снять мерку на платье. У нас мало времени. Могу я войти?

Шарлотта идет открывать.

(Затемнение.)

86

Павильон. Вечер. Дом Боткиных

Из затемнения появляется темная тесная кухонка. На ней возится, готовя какие-то пироги, жена доктора Боткина. Раздается скрип открываемой двери. Входит Боткин в да-вешнем лапсердаке и пейсатой шапочке. Жена Боткина, не отрываясь от стряпни, ему говорит.

РОЗА: Ну как проводил? Она хотя бы с тобой попрощалась?

БОТКИН (*пожимая плечами и грузно садясь на стул*): Сказала, что любит. Бог ей судья. Побежала в эту обитель разврата, что собачка твоя — за подачкой...

РОЗА: Ну и славно. Устала я от нее... И то не так ей, и это — не этак. И это мы делаем по-еврейски и — прочее... А как же нам все и делать-то? Вела себя как хозяйка, а мы ей прислужники...

БОТКИН: А кто мы? Она с царями да королями в родстве, а мы просто так тут — бедные сродники... Видать, ей с нами и жить-таки зазорно, да не по чину...

РОЗА: Попомни мои слова, коль взлетит она выше неба, так и знать про нас не захочет. А обожжется где-нибудь — и живо опять станет еврейкою. Вот попомни!

БОТКИН: Господь велик. Все ж таки сказала она мне, что нас любит. Может, и не отступится. Пойдем помолимся Господу нашему, чтобы стала она как Эсфирь. А потом пойду к нашим, расскажу новости. После покушаем...

Жена Боткина отрывается от стряпни и какая есть, с измазанной мукою и начинкой руками, обнимает сидящего понурого мужа и начинает его целовать.

(Затемнение.)

Павильон. Зимний дворец. Покои императрицы

96

Эльза фон Винценгерод в ее строгом платье старшей фрейлины вслед за слугою идет по коридору. Перед неприметной портьерой они останавливаются. Слуга воровато оглядывается и, приподнимая портьеру, открывает тайную дверь. Эльзе приходится, чтобы пройти, чуть наклониться. За дверью оказывается будуар Государыни. Екатерина Великая сидит перед зеркалом и каким-то кремом намазывается. Эльза встает за ее стулом и делает глубокий книксен.

ЕКАТЕРИНА: Напомните-ка мне, дорогуша, с каких пор вы у меня при дворе?

ЭЛЬЗА: Четыре года, Ваше Величество. Я была вызвана моим господином ландграфом Людвигом, когда он, будучи у вас на службе, изъявил желание взять жену.

ЕКАТЕРИНА: Те же четыре года назад ландграф Гессенский спешно покинул нашу страну. Почему вы с ним не уехали? Отвечайте на чистоту, иначе подумаю, что вы оставлены тут шпионить.

ЭЛЬЗА *(с невольной горькой усмешкою):* Шпионов ловят, а потом вешают без суда и без почестей. Дабы решиться на этакое, нужно быть ландграфу очень и весьма преданной. А я отказалась ему служить, после того что он сделал. Мне некуда ехать — для меня больше нет дома в Гессене.

ЕКАТЕРИНА *(поворачиваясь вместе с креслом и с видимым интересом):* И за что же подобное непочтение к своему повелителю?!

ЭЛЬЗА: Он продал суженую свою другому за золото. Ваш сын силой забрал у моего ландграфа его будущую жену, оженился на ней, а ландграфу моему была уплачена компенсация. За подобные штуки у нас в Германии по обычаю убивают. А ландграф мой утерся.

Или — обделался... Тогда я и сказала, что не могу слизнию больше прислуживать. А прослышав про сей конфуз, добрейшая Мария Федоровна просила вас принять меня в штат.

ЕКАТЕРИНА (*будто припоминая*): Да, мне что-то такое рассказывали, но я в эту притчу не вдумывалась... Так вот ты какая, Эльза фон Винценгерод... А что же сама ты не замужем?

ЭЛЬЗА: Я дала клятву верности моей погибшей любви.

ЕКАТЕРИНА (*прищуривается, словно только что обратив внимание на черную одежду Эльзы, а потом понимающе кивает*): Так ты в трауре... Дальше рассказывай.

ЭЛЬЗА: Немного осталось рассказать. Нашему ландграфу на свадьбу деньги были нужны. Поэтому меня с прочими фрейлинами он продал как подруг для невесты, а офицеров — воевать вместо англичан в их колониях.

ЕКАТЕРИНА: И после этого, продав и фрейлин, и офицеров, он к тому же продал и молодую жену... Да, хорош фрукт... Но речь не о нем. У тебя есть новая подопечная. Шарлотта фон Шеллинг. Ты знаешь, кто она?

ЭЛЬЗА: Так точно, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА (*насторожившись*): Что именно?

ЭЛЬЗА: Она лучшая школьная подруга моей госпожи принцессы Марии, и она — ваша племянница.

ЕКАТЕРИНА (*покачивая головой*): Однако... Раз весть о том, что это моя племянка не разошлась по дворцу, ты умеешь держать язык за зубами. Меня это устраивает. Теперь главное — отец Шарлотты перешел на американскую сторону и стрелял в англичан. Возможно, именно он убил твоего суженого — гессенца. Ты об этом не думала?

ЭЛЬЗА: Я решила, что отец моей подопечной, будучи немцем, стал стрелять в своих — в немцев, причем на стороне наших исконных врагов — французов с испанцами. Поэтому ее отец, как ни крути, предатель. Но я еще думаю, что он бросил дочь пяти лет и не мог ее ничему научить, и поэтому она, наверное, не предательница. С другой стороны, яблоко рядом с яблоней падает.

ЕКАТЕРИНА: Ну вот и славно. Ты за нею приглядывай. Я думаю дать ей под управление Лифляндию. Понимаешь, что сие значит?

ЭЛЬЗА: Так точно, Ваше Величество. Лифляндия по «пьяному указу» Петра не часть России, а союзное государство, которое переходит меж Бенкендорфами. Вам нужно вернуть эту землю империи, и поэтому вы хотите свести свою племянницу с Кристофером, молочным братом царевича Павла. Это прекрасный выбор, ибо Кристофер — офицер видный, отважный и сей чести достойный. Я прослежу.

ЕКАТЕРИНА (*чуть морщась на слова Эльзы, но кивая в ответ*): А еще я хочу быть уверена, что племянница меня не предаст. Сможешь ли ты за ней присмотреть и, ежели что там будет не так, поступить с ней по совести?!

ЭЛЬЗА: Так точно, Ваше Величество.

Камера отъезжает, слышны звуки музыки, мы видим кружащиеся пары и понимаем, что попали на бал, посвященный присоединению Крыма.

Павильон. Вечер. Зимний дворец. Бал

106

Появляется огромная с яркими люстрами на тысячи свеч зала в которой кружатся десятки пар. Камера делает полный облет по этому искрящемуся великолепию и фокусируется на темном дальнем углу, в котором из-за портьеры за гостями наблюдает Шарлотта. У танцующих прекрасные бальные платья, увешанные драгоценностями, маленькая же Шарлотта стоит в обычном сером платье — элегантно, но без изысков. На ней нет драгоценностей, поэтому на фоне прочих дам Шарлотта выглядит серой мышкой. С легким разочарованным вздохом девушка опускает портьеру и выходит в соседнюю комнату. Это тихий и темный зал, наполненный книгами. Шарлотта наугад берет с полки первую попавшуюся книжку, раскрывает ее и садится читать. Книга раскрывается, и там засохший розовый бутон. Шарлотта вынимает его, гладит, целует и прилаживает к своему платью. Теперь и у нее есть хоть

какое-то украшение. В углу, однако, темно, и Шарлотта, близоруко щурясь, идет к свету, чтобы сесть рядом со свечами. Вдруг дверь открывается, и в комнату входит статный, могучий, высокий полковник. От него так и веет силою и уверенностью. Он обводит комнату взглядом и, видимо, не обнаружив кого-то, небрежно Шарлотту спрашивает.

КРИСТОФЕР: Любезная, здесь не пролетала милая нимфа, этаким петит мон амур по имени Шарлотта фон Шеллинг?

ШАРЛОТТА (глядя с изумлением на красавца): Это я — Шарлотта фон Шеллинг.

КРИСТОФЕР (в свою очередь с изумлением): Прощу прощения — не признал. Не желаете ли тур мазурки?

Шарлотта кивает как зачарованная и позволяет красавцу вывести ее в залу. Там бал в разгаре. Кристофер начинает кружить Шарлотту по залу, и когда музыка прекращается, они сами собою оказываются у группы, во главе которой стоит Государыня. Та замечает Шарлотту и, призывая ее, объявляет.

ЕКАТЕРИНА: А вот и новый наш фойермейстер прямиком из Германии. Марьюшка, иди-ка сюда, а вот прибыла твоя мон амишка по иезуитскому колледжу!

Из толпы появляется Мария Федоровна — жена Наследника Павла. Это тоже маленькая, ладная и пригожая юная женщина с огромными и будто изумленными, как у куклы, глазами. Она в положении и потому не танцует. Рядом с нею Наследник Павел, на лице его скучно-надменное выражение. Павел невысок, лицо — будто щипцами при родах внутрь вдавленное, с курносом носом. Глаза его, с одной стороны, светятся умом, а с другой — будто неживые и подернуты прозрачною пленкой. Мария Федоровна посылает воздушный поцелуй Шарлотте и подмигивает, мол, потом поболтаем. Наследник смотрит на Шарлотту с презрением и делает небрежный жест, будто что-то смахивает с лацкана. Шарлотта смотрит и видит, что на этом месте у нее засушенный розовый бутон, и она невольно прикрывает

его от взгляда Наследника, но тот уже отвернулся. Тут на Шарлотту надвигаются придворные дамы, спешащие засвидетельствовать ей почтение. На лице Шарлотты улыбка — ее при дворе признали, как подругу Марии Федоровны. Тем временем Государыня призывает всех ко вниманию.

ЕКАТЕРИНА: Нынче мы чествуем нашу армию! наших спасителей Крыма! Пьют все! Всем водки — за нашу армию! За Викторию! За Россию!

Лакеи проворно раздают гостям стопки водки. По особому мановению Государыни у Шарлотты забирают ее малую стопку и подают полную чашу. Шарлотта умоляюще шепчет тетке.

ШАРЛОТТА: Но я не пью!

ЕКАТЕРИНА: За нашу армию — пьют все. (*Чуть тише:*) Особенно иноземки. (*Еще тише — только племяннице:*) Я, когда своего суженого впервые увидела, тоже чуть голову не потеряла — от счастья. А вышила и не помню уже ничего. Выпей, милая, так — легче... (*Совсем в сторону:*) Я тебе туда еще опия кинула, чтобы наверняка.

Шарлотта молча поднимает чашу и пьет. Морщится, но пьет до дна... Чаша выпадает из ее рук и разбивается на тысячи хрустальных осколочков — будто льдинок. Шарлотта пытается утереть рот, а ее подхватывает Кристофер Бенкендорф и увлекает прочь в безумном танце. Лицо Шарлотты растекается в бессмысленную улыбку, глаза стекленеют и постепенно закатываются, а Бенкендорф уносит ее в бесконечную залу, кружа в вихре вальса...

(Затемнение.)

**Павильон. Зимний дворец. Комната для гостей
в крыле Наследника Павла**

1 в

Из затемнения появляется разобранная постель в комнате для гостей. На кровати под одеялом лежит Шарлотта. У кровати лежат разбросанные ее вещи. За незаметной

портьерою в углу комнаты гардеробная, из которой светлой дорожкой падает свет. Камера приближается к просвету, и мы видим, как в умывальнике умывает лицо и руки Кристофер. Он доволен и счастлив и что-то насвистывает. Он почти полностью одет — на нем рубашка с рукавами, закатанными по локоть, офицерские парадные штаны на подтяжках и начищенные сапоги. Кристофер рассматривает себя в зеркало, затем берет бритву и начинает что-то подправлять на усах. Он полностью занят и не слышит, как дверь в комнату открывается.

Камера отходит назад, и мы видим, как в комнату крадучись входит Наследник Павел. Он слышит Кристофера, насвистывающего веселую песенку, и видит разбросанные по полу вещи Шарлотты. На лице его появляется понимающая ухмылка, он плотоядно облизывается и, стягивая с себя на ходу башмаки и камзол, забирается в постель на место Кристофера. Он по-хозяйски трясет Шарлотту за плечо и пытается ее поцеловать. Шарлотта, улыбаясь во сне, в первый миг готова отвечать на его поцелуй, а потом понимает, что целует ее не Кристофер. Она чуть ли не выпрыгивает из постели, пытаясь заслониться рукой от Наследника, а тот ползет за нею через всю постель, приговаривая.

ПАВЕЛ: Ты куда, грязная шлюха?

ШАРЛОТТА: Вы — кто? Помогите, Кристофер!

ПАВЕЛ (с яростью в голосе): Ах, ты упрямисься?! Ни одна проститутка мне не смеет отказывать!

ШАРЛОТТА: Помогите! Кристофер! Я вас не знаю, подите прочь!

КРИСТОФЕР (вбегая из гардеробной — с мылом на лице и бритвой в руке): Что тут? Ах ты, господи! (С этими словами он отбрасывает свою бритву в сторону, хватая Наследника в охапку и пытается его оттащить.) Ваше Высочество, вы нас не так поняли! Позвольте я объясню!

ПАВЕЛ (пытаясь вырваться из объятий более сильного Кристофера): Отпусти меня, все по-честному! Ты этих шлюх соблазняешь,

а потом — моя очередь! Ведь мы с тобой — братья! Все твоё — и моё после этого!

КРИСТОФЕР: Не слушайте его, на него находит. Пауль, друг мой, это не то что ты думал, я... Сударыня, вы моего брата не слушайте, прошу вас, всё это — совсем не так!

ПАВЕЛ: Да так это — так! Ты сам ту шлюху привел! И эту — теперь. Ты обещал же мне, Кристиер... Я тут Царь, я тут главный! Нету противоядия — супротив Императора!

Пока он это кричит, Кристофер умудряется выпихать его в гардеробную и знаками приказывает Шарлотте бежать со всех ног. Портьера за ними сама собой закрывается, и Шарлотта с изумлением слышит, как ругательства и угрозы Наследника сменяются его всхлипыванием и мольбами к Кристоферу, чтобы тот его не бросал и не променял на «всех его девок». Шарлотта торопливо собирает свои вещи и случайно впопыхах подбирает с пола и бритву, брошенную Кристофером.

Когда Шарлотта выбегает в коридор, она там с ужасом озирается. Все крыло выглядит вокруг будто вымершим. Шарлотта, торопливо натягивая на себя вещи, пытается найти выход из крыла и натывается на приоткрытую дверь, за которой выпивают офицеры-охранники. Один из них, позевывая, замечает.

ОБОЛЕНСКИЙ: Может, все-таки пойти посмотреть? Ведь вроде кто-то кричал?

НЕВЕЛЬСКИЙ (*прихлебывая из бокала*): Девка орала. Потом были голоса Наследника и его брата Кристофера. Обычное дело, девки к Кристоферу так и льнут, а он их огуляет, да и отдаст нашему карле. Тому-то добром ни одна баба не даст, а на пару — милое дело. А Кристофер нам настрого запретил без его ведома к Наследнику баб водить. Так что, видать, там у них опять амур-де-труа... Тьфу ты...

ОБОЛЕНСКИЙ: Амур-де-труа... Господи!

НЕВЕЛЬСКИЙ (*будто припечатывая пустым бокалом по столу*): Поэтому и место они это выбрали, отсюда бабе кричи не кричи,

помощи не дожدهшься. Одни мы с тобой порой это слушаем. Но я так скажу, на последней войне я под Кристофером на турок в рубку ходил. (*Закуривает трубку и ею затягивается.*)

ОБОЛЕНСКИЙ (*нетерпеливо*): И что же с того?

НЕВЕЛЬСКИЙ (*поучающе*): А ты в другой раз вместе с нами сходи. Тоже небось будешь и глух и нем, что бы Кристофер Карлович после не вытворил.

Шарлотта вздрагивает, но внимательно это слушает и в то же время окончательно одевается. После всего у нее на руках остается только бритва Кристофера. Шарлотта смотрит на бритву, и в голове у нее раздается визгливый голос Наследника: «Ты сам ко мне эту шлюху привел!» и «Нету противоядия — супротив Императора!»

2 в

**Павильон. Вечер. Зимний дворец.
Комната Шарлотты**

Шарлотта сидит у себя в комнате на постели. В руке у нее зажата та самая бритва Кристофера. В комнате сумрак. Слышны печальные звуки колокола к вечерней молитве.

Шарлотта зажмуривается. Перед ее глазами проносятся сцены бала и огромный улыбающийся Бенкендорф. В голове Шарлотты возникает картина Кристофера в мясницком переднике с руками, залитыми по локоть в крови, а из-за спины Кристофера выглядывает плотоядно и мерзко облизывающийся Наследник Павел, повторяющий: «Нету противоядия — супротив Императора!» и «Ты сам ко мне эту шлюху привел!» Шарлотта решительно встает с постели и с бритвой в руках подходит к окну. У окна стоит вешалка, на которой на плечиках висит ее серое платье. На груди платья все еще прикреплена давешняя засохшая роза. Шарлотта рассеянно гладит ее и выглядывает в окно. Внизу под окном зимняя оранжерея, и видно, как там за стеклом распустилась прекрасная роза.

(Затемнение.)

**Павильон. Поздний вечер. Зимний дворец.
Коридор и комната Шарлотты**

По коридору идет, налевая, служанка. Она несет поднос с грязной посудой. Рядом с комнатой Шарлотты откуда-то из-под портьера ей под ноги выпрыгивает кошка. Служанка, взвизгнув, подпрыгивает и роняет поднос, который падает с диким грохотом. Двери с обеих сторон коридора по очереди распахиваются, и из них выглядывают заспанные женщины. Все, кроме одной. Эльза Винценгерод в ночном колтаке со свечою в руках появляется в конце коридора, она идет мимо дверей и их поочередно захлопывает, тихонько с кем-то переругиваясь, грозя пальцем и прочее. Подойдя к запертой комнате Шарлотты, Эльза останавливается, чуть тянет дверь на себя. Дверь недвижна. Эльза было продолжает движение, затем останавливается, поворачивается к двери и в нее стучится. Молчание. Двери в коридор опять начинают распахиваться. Опять в них появляются женские головы, раздаются шепотки: «Что там за шум?», «Дунька как всегда все опрокинула», «Обесчестил и бросил», «Какой ужас!», «Все еврейки блудливы», «Неправда, она такая чистая, такая хорошая». Эльза требует жестом, чтобы все замолкли, и уже требовательно стучит и кричит в дверь.

ЭЛЬЗА ВИНЦЕНГЕРОД: Откройте! Баронесса, откройте, у нас запрещено закрываться, вы будете оштрафованы! (Служанкам:) Дунька, Степка, людей сюда — живо!

Кто-то бежит по коридору со свечками и криками «Караул! Помогите!». Вдруг из одной из комнат выбегает мужик в исподнем и с разбегу бьет плечом в дверь Шарлотты. Дверь с треском падает, а мужик стремительно убегает.

ЭЛЬЗА (возмущенно, с нотой усталости в голосе): Ну, Настасья... Ну, блудливая твоя душа, в деревню сошлю — со свиньями вместо мужиков гулять будешь (с этими словами она скрывается в комнате, вдруг срываясь на визг). Батюшки! Доктора! Кто-нибудь — доктора!

Она выбегает из комнаты. Ее ночной халат спереди весь в пятнах крови.

4 В

Павильон. Ночь. Зимний дворец. Комната Шарлотты

По коридору идет Государыня. Вокруг нее свита из фрейлин. Все в домашних халатах — шлафроках. Народ громко шушукается. Государыня входит в комнату Шарлотты. Та лежит в кровати, окруженная врачами во главе с доктором Боткиным. При виде Государыни девушка поднимается и с жалобным воем сползает с постели к ногам Государыни. Она охватывает теткинны ноги, и с рук у нее сваливаются красные от крови бинты. Государыня пытается от нее отстраниться, чтоб не запачкаться в крови, а потом неволью начинает гладить сироту по голове, а та, прижавшись к ней, тихонько скулит, будто маленький раненый зверь. И Государыня тоже начинает помаленечку всхлипывать, а затем вдруг срывает с головы свой прекрасный парик и простоволосая, страшная кричит своей дворне.

ЕКАТЕРИНА: Вон! Все — вон! Оставьте меня с моею племянницей!

С этими словами она швыряет свой парик в сторону слуг и начинает тянуть девушку вверх, пытаясь поднять ее с пола. Ей пытаются помочь доктора. Дверь в комнату Шарлотты захлопывается. Девушки в коридоре стоят с раскрытыми ртами. Потом одна из фрейлин, крупная, статная девушка с круглыми от изумления глазами, поворачивается к другой.

ГАГАРИНА: Племянница?! Эта фон Шеллинг — ее племянница? Вот это конфуз, настоящий пердимонголь!

5 В

Павильон. Вечер. Зимний дворец. Комната Шарлотты

Шарлотта лежит в своей комнате уже на новой кровати с перинами. Рядом с оголовьем поставили столик, на котором стоят склянки с микстурами и стаканы с водой и чем-то подкрашенным, возможно, вином. Рядом с ногами стоит большое кресло, в котором сидит в своем строгом наряде Эльза и что-то вяжет.

Шарлотта вдруг приходит в себя, вскидывается в постели и пытается подняться. Однако выясняется, что одеяло поверх нее не просто ее накрывает, оно чуть ли не завязано узлами на углах перины, и поэтому Шарлотта как бы привязана внутри такого конверта, и поэтому она может подняться лишь вместе с одеялом и самой периной. Она с изумлением пытается вырваться, а Эльза откладывает вязание в сторону, встает, подходит к столику, наливает стакан воды и протягивает стакан Шарлотте.

ЭЛЬЗА: Доктор запретил вам вставать. Ваши руки должны быть у меня на виду. Вот — попейте. Если нужно, я подам утку. Вы не будете более резаться?

Шарлотта в постели начинает мотать головой, в глазах ее слезы, однако она трясущимися руками берет стакан и быстро пьет. Это ее успокаивает. Она уже спокойнее откидывается на подушки. Эльза ставит пустой стакан обратно на столик и возвращается в свое кресло, берет вязание и, начиная вязать, как бы невзначай замечает.

ЭЛЬЗА: Вы это сделали бритвой полковника Бенкендорфа. Полковник не тот, кто свои бритвы повсюду разбрасывает. Значит, вы были в крыле Наследника Павла в гостях у полковника. Чем же он вас так обидел? Я думала, что у иезуитов девочкам быстро объясняют, что мужикам от нас надо, и если что-то пошло не так, иезуитки в итоге не режутся. К тому же пара фрейлин ходили на половину Кристофера, и никакого убытку им вроде не было. Кстати, вы принимали отвар?

ШАРЛОТТА: Какой отвар? Ах, это... Вы можете мне его сделать?

ЭЛЬЗА: Это зависит от того, с кем вы были. Раз бритва Кристофера, вы были с Кристофером. Был ли кто-то еще?

Шарлотта под пристальным взглядом Эльзы съеживается и начинает мотать головой. Из глаз ее сами собой начинают течь слезы. Эльза понимающе кивает.

ЭЛЬЗА: Тогда я не советую травить себя без толку. Возможно, по итогам приключения у вас будет маленький, причем именно

от суженого. А что касается прочего... Вы не создаете впечатления истерички. Такие — не режутся. Что вам сказал... второй?

ШАРЛОТТА: Он кричал, что против Императора — нету противоядия...

ЭЛЬЗА (*снова кивая в ответ головой*): А что Кристофер? Он потакал, он пытался того... второго — удерживать?

ШАРЛОТТА: Он говорил что-то странное. Он схватил друга и пытался унять, а мне велел бежать со всех ног.

ЭЛЬЗА (*еще раз кивая*): Да, сходится, нам он велел то же самое. Не бойтесь, голубушка, ежели все пойдет так, как я думаю, ваш суженый скоро увезет вас в Лифляндию, и это приключение с годами забудется... Однако же болтать о нем не советую. Вы, на мой взгляд, легко отделались.

Шарлотта судорожно сглатывает и сжимается, она едва слышно лепечет.

ШАРЛОТТА: Я думала, что они — заодно. Я испугалась, что они делают меня придворною шлюхою...

Эльза в ответ опять встает с кресла, подходит к окну.

ЭЛЬЗА (*глухо*): Россия — большая страна. Здесь случается всякое. Однако тут, в отличие от Европы, против нашей воли дворянами не торгуют. Опять же не врут нам красиво с три короба, как у нас в Германии принято.

Она недолго молчит, Шарлотта на нее внимательно смотрит, и Эльза под этим вопросительным взглядом рассказывает.

ЭЛЬЗА: Я с детства росла сорвиголовой — одна девочка в семье с тремя младшими братьями. Им для уроков фехтования, кулачного боя или борьбы нужен был партнер для второй пары, и поэтому вышло, что я сызмальства преуспела скорей в военных искусствах, а не в занятиях для девочек. Потом мальчишки выросли, я стала им не нужна, а время для дамского обучения было упущено, и меня увлекли собою масоны. Они звали на бунт, на мятеж, говорили, что лишь новые,

ученые люди сумеют объединить в единую страну нашу раздробленную Германию. Как я им верила... А потом прямо в ложе я встретила Хайнца...

**1773. Натура. Осень. Вечер.
Франкфурт-на-Майне. Парк**

6 в

Моросит мелкий дождь, с деревьев облетает листва. На небольшой импровизированной трибуне что-то рассказывает оратор. Он одет в цвета мятежа — черное с красным. Ему аплодируют молодые люди в разноцветных одеждах, украшенных красными бантами в петлицах. Среди них ближе всех к трибуне стоит молоденькая Эльза в броском черно-белом платье, которое делает ее похожей на сороку с огромным красным бантом на шее. Она как яркое и светлое пятно посреди унылости осени и восторженно аплодирует, и громче других кричит: «Смерть тиранам!» и «Свобода, Равенство, Братство!» Порою она даже визжит от восторга, когда речи с трибуны звучат особенно зажигательно.

В толпе она видит молодого крепкого и сильного парня, одетого во все черное и с эмблемой черепа и скрещенных костей на груди. На нем в отличие от многих не красный, а черный бант. Молодой человек приветливо улыбается ей и поднимает вверх руку. Эльза с радостным криком бежит ему навстречу и кричит: «Хайнци! Хайнци!» Тот ее на руки как пушинку подхватывает и выносит из толпы наружу. Они торопливо целуются, а потом вместе бегут по темному щему парку. Эльза восторженно восклицает.

ЭЛЬЗА: Ты слышал, на днях у нас выступление! Я рисую плакаты, мы пройдем к графскому замку и будем требовать избирательных прав и созыва парламента! И у нас будет все то же, что уже случилось во Франции! А потом и по всей Германии. Мы во всех землях созовем парламенты, и они согласятся на объединенье страны без войн и насилия! Как здорово! Я так счастлива, что хочу петь!

Хайнци: Да, отлично. Граф, конечно, откажет, и тогда мы с полным правом его и зарежем. По улицам потекут реки крови, и будет весело!

Эльза: Да ты что... Я, конечно, умею стрелять и знакома со шпагой, но ведь суть выступления в том, что все будет мирно! Вон Россия и Пруссия с Австрией уговорили бестолковую Польшу без боя освободить польских русских и немцев из-под своего многолетнего гнета. И у нас все без крови получится!

Хайнц: Какая же ты все-таки дура! Сперва Фриц, Екатерина да Мария Терезия эту дебильную Польшу славно отбуцкали, ибо тупые поляки добрых слов не слышали. А во Франции парламент появился лишь после того, как мы зарезали их наследника престола герцога Берри, и нынче вся их династия выморочна. Историю можно подтолкнуть лишь ножом или войнами!

Эльза: Нашу Германию веками терзают усобицы, и очередная война ничего не решит.

Хайнц (*со смехом*): Не будь ты столь хороша с кинжалом и шпагой, я бы задумался, что же я в тебе такого нашел? Завтра мы подведем тебя к графу, и ты пырнешь его прямо в пузо. Девочек они не обыскивают, ибо вы неуклюжи с оружием. Готова на подвиг ради Германии?

Эльза резко останавливается и с изумлением смотрит на суженого. Она морщит лоб и бормочет.

Эльза: Ударить ножом в живот... На аудиенции... Я клялась графу в верности. А что мои братья, а мои батюшка с матушкой? Что с ними станет после моего предательства?!

Хайнц: Да плевать на них нам с горы! У нас — Революция! Ты же сама хотела лучшего будущего для Германии!

Эльза (*пятясь и со слезами в голосе*): Будущее не начать с обмана с предательством!

Хайнц: Вспомни народную мудрость: «Все великое начинается с горя!»

Эльза (*заливаясь слезами и мотая в ответ головой*): Великое начинается с моего горя! Моего личного горя, а не горя, которое я несу окружающим! Уходи... Я тебя ненавижу...

Павильон. Вечер. Зимний дворец. Комната Шарлотты

7 В

Вид темного парка меняется на комнату, в которой лежит больная Шарлотта, а Эльза у окна продолжает рассказ.

ЭЛЬЗА: Через три дня у нас было восстание. Мятежников перебили, кого-то схватили. Среди них и Хайнца. Ему в застенках зубы пилили напильником, и он всех нас выдал. За это ему казнь заменили службой в штрафных в Новом свете, и он там отличился беспримерными зверствами. Пытал и убивал американцев, что поднялись против тех самых английских тиранов... Меня арестовали со всеми, но раз я отказалась зарезать нашего графа, меня отдали герцогу Вюртембергу в свиту его дочери, которую отправляли в Россию. Решили, что служба фрейлиною в России — честная замена повешению.

1775. Павильон. Утро. Аббатство иезуитов в Марбурге.

8 В

Приемный покой

В длинный идеально побеленный, но при этом очень темный зал входят Эльза и еще несколько девиц. Эльза уже в привычном нам черном наряде и белом фартуке. Прочие фрейлины — в белых кружевных нарядах, которые, однако, сильно похожи на одеянья монашеские. Навстречу им раскрывается дальняя дверь, через которую две монахини в черном втаскивают отчаянно упирающуюся и брыкающуюся молодую девицу. Это Мария Федоровна, она в истерике, мотает во все стороны головой, рыдает взхлеб и отчаянно кричит.

МАРИЯ: Шарло, где ты?! Они украли меня, они уводят меня! Спасите, помогите, Шарло!

При виде Эльзы, которая вся в черном, и скопившихся за нею одетых в белое фрейлин Мария Федоровна начинает дико визжать, причитая.

МАРИЯ: Нет, нет, я не готова! Такие, как я, не нужны Господу! Отпустите меня, умоляю!

Младшие фрейлины меж собою в ужасе переглядываются, и лишь Эльза гневно приказывает.

ЭЛЬЗА: Что вы делаете? Немедля отпустите мою госпожу или я всех вас выпорю! (*Преклоняя колени перед перепуганной Марией Федоровной, которую сразу же отпустили не менее напуганные иезуитки.*) Ваше Высочество, мы пришли служить вам!

Мария Федоровна, осевшая на пол, то с опаскою смотрит на Эльзу, то с еще большей опаскою — на монахинь иезуитского ордена. Ее губы все еще трясутся, а глаза опухли от слез, и она, сидя на голом полу, видимо, пытается понять, куда ей лучше ползти: то ли к привычным иезуиткам, то ли к этой с виду страшной женищине в черном. Она судорожно бормочет.

МАРИЯ: Да, прогони их. Они меня напугали. Кто ты?

ЭЛЬЗА: Я — ваша старшая фрейлина. Мы будем сопровождать вас в Россию как будущую жену поволжского генерал-губернатора Людвига Гессенского. К вашим услугам!

Огромные глаза Марии Федоровны с изумлением раскрываются. Она судорожно утирает текущий от слез нос рукавом и с недоверием переспрашивает.

МАРИЯ: Так вы отведете меня под венец, а не на постриг? Это не шутка?!

ЭЛЬЗА: Так точно. Венчание у нас назначено в мае, но нам надо еще добраться до далекой России. Здесь есть маленькая проблема. На юге у них война с турками, а посреди — волнения в Польше. Так что поедем кругом — через всю Германию. Собирайтесь скорей, времени у нас мало.

Мария Федоровна начинает смеяться. Ее смех становится все громче, она тянется к Эльзе, пытаясь что-то сказать сквозь смех и слезы вместе с икотой.

МАРИЯ: Я всегда это знала! Господь любит меня! Я стану поволжской генерал-губернаторшей!

Павильон. Вечер. Зимний дворец. Комната Шарлотты

9 в

Вид темного аббатства снова меняется на комнату Шарлотты, и Эльза рассказывает дальше.

ЭЛЬЗА: В Берлин мы попали на новогодние праздники, и там мы впервые повстречали Наследника. Его туда возил его наставник — граф Салтыков, и они были настолько похожи, что казались отцом и сыном. А Павел был сама прелесть. Лукав, остроумен и ловок. Он так хорошо танцевал с нашей Марьюшкой, а она в ее наряде офицера гессенской армии была вылитый херувим. Я потому, когда вас впервые увидела, тоже решила, что вы обучались у иезуитов. (*Шарлотта еле слышно лепечет: «Да нас учили, что женское надо надевать лишь для наших избранных».*) Вам обоим к лицу офицерский мундир, вы обе становитесь похожи на мальчиков. У Марьюшки вид был, как у пухлого херувимчика на картине из церкви, а рядом с «молодым графом Салтыковым» они смотрелись, как два пастушка. Когда я их видела, я думала, что вот они — два голубка, что созданы друг для друга... А все вздыхали тогда по молодому «князю Борисову» (а он после оказался другом Павла — Куракиным), который у русских выглядел главным, а тот был просто толстый пошляк и все время скабрзные французские анекдоты рассказывал. Так что «граф Салтыков» и наша Марихен могли оставаться вдвоем и беседовать. Мы даже задержались в Берлине на полтора месяца и выехали лишь тогда, когда все всполошились, что мы на свадьбу опаздываем. Было это в конце февраля, а свадьбу назначили в мае. До России мы добрались лишь в апреле, и первый, кого мы увидели, был Кристофер.

Голос Эльзы затихает, и мы видим рассвет над рекой, огромный паром, шеренги слуг, наваливающихся на канаты, и принцессу Марию Федоровну в армейском мундире, которая стоит на носу и всматривается в расступающийся перед судном туман, а вокруг нее стоят ее фрейлины....

1776. Апрель. Натура. Утро. Переправа на Даугаве

10 в

Туман как будто бы расступается. На паромной пристани на другом берегу стоит огромный молодой человек,

истинный богатырь, который поднял руки в приветствии, а солнце встает прямо за ним и будто образует нимб вокруг его головы, но из-за этого лица его девицам не видно. Человек громогласно кричит на всю реку приветствие, но так как говорит он по-немецки с сильным остзейским акцентом, слова его звучат непонятно и для обычных немцев — по-варварски. Мария Федоровна смотрит на этого богатыря, распахнув свои огромные глаза и раскрыв в благоговении рот. Она громко шепчет.

МАРИЯ: Господь услышал все мои молитвы. Когда меня готовили к постригу, я истово молилась, я просто не верила, что меня вот сейчас похоронят тут заживо... И вот все мои молитвы, все мои слезы оплачены. Как он прекрасен — этот молодой Людвиг...

ЭЛЬЗА (*очень осторожным голосом*): Какой-то уж больно странный акцент. Не похоже на сына нашего ландграфа. Впрочем, он живет здесь давно, возможно, что привык говорить по-русски.

МАРИЯ: Да ведь и вы для меня говорите порой удивительно, а когда я забываюсь и перехожу на родной мне хохдойч, вы ведь тоже меня с трудом понимаете. Он красив, как языческий бог Древней Греции!

ЭЛЬЗА: Скорее уж наш Тор или же, может быть, посланник Одина — Хермод? Не люблю греков, они все какие-то извращенцы!

ШАРЛОТТА: Нет, я поняла, это Зигфрид — великий рыцарь из точных земель, победитель дракона. Как он могуч и прекрасен!

Великан тем временем не может ждать, он разбегается и, делая огромный скачок, чудом перепрыгивает через оставшуюся полосу воды меж паромом и пристанью. Он так тяжел, что весь паром от его приземления аж покачивается. Дамы визжат, а великан оглушительно громко смеется, и мы видим, что это Кристофер фон Бенкендорф.

Он подхватывает Марию на руки, кружит ее и с криком: «Добро пожаловать к нам, в Россию!» с легкостью прыгает назад на пристань. Мария прямо-таки тает в его медвежьих объятиях, а Эльза стоит шокированная. Кристофер, уже подхватывая принцессу на руки, ловко садится на лошадь и с гиканьем и улюлюканьем уносится с нею вдаль

по берегу, так что ошметки грязи летят во все стороны из-под копыт. За ним вдогонку пускаются его люди, и пока паром пристаёт к берегу, вся эта огромная кавалькада совершает такой круг почёта во главе с Кристофером и млеющей у него на руках Марией Федоровной.

Эльза смотрит на все с изумлением и слегка поджав губы, однако принцесса задорно смеется, и они о чем-то беседуют с Кристофером, и оба от этого счастливы. Наконец кавалькада возвращается к парому и свите принцессы, которая начинает разминать ноги, сойдя на берег. Кристофер ловко подвозит Марию к ее фрейлинам и ставит наземь. Принцесса в совершенном восторге кричит.

МАРИЯ: А мне понравилось! Эльза, ты знаешь, Людвиг у меня такой душка!

ЭЛЬЗА (*тихо*): Это не Людвиг. Людвиг — тщедушный и маленький.

Улыбка застывает на лице Марии. Потом губы у нее начинают трястись, и она, чуть ли не всхлипывая, спрашивает у Кристофера.

МАРИЯ: Кто, кто вы такой?! Отвечайте немедленно! Какое право вы имели меня тр...рогать?!

КРИСТОФЕР (*подкручивая усы*): Я — будущий наследный правитель Лифляндии Кристофер фон Бенкендорф. Вы мои гости, и я к вашим услугам!

Мария резко отворачивается от Кристофера, лицо ее перекосило злостью, и она, дернув плечиком и дав знак своим фрейлинам, приказывает им рассаживаться по каретам. При этом она зло бросает через плечо.

МАРИЯ: У... Дурак!

Крупным планом мы видим лицо Эльзы, которая с виду растеряна и не знает, что ей делать, но потом она решительно начинает идти за своей госпожой, и вдруг мы видим, что Эльза идет уже по темному коридору и открывает дверь, а там в окружении свечей сидит Мария и гадает на суженого.

Старая хроника. Рассказ Эльзы. Продолжение

Идут будто кадры гадания: колеблется, дрожит в воде пламя свечей, капли воска капают и застывают, в воде отражается прелестное девичье лицо. В это время мы слышим голос Эльзы, она продолжает свой долгий рассказ.

Эльза: Ах, как же рыдала в ту ночь Марьюшка у меня на плече, она даже спрашивала, может ли Кристофер вызвать Людвига на дуэль, убить того и получить Марьюшку вместо приза. А потом она стала гадать на имя своего суженого. Она уронила в чашку с водой две капли воска и сказала мне, что они точно слипнутся в букву «L» или, может быть, букву «C», ибо в древнегерманском написании она тоже имеет две палочки — «<», и тогда будет ясно имя ее суженого — Людвиг или Кристофер. Я отвечала ей, что она глупая, ибо Кристофер пишется с буквы «C» в Средней или Верхней Германии, а здесь, на востоке, это имя начинается с «K». А она мне сказала, что ошиблась и надобно еще капнуть, мы открыли чашку, а там одна капелька изогнулась, и поэтому знак стал напоминать то ли «N», то ли «S». И тогда Марьюшка мне сказала, что всегда это знала и верила, что Господь любит ее, ибо то имя — Зигфрид, ибо Кристофер в сущности великий германский герой и воитель Siegfrid — могучий «рыцарь из восточных земель», который вез прекрасную деву-воительницу Брунгильду к своему королю Гюнтеру. А чтобы не случилось греха между ним и возлюбленной, он клал между собой и Брунгильдою в постель острый меч... Эта история так захватила ее, что она украдкой потом Кристофера звала не иначе как Зигфридом, а себя, конечно, Брунгильдою...

Ха... Брунгильда... Да она в обморок падает, когда видит кровь на кухне, и не может смотреть, как режут утку или зайца ей на обед, а туда же — романтическая Брунгильда... А потом...

А потом Кристофер нас довез в Дерпт и запер в тамошнем замке, и мы опоздали на свадьбу. Разумеется, в Дерпт прискакал и самый юный Людвиг...

1776. «Четыре года назад».

Натура. Утро. Дерптский замок

Туман снова рассеивается, и мы видим неприступные стены древнего замка, сердца и твердыни Ливонского ордена. Нынче былая слава его позади, однако стены все еще крепки и огромны, а ворота поражают воображение. Они заперты на большой брус, и в них кто-то снаружи громко стучит. Мы видим солдат, стоящих у запорного бруса, которые преданно смотрят на Кристофера, а тот решительно дает им знак. Брус чуть сдвигают и отпирают маленькую калиточку среди ворот, и через эту калиточку входит маленький живой юноша в пышном наряде. Он раздраженно приказывает отпирать большие ворота, но солдаты опять смотрят на Кристофера, а тот жестом им запрещает. Гость багровеет лицом и начинает кричать на Кристофера, но слова его не слышны, ибо мы наблюдаем все это из замка, из какого-то окна, возле которого скопились приезжие фрейлины. Впереди всех Мария Федоровна, и рядом с ней Эльза. А так как грохот наконец прекращается, мы слышим слова.

Людви́г: По какому праву вы нас сюда не пускаете? Я буду жаловаться!

Кристо́фер (*ленивым голосом*): Это наш замок, и пока отец мой живет в Риге, я — главный. Кого хочу, того и пускаю.

Людви́г: Мне объявили, что вы задерживаете тут свадебный поезд с моею невестой! Я требую от вас объясниться!

Кристо́фер (*все тем же ленивым голосом*): Мой замок, кого хочу, того и задерживаю. Мне, может быть, дамы понравились. Захочу и женюсь тотчас же на всех, мне как раз жена надобна.

В замке Мария Федоровна аж подпрыгивает и визжит.

Ма́рия: Я так и знала! Гадание было верным! Он на мне женится! Обязательно женится!

Людви́г от слов Кристофера так и замирает с разинутым ртом, ошарашенный.

Людви́г: Но это... Это ни в какие ворота... Это варварство, насилие, какая-то дикость!

Кристофер (*все тем же ленивым голосом*): А мы тут, как вы нас недавно на балу изволили называть, — дикие варвары. Ни чести, ни понятия о правах не имеем, какую девку на улице сыщем, на той сразу и женимся. Не то что вы с вашим батюшкой, продаете нам ваших девок сотнями за полтину. Когда я девку беру, я дарю ей деревню, мельницу или хутор как минимум, ибо я — русский дикарь, а вы, любезный, ловите на улицах девку и продаете ее в настоящее рабство, так что позвольте мне быть дикарем, милостивый государь. Мне в дикарях — позору не в пример меньше вашего.

Людви́г: Это какой-то безумный спор, я не могу отнять у бюргера его мельницу, чтоб отдать своей пассии, это незаконно и просто невысказано!

Кристофер: А я могу, ибо в Лифляндии я что хочу, то и делаю. Тебя, кстати, я не задерживаю. Езжай откуда пришел, а то время завтрака, а потом твои фрейлины пятки мне чесать будут. А ты, дружок, мне без надобности.

Людви́г: Да как вы смеете? Вы схватили принцессу, дочь герцога, и угрожаете ей насилием! Я подниму всю Европу!

Кристофер (*вдруг озлобляясь*): Ежели бы я мог, да я Марьюшку давно бы взял в законные жены, и плевать мне, что она бесприданница. И на Европу твою я плевать хотел со стен моей крепости! Зови, урод, Россия большая — есть где вас закапывать!

Людви́г: То есть вы украли ее не для себя?! А для кого же, позвольте узнать?

Кристофер: Сестра твоя — та еще штучка, намедни в столице откинулась. А на груди у нее нашли медальон, а в медальоне том не молочный брат мой, а какой-то дрыщ из Европы. Так что езжай отсюда, урод, и спасибо скажи, что я тебя ногами не выпинал. За столь горькую обиду моего брата Павла я бы должен в говне тебя утопить, а я с тобой разговариваю.

Людвиг: Боже мой, какие слова! Сестра моя была верна Павлу. Да, они часто ссорились, но Натали была холодна, и все, что говорят про эту связь, это — выдумки...

Кристофер: Ах, выдумки?! Ну, разозлил ты меня!

С этими словами Кристофер хватает Людвига за грудки и начинает трясти. Слышен оглушительный пук, и дамы, наблюдающие за сценой, хором хихикают и зажимают носы, хоть понятно, что до них запах через такое расстояние долететь не сможет. Лицо Кристофера искажает брезгливое выражение, и он, держа соперника за грудки в одной руке, аккуратно подносит его к огромной куче конского навоза и в нее противника небрежно закидывает. Мария аж стонет от восторга и громко шепчет: «Зигфрид! Зигфрид побеждает дракона!» Совершив подвиг, Кристофер опять же брезгливо руки отряхивает и вытирает белым платком, а потом бросает платок в ту же навозную кучу.

Кристофер: Марьюшка — чистый ангел, и не тебе, урод, ее пачкать. Она... Она — самое лучшее, что у моего брата было когда-нибудь в его жизни. И я за него жизнь отдам и продам душу дьяволу, лишь бы у него жизнь наладилась. А теперь зови всю Европу, как обещал...

Людвиг (*в навозе барахтаясь*): Вы сорвали мне свадьбу. Вы должны заплатить. Неустойка будет огромною!

Кристофер (*небрежно*): Ну вот все твоё гнилое нутро-то и вылезло. Изволь — заплачу, спрошу у отца денег и заплачу. А ты уберешь свою жопу отсюда немедленно, или я начну войну Лифляндии против Гессена, и, клянусь, я утоплю в навозе всех гессенцев, а всех гессенок огуляю по очереди, не будь я Жеребец из Лифляндии!

Среди дам в подвале начинаются истерические смешки и восторги. Кто-то из фрейлин с одушевлением громко кричит: «Да мы не против войны, ежели вы, барон, исполните свое обещание!» Мария Федоровна же начинает бурно рыдать, с радостью приговаривая: «Я всегда мечтала, что ради меня случится дуэль! Жаль лишь, что этот

Людвиг — засранец! Но мы ведь об этом не станем рассказывать?! Это ведь почти что дуэль?! Всамделишная дуэль! На этом изображение постепенно бледнеет...

13 в

Старая хроника. Рассказ Эльзы. Продолжение

Опять идут будто кадры старой хроники, и через них мы видим фигуру Эльзы в комнате Шарлотты.

Эльза: В итоге Людвиг убрался и взял деньгами. А потом прибыл Павел и предложил Марьюшке свои руку и сердце. Как она радовалась, когда поняла, что станет когда-нибудь Императрицей Российской Империи. Она так и скакала и говорила мне: «Я всегда знала, я верила, что Господь меня любит! Я буду Государыней Императрицей! Ну и что, что Павел не такой уж красавец, ведь с лица воду не пить?! Зато он умный, веселый и мягкий. Не то что этот дурак солдафон!» И уже в конце лета Наследник Павел сказал, что прошло достаточно времени, и женился на Марьюшке, а после свадьбы мы поехали в Гатчину. То есть сперва нам сообщили, что юный Людвиг обвинил Павла в том, что он убил его родную сестру, а Государыня отвечала, что не может более держать при себе заклятого врага ее сына. И всем гессенцам и гессенкам при дворе было предложено либо «отправляться в Саратов» (*с тех пор угроза послать кого-то в Саратов пошла гулять по России*), либо вернуться домой — назад в Гессен. Многие решились уехать, а я была из тех, кто отказался и просил русского подданства. И поэтому нас было буквально двое-трое девиц, которые поехали в Гатчину. И вот там, в Гатчине, в начале зимы поздним вечером ко мне в комнату постучал сам Кристофер...

14 в

1776. «Четыре года назад».

Ноябрь. Павильон. Ночь. Гатчина

Громкий стук в дверь. Эльза идет открывать. В комнату вваливается огромный Кристофер. Он, по-видимому, пьян и почему-то все озирается. Увидев Эльзу, он приходит в себя и, указывая на нее пальцем, приказывает.

КРИСТОФЕР: Тебя-то я и искал, наш домашний дракон. Ну-ка живо собирай своих девок, и ать-ать — руки в ноги и валяйте в столицу. Марьюшка всем вам рекомендательные письма выписала.

ЭЛЬЗА: Я вас не понимаю.

КРИСТОФЕР: А чего же тут понимать? Построились, клушки, и ать-два — ходу из Гатчины. Я все устроил, завтра вас примут в штат Зимнего. А я сам — на войну. Засиделся я тут при дворцах, а я же боевой офицер... Опять же поиздержался, а в армии больше платят. Завтра с утра я в поход, рубить турок, а вас, клушки, к тому времени чтобы тут больше не было.

ЭЛЬЗА: Это невозможно. Мария Федоровна в тягости, мы не смеем ее сейчас бросить.

КРИСТОФЕР (*в замешательстве*): В том-то и дело, что она — в тягости, а вы-то — нет! Впрочем, это меня никак не касается, документы я для вас выправил, завтра мне в бой, ибо хватит мне блудить по дворцам, так что я умыл руки, и решай все сама. Надеюсь на твой здравый смысл.

С этими словами полковник поворачивается и идет к выходу. Эльза говорит ему вслед.

ЭЛЬЗА: Здравый смысл мне подсказывает, что ты пьешь каждый день в размер офицерского жалованья. Здравый смысл говорит, что принц Павел шагу без тебя не сумеет ступить, чтобы в очередное дерьмо не вляпаться. Тебя он от себя добром не отпустит, раз ты отправляешься в армию, это может быть только его приказ. Но рекомендации ты принес от Марии. Что-то не сходится. Что случилось?

Кристофер замирает, будто ожидает удара, потом медленно поворачивается. Лицо его бледно. Затем он возвращается, подходит к столу посреди комнаты, наливает себе из графина воды, выпивает и сдавленным голосом отвечает.

КРИСТОФЕР: Это — Людвиг. Он подал жалобу с просьбой открыть дело по причине смерти его сестры Наталии. Государыня не могла отказать, ибо ваш сраный Гессен — наш главный союзник в Германии, а Наталья — гессенская принцесса. Учрежден тайный приказ,

и туда водят на допросы всех людей Павла. В те дни вокруг Наталии постоянно крутились люди этого толстого уroda Куракина и братниного учителя Салтыкова, их сейчас и допрашивают, а я-то был с вами — далеко, в Дерпте. Однако от греха брат мой просил меня скрыться в действующей, вот я и подал прошение. А раз я уезжаю, некому за вами приглядывать. Самой Марьюшке ничего не грозит, ибо она по облику сходна с мальчиком, а вы, дуры, бродите в платьях. И случись что, как я пред Марьюшкой оправдаюсь-то?! В общем, я все сказал, а ты меня слышала.

С этими словами Кристофер будто чему-то кивает и решительно выходит из комнаты. Эльза минуту стоит и раздумывает, затем звонит в колокольчик. К ней вбегают ее гессенские фрейлины. Эльза им приказывает.

ЭЛЬЗА: Полчаса всем на сборы. Документы для перевода нас в Зимний всем выправлены. Исполняйте!

Фон ПАУЛИГ (*испуганно*): Но это все так неожиданно! Почему мы едем отсюда в полночь? Можем ли мы попрощаться с Марией Федоровной?

ЭЛЬЗА: Отвечаю с конца. Нет, не можете. Мария Федоровна пожелала нам счастливого пути и сделала документы. Мы едем сейчас, потому что это моя личная блажь. Еще вопросы? Раз вопросов ни у кого больше нет, исполняйте!

Фрейлины перепуганной стайкой выбегают из комнаты. Эльза размашисто крестится и шепчет: «Упаси Господь тебя на войне, наш добрый Зигфрид!» По экрану опять идут помехи и полосы...

15в

Павильон. Вечер. Зимний дворец. Комната Шарлотты

Эльза наконец поворачивается к нам, и видно, что на глазах ее слезы.

ЭЛЬЗА: С той самой поры — с осени 1776 года — я живу здесь и дослужилась до гофмейстрины Ее Величества. И я догадываюсь

и хорошо понимаю, что, возможно, тебе пришлось пережить... Ведь ты, похоже, была у Кристофера в платье?

ШАРЛОТТА (*заливаясь краской и еле слышно шепча*): Уже — без...

ЭЛЬЗА: Что ж... Он хороший человек — твой Кристофер. Но я бы не стала лишний раз испытывать его верность брату — принцу Наследнику. Можно обжечься. (*Откуда-то достает бритву и кладет ее на тумбочку возле кровати.*) Вот бритва Кристофера. Верни ему ее сама — из рук в руки и скажи, что ты случайно порезалась. Да и пока мы в столице, думаю, что тебе лучше носить твою форму. Это нарушение правил, но раз уж на тебя единожды обратили внимание, я на это закрою глаза.

ШАРЛОТТА: Спасибо, Эльза. Ты мне должна еще про многое здесь рассказать.

Эльза возвращается в свое кресло, поднимает вязание и, начиная постукивать спицами, спрашивает, что именно еще Шарлотта хочет узнать. Спицы ловко снуют и постепенно уходят из фокуса под бубнящие голоса Шарлотты и Эльзы. Потом фокус на них восстанавливается, и мы видим, что за окном уже утро.

Павильон. Утро. Зимний дворец. Комната Шарлотты

Камера откатывается от окна, и мы видим, что Шарлотта в постели читает какую-то книжку, а Эльза в своем кресле опять возится со своим бесконечным вязанием. Дверь без стука вдруг раскрывается, и на пороге появляется Государыня Екатерина Великая, которая повелительным кивком приказывает Эльзе выйти. Та тут же исчезает из комнаты, царица же грузно опускается в ее кресло и, чуть пожевав губами, будто собираясь с мыслями, задает вопрос.

ЕКАТЕРИНА (*сурово*): Ну и что же мне с тобой теперь делать?

ШАРЛОТТА (*испуганно и пряча книжку под одеяло*): Простите меня, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*мрачно покачивая головой*): Конечно, прошу, ибо деваться мне некуда. Слишком много я на тебя, как на карту, поставила. Но как мне верить тебе, вдруг ты опять начнешь резаться?!

ШАРЛОТТА (*умоляюще складывая на груди руки*): Простите, Ваше Величество, бес попутал...

ЕКАТЕРИНА (*с недовольным сопением*): Я-то хотела даровать тебе Ливонию... В прошлом годе умер там у меня генерал-губернатор Карл фон Бенкендорф, а сынок его — хороший солдат, да без царя в голове. Молочный брат моего Павлика и нахватался с ним всяких глупостей. Сорит деньжищами, пьет без просыпу, как такому доверить провинцию? А деваться-то некуда, по закону Петра я отдать ему Ригу обязана. Вот и думала я его на умной девице женить, чтоб кошель она из его рук забрала и от бутылки отгоняла — хоть сковородою, хоть скалкой... На тебя, моя душа, понадеялась, а ты с какого-то пустяка вздумала резаться! Так там, в Лифляндии, причуды на каждом шагу, сто причин в петлю лезть или прыгать вниз со стен Рижской крепости. Как я смогу тебе теперь доверить провинцию?!

ШАРЛОТТА (*с ужасом и отчаянием в голосе*): Это не повторится. Клянусь, тетушка, это — не повторится!!!

ЕКАТЕРИНА (*внимательно взглядываясь в племяшку*): На твоём месте я б из кровати тут выпрыгнула и опять поползла на коленках меня молить о прощении, да вижу — не можешь пока. Стало быть, всерьез резалась. А Кристофер — хорош. Бабы на него ни разу не жаловались. Может, кто еще был? Из-за кого сыр-бор?

ШАРЛОТТА (*в совершенном ужасе*): Я не помню... Не могу знать, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*одобрительно покачивая головой*): Да и то хорошо. Ибо плотью слаба, но мозги тебе не отшибло. А мне в деле сием именно твои мозги первой всего надобны. Хорошо, так и быть — поверю пока. Повторится подобное, от простуды умрешь или этого... удара апоплексического. Прости господи... Мне того, чтобы имя России по Европам трепали, ни к чему. Ишь! При моем дворе девки не режутся! И не посмотрю на родство! Осознала?

ШАРЛОТТА: Так точно, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*понижая голос*): Ну что ж, теперь к делу. Я вызывала тебя потому, что ты мне племяншка, внучка самого Эйлера, доцент с кафедры химического факультета в Марбурге и, наконец, аббатиса иезуитского ордена. Не делай глупые голубые глаза — я тебе не Кристофер. Сан аббатисы с потолка не упал. Какая у тебя специализация в ордене?

ШАРЛОТТА (*еле слышно*): Борьба с мусульманами. У меня родня в России и Пруссии, поэтому против православных и протестантов меня не готовили. Сказали, что иначе будет конфликт интересов.

ЕКАТЕРИНА (*внимательно глядя в глаза племяннице*): Будто... Будто. Хорошо, сделаю вид, что поверила. Итак, начнешь писать письма в свой орден, что суженый твой день и ночь проливает кровь с турками, а ты желаешь ему помочь и посему — исключительно ради борьбы против турок — просишь прислать тебе рецептуру изготовления пороха по методу Антуана Лавуазье. Ваш орден помогал ему в работе деньгами, стало быть, он им по затратам отчитывался. Все ясно?

ШАРЛОТТА: Так точно, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*все тем же пониженным голосом*): Это не все. Получишь рецепты и формулы и откроешь в Лифляндии производство, ибо иезуиты начнут проверять, а я их не готова обманывать. Ты на меня так не смотри... Новый порох нужен нам позарез. Работы по нему ведутся не только во Франции, но и в Англии и даже в Пруссии. Я просила англичан и пруссаков, ибо турок против нас несметные тыщи, но они отказали. И франки добром не дадут, ибо самая гнилая нация. А без современного пороха турок нам не сломить... Не знаю уж, насколько ты верна ордену, но в любом случае против турок мы заодно, и новые пороха в деле сием нам помогут. Пойми правильно, мне надобно всю Россию кормить, там самые богатые и плодородные земли империи, а турки всю жизнь налетают исподтишка жгут, убивают и грабят. И посему долг наш сразу сию извести!

ШАРЛОТТА: Я поняла, я все сделаю, тетушка!

ЕКАТЕРИНА (*поднимаясь из кресла*): Вот и славно. Да, и когда будешь в Риге, все на себя не бери. Ты вон дюже слабенькая, один раз резанулась и не можешь даже на кровати сидеть... Дорого я бы дала, будь ты покрепче. Эльзе скажи, пусть каждое утро занимается с тобою

гимнастикой. Поверишь ли, три года назад я взяла ее по просьбе Марьи младшею камеристкой. Три года прошло, и вот она уже моя гофмейстрина, а прочие служанки и фрейлины под ней ходят, как шелковые. Да, и Кристофера к делу приставь. Пусть он мот и в бутылку заглядывает, но командир он отменный. Да, вроде все... Ты наукой у меня будешь там заниматься, Эльза все возьмет по хозяйству, Кристоферу — армию. Что забыла? Да, сыщу я тебе и гоффактора по финансам. А с тебя письма в орден и формулы. И тогда с песнями, плясками — да на свадьбу!

С этими словами Государыня выходит из комнаты. Вместо нее через мгновение возвращается Эльза. Шарлотта в сильном возбуждении, размахивая руками, шипит.

ШАРЛОТТА: Ты ее слышала?!

ЭЛЬЗА (*с обидою поджав губы*): Разумеется, нет!

ШАРЛОТТА: Она хочет выдать меня за Кристофера и отправить в Лифляндию, а тебя она сделает моею главной распорядительницей! Только одно условие. Ты мне поможешь?

ЭЛЬЗА (*сглатывая*): Не может быть?! Что за условие?

ШАРЛОТТА: Мне надо так составить письмо ордену, чтобы они прислали нам секрет искусственного пороха, а мы открыли в нашей провинции целый завод и снабдили порохом нашу армию — против турок!

ЭЛЬЗА (*задумчиво*): Думаю, что скорее не только лишь против турок. Как я слышала, все в мире явно клонятся к великой и ужасной войне. Из Франции да Испании орден масонами изгнан, а для Англии с Пруссией они и того хуже — еретики. Кроме как на Русь-матушку ордену надеяться не на кого. Да я помогу написать такое письмо и думаю, все получится. Я пошлю за бумагой, перьями и чернилами. Вы сможете писать на постели?

Шарлотта согласно кивает, и Эльза идет к двери — видимо, за письменными принадлежностями. Затем вид из камеры расплывается, и мы видим, что вместо пера и чернильницы Эльза вносит в комнату поднос с пирожками и чаем.

Павильон. Утро. Зимний дворец. Комната Шарлотты

Шарлотта в своей комнате на кровати на огромной перине — полусидя принимает поднос и начинает разливать чай. Поднос стоит частью на одеяле поверх ног Шарлотты, а частью на коленях Эльзы Винценгерод, которая присела рядом на высоком стуле с прямою спинкой. Шарлотта в накрахмаленной белоснежной рубашке. На нарядах обеих ни пятнышка, и сам обряд чаепития выглядит как священнодействие.

Из окон раздается радостный звон колоколов, зовущий на воскресную службу. Комната завалена цветами, поздравительными открытками и свежими фруктами. Раздается стук в дверь, дверь открывает снаружи безупречно одетая фрейлина Гагарина в парадном наряде с праздничною наколкой. Она делает церемониальный книксен.

ГАГАРИНА: Баронесса, к вам посетитель. Изволите принять?

Шарлотта в постели судорожно сглатывает. Она пытается натянуть на себя одеяло, поднос перекашивает, но его ловко подхватывает Эльза Винценгерод, которая убирает его на маленький столик, а затем строгим и осуждающим взглядом смотрит на свою подопечную. Та под взглядом старшей фрейлины начинает виновато разглаживать на груди одеяло и оправлять примятую было сорочку. Эльза чуть помогает Шарлотте привести себя в порядок и успокоиться, а потом с легким вздохом кивает.

ЭЛЬЗА ВИНЦЕНГЕРОД: Проси. Баронесса готова принять.

Гагарина в ответ церемонно кивает и скрывается за дверью. Через мгновение в двери показывается огромный букет цветов, и скорее по росту входящего мы понимаем, что это Кристофер. Эльза деликатно отходит от кровати, делает знак фрейлине, и та забирает букет. Наконец виден Кристофер. Он в лучшем мундире, пуговицы, эполеты и пряжка блестят так, что глазам больно. Полковник мгновение мнетя в дверях, не зная, куда девать из рук свою парадную треуголку, пока из-за двери ее не выхватывают. Видно, там

толпится народ, ибо то и дело в дверной проем кого-то там видно. Кристофер наконец входит и опускается на колени перед кроватью Шарлотты. Лицо его побагровело, стоячий воротничок явно душит, а высокие подушки Шарлотты положены так, что лицо его на уровне с лицом девушки.

КРИСТОФЕР: Как Ваше здоровье, баронесса?

ШАРЛОТТА: Спасибо, мне лучше. Я читала все ваши письма, они меня весьма тронули. Я очень рада вас видеть.

КРИСТОФЕР: Ну что ж, я человек простой — привык брать крепости сходу. Я люблю вас. Я прошу вас стать моею женой!

Шарлотта, видимо, ожидала этих слов, но все равно на глазах у нее наворачиваются слезы, и она только молча кивает в ответ. К ней на помощь приходит Эльза, которая стоит с нею рядом. Она достает из рукава белоснежный платок, который протягивает своей подопечной.

ЭЛЬЗА (тихо, почти про себя): По этикету вы должны отвечать. Одно слово — или «да», или «нет». Потом будете плакать. Сперва — ответ.

Шарлотта утирает слезы, судорожно кивает и говорит.

ШАРЛОТТА: Да. Конечно же — да!

Такое ощущение, будто разом выдыхают все присутствующие, в том числе и те, кто, невидимые для нас, стоят в это время за дверью. Раздаются облегченные шепотки, даже слышен чей-то короткий смех. Полковник облегченно утирает пот со лба и прикладывает к ручке невесты. У той сияющие глаза. Она счастлива.

Натура. Утро свадьбы. Ступени Зимнего дворца

Шарлотта в свадебном наряде поднимается в карету. Лицо ее светится. Колокольный перезвон, в воздухе порхают белые голуби, отовсюду летят конфетти и лепестки роз. В карете уже сидит в одеянии подружки невесты Эльза фон Винценгерод.

ШАРЛОТТА: Спасибо, что согласилась стать моей главной фрейлиной и перебраться со мной в эту Ригу. Ты мне будешь там весьма кстати. Этого я не забуду.

Эльза в ответ лишь чуть поджимает губы.

ЭЛЬЗА: Я лишь исполняю мой долг (*по-матерински вдруг улыбается*). Когда-то и я мечтала, чтобы меня вот так же увезли в свадебной карете из Зимнего. Не судьба (*легкий вздох*). Я за вас так рада, душечка, но при вашем дворе подобных историй не будет. Это я вам обещаю! (*Обе женщины при этом замечании понимающе смеются.*)

ШАРЛОТТА (*с интересом выглядывая из кареты*): Кстати, а куда мы едем? Я думала нас венчать будут в соборе?

ЭЛЬЗА: Вообще-то это сюрприз. Вы не просто едете в мужнюю вотчину, а Государыня вам с мужем дарует на свадьбу Лифляндию. Это великая честь, которая сделает вашу семью главной семьей всех русских немцев. Поэтому венчаться вы должны не в православном соборе, а в немецкой слободе — в Санкт-Клаус кирхе.

Шарлотта задумчиво кивает в ответ. Только теперь она обращает внимание на свадебный крест: он не русский восьмиконечный, а прямой — лютеранский. Она невольно усмехается.

ШАРЛОТТА: Надо же... лютеранство. Ничего что я католичка? У меня же иезуитское образование... Не то чтобы я была против.

ЭЛЬЗА: Я сама родилась в католическом Гессене, но в России все немцы считаются лютеранами, татары — мусульманами, а поляки — католиками. Вам суждено править немцами, и мы же не станем огорчать ваших подданных?!

ШАРЛОТТА (*небрежно махнув рукой*): Конечно! Просто мне бы хотелось венчаться в соборе, там пышной обстановкой. Я так устала от монастырского одеяния — ты не поверишь!

ЭЛЬЗА: Да... В этой Риге по слухам все ходят в черном. Так что не угадали вы со страной и подданными! (*Обе женщины от этих слов опять счастливо смеются.*)

**Павильон. День. Церковь Святого Николая
в Санкт-Петербурге**

Огромный зал. Прямое лютеранское распятие. Хор детей, поющих что-то по-немецки в главной лютеранской церкви страны. Шарлотта и Кристофер в свадебных нарядах у алтаря. Лицо Шарлотты счастливо, лицо Кристофера сумрачно. За ними в качестве друзей жениха и невесты — Наследник Павел и его жена Мария Федоровна. За ними ряды офицеров по два в одинаковой форме с характерно германскими лицами, за ними парами стоят дамы — все в одних и тех же строгих нарядах, напоминающих военную форму. Все еле слышно переговариваются по-немецки. Со стороны это выглядит как парадное построение среди казармы. Сзади всех на небольшом возвышении сидит Государыня Екатерина Великая, которую полукругом окружают разряженные сановники. В сравнении со строгими рядами немцев именно эта группа выглядит как брачующиеся. К Государыне сзади наклоняется князь Потемкин.

ПОТЕМКИН: Разумно ли, что они венчаются лютеранским обрядом? В жилах жениха — кровь Петра.

ЕКАТЕРИНА: Именно потому. Пусть он и внук Петра, но — лютеранин, не перешедший к нам в православие, и поэтому к нашему престолу не имеет никакого касательства!

ПОТЕМКИН: И все же не было ли возможности сохранить сию землю под вашим прямым управлением?

ЕКАТЕРИНА: Гриша, скажи-ка, как думаешь, что для нас сейчас самое важное?

ПОТЕМКИН: Людей накормить. Чтобы их накормить, надобно, чтоб татары и турки перестали ходить набегом на наши лучшие земли. Стало быть, надо забирать Крым да выбивать врага из Эдисана с Кубанью.

ЕКАТЕРИНА: Все верно, лишь об этом и думаю. А в той же Прибалтике у нас аж с Петра конь еще не валялся. И когда мои туда дойдут руки?! Без хозяина любая земля просто чахнет, а у меня на эту

Прибалтику нету ни силы, ни времени. А враги в Европе нас ждать не будут. И раз кому-то доверить эти земли придется — я выбираю племянницу.

Потемкин понимающе кивает и в глубоком поклоне возвращается на свое место. Камера переходит на лицо епископа, совершающего церемонию. Он только что закончил что-то говорить и теперь вопросительно смотрит на Екатерину Великую. Та благосклонно улыбается и крестит издали юную пару. Раздается оглушительный колокольный звон. Камера на лице Шарлотты, глаза ее залиты слезами, она — совершенно счастлива.

**Павильон. Вечер. Зимний дворец.
Бал по случаю свадьбы**

3 г

По залу идут Наследник Павел и Мария Федоровна. Павел с кислой миной брюзжит.

ПАВЕЛ (*тихим голосом*): Маменька совершенно сошла с ума. Заставила Кристиера взять в жены шлюху. Грязную полукровку!

МАРИЯ (*громко и звонко*): Ах, оставьте, друг мой! Шарло — моя лучшая подруга. Да и потом, что за притча? Какая муха вас укусила?

ПАВЕЛ (*тихим голосом*): Ах, Марихен, это все дела государственные. Ну-ну, не куксись, я все объясню. Испокон веков повелось, что у всякого человека значительного был свой Нoffaktor. Ибо не дело господину мешки зерна или ночные горшки все время считать. И у моих родителей были Нoffaktor, и у ваших — и деда и прадеда. А потом открыли Америку, и у много кого поместья оказались на другом конце света. И послали ими управлять, конечно же, их — хоффакторов. Так они там пригреблись, процвели, а потом и взбунтовались против природных правителей. Посмотрите на американский конгресс — сплошь потомки этих, этих... Это они не англичан, это они всех нас — и меня, и вашего родителя, стало быть, предали! И вот смотрите — новая притча. Кто у нас теперь снабжает войска? Цейтлин — хоффактор Потемкина! Матушка посылает вашу подругу

в роли такого же хоффактора управлять нашей Ригой! Кто мешает ей там детей народить, а потом они, как американские Hoffjude, взбунтуются и отберут у нас наши земли?! Вы понимаете, почему я в отчаянии?!

МАРИЯ (*громко и звонко*): Ах, мон ами, всюду вам чудятся ужасные еврейские заговоры! Это так скучно! Ну почему мы не можем просто за мою подругу порадоваться?! У нас так давно не было бала!

Павел замирает на месте и с подозрением озирается.

ПАВЕЛ (*с шипением*): Ах, Марихен, тише, дитя мое! Эта саранча египетская здесь повсюду! И почему я должен молчать? Моя мать — полуграмотная кабатчица из Германии, отдающая мои земли в управление хитрой да пронырливой суке, которая оберет нас как липку!

МАРИЯ (*громко и звонко*): Да вы с ума сошли, какая тут саранча?! Во всем Зимнем вы не сыщете ни одного сверчка иль кузнечика! А мне так не хватает ночного стрекота наших цикад... Вот идут молодые — можете поболтать со своим другом детства, а я пока поделюсь новостями с подругой. (*Обращается к подошедшим Шарлотте с Кристофером.*) Шарло, ты пробовала замечательный штрудель с клубникою? Пойдем, я тебя угощу! (*Подхватывает подругу под руку, и дамы, щебеча, удаляются. Слышно, как Мария говорит.*) Ах, как рада я за тебя, милый друг! Кристер твой — такой душка-обаяшка, весельчак и красавец, не то что мой бука. Я изумилась узнать, что они молочные братья. А Кристер нам с подругами как-то раз рассказал, что мой много ел, и на двоих молока не хватило. Так что моего как Наследника выпашивали молоком, а твоего — сразу водкой! Я хохотала над ним до упаду! А еще... (*Голоса дам в общем гуле постепенно стихают. Павел делает вид, что рассказа жены не слышал.*)

ПАВЕЛ: Стоит ли мне поздравлять вас, друг мой?

КРИСТОФЕР: Кто знает? Она не в моем вкусе, мне скорей по душе девицы с более пышными формами. Так что я не думал связать себя узами, но без этого брака не видать мне моей же Лифляндии, а ваша мать — Государыня, и желания Цезаря...

ПАВЕЛ (*с участием и утешением в голосе*): Все! Все понимаю, бедный друг мой. Все мы страдаем из-за нее. Однако дай срок, я все изменю!

КРИСТОФЕР: Тише, Ваше Высочество, вот идет ваша мать.

Появляется Екатерина, которая ведет за руку молодого человека. Глаза его будто примечают все вокруг, а на лице застыло лукавое выражение.

ЕКАТЕРИНА: Вот вы где! Иди-ка сюда, милый друг!

Павел с Кристофером оба подтягиваются и почти бегут к Государыне. Та, увидав это, морщится и поясняет.

ЕКАТЕРИНА: Нет, нет, лишь Кристофер! Нам надо поговорить в узкой компании.

Павел замирает в движении. Его лицо сильно краснеет, он резко отворачивается и уходит в сторону, не глядя по сторонам. Кристофер будто не замечает этого и подбегает к Екатерине.

КРИСТОФЕР: Рад служить, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА: Раз ты, милый друг, у нас оперился, я решила, что пора тебе возглавить твою родовую провинцию. В Лифляндию поедешь, дружок, будешь там моим наместником.

КРИСТОФЕР (*на седьмом небе от счастья*): Рад стараться, Ваше Величество! Будет исполнено, Ваше Величество!

Государыня в ответ смотрит на полковника крайне скептически, а потом с легким вздохом поясняет.

ЕКАТЕРИНА: Даю тебе в дорогу молодого секретаря. Ежели чего не додумаешь, так он досмотрит. Рекомендован Гришиным хоффом Цейтлиным, тот славно всю нашу армию смог одеть, обувь и вовремя накормить. Стало быть, запомни, ты там по праву крови, а он — ради денег. Он не смеет лезть в дела чести или дела государственные, ты не мешаешь ему делать деньги. А теперь познакомьтесь: Барклай де Толли. Зовут его Михаил, как ты понимаешь, Богданович. Отныне это твоя тень и верный слуга.

Молодой человек отдает честь своему новому господину и щелкает каблуками. Кристофер смотрит на него свысока и насмешливо. Барклай ниже, меньше и хуже Кристофера. Тот полушутя хватает его за шею, будто намереваясь душисть.

КРИСТОФЕР: Так ты мой новый Hoffaktor, вроде того, кого отец мой как-то повесил за воровство?! Жид, жид на веревочке дрожит! Так помни, посмеешь украсть — я тебя так же вздерну!

Барклай таращится, видно, что ему неприятно, от сдавления горла он чуть багровеет, но молчит и терпит. Екатерина смотрит на него с одобрением, а на Кристофера морщится с осуждением, а потом говорит примирительно.

ЕКАТЕРИНА: Ладно, после меж собой познакомитесь. Конечно, можешь его повесить, но лишь ежели поймаешь его на воровстве за руку. Иного — не потерплю.

КРИСТОФЕР: Да мы что ж? Мы ж любя! Мы — балуемся.

Государыня в этот миг видит вдали Шарлотту, которая пробует штрудель вместе с Марией Федоровной и счастливо смеется. Лицо Государыни вдруг мрачнеет.

ЕКАТЕРИНА: А вот баловства мне не надо. Все мы — слуги империи: и русские, и евреи, и немцы. Придет день, и всем нам под одними Орлами стоять. Всех нас не минет чаша сия.

При этом она смотрит не на притихших мужчин, а на весело смеющуюся Шарлотту. Лицо ее искажается до той степени, что кажется, что Государыня сейчас заплачет. Она не видит, что этот ее тревожный, любящий взгляд на Шарлотту перехватил человек, стоящий за столбом. Это Наследник Павел, и его взгляд на Шарлотту полон ревности и ненависти. Машинально Павел сжимает рукою бокал, который держит в руке. Осколки падают на пол. Рука и пальцы Павла в крови. Павел, выругавшись, сует пальцы в рот и начинает их по-детски сосать. На краю его губ видны капли крови.

Натура. Утро. Площадь перед Зимним дворцом

4 г

Под звуки радостного колокольного перезвона молодые садятся в карету, на которой изображен черный жеребец, поднявшийся на дыбы в белом поле. Шарлотта млеет в объятиях мужа и сонным голосом спрашивает.

ШАРЛОТТА: Почему черный жеребец? Это правда, что Луку Мудищева писали с вас, Бенкендорфов?

КРИСТОФЕР (*с довольным гоготом*): Так и есть, это мы, это все — про нас! Только жеребец у нас на гербе получился случайно. Наша фамилия раньше была Биркенбейнердорф, то есть Лаптевы, или Березовоногие. Тех из нас, кто давно перебрался в Россию, всегда звали фон Лаптевы. Поэтому у предков вместо герба использовали березовое полено. А потом кто-то решил, что черные пятна на белой коре складываются в черного жеребца, так жеребец и стал нашим символом. А уж слухи про то, что мы жеребцы, пошли еще позже. После Петра Великого! (*Говоря это, Кристофер лукаво подмигивает.*)

ШАРЛОТТА: А у нас, фон Шеллингов, фамильный герб — красная роза. В знак родства с одной прежней английской династией.

КРИСТОФЕР (*с громовым хохотом*): Роза, береза!

ШАРЛОТТА (*подхватывая считалку*): Мак, табак!

КРИСТОФЕР (*пытаясь, получить поцелуй*): Девочка умная!

ШАРЛОТТА (*со смехом и визгом*): Мальчик — дурак!

Они оба хохочут и сладко целуются. Их карета летит по дороге. Спицы колес сливаются в один круг. Вдруг колеса замирают со стуком и грохотом. Раздается голос: «Все, барин, приехали!»

**Натура. Вечер. Разбитая дорога. Огромная лужа.
Рига. Ратушная площадь.**

5 г

Карета с молодыми застревает в огромной луже прямо перед старой, потемневшей и покосившейся Ратушей. На ней сидят стаи ворон, слышны их крики. Двери в Ратушу

распахнуты, сама она выглядит, как нежилая и брошенная. Возница кричит: «Вот мы и дома! Вон дом ваш — напротив!» Кристофер выскакивает из кареты, проваливается в грязную воду по колени, гогочет и засучивает рукава.

КРИСТОФЕР: Вот так я и представлял родные края! Кругом темень, грязь и немывтые латыши. Но ведь мы все исправим, верно, любимая?!

Из кареты робко выглядывает Шарлотта, она с опаской смотрит на исполинскую лужу, но тут Кристофер ее ловко хватает в охапку и переносит на сухое место. Вслед за Шарлоттой он так же ловко выхватывает из кареты верную Эльзу и тоже несет ее на сухое. Затем он с тем же громовым смехом кричит слугам.

КРИСТОФЕР: Эй, Еропка-холопка, Ванюшка, Петрушка — все подь сюды! Навалились все вместе! Ну-ка!

Слуги гурьбой бросаются в лужу. Из кареты при этом выпрыгивает Барклай, который ловко оказывается на сухом месте, надевает очки на шелковой ленте и смотрит на всю эту суету. Его — то ли случайно, то ли нарочно — пихают в грязь, он падает, слуги смеются, а громче всех сам Кристофер. По его команде народ с ревом и гиком поднимает карету из лужи и грязи и выкатывает ее на сухое место ближе к дому градоначальника. Видно, что Кристофер для людей — господин, лидер и душа компании. Барклай же, пытаясь отряхнуться, подходит к своей госпоже. Та ему примирительно улыбается.

ШАРЛОТТА: Экий, Михаил Богданович, вы неловкий. Но с лужею этую надобно что-то делать.

БАРКЛАЙ (*отряхиваясь и с чувством*): Всенепременно и как можно быстрее! Ведь это наша столица, а тут — этакое!

ШАРЛОТТА (*поворачиваясь к проходящему мимо Кристоферу*): Кристофер, ты слышал? Мы ведь будем с этой лужею что-то делать?!

КРИСТОФЕР (*с насмешкою в голосе*): А что, умник наш вроде вымок?! Латышам скажи, они сделают. А мне недосуг — по слухам охота знатная здесь на болотах, заодно и помущтрую мой полк, а то разъелись

они, пока мы с тобой нежились. *(С этими словами он подхватывает молодую жену, и они друг с другом целуются. По всему видно, как эти двое любят друг друга. Затем Кристофер ставит Шарлотту на место.)* Ну все, я пошел, мне людьми надо командовать.

Шарлотта и Барклай провожают braveго полковника взглядами. Взгляд Шарлотты восторженный, взгляд Барклая — скептический. Затем Шарлотта оборачивается и совсем иным тоном произносит.

ШАРЛОТТА: В общем, с лужею и всем прочим нам придется разбираться самим. Справимся?

БАРКЛАЙ *(с видимым облегчением)*: Разумеется, моя госпожа!

**Павильон. Осень. Вечер. Рига.
Подвал дома градоначальницы**

6г

Шарлотта стоит посреди огромного и пустого подвала и смотрит куда-то вверх. Вокруг нее бродит Эльза, которая то тут, то там находит паутину и пыль и от этого потихоньку ругается.

ШАРЛОТТА: Лабораторию мы разместим прямо здесь. Видишь, какая большая труба? Из нее получится прекрасная вытяжка, и мы с тобою не угорим в ходе опытов. Опять же вот идет самотеком вода. Все прекрасно.

ЭЛЬЗА: Все ужасно. Соглашусь с вами лишь ради вашей же безопасности. Уж лучше здесь под охраной, чем бегать неизвестно куда по этому голодному и нищему городу! И потом, что за притча? Я не училась химии или опытам. Чем я смогу вам помочь?

ШАРЛОТТА: Одной мне не справиться, мне нужен ассистент, и я не могу посвящать в государственные дела людей с улицы. Придумай сама, чем заняться, а я подыщу тебе пару учебников, и в любом случае колбы с пробирками ты всегда помыть сможешь!

ЭЛЬЗА *(с сомнением в голосе)*: Всю жизнь мечтала служить при дворе и не думала, что мой удел — мыть вам колбы. Впрочем, покажите-ка ваши записи. Посмотрю, смогу ли я этому выучиться.

Шарлотта согласно кивает и достает из сундука на полу пару огромных гроссбухов. Эльза с брезгливой миной раскрывает верхний и вдруг, хмыкнув, замечает.

ЭЛЬЗА: Боже мой, какой ужас! Какой восхитительный бардак и какой страшный ужас! Как с вашим прекрасным почерком можно так вести свой журнал?! Я знаю, чем я смогу быть полезна. Отныне я веду все ваши научные журналы с каталогами. Я наведу тут порядок, иначе со всем этим невозможно работать!

Шарлотта с несчастным видом кивает в ответ, отодвигает от стены большой стол и, придвигая к нему стул, начинает выкладывать из сундука прочие свои журналы. Вид ее в камере расплывается...

7г

Павильон. Поздняя осень. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

Шарлотта сидит за огромным столом в большой пустой комнате. Кроме стола и пары стульев в комнате ничего нет. Стены наспех покрашены, на окне вместо занавесок висят обычные простыни, и вид у жилья еще не самый обжитой. С другой стороны стола взад-вперед ходит Барклай. Шарлотта дочитывает документы, с неудовольствием бросает их на стол и с досадою говорит.

ШАРЛОТТА: Итак, казна Лифляндии совершенно пуста, рижская крепость разрушена, порт разваливается, народ в нищете, и от этого торговли практически никакой — брать доходы даже на поддержание наших штанов неоткуда. Спасибо за информацию!

БАРКЛАЙ (*с яростью в голосе*): Я сам из Эстляндии, у нас там не лучше, но мы всегда думали, что Рига — крупнейший порт. Я надеялся, что мы поднимемся хотя бы с портовых сборов, но порт, оказалось, попросту не работает, и доходы брать не с чего. Надо просто признать, что мы сами тут не поднимемся, и просить вашу тетушку, чтоб она нам прислала подъемные.

ШАРЛОТТА (*пожимая плечами*): Нет... Тетка сказала, что дарит мне всю эту провинцию и что я сама обязана с нее прокормиться.

Если я попрошу ее денег, она меня выгонит, а мне даже жить негде и денег нет. Я скорей содохну, чем соглашусь сдать Лифляндию. Нам надобно сыскать способ найти деньги.

С этими словами Шарлотта со вздохом встает из-за стола и подходит к окну. Она отодвигает простыню-занавеску и задумчиво смотрит на улицу. Вдруг с легким восклицанием она указывает куда-то и почти кричит.

ШАРЛОТТА: Парус, смотрите! Там парус! Это корабль, сейчас он зайдет к нам в порт, и мы возьмем с него деньги. Значит порт все же работает!

БАРКЛАЙ (*с горечью разводя руками*): Нет. Он идет в Митава. Даугава — река пограничная. Правый берег — наш, это Лифляндия, и наш берег низкий и топкий, а левый берег — сухой и высокий, и это Курляндия. Наш порт больше и удобнее, но митавский лучше укреплен, и это столица Биронов. Эти сволочи выговорили себе право держать Курляндию самовластно, когда умерла безумная Анна Иоанновна, а наши из-за смены династии не хотели войны. Даугава имеет топкое дно, и наша сторона у реки еще и мелкая, а у них быстрая и глубокая. Все корабли, входя в Даугаву, жмутся на курляндскую сторону, а граница идет по середине реки. Так что этот корабль будет платить за вход в порт у них, в Митаве. Опять же дорога потом из Митавы в Россию короче и по сухому, а у нас дольше и топкая. Эта самая Митава душит нашу Ригу, и ничего тут не сделать. Давайте...

ШАРЛОТТА (*резко поднимая руку*): Молчите, я думаю. (*Глаза Шарлотты неприятно сужаются, а лицо приобретает хищное выражение.*) То есть вместо того чтобы зайти к нам в порт, корабли идут в реку и поднимаются по ней к Митаве... А ежели они не смогут подняться вверх по реке?

БАРКЛАЙ (*приходя в возбуждение*): Но как это сделать? Мы не можем повесить поперек реки цепь, ибо тот берег — вражеский, и наши противники...

ШАРЛОТТА (*взмахивая рукой и пальцем указывая на Барклай*): Вот оно — конечно, противники! Мне сказывали, что еще дед Кристера воевал против Курляндии. Ну-ка, Михаил Богданович, вспоминайте, были ли в той войне дела неоконченные?!

БАРКЛАЙ (*от возбуждения аж подпрыгивая*): Так точно — были! Да вот сами Бенкендорфы всю жизнь спорят за земли в Латгалии, по-моему, с Юкскюлями или кем-то еще. Там вышло, что обе семьи имели наделы по обе стороны реки, а когда пошла заруба меж лютеранами и католиками...

ШАРЛОТТА (*хлопая в ладоши от радости*): Отлично! Вот и Кристеру работенка нашлась. Вместо того чтобы зайцев гонять да людей муштровать, пусть повоюет с этими... с Юкскюлями. За веру лютеранскую — против католиков. Только скажите ему, чтобы русских солдат на дело не брал, мол, сами латыши меж собой подрались. Ибо нечего им, курляндским католикам, на нашу лютеранскую землю рот разевать! Ручаюсь, все эти корабли поперек междуособицы вверх по Даугаве ходить позабудут. Да и не будет пути из Митава в Россию, ежели резня начнется в Латгалии! Все, все они начнут сбрасывать грузы здесь, в Риге, а вы, Михаил Богданович, их обложите пошლიной! И погрузочно-разгрузочные работы отныне у нас будут наши, ибо раз нельзя вверх по реке — здесь, в Риге, начнут товары на обозы теперь перекладывать. Ну, все поняли — с Богом!

Барклай уже со всех ног бежит из кабинета и на бегу кричит: «Да понял я, понял! Все сделаю, матушка!» и с этими словами выбегает из комнаты. Шарлотта со вздохом опять прислоняется к окну и улыбается. Прямо под окном мы видим розовый куст, хорошо обмотанный на зиму тряпками. Шарлотта опускает руку в карман и достает оттуда засушенный бутон розы. Она счастливо улыбается и, целуя его, тихо шепчет.

ШАРЛОТТА: Мой город будет весь в розах. Это будут самые красивые цветы всей Европы. Надо только дожждаться весны, и у нас все получится.

1781. «Конец войны в Новом Свете»

Кадры, похожие на кадры старой хроники. На них французские корабли под французскими и американскими флагами стреляют в корабли англичан. Английские корабли горят и тонут. По экрану идут титры: «Сегодня без объявления

войны Франция вступила в войну в Северной Америке. Вся французская эскадра тайно прибыла в Америку и уничтожила английскую эскадру возле Йорктауна. Командующий французским флотом де Грасс и командующий американской армией Вашингтон принимают шпагу у командующего английской армией лорда Корнуэльса. С этой победой союзные войска Франции и Соединенных Штатов Америки окончательно сломили сопротивление англичан в Новом Свете!» Мы видим, как по экрану плывут гравюры с победительными американцами и французами и побежденными англичанами. Наконец появляется изображение английского короля Георга Третьего.

ГЕОРГ: Это был подлый удар всем нам в спину! Я клянусь, что не успокоюсь до тех пор, пока французский король своей головой не заплатит мне за это предательство! Отныне мы сделаем все ради свержения этой подлой и преступной монархии, а также всех их еврейских и шотландских приспешников!

(Пленка идет со все более сильными хрипами, с полосами и помехами, как в конце роликов старых фильмов.)

Павильон. Лето. Утро. Рига. Дом градоначальницы

Перед нами огромная ваза с прекрасными розами. С двух сторон вазы навьтяжку стоят охранники в черном с элементами красного и белого. Над вазой огромная эмблема красной розы на белом поле, которую держит в копытах вставший на дыбы черный жеребец. С улицы раздается радостный колокольный перезвон. Мимо и вокруг вазы в неприметную дверь идет Барклай. Охранники при его виде отдают ему честь. Посреди кабинета огромный макет Риги и рижской крепости. Вокруг макета бродят Шарлотта и Эльза. Шарлотта явно на сносях и поэтому в платье распущенном. Эльза в строгом платье следует за нею по комнате как ниточка за иголкой. Шарлотта в сильном возбуждении и восторге. При виде Барклая она всплескивает руками и почти кричит от радости.

ШАРЛОТТА: Вы слышали?! Прекрасные новости! Французы давеча подло напали на англичан!

БАРКЛАЙ (*с глубоким поклоном*): Так точно, миледи. Отныне Бурбоны для всех вне закона. И я думаю, что все теперь этим воспользуются, ибо природные короли держат слово и так не обманывают. Однако не возьму в толк, что нам с того?

ШАРЛОТТА (*небрежно отмахиваясь*): Я не об этом. Я о том, что вы же Барклай и, стало быть, родня недавно свергнутым Стюартам, а я фон Шеллинг и родня давним Тюдорам. Безумный Георг ищет по всей Англии заговоры, и мы с вами для него первые враги — заговорщики!

БАРКЛАЙ (*разводя руками*): Да, он безумен и враг и вашим и моим родственникам. И я понимаю, что будут репрессии. И это — при- скорбно. Я не понимаю, в чем повод для радости?!

ШАРЛОТТА (*чуть не подпрыгивая*): Ну, Михаил Богданович, ну сами подумайте. Наши семьи враги немцам Ганновера, которые нынче правят всем в Англии. Тетка моя помогла восстанию в Америке именно из-за этого! Так давайте дадим в Англии повод считать, что от нас ветер дует, и тогда они сами погонят наших и ваших из Сити именно в нашу сторону.

БАРКЛАЙ (*приходя в возбуждение*): Прекрасно! И раз мы спасители, не будет вреда попросить чуток за спасение! Но тут надо все расчитать, с кого брать и сколько. Кому из нас лучше бы разговаривать?

ШАРЛОТТА: Ну, конечно же, вам, Михаил Богданович! Вы же мужчина. А я... Мне рожать со дня на день. Все поймут, почему я с ними общаться отказываюсь. А пойдет что не так, я скажу тетке, что вы меня не так поняли, а сами мы ни о чем таком и не думали.

БАРКЛАЙ (*потирая руки*): Да, так точно. Вы уж постарайтесь, сум- мы будут огромные, а тайный приказ не спит...

ШАРЛОТТА (*кладя руку Барклаю на рукав камзола*): Ах, друг мой! На эти деньги мы выстроим пороховой завод, откроем университет в Дерпте — все, как и хотела тетушка-венценосица. Она будет счастлива. Идите и ни о чем не тревожьтесь.

*Барклай кивает и с одушевлением выходит из комнаты.
Верная Эльза, обнимая госпожу, восклицает.*

ЭЛЬЗА: Как вы все прекрасно придумали! Мы построим и завод, и университет, и лаборатории! Местным девицам отсюда не придется теперь на сторону уезжать, чтобы устроиться на службу в Санкт-Петербург. Им будет легче здесь у нас выйти замуж. Как вы все прекрасно придумали!

ШАРЛОТТА (*со странным взглядом на Эльзу*): Да, я знаю. Прикажи-ка отныне всякий шаг Барклая учитывать. Все же деньги мимо казны пойдут тут немалые. А заодно пусть следят, чтобы и мимо нашего кармана ничего не прошло. Знаю я всех этих хэффакторов, руки у них всегда шаловливые.

ЭЛЬЗА (*без малейшего изумления*): Все сделаем. Ни один фунт и гульден не пройдет незамеченным. Каждую неделю мой доклад по Барклаю на столе у вас будет. Я правильно поняла, что все договоры пусть теперь он подписывает?

ШАРЛОТТА (*с деланным вздохом*): Разумеется, ведь я в положении. Пока мы не построим первый военный завод, чтобы я оправдалась пред теткою, ни с кем из беженцев разговаривать я не намерена.

Павильон. Утро. Рига. Ратуша

10г

В комнате за огромным письменным столом сидит молодой Барклай. Он что-то пишет. Слуга распахивает дверь, и появляются посетители. Их человек шесть-семь, все они в самых разных и при этом дорогих и чистых одеждах, причем в облике у всех них есть что-то семитское. Старший из делегации низко Барклаю кланяется.

ИСААК ИЗ ЙОРКА: Добрый день, вы согласились нас принять, и мы рады...

БАРКЛАЙ (*продолжая писать*): Ближе к делу. У меня мало времени.

ИСААК ИЗ ЙОРКА (*с чувством достоинства*): Я — Исаак из славного Йорка, пограничного города со страной моих предков — Шотландией, откуда происходит родом и ваш предок. Я всю жизнь воевал

с нашими врагами — католиками. Равно как и ваш предок. Мой дед притом был такой же Hoffaktor, как и ваш предок. Мы прибыли к вам, потому что английский король объявил нас «врагами коронь». Я всю жизнь воевал с Францией, Австрией и Испанией и скорей сдохну, чем попрошу у них хоть бы корку хлеба на пропитание. В Пруссии мы, как евреи, сейчас вне закона. В Петербург мы не смеем, ибо из-за событий в Америке есть указ не допускать нас в страну. Госпожа ваша носит английскую Розу и наша сестра по крови. Вы носите шотландский Чертополох и наш брат по крови. Припадаем к вашим ногам и смиренно просим принять нас в страну и дать нам защиту с опекою. Ваши роза и чертополох для нас — много стоят!

Под эти слова все посетители встают перед Барклаем на колени и протягивают ему свои шпаги. Тот сперва не знает, что вымолвить, а потом молча крестит всех посетителей. Камера выезжает за спины посетителей и оказывается в коридоре Ратуши. Там море людей в ермолках и пейзаж, которые все смотрят в комнату, вытянув шеи и склонив головы, с надеждой прислушиваясь к тому, как решается их судьба.

11г

«Отечество в опасности. К оружию, граждане!»

Кадры, похожие на кадры старой хроники. На них лава всадников с крыльями за спиной. Над всадниками развеваются польские флаги и католические кресты. Видны горящие деревни, на камеру показаны вереницы виселиц, на которых повешены обычные латыши. Крупно показаны польские ксендзы, которые срывают с ворот церкви прямой крест лютеран. Эти кадры сменяются видом тронной залы Зимнего дворца, на заднем плане Екатерина Великая, ее министр иностранных дел Панин объявляет.

Панин: В последние дни мы обеспокоены тем, как развиваются события в Прибалтике. Польские и литовские инсургенты Костюшко, бежавшие в нейтральную доселе Курляндию, в последнее время принялись нападать на лютеранское население Лифляндии. При этом уничтожаются лютеранские кирхи, происходят убийства пасторов

и казни мирных людей. При попытках преследования католических банд они немедленно уходят на сопредельную сторону. Ее Величество заявляет курляндскому герцогу официальный протест и официально предупреждает его, что в случае продолжения политики потачек польско-литовским мятежникам мы будем вынуждены считать Курляндию стороной конфликта и оставляем за собой право действовать в ее отношении, как в отношении противника!

Картина меняется видом Сан-Суси, дворца королей Пруссии. В кадре престарелый Фридрих Великий на троне, и перед ним его новый секретарь фон Рапп.

ФОН РАПП: Мы — Король Пруссии — милостью Божией избраны защищать весь немецкий народ от внешних напастей. Как нам стало известно, польские мятежники и бунтовщики напали на родственное нам, немцам, население Лифляндии. Пруссия, как защитница и надежда всех немцев, не может стоять в стороне и готова оказать посильную помощь Российской Империи в обуздании диких поляков, ненавидящих все немецкое. Зиг хайль!

Картина снова меняется — теперь это французский Версаль. Король Франции Людовик Шестнадцатый восседает на двойном троне рядом с Марией-Антуанеттой. Перед ними французский премьер Морепе.

МОРЕПА: Безумный прусский король опять сорвался с цепи и шлет свою помощь России, где возникли очередные трения между покорными русским местными лютеранами и дружественными нам католиками. Французская корона желает заверить курляндского герцога, что мы сделаем все возможное, дабы защитить его маленькую страну от соединенной русской и прусской агрессии! Все малые страны Европы должны знать, что получают от нас посильную помощь во имя их прав и всеобщего гуманизма!

Картина еще раз меняется — теперь это английский парламент. На троне безумный король Георг Третий, который сосет детскую соску. Вместо него на трибуну поднимается лорд-канцлер Норт.

НОРТ: Французские предатели и изменники, нарушители всех и всяческих договоров опять взяли за свое. *(Возмущенные крики*

в зале.) Теперь они поддерживают бунтовщиков, изменников и убийц польского корня против своих новых и законных прусских и русских владетелей. Как нам стало известно из достоверных источников, французская корона нынче послала в Курляндию военной помощи оружием, амуницией и боеприпасами на двести тысяч золотых лудиров. (*Гневные крики в зале, похожие на крики отчаяния.*) Нам нечем ответить на этот акт бесстыдной агрессии, кроме наших рук и наших сердец. (*Одобрительный гул и свист.*) Очень многие члены двора и офицеры из армии и флота в последние дни покинули нас, дабы дальше воевать с Францией. Его Величество поэтому объявляет, что все, кто участвует в защите нашей веры в далекой Лифляндии, отныне все еще считаются нашими подданными, а высочайшим эдиктом их переезд считается отправлением на военную службу вне пределов империи. (*Оглушительный топот в зале и одобрительный вой.*) У всех них остается их святая обязанность уплаты налогов в казну. Если они продолжают платить, их переезд не считается ни изменою, ни предательством. Увы, у нас нет лучшего способа остановить безумную Францию, помимо того, что мы пошлем наших сынов воевать с этой гадиной...

Опять картина меняется — теперь это Кристофер фон Бенкендорф в стенах рижской Ратуши.

КРИСТОФЕР: Мы подверглись подлому нападению католиков. К сожалению, причины высшей политики не позволяют вмешательство русских войск, так как Польша и Франция с Австрией грозят нам войною в ответ на то, что они считают агрессией. Однако защищать наших людей всем нам надобно, и посему Государыня дозволила нам создать ведомство по охране края, Пруссия присылает нам амуницию, оружие и боеприпасы для нового ведомства, а Англия — своих офицеров с инструкторами. Так как Россия не считает возможным участвовать в расприх католиков с протестантами, по указу Ее Величества членами нового ведомства могут быть только лишь местные протестанты.

(Пленка идет со все более сильными хрипами, с полосами и помехами, как в конце роликов старых фильмов.)

Павильон. Утро. Осень. Рига. Дом градоначальницы

Огромная кровать, в ней Шарлотта. Вокруг нее суетятся повивальные бабки. Шарлотта бледна и лежит по шею укрытая одеялом. В комнату входит Эльза. В руках у нее документы. Она громко кашляет. Шарлотта открывает глаза и знаком приказывает приблизиться.

ЭЛЬЗА: Здесь бумаги, вы должны их подписать. Вот это указ об учреждении университета в Дерпте. Это о строительстве пороховых заводов. Это приказ о заложении новой верфи. Я обсуждала с Барклаем — средства на это им выделены. Вам осталось их подписать.

ШАРЛОТТА (*со страданием в голосе*): Ты не видишь, я умираю?! Вот в жизни бы не затеяла рожать, если бы вы меня к сему не принудили. Я голову от подушки оторвать не могу! Нельзя ли с этим погодить до рожденья наследника?

ЭЛЬЗА (*суровым голосом*): Никак нет, ваша милость! Нам всем нужны верфь, пороховой завод и новый университет. Мы ждали этого всю нашу жизнь, но у нас никогда не было средств в нашем Гессене. Сейчас здесь у вас средства есть, и вам нужно лишь подписать. К тому же ежели вы не подпишете, Государыня скажет, что мы тут из казны воровством занимаемся.

ШАРЛОТТА (*отмахиваясь*): Нет, нет, мне очень плохо! Я сейчас не в себе, а тут такие средства, вдруг все изменится? Я, может быть, завтра умру, рожая наследника, и оставлю его без средств. Нет, так нельзя...

ЭЛЬЗА (*грубо прерывая ее*): Да, это так. Вы завтра можете умереть и оставить всех нас без вашей подписи. Средства уйдут в казну, и мы их никогда не увидим. А сын ваш останется, и мы будем помнить, что его мать нас ограбила. Подпишите немедленно, и вы оставите деньги в Лифляндии, и все мы будем вашему сыну по гроб жизни обязаны. Прошу вас, подписывайте, не лишайте нашей народной поддержки вашего первенца.

Шарлотта аж вылезает по грудь из-под своего одеяла и смотрит на Эльзу чуть ли не раскрыв рот. Та молча сует ей под руку листы с указами и так же ловко подает ей перо

и чернильницу. Шарлотта закрывает рот и, изумленно подняв глаза, будто хочет что-то сказать, но передумывает, и начинает подписывать. Эльза ловко выхватывает у нее из-под руки лист за листом, бегло просматривает и присыпает листы из особой солонки с песком, дабы чернила не смазались. Когда же листы подписаны, Эльза низко кланяется Шарлотте, целует ей руки, крестит и выходит из комнаты. Дверь за ней на мновение раскрывается, и мы видим, что комната перед спальней заполнена генералами, чиновниками и даже епископами. Все они толпой окружают Эльзу, и на этом дверь закрывается.

13 г

Павильон. Осень. Утро. Рига. Дом градоначальницы

Печальный звук мерных ударов колокола. На огромной кровати лежит бледная Шарлотта. Она то ли спит, то ли без сознания. Около нее сидит и меряет ей пульс доктор в черном. Рядом бледная Эльза с вязанием. Вдруг Шарлотта приходит в себя и начинает вставать, как бы сгибаясь наполовину, как это уже было с ней после событий в Зимнем. Эльза тут же оказывается рядом и протягивает ей стакан с водой. Шарлотта, почти не глядя, ловит рукою стакан и жадно пьет. Доктор Шульц церемонно ждет, пока больная напьется. Наконец Шарлотта допивает воду и хрипло бормочет.

ШАРЛОТТА: Это был... мальчик? От известия я лишилась чувств и забыла спросить...

ШУЛЬЦ: Да, это был мальчик. Я предупреждал вас. Вы рода фон Шеллинг, и у вас особая болезнь — «проклятие Шеллингов». Это особое состояние крови, при котором роженица легко умирает в родах или ее тело убивает младенца. Разные сорта крови: у вашего мужа, по крови Романова, кровь обычна, а у вас она проклята. Будь у вас обеих кровь обычная или у обеих проклята, вы бы родили без проблем. Я предупреждал вас, что нельзя вам рожать от Романова.

ШАРЛОТТА: А что мне делать? От меня ждут наследника, и именно от моего мужа?!

Шульц (*разводя руками*): Вы обязаны развестись или найти мужчину, внешне похожего на Романовых. Вот смотрите сами — у вас над кроватью ваш герб. Ведь это роза английских королей — Тюдоров?

Шарлотта опять выгибается, пытаясь рассмотреть свой же герб. Эльза ее не пускает, силой возвращая в исходное положение, и негромко шипит.

Эльза: Боже мой, какое невежество! У Тюдоров вся середина цветка была белая. У Ланкастеров белый был только пестик, а тут — пестик темный. Фон Шеллинги — наша, германская ветвь Ланкастеров, а Тюдоры — французская! Путать немцев с Тюдорами — оскорбление!

Шульц: Ах, все равно родственники! Ланкастеры с Тюдорами вымерли, ибо у них были вечные проблемы с наследниками. А беду эту зовут «проклятием Шеллингов» лишь затем, что одна германская ветвь дожила до поры, когда поняли, что это — наследственная болезнь. Вы должны развестись и найти мужчину с «проклятием», и тогда у вас будут наследники. Иного выхода нет!

Шарлотта (*откидываясь на подушки с шипением в голосе*): Вы только что мне посоветовали изменить мужу и вашему Государю Лифляндии. Подите прочь! Эльза, распорядись, чтобы ему заплатили, и чтобы на порог его не пускать!

Эльза быстро выводит доктора из комнаты. Шарлотта же горько плачет.

Натура. Осень. Утро. Рига. Ратушная площадь

14г

Печальный звук мерных ударов колокола. Ратуша вся в строительных лесах. Кругом камни, носилки, ведра с известью. У дверей Ратуши сидят солдаты в разномастной одежде. На краю площади на завалинке рижские бюргеры степенно курят свои трубки.

Улдис: Вы слышали новости? Во-первых, по слухам в колокола бьют, потому как госпожа баронесса плод выкинула, а во-вторых, зять мой вчера с Даугавы вернулся. Служил там месяц в ведомстве по обороне края. Заплатили ему исправно — завтра будем расширять

мою лавку. Месяц отдохнет, потом опять едет биться. Только это секрет, ибо мы вслух называем всех этих земессаргов разбойниками!

Центис: Так они и есть бандиты с разбойниками. Вы не подумайте, что я ругаюсь или там жалуюсь. У меня самого в этом ведомстве по охране края сестрин сын нынче служит. Только он пока не воюет, их муштрует на сборах сам фон Бенкендорф. Заставляют их на учениях чуть ли не землю жрать, вот вам крест. А как выучатся, поедут охранять наш с вами край на Даугаву. А уж там как Бог даст, или с прибытком домой, или заруют там под кустом, как разбойника.

Улдис: А я так скажу: давно надо было найти укорог на католиков. Эта война длится вечно. Никогда мы, дети Велса, не склонимся перед литовцами, детьми Перконса. Потому-то мы — лютеране, а они — католики. Курляндцы-то сдались и крестились все в католичество, вот и нас тоже хотят. А мы будем драться! Это — наша земля!

Лаймонис: Именно так, кум, именно так. Ни пяди с нашей стороны Даугавы этим католикам. С нами Велс и крестное знамение! Я и сам думал в земессарги записываться, да лавку бросить не на кого.

Центис: Ну, не знаю. Мне страшно. Может, деньгами как-нибудь откупиться? Там ведь кто с боя с прибытком, а кого и повесят в Митаве на базарной площади... Я не пойду. Разбойники эти земессарги, разбойники...

Голоса рижан постепенно стихают под неумолчным криком ворон. Печально бьет колокол. Темнеет.

15 г

Натура. Поздний вечер. Рига. Осень.

Ратушная площадь

В темноте происходит движение. Из дома градоначальницы спешно выходит Шарлотта. Она опять в черном мужском офицерском мундире германской армии, следом за нею темною тенью спешит верная Эльза. Она тоже в черном мужском офицерском мундире и поэтому стала очень похожа на госпожу. Обе садятся в карету, карета трогает с места и начинает движение. Печальные удары колокола, крики ворон над Ратушей. Колеса кареты

приходят в движение и обращаются в два круга. Потом камера поднимается вверх, и мы видим внутренности кареты.

Павильон. Поздний вечер. Осень.
Карета на дороге в Санкт-Петербург

16г

Мы видим, как в темной карете рядом сидят Шарлотта и Эльза. Напряженное молчание, звуки движения. Потом Эльза спрашивает.

ЭЛЬЗА: Куда мы едем? Вы сказали мне взять оружие.

ШАРЛОТТА: Мы едем в Гатчину. Вы нужны мне, если нам вдруг кто-нибудь встретится. Никого другого в мое дело я посвятить не могу.

ЭЛЬЗА (*с сухим смешком*): В этом приключении мне нравятся ваши слова «вдруг кто-то встретится». Это дает надежду на лучшее. Кто этот «кто-то»?

ШАРЛОТТА: Я много думала, и меня осенило. Государыня Екатерина моя тетка, и она фон Шеллинг, а ее муж был Романов. Наследник Павел по крови или Романов, или фон Шеллинг, а Мария — из Вюртемберга, и я не слыхала, чтоб у них было проклятие. Но я знаю, что Наталья Гессенская успела родить Павлу двух мертвых мальчиков, и поэтому я уверена, что Наталья была с кровью обычной, а у Павла кровь Шеллингов. Я слыхала, что первые роды у моей тетки и у принцессы Марии прошли неудачно, что совпадает с описанием моего недуга. А потом Государыня родила Наследника Павла, а Мария уже двух Наследников — Александра и Константина. Мы едем в Гатчину, вызовем наружу Марию Федоровну, и я спрошу ее, как удалось ей обойти «проклятие Шеллингов».

ЭЛЬЗА: Ну, откуда появился Наследник Павел, земля слухом полнится. Он изумительно похож на своего же учителя Салтыкова, а отец его — царевич Петр Федорович — был скорбен на голову и мог любить женщин лишь с физическим недостатком — кривых, слепых да горбатых, а ваша тетка была очень хорошенькая. И вот, дабы подарить царице Наследника, по словам Салтыкова же спяну, Государыне нужна была и его помощь.

ШАРЛОТТА: Боже... Как он смог остаться при Павле?

ЭЛЬЗА (*пожимая плечами*): А что ему станется? Он стал язык распускать лишь после того, как тетка ваша стала царицею, а бедный Петр Федорович в заключении скоропостижной простудою помре. Так что Салтыкова за сию шутку даже не пожурили, а ровно наоборот — лишь его Павла обучать и оставили. Дыма нет без огня.

ШАРЛОТТА (*как от холодного ветра поевжившись*): Я хорошо знаю Марию. Не думаю, что она своего мужа обманывает. Я уже готова на все, лишь бы остаться верной Кристоферу и родить ему все же наследника. Даже если мне придется продать свою душу.

ЭЛЬЗА: Да, похоже, что нас ждет занимательная беседа с Марией Федоровной.

Камера отдаляется, и мы видим, как по дороге катится карета в Санкт-Петербург. Поверх нее появляется надпись: «Конец первой серии», и начинают идти титры.

Серия 2

Aller guten Dinge

(Все хорошее)

1772. Павильон. Колледж иезуитов в Гессене

1 а

На пленке появляется темная келья. Друг напротив друга за конторками стоят две девочки, темненькая и светленькая. Обе в одинаковых черных пажеских нарядах с кокетливыми черными оборками. Темненькая что-то пишет, у нее от усердия даже чуть высунут язык, светленькая явно скучает и, вместо того чтоб писать, рисует у себя в тетради картинки. Наконец темненькая заканчивает писать и подает свою тетрадь светленькой, которая начинает у нее списывать. Темненькая же идет к полке и достает из шкафа какую-то книжку, разворачивает ее на закладке и начинает читать. Светленькой становится скучно все списывать, и она канючащим голосом говорит.

МАРИЯ: Шарло, ты не могла б мне помочь?!

ШАРЛОТТА: С радостью, но аббат смотрит почерк, ответы должны быть писаны твоею рукой. Потерпи, Марихен, там немного.

Мария сопит, но пишет дальше. Наконец она с радостью бросает перо в чернильницу, и оно попадает, а Мария от радости громко хохочет и хлопает в ладоши.

МАРИЯ: Уф, кончено! Теперь осталось лишь прочесть какой-нибудь стих и готовиться к танцам! Сегодня на вечере будем танцевать вальс, как обычные простолюдинки, а пока мы потренируемся, и ты будешь мой кавалер!

ШАРЛОТТА (*закрывая книжку*): Разрешите вас пригласить на тур вальса!

МАРИЯ (*со смехом*): У вальса нет туров, как ты не помнишь?! А еще у простых нет политеса и прочего! Но... Хорошо, разрешаю! Тра-та-та, тра-та-та...

Шарлотта с церемонным поклоном приглашает Марию на танец, и девочки начинают легко кружиться по комнате. Вдруг раздается громкий стук в дверь, и подружки посреди танца сразу же замирают. Они стоят, молча обнявшись, а потом Мария начинает вдруг всхлипывать и шептать.

МАРИЯ: Ах, Шарло, если нам суждено отсюда когда-нибудь вырваться и меня не постригут в монастырь, я тебя никогда не забуду! Ты моя самая лучшая подруга! Самая-самая... Ты моя подруга — единственная!!!

2 а

1781. Натура. Зима. Вечер. Зимний дворец. Крыло фрейлин

Шарлотта и Эльза поднимаются по лестнице, ведущей к дверям в крыло фрейлин. Эльза подходит к двери и стучит в нее особенным стуком. Дверь открывается, появляется осторожно озирающееся лицо молоденькой фрейлины. Девушка убеждается, что «чужих» нет, и знаком приглашает зайти во дворец. Шарлотта и Эльза скрываются внутри.

3 а

Павильон. Вечер. Зимний дворец. Крыло фрейлин

Подруги раздеваются в некоей пустой комнате без чьих-то личных вещей, похожей на помещение в деловом присутствии. Здесь есть лишь стол, пара стульев, простые занавески на окнах и вешалка. Когда женщины снимают плащи, видны их простые офицерские мундиры черного цвета — на прусский манер. Из ярких пятен мундира — лишь

белые кружевные воротники и манишки. Тут распахивается дверь, и в комнату вбегает Мария Федоровна. Она тоже в русском офицерском мундире зеленого и красного цвета, воротничок и манжеты которого отделаны то ли драгоценными камешками, то ли стеклышками и украшены рюшечками. Она с радостным визгом бежит обниматься и целоваться с подругами (с Шарлоттой особенно) и сразу начинает показывать им свой наряд, который пошили по ее срочному заказу вот только что.

МАРИЯ: Как только я прочла твое письмо, что вы путешествуете в мужском платье, я тут же решила, что пошью себе точно такое же! Вам не кажется, что оно вот тут меня немного толстит?! Ах, мой милый карла так счастлив, когда видит меня в мужском платье, что я вечно его этим балую! Вот только я, похоже, раздалась в талии, и мне приходится все время перешивать на более широкий размер. Это так грустно! Рассказывайте, как вам удастся так следить за собой, чтоб вы нисколько не толстели?! Ты, Шарло, что ни ешь — все равно вечно как спичка, а Эльза, наверное, все вечно учитывает и никогда не ест всего вкусного. Я угадала? (*Оглядывает Шарлотту критически.*) Ну, пожалуй, ты тоже перешиваешь мундир — чуточек на заднице. (*Сама немного смущается и меняет тему.*) А когда придет Кристофер? У нас давно не было бала, а он так танцует мазурку! Шарло, я лучшая твоя подруга и ангажирую Кристера на три тура танцев загодя. Пусть так и запишут для публики! Я записалась бы и на большее, да карла мой ревнив, как сам черт, и не будь муж твой ему брат, он точно бы вызвал его на дуэль уже вместо третьего танца! Это было бы так романтично... Когда у нас бал?

ШАРЛОТТА (*нервно улыбаясь*): Ах, Марихен, боюсь, что Кристер не может. Государыня поручила ему командование над ведомством по охране края, так что он нынче воюет с католиками...

МАРИЯ (*в ужасе зажимая рот*): Ой, господи, он что нападет и убьет моих папу с мамой?! Ведь мы же католики! Да и ты католичка, и Эльза... Он решил воевать против нас?! (*Лицо Марии начинает дрожать и искажается, будто она вот-вот заплачет.*)

Шарлотта и Эльза, не сговариваясь, бросаются к Марии и начинают ее утешать.

Эльза (*с успокаивающей интонацией*): Да полно, Марьюшка, это другие — плохие католики. Где наша Рига и где ваш Штутгарт? Да от нас до вас и палкою не докинуть. И как Кристиер будет воевать против тебя или нашей Шарлотты? Ведь вы же немки! А он воюет против плохих — против польских католиков! Да еще против их французских наемников. А наших немецких католиков — таких как ты да Шарлотта — он только любит!

Мария (*всхлипывая*): Так и сказали бы сразу, что воюет он против панов с лягушатниками! Папа как-то раз говорил, что вся беда у нас от французов и всяких их идеек и вольностей! Я так и знала, что Кристиер хороший! Он — добрый! Он не может быть против нас!

Шарлотта (*разводя руками*): Прости меня, я неправильно выразилась. Конечно, он воюет с поляками. И поэтому ему сейчас не до балов.

Мария (*утирая слезы и облегченно вздыхая*): Ну, конечно, прощу! Ты всю жизнь под руку каркаешь и говоришь все не так! Уж такая ты уродилась, а я все равно тебя люблю, потому что мы с тобою — подруги! Но тебе надобно что-нибудь с этим делать. Вот зачем ты оделась вся в черное, как ворона?! А давай мы пошьем тебе веселый наряд? Представь, у тебя будет белый мундир. Я в детстве часто ездила в Вену и помню, что все австрийцы носят белую форму и выглядят красивей, чем пруссаки!

Эльза (*с легким покашливанием*): Ваша подруга пристрастилась к химическим опытам, а их лучше проводить в мужском платье, и белый цвет для этого непрактичен. На черном не видны пятна от химикалий. Это удобнее.

Мария (*опять приходя в хорошее настроение*): Ну, так я и думала! Тебе просто нравятся все эти ужасные запахи. А мне нравятся запахи тортов и пирожных, и поэтому ты все так же тоща, а я — увы — все толстею! Но раз Кристиера нет и новый мундир вы пошить не желаете, что за дела у вас здесь, в столице?

Шарлотта (*с сомнением в голосе*): Ты знаешь, у меня тут небольшая проблема. Мы в дальнем родстве с твоим Павлом, а у нас в роду есть беда...

МАРИЯ (*небрежно отмахиваясь*): Какая такая беда? Да что у вас общего? Ведь Павлуша мой — такой карла-дурак, а ты у нас такая умница да красавица!

ЭЛЬЗА: Да она-то умница, только давеча младенчика выкинула...

МАРИЯ (*аж подпрыгивая*): Ах, мон шер, я так плакала! У меня тоже первый был выкидыш. Я думала, что с горя у меня из груди сердце выпрыгнет! А потом все и сладилось.

ШАРЛОТТА: Да как же сладилось? У меня-то — никак...

МАРИЯ: А это все потому, Шарло, что ты у нас редко плачешь. Я как заплакала, как заплакала, так мне тотчас доктора привели. А он прямо у меня на глазах какую-то микстуру сварил, и я ее полжизни пила. И у меня родился мой Сашенька.

ЭЛЬЗА (*с видимым интересом*): А почему же при вас? Ведь, наверное, проще было сварить ее где-нибудь, чтобы воздух не портить всякими запахами?

МАРИЯ (*небрежно*): Точно, Элли! Я тогда от всех этих запахов вся измучилась! Я им и так говорю и этак, а они мне все долдонили про секретность. Лекарь и вправду хотел домой за нею пойти, да его из моей почивальни не выпустили. Вот он у меня на глазах ее и варил. А я от этой вони вся тогда извелась.

ШАРЛОТТА: А ты не могла бы... Может быть, у тебя осталось немножечко того средства? Или ты помнишь имя этого лекаря?

МАРИЯ (*небрежно*): Не, средства нет. Его выдают по часам и следят, чтоб я до дна все выпила, а не выплюнула. А лекарь тот — дядька твой, еврей Шимон.

От этих слов Шарлотта с Эльзой многозначительно переглядываются. Эльза делает решительный шаг к вешалке, а Шарлотта, чуть придержав Эльзу рукой и расплываясь в улыбке, обнимается с Марией Федоровной.

ШАРЛОТТА: Марихен, я писала тебе, но хочу поздравить тебя еще раз с твоими прекрасными детками. Один краше другого...

МАРИЯ (*небрежно*): Не, не краше. Сашка-то да, этот будет красавчиком, а Костик — тот нет. Этот у меня будет карлой.

ШАРЛОТТА (*ошеломленно*): То есть как? Зачем же карлюю?

МАРИЯ (*радуясь вниманию*): А дядька твой меня прямо спросил: какого сына, мол, хочешь? Можем сделать, чтобы внешне был похож на тебя, а смышленьем на Павлика, а можем наоборот. А я и подумала: зачем моему сыну — Наследнику! — быть уродом? Вот и просила я, чтобы Сашка мой был лицом похож на меня, а разумом был как мой Павел. А потом родила я его, смотрю — и совестно мне аж до ужаса. Так позвала я опять Шимона и говорю ему: так нечестно, еще одного сына хочу, и чтоб ликом он был похож на отца, а на меня своим разумом.

Эльза, которая при этих словах опять идет к вешалке, только вздыхает и крестится, а Шарлотта еще раз обнимает Марию Федоровну, целует ее и говорит.

ШАРЛОТТА: Ах, Марихен, ты такая хорошая! Я тебя так люблю! Но нам пора к дяде Шимону, спасибо тебе огромное!

МАРИЯ (*сразу куксаясь*): Так не честно! Я вам все рассказала, а вы все узнали и шасть — искать приключения! Почему, вот почему всегда всем вокруг все интересное, а мне — никогда, ничего! Вам хорошо, у вас война, погони, опасности, а я старалась, ждала вас, шила военный мундир, чтоб и у меня были трудности! А вы... А вы... А-а-а-а!!! (*Она пронзительно кричит и заливается слезами.*)

В коридоре слышно движение. В комнату заглядывает перепуганная фрейлина, к ней выбегает Эльза, и какое-то время слышны два диалога.

НАСТАСЬЯ (*из-за двери*): Вы что творите? Сейчас тревога будет на весь дворец! Сюда примчится Наследник, и всех нас поведут пороть на конюшню!

ЭЛЬЗА (*из-за дверей*): Ах, прости меня, Настасья, пожалуйста!

ШАРЛОТТА (*обнимая Марию и целуя ее глаза*): Ой, прости, прости, не подумала! Мы все вместе сейчас поедем на приключения. Съездим к дяде Шимону, проветримся, а ты посмотришь, как в еврейском квартале живут. И я там, как приехала, была пару дней. Там интересно... Мы вместе зажжем менору, я покажу тебе свиток Торы. Не плачь, Марихен, у нас сейчас будет интересное приключение!

Камера отъезжает от группы, мы видим какие-то тени, которые вроде выходят из Зимнего, различаем Эльзу, которая что-то при прощании приказывает давешней фрейлине, затем мы видим три тени в офицерских мундирах, которые садятся в карету...

Павильон. Зима. Карета. Набережная Мойки

4 а

Шарлотта, Мария и Эльза едут в карете от Зимнего вдоль Мойки к домам, которые в те дни зовут еврейским кварталом. Эльза просто сидит спиной к движению, лицо ее неподвижно. Шарлотта с Марией сидят на заднем сиденье по движению, Мария все время в окно кареты выглядывает и видами восторгается, а Шарлотта пытается ей помешать. Похоже, что Мария редко бывает в городе и все ей в новинку. В какой-то миг она кого-то узнала, сильно высовывается и, размахивая руками, кого-то приветствует. Шарлотта, морщась, как будто у нее болит зуб, похоже, отчаялась бороться с подругой, а Эльза с видимым безразличием спрашивает.

ЭЛЬЗА: Как странно... Не думала, что вас есть знакомые среди местного гетто.

МАРИЯ (беззаботно): Ой, смотрите, какая шапка! Не, он из тайного приказа, а не из гетто. А вон еще!

ЭЛЬЗА (безразличным голосом): Кто из тайного приказа?

МАРИЯ (опять высовываясь из окна): А вон, смотрите, какая шапочка с ушками! Этот хрен с противным лицом, которого приставили к ее дядьке. Я прикажу, чтобы мне сшили такую же!

ЭЛЬЗА (с нарастающим интересом): Чьему дядьке?

МАРИЯ (с легким раздражением): Ну, нашей Шарло! Тому, к которому мы сейчас едем! А вон смотрите, какой у него шарф, я хочу, чтобы у меня был такой же!

Карета останавливается, но Шарлотта сидит будто оцепенелая с помертвелым лицом, а Мария тербит ее и в глаза

ей заглядывает. Эльза же твердой рукой берет госпожу за плечо, резко встряхивает и говорит, пристально глядя в глаза перепуганной женщине.

Эльза (с нажимом в голосе): Мы с вами едем, чтобы забрать вашего дядю с теткой и всем их выводком к нам, в Ригу! Нам нужен домашний врач, и вы вспомнили, что ваш дядя — лучший врач из столицы. Никаких других планов и причин его забирать у нас не было. Нам нужен домашний врач, и вы хотели, чтобы это был только родственник. Не так ли?

Шарлотта (судорожно сглатывая): Да, все так. Мне сейчас нужен врач, и кто как не мой родной дядюшка?! Марихен, ты сама видишь, у меня порой случаются приступы паники с обмороком, и мне нужен врач, кто б про мою беду чужим не сказал.

Мария (счастливо улыбаясь): Эвон как тебя порой сводит! Не бойся, никому не скажу. Конечно, в таких делах нужен свой!

Шарлотта еще мгновение колеблется, и Эльзе приходится ее подтолкнуть, чтобы вышла. После этого она мило улыбается Марии Федоровне, и та сама выпрыгивает из кареты вперед, к приключениям.

5а

Павильон. Зима. Вечер.

Темные лестницы дома Боткиных

Три подруги крадучись поднимаются по лестнице. Дом старей и гулкий, в нем хорошо раздаются все звуки, и по мере того как женщины поднимаются, звуки жизни в комнатах вокруг затихают, будто жильцы, услышав тихие шаги женщин, по норкам все прячутся. Даже перестает плакать младенец где-то за стенкой. Только шепотки и будто шуршание мышей за темными запертыми дверями. Наконец Шарлотта находит дверь в дядину квартиру и осторожно стучит. В ответ тишина. Тогда Эльза звонко и гулко стучит в дверь рукоятью своей шпаги. Дверь тотчас же открывается, и на пороге стоят перепуганные и белые как мел Боткины. Дядя и тетя в ночных халатах и колпаках, и оба

с одинаковыми накинутыми на плечи теплыми шальями. За их спиною движение, и видно, как их дети то выглядывают из комнат, то назад прячутся. В руках у обоих зажженные меноры, которые они держат так, будто хотят за них спрятаться от пришельцев. Узнав Шарлотту, доктор Боткин расплывается в кривоватой улыбке.

Боткин (*суетливо и заискивающе*): Ах, девочка моя, как здорово, что ты к нам приехала! А это твои подружки? А мы-то думали, что опять...

Роза Боткина (*холодно и пугливо*): Здравсьте...

Шарлотта в ответ молча входит в квартиру, за ней следом так же молча заходят подруги. Жена Боткина бежит впереди, освещая дорогу менорою, а доктор Боткин, пугливо озираясь, выглядывает на лестничную площадку, а потом уходит в квартиру, плотно запирая за собой дверь.

Павильон. Зима. Вечер. Кухня Боткиных

6 а

На кухне Боткины вдвоем забиваются в уголок, стремясь занять как можно меньше места. Эльза встает у двери в позицию «охранника» (ноги на ширине плеч, руки чуть скрещены: одна на эфесе шпаги, вторая на рукояти кинжала. Ее вид явно пугает маленьких Боткиных до дрожи. Шарлотта садится за кухонный стол, вид у нее несчастный. Мария с интересом рассматривает безделушки, заглядывает в шкафчики, ей приключение явно нравится. Боткины с ужасом смотрят то на мрачную фигуру Эльзы, то на согбенную фигуру племянницы и не садятся с нею за стол, будто стремясь срастись с мебелью. Наконец, Шарлотта прерывает молчание.

ШАРЛОТТА: Даже не знаю, с чего начать... Дядя, что вы знаете о «проклятии Шеллингов»?

Боткин (*судорожно сглатывая*): Это — болезнь. Наследственная болезнь. Это свойство у крови. У одних людей кровь как масло, а у других — вроде уксуса. И они вместе не смешиваются. Если

обычный человек с кровью как масло женится на девице с кровью навроде укуса, то от смешения кровей плод рождается мертвым. Кровь как будто сворачивается. Только у древних королевских родов вроде Тюдоров и Ланкастеров и их немецкой ветви фон Шеллингов умирают лишь мальчики. Это и называют «проклятием Шеллингов».

ШАРЛОТТА (*с неприятным нажимом в голосе*): Стало быть, у меня кровь как укус... А у тебя — вроде масла... Вон сколько вы наделали для меня кузенов... А мне что делать?

БОТКИН (*нервно всплескивая руками*): Нет, вы меня неправильно поняли. Я сказал это фигурально. Кровь у вас самая лучшая...

ШАРЛОТТА: С каких это пор я для вас стала вдруг «вь»? Почему не ты — мой родной и любимый дядюшка — мне докладывал, что ты знаешь об этой болезни и у тебя есть средство против нее? Может быть, ты надеешься, что, когда я бездетной умру, дети твои деньги и земли мои унаследуют? Таков план?!

Жена Боткина начинает в углу громко всхлипывать, сквозь ее рыдания слышны вздохи: «Я так и знала, так и знала! У нее все и всегда — через деньги!» Боткин пытается что-то сказать, но язык не слушается его, и поэтому он может только головою мотать и пытаться хоть слово вымолвить. Наконец ему удается вернуть присутствие духа.

БОТКИН (*заламывая руки*): Я не это хотел сказать. Я мечтаю, чтобы у нас были ваши племянники. Но.... Государыня... Она же нас всех сживет со свету... Поймите, мы в таком положении...

ШАРЛОТТА (*жестким голосом*): Я — понимаю. Ты — моя кровь, и ты предал меня ради повеления моей тетки. Чего же тут не понять?

БОТКИН (*в совершенном отчаянии*): Да нет, все не так! Государыня говорила, что вы можете рожать от кого вам по сердцу. И ваши дети окажутся ее внуками. Она вас нарочно выдала именно за Кристофера, чтобы у НЕГО законных детей никогда не было! Ибо он — внук Петра Великого, а ее сын — только правнук. А у ВАС детей может быть столько, сколько вы пожелаете!

ШАРЛОТТА (*поворачиваясь к Марии и Эльзе*): Этот эскулап всерьез предлагает мне супружескую измену?!

Эльза вместо ответа достает свой кинжал и начинает преувеличенно тщательно проверять его остроту на кукле, забытой на кухне детьми Боткиных. Пока она отрезает кукле ручки и ножки, Мария начинает нервно хихикать. Жена Боткина принимается читать какую-то молитву на идиш, а Боткин бледнеет как мел, из глаз его начинают течь слезы.

ШАРЛОТТА: Мы приехали забрать вас к нам в Ригу. Я делаю тебя моим личным доктором, и как мой дядя и личный друг ты будешь лечить меня всеми своими лекарствами. Ведь ты же хочешь быть моим другом?

БОТКИН (*заливаясь слезами*): Да... Я ваш друг. Но они же... Они следят за мной... Они убьют всех, и меня, и Розы, и всех наших деток. Пощадите нас... У вас может быть столько детей, столько много мужчин, а нас же зарежут по очереди!

Руки Шарлотты безвольно падают, и она, ссутулившись, поворачивается и идет куда-то из комнаты. На пути у нее встает Эльза.

ЭЛЬЗА: Вы куда? Что случилось?!

ШАРЛОТТА (*устало махнув рукой*): Они не хотят. Они слишком запуганы. А что я могу? Кроме них или тетки, у меня никого больше нет. Теперь у меня не будет детей, ибо клятв моих Кристоферу я не нарушу, а что тетка моя, Государыня, что они — мои дядя и тетя против того, чтобы я родила сына честно. И что теперь? Пойдем...

При этих словах Мария приходит в движение, она начинает лихорадочно дергать свою шпагу, пытаясь ее вытащить. Та цепляется за ее кружева, и тогда Мария, аж подпрыгивая на месте от возбуждения, хватает с буфета кухонный нож и начинает им хаотично размахивать.

МАРИЯ: Стой, стой, стой! Так нельзя! Ты куда собралась?! Ты не можешь, они твоя кровь, но мне-то они никто! А ну быстро — собрались и бегом в Ригу, как вам приказано! Живо, твари! Всех порежу! А кто сейчас убежит — пожалеет, ибо я буду потом Государыней! Что, боитесь гнева Ее Величества!? Я буду Ее Величеством, меня бойтесь, сволочи!

От ужаса жена Боткина начинает кричать, сам Боткин зажмуривается, тут со скрипом открывается дверь, и на кухню вбегают сын Боткиных.

САША БОТКИН: Что с тобой, мамочка?! Ой...

Нож в руках Марии описывает большую дугу, и та, поворачиваясь вслед за ножом, утыкается острием в руку мальчика. Во все стороны брызжет кровь, Мария взвизгивает и падает в обморок. Эльза тут же делает шаг вперед и рукой зажимает порез на плече у мальчика, а Шарлотта бросается к сомлевшей Марии.

ШАРЛОТТА: Осторожнее, Марихен!

Ошеломленные Боткины стоят помертвелые, Эльза же, оборачиваясь к доктору, приказывает.

ЭЛЬЗА: Что стоим? Сыну-то помочь сможем?

Боткины приходят в движение. Жена Боткина начинает метаться в поисках бинтов, а сам Боткин ловко надрывает рубаху у сына на плече, приговаривая.

БОТКИН: Все хорошо, удар был поверхностный, кость не задета, сейчас мы все сделаем!

ЭЛЬЗА (*обращаясь к жене Боткина*): Роза, ведь вас зовут Роза? Собирайте детей, я вам помогу. Вы сами все видели. Лучше в Риге бояться Ее Величество, чем Ее Высочество — здесь. Вы меня понимаете?

Боткина начинает судорожно кивать головой и выбегает из кухни. Слышен ее голос: «Собираемся, быстрее все — собираемся!» Раздаются звуки, будто где-то в квартире принялись двигать мебель. Тем временем Мария потихоньку приходит в себя, и Шарлотта даже смеется от облегчения и от радости.

ШАРЛОТТА: О господи, больше так не пугай меня, Марихен! Какое счастье...

МАРИЯ: Они послушались? Они с вами едут?

ШАРЛОТТА: Да... Конечно... Ты так нас всех выручила!

МАРИЯ (*со счастливой улыбкой*): А как иначе? Ведь ты моя единственная подруга. Самая лучшая!

Павильон. Зима. Вечер. Прихожая Боткиных

7 а

В темную прихожую выходят Шарлотта и Эльза. Из квартиры Боткиных раздаются звуки, будто там что-то то ли ломают, то ли двигают, то ли разбивают посуду.

ШАРЛОТТА: Ну, мы поехали. Марию нужно вернуть во дворец, пока ее не хватились, а ты проследи, чтобы тут из этого отъезда не сотворили массовые еврейские проводы. А то знаю я их — они на отходную весь квартал созовут.

ЭЛЬЗА: Все сделаю. Мышь не проскочит.

В прихожей появляется усталая Мария Федоровна. Сильное нервное напряжение ее явно вымотало, и она позевывает.

МАРИЯ: Ну что? Интересное все закончилось?

ШАРЛОТТА: Да, Марихен, нам надобно вернуться во дворец, пока Настасья дверь не заперла.

МАРИЯ (*сладко зевая*): У-у-ах. Да, пора...

**Натура. Зима. Вечер. Вход в Зимний дворец
с крыла фрейлин**

8 а

Перед приоткрытой дверью во дворец Мария и Шарлотта прощаются.

ШАРЛОТТА: Не знаю, как тебя и благодарить...

МАРИЯ (*со сладким зевком*): Да ты бы для меня то же самое сделала! Погоди, Шарло... Я, когда была в тягости и ту гадость пила, много плакала, и Павлуша мой дарил мне диковины разные. Так и ты тоже плачь. Пусть и тебе Кристер тоже подарит чего-нибудь!

ШАРЛОТТА (со счастливой улыбкой): Ты сама не знаешь, Машенька, какое ты — мое чудо!

МАРИЯ: Ну все, до встречи и до новых приключений? *Aller guten Dingen sind Drei!*

ШАРЛОТТА: И то правда. Бог троицу любит!

С этими словами подруги лобызаются и прощаются. Камера отъезжает назад, и вдруг мы видим эту сцену прощания из окна напротив. А там — в темной комнате стоит и на эту сцену прощания смотрит Наследник Павел. Камера снова делает наезд на сцену прощания, и вдруг мы замечаем, что правый белоснежный манжет мундира Марии Федоровны кровью выпачкан.

9а

Павильон. Зима. Ночь. Квартира Боткиных

Боткины всей семьей бегают по квартире и двигают мебель, хватаясь то за то, то за это. Посреди всего этого бардака стоит Эльза. Вид у нее страдальческий.

ЭЛЬЗА: Стоп, что это за тряпка?

РОЗА БОТКИНА: А это была кофта моей прабабушки. Вот когда Саша вырастет, я из нее сделаю замечательную жилеточку.

ЭЛЬЗА: А это что за дерьмо?

БОТКИН: Это не дерьмо, а коллекция глин Подмосковья. Ее собирал мой дед, Шарлоттин прадедушка, который был первым ребом...

ЭЛЬЗА: Зачем вы двигаете этот шкаф?!

РОЗА БОТКИНА: Его нам завещал наш реб Соломон, в этом шкафу теперь его святость!

Эльза с грохотом бьет каблуком по полу и, доставая шпагу, начинает мерно ею молотить по стене так, чтобы каждое ее слово было услышано.

ЭЛЬЗА: Стоять! Всё. Мы. Несем. Сюда. Я. Сама. Разделю. Это. На. Две. Кучки. То. Что. Я. Положу. Направо. Мы. Берем. Что. Налево. Здесь. Остается. ПОНЯТНО?!

Боткины (*хором*): Но это же все нам так нужно!

ЭЛЬЗА: Молчать! Каждый берет только то, что сумеет на себе унести. Через полчаса мы выходим. Время пошло!

Павильон. Зима. Утро. Квартира Боткиных

10 а

Пустая квартира Боткиных. Вещи кучами навалены по углам. По кухне ходит невзрачный человек в серой одежде. Посреди кухни он приседает и разглядывает большое застывшее пятно крови там, где давеча падал сын Боткиных. Камера отъезжает, и чей-то скрипучий голос начинает докладывать:

«В Доме поднадзорных Боткиных нижний чин Тряпицын обнаружил отъезд поднадзорных. На полу обнаружено большое пятно крови, поднадзорные покидали дом в спешке...»

Камера будто ныряет в огромную трубу, и мы видим, как люди в сером стучат в двери соседей Боткиных. Раздается уже другой голос:

«Опросы соседей, проведенные под командой поручика Рябова, показали, что ночью в доме у Боткиных были гости, которые вывезли их в неизвестном направлении. Во время пребывания неизвестных в доме была, видимо, ссора, ибо раздавались крики и кто-то падал. Свидетели считают, что кого-то убили. На карете гостей была замечена красная роза».

Камера снова ныряет в огромную трубу, и мы видим, как люди в мундирах спрашивают солдат у полосатой будки на мосту через Нарву. Раздается уже третий голос:

«С поста таможенной стражи Ивангорода по докладу капитана Куницына сообщают, что чета Боткиных в составе пятерых человек вчера пересекла границу Ингерманландии. Боткиных сопровождала свита лифляндского губернатора. Согласно подписанному документу Боткины просили поменять им подданство с русского на лифляндское, ибо в Риге у них есть припадочная племянница, за которой нужен

постоянный уход. На одеждах Шимона Боткина офицер увидел пятна крови, значения которым он не придавал».

Камера в который раз ныряет в трубу, и на конце ее мы видим, что документы читает Наследник Павел. Он задумчиво опускает донесение и морщит лоб...

ПАВЕЛ: Стало быть, Боткины все у нас в Ригу выехали. Все, все выехали... А все ли у нас Боткины выехали?

Камера опять ныряет в трубу, но уже в обратную сторону, и мы видим, как самый первый человек в сером, грызя пальцы, снова пишет доклад, скрипучим голосом проговаривая его про себя:

«Соседи, согласно донесению нижнего чина Тряпицына, сообщают, что из близких родственников у Боткиных остались проживающие в Царском Селе племянник с племянницей — священник местной церкви Михаил Сперанский и его сестра Елена...»

1782. Старая хроника. «Сражение за Ямайку»

По экрану идут будто полосы от старой записи. Мы видим, как в ослепительно синем море сходятся две эскадры. Гром пушек, сверканье выстрелов. На старых гравюрах мы видим матросов под английскими и французскими флагами, мы видим, как разбиваются в щепы и тонут какие-то корабли. На последней гравюре мы видим английских морских офицеров с матросами, которые победно кричат, и на заднем плане — удирающие горящие французские корабли. Слышен торжественный голос.

ГРАФ ШЕЛБЕРН: По сообщениям из Нового Света, наш доблестный флот, срочно собранный по всей Англии и брошенный в решительный бой за Америку, на днях внезапно атаковал флот предательской Франции, который осаждал и блокировал нашу Ямайку. Несмотря на подлое прошлогоднее нападение без объявления войны на войска в наших североамериканских колониях и гибель нашего прежнего колониального флота, сегодня наши доблестные моряки по праву торжествуют победу! Все французские войска в Новом Свете отныне

отрезаны и сдохнут без поддержки от предательской Франции! Правь, Британия, морями!

Кадры меняются. Теперь это изображения военного лагеря, наполненного больными и ранеными. Мы видим пустые, брошенные полевые кухни, оборванных людей, бредущих неизвестно куда, на всех них французская синяя форма. Раздается печальный голос.

НЕККЕР: Несмотря на начальные успехи нашего экспедиционного корпуса в Новом Свете, тяжкое поражение нашего флота оставило наши войска без поддержки. Наш добрый король обратился к английской короне с просьбой о перемирии. Наша страна отказывается от помощи восставшим североамериканским колониям и от спорных островов, а также Канады. Наши войска из Нового Света возвращаются домой.

По экрану опять идут будто полосы, и сквозь них мы видим заседание английского парламента. Слышен голос лорда-глашатая.

ГЕРЦОГ ПОРТЛЕНД: Его Величество Король Георг Третий официально признал ошибку в отношении джентльменов, не пожелавших признать мир с предательской Францией, и просит у них прощенья. Всем лицам, отказавшимся мириться с предавшими нас католиками, за их потери будет выплачена компенсация, и все они возвращаются на прежние посты в нашем правительстве. Корона с прискорбием сообщает о внезапной смерти лорда Рокингема, подписавшего позорный мир с предательской Францией, и просит парламент проголосовать за графа Шелберна в качестве нового премьер-министра. Слово новому премьер-министру!

ГРАФ ШЕЛБЕРН: Моя программа будет понятной и краткой. Все эти годы я верой и правдой служил парламенту и короне в качестве министра внутренних дел нашей страны и могу доложить, что все беды и несчастья последних лет у нас происходят из Франции! Оттуда идет зараза вольтерьянства и вольнодумия, и поэтому мы должны сделать все ради того, чтобы Франция — эта обитель зла — была уничтожена! Как будущий премьер Британии я заявляю, что мы не успокоимся, пока главных преступников и предателей, от которых

страдает весь наш народ, — французских Бурбонов, — мы не увидим на плахе! И я сам готов привести приговор в исполнение! (*Одобрительный рев и гул топота ног в зале.*)

Как министр внутренних дел я представляю вам доказательства, что все последние мятежи и восстания на нашем флоте и в армии были организованы на французские деньги! Прежнему премьер-министру французскими шпионами была передана огромная взятка, и мы докажем парламенту всех поименно в этом участников. Таков отчет о проделанной мною работе и моя будущая программа как вашего премьер-министра, и если вы с ней согласны, поддержите меня! (*Одобрительный рев парламентариев в зале, крики «уничтожьте безбожную Францию!», «выловить всех предателей!» и «всех Бурбонов — на плаху!».*)

По экрану опять идут полосы, и сквозь них мы видим заседание французского кабинета. А по заднику опять идут гравюры с изображением народных волнений.

НЕККЕР: Из Вандей и Пуатье идут донесения, что наши солдаты экспедиционного корпуса не получили жалованья за годы службы их в Новом Свете. Они сейчас возвращаются из похода, и прибрежные провинции заполнены инвалидами и военными нищими. Казна должна выплатить за это поражение контрибуцию, и мы не можем выплатить всем этим людям жалованье. А среди этих ветеранов идут волнения: в Америке они воевали против господ и монархии, и именно поэтому наша монархия их по деньгам обманула и предала. Отставные офицеры из этих людей собирают боевые отряды, которые захватывают земли в Вандее — Жиронде и Пуатье — и свергают там наших чиновников. Эти люди требуют выплаты жалованья и пенсий для своих однополчан-инвалидов, пострадавших в Америке. Вся долина Луары охвачена этим движением, американские ветераны разбили два отряда полиции и повесили двух откупщиков и префектов. Мы просим срочно изыскать средства, дабы прекратить все эти движения. Просим арестовать главных зачинщиков — графа де Рошамбо и маркиза де Лафайета...

Людвик Шестнадцатый: Это — безумие. У нас на это нет денег, а арест главных зачинщиков спровоцирует революцию. Я подписал указ о пожаловании маршалу графу де Рошамбо звания

генерал-губернатора Артуа и Пикардии с правом передать его по наследству, а маркизу де Лафайету — звания маршала Франции. Они могут отказаться от этого, но ежели согласятся, то пусть сами и подавляют свое же восстание. Voila! Как видите, все легко решить без насилия. А что касается простых ветеранов... Выдайте им землю в тех же Жиронде и Пуатье!

НЕККЕР: Но в этих прибрежных провинциях нет свободной земли!

ЛЮДОВИК ШЕСТНАДЦАТЫЙ: Так выдайте несвободную! Там все равно живут одни бывшие гугеноты, а Ла-Рошель всегда была занозою в боку Франции. И пусть хоть перережут друг друга — я ни о тех, ни о других не заплачу!

НЕККЕР: Я не готов отнять землю у одних наших подданных, чтобы отдать ее другим. К тому же я сам протестант. Почти гугенот...

ЛЮДОВИК ШЕСТНАДЦАТЫЙ: Вот как вы заговорили?! Думаете себя незаменимым? Отправляйтесь в отставку — ваше значение как министра моих финансов, на мой взгляд, преувеличено!

Павильон. Зима. День. Зимний дворец. Покои Павла

26

Мы видим маленький темный кабинет Наследника Павла в Гатчине. Все стены заставлены шкафами, набитыми разными безделушками да диковинами. Павел сидит за столом, полностью заваленным бумагами и всякими загадочными штуковинами. Он что-то пишет. Раздается стук в дверь. Павел вскакивает и, по-птичьи наклонив набок голову, кричит.

ПАВЕЛ: Да-да! Заходите! Я жду вас!

Дверь распахивается, и в комнату входит маленькая юная женщина с тонкими чертами лица. На вид ей лет двадцать, она носит странное серое одеяние, похожее чем-то на небрежно намотанную на нее занавеску. Лицо женщины в целом привлекательно и приятно, за вычетом того, что она сильно щурится, а глаза у нее так близко посажены, что, кажется, «смотрят в кучку». При виде нее Павел тут

же добывает среди горы бумаг у себя на столе очки на шелковой ленте и начинает гостью с интересом разглядывать. Затем он с легким возгласом ныряет опять вглубь своего барахла, достает другие очки на ленте и протягивает их своей гостье. Та невольно смущается, но с удовольствием берет их и на себя надевает. Возможно, что стекла в очках ей не подходят, ибо она тут же начинает близоруко моргать, снимает их и начинает близко рассматривать.

ПАВЕЛ: Вас зовут Елена Сперанская. И вы живете в Царском Селе со своим младшим братом.

ЕЛЕНА: Ему лишь пятнадцать, и он пока служка. Отец был священником, а Миша только вот кончил бурсу и лишь пойдет в семинарию.

ПАВЕЛ: Ага! Как интересно... И как же ваш батюшка повстречал вашу матушку? Ведь, насколько я понял, она у вас из этих... Ну вы меня поняли.

ЕЛЕНА (*сильно смущаясь*): Они из врачей. Мой дядя Шимон был врачом у вашей матушки, а потом вроде бы и вашей жене помогал... Так в Царском Селе наши мама и папа и встретились.

ПАВЕЛ (*с интересом*): Можно подробности? Не всякому попу доверят справлять службу в маленькой сельской церкви в Царском Селе! Там, насколько я помню, лишь одна прихожанка. И ее свита. Не всякому так везет...

ЕЛЕНА (*покраснев от смущения*): Вообще-то его еще Елизавета назначила. Ходил слух, что он незаконный плод любви Государыни и одного посла из Китая. Это было еще в годы Анны, когда его отыскали и по протекции французского лекаря Лестока обучали наукам во Франции. А потом, когда папенька выучился, его по протекции того же Лестока при Государыне в Царское Село и устроили. Только это было давно. Ваша матушка не столь рьяна к русской церкви, пост этот стал считаться не важным, и отец остался в Царском Селе до смерти. А теперь Миша хочет его занять...

Павел делает знак, чтобы гостья его замолчала, и начинает ходить взад и вперед по комнате. Затем, видимо, он приходит к какому-то решению, и лицо его просветляется.

ПАВЕЛ: Стало быть, милочка, в свое время папенька ваш был назначен в ту церковь по наущению французского лекаря и мог дуть в уши покойной царицы, что ему было сказано. Потом мать моя, немка, взойдя на престол, пресекла все эти религиозные бредни, французы у нас со двора были изгнаны, а батюшка ваш стал прозябать, как забытая клизма. Нынче же сынок его хочет стать новым батюшкой, и это при том, что ни мать моя слушать его не намерена, ни я не позволю племени вашему быть священством. Прекрасно! Да он идиот, каких мало!

Павел начинает громко и неприятно смеяться с повизгиваньем, а Елена Сперанская смотрит на него с изумленьем и ужасом. Внезапно Павел прерывает свой смех и манит ее к себе пальцем.

ПАВЕЛ: В сточной канаве подохнешь вместе со своим братцем, ибо не на ту лошадь вы ставите! Сделаешь как мне надо, и брат твой отправится на обучение во Францию, поискать там ума-разума. Только без всего этого религиозного дурмана и глупостей. В Ригу поедешь. Найдешь своего дядю Шимона. С его семьей подружишься. Мне все будешь докладывать. А я направлю твоего брата на обучение во Францию! С принцами крови поедет учиться, с Голицыными. На равных правах. Найди мне только все письма, которыми батюшка ваш с этим французом Лестоком обменивался. Во Франции они еще много значат. Может затеяться интереснейшая коллизия! Пошла вон!

Елена с изумлением смотрит на Павла, а затем торопливо кивает, мол, «согласная я» и, пятясь спиной, выходит из комнаты. Павел опять начинает хихикать с повизгиваньем.

Павильон. Зима. Вечер. Сеновал на границе в Латгалии

36

Хихиканье с повизгиванием продолжается, и мы видим, что это какая-то девка в теплой одежке с хихиканьем бежит по полупустому сеновалу от Кристофера. Тот, несмотря на холод, полураздет и уже вошел в раж, и по нему видно,

что и девке сейчас будет жарко, однако той эта беготня только в радость. Наконец Кристофер ловит шалунью, начинает раздевать ее из теплой одежды и валит на старое сено.

КРИСТОФЕР: Что, попалась чертовка?! Ну, держись!

Девка опять во весь голос визгливо хихикает, но сопротивляется она не так чтобы сильно или со рвением.

ЛАЙМА: Ах, фон барон, а что ж будет, ежели сюда забредет госпожа баронесса?

КРИСТОФЕР: Не твоя печаль, Милда. В Риге госпожа баронесса, а тут война, и я тебя защищаю!

ЛАЙМА (*хихикая*): А я не Мильда, я Лайма. Мильду вы вчера сюда привели. Неужто не помните?!

КРИСТОФЕР: Да какая мне разница?! Все вы мои служанки покорные. Или ты — бунтовать?! Это жена моя, баронесса, смеет плакаться да отказываться! Мол, от болезней женских все лечится. А с вами разговор прост — или сюда вот, на сеновал, или же пороть на конюшню! Хочешь — свяжу, да от души выпорю?!

ЛАЙМА (*растерянно*): Да я ведь и так для тебя, фон барон, на все на свете согласная...

КРИСТОФЕР (*мечтательно*): А я бы ведь и не выпорол. Братца моего такие дела порою заводят... Я же люблю, когда по согласию... Ну, иди сюда да не кочевряжься!

46

Павильон. Зима. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

Шарлотта склонилась из своей кровати над тазом, и по звукам слышно, что ее мутит. Вокруг кровати стоят доктор Боткин и Эльза. Эльза громко молится, Боткин вздыхает и бутылку с микстурой для Шарлотты протягивает. Когда та отрывается от таза, доктор тихонечко спрашивает.

БОТКИН: Может быть, сделаем перерыв? Я не ждал такую реакцию.

Шарлотта мотает головой и судорожно берет в руку бутылочку и залпом ее выпивает. Ее опять сгибает над тазом, но тут Эльза крепко берет ее за плечо.

ЭЛЬЗА: Какой смысл так травиться, если все сразу выплевывать?! Терпите, моя госпожа, терпите, пока только сможете. Господь терпел и нам велел. Терпите любой ценой, лекарство должно быть усвоено!

Шарлотта мычит и стонет в отчаянии, но обратно откидывается, Эльза берет ее за руку и приказывает.

ЭЛЬЗА: Смотри на меня. Все время смотри на меня. Я с тобой. Ты выдержишь. Ты сильная, ты обязательно выдержишь. Твой сын будет великим Царем из дома Романовых. Смотри на меня. Ты сумеешь! Ты вытерпишь!

Вид у Шарлотты больной и совершенно измученный, но она характерно выпячивает свою нижнюю челюсть и что есть сил стискивает зубы. Она отчаянно дышит и, сжимая руку Эльзы, смотрит и смотрит на свою подругу-наперсницу.

**Павильон. Зима. Вечер. Рига.
Кухня в доме градоначальницы**

56

На большой и просторной кухне в доме градоначальницы сделана особая выгородка. Там в маленьком и закрытом от большой кухни уголке за столом сидят Роза Боткина и Елена Сперанская и что-то готовят. Дело у них идет быстро, и Роза то и дело носит кастрюльки со сковородками на маленький кусочек большой плиты, который со стороны большой кухни к ним в этот уютный уголок высовывается. Елена с удовольствием помогает и от усердия даже кончик языка то и дело высовывает.

РОЗА БОТКИНА: Как хорошо, что ты к нам приехала, вот как мы с тобой быстро управились... А то сидишь тут одна и словом не с кем перемолвиться.

ЕЛЕНА: Ах, Роза Марковна, это вам спасибо, что приютили меня, сироту. А то Мишеньку нашего отправляют учиться в Страсбург, сперва обещали в Сорбонну, но и Страсбург тоже для него хорошо. Я так

за него рада и счастлива, а с другой стороны — остаюсь я в нашей деревне одна и даже и не придумаю, что делать теперь.

Роза с любовью и нежностью смотрит на Елену и говорит.

РОЗА БОТКИНА: Гляжу на тебя, и вылитая ты у нас Сонечка. Ах как мы с нею росли, как вместе радовались... Господь велик, первыми забирает у нас самых лучших. Шимон, когда ему весть пришла, прямо весь посерел: ни есть, ни спать не хотел, все думал, как можно было победить эту хворость. Все ж таки одна была сестра у него. Ну да Господь велик, Миша поедет учиться во Францию, да и тебя мы тут живо пристроим, община в Риге у нас хорошо разрастается. Молодых людей много, все умные, наизусть Тору знают, и все такие красивые!

ЕЛЕНА: Жду не дождусь. Да только что ж вы тут в синагогу не ходите? У нас в Царском Селе с этим строго.

РОЗА БОТКИНА (*с тяжким вздохом*): Да я без проповеди и слова Божия извелась уже. Все эта Эльза, овчарка немецкая, притесняет нас почему зря. И то нельзя, и это не делай. Я ж рассказывала, из-за нее — суки подлой — мы в столице все бросили. Все, нажитое за долгие годы потом и кровью, — все бросили! Страшная она, глаза белые, давеча кухарка одна соль рассыпала, так она подошла и давай бить ее по щекам...

66 Павильон. Зима. День. Рига. Дом градоначальницы

Розино воркование сменяется картиной того, как одна из служанок, воровато озираясь, рассыпает по углам соль. Вдруг входит Эльза. Она живо нагибается и нюхает соль. Затем пальцем манит служанку.

ЭЛЬЗА: Что это? Зачем это? Это яд?! Ну-ка съешь!

Перепуганная служанка, давясь, торопливо сует себе в рот горстку соли. Эльза внимательно смотрит на нее.

ЭЛЬЗА: Что это? Отвечай!

СЛУЖАНКА ИРМА: Соль это! Соль! Подношение отцу нашему Велсу! Велс создал нас и Луну, и море, и Даугаву, а брат его

Перконс — литовцев, Солнце, и леса, и литовские горы. Госпожа мечтает родить, вот я и делаю подношение Велсу, ибо от него овцы котятся, а свиньи рожают поросят...

Эльза судорожно выдыхает и крестится. На крик в это время сбегаются люди. Служанка постарше, обратив внимание на то, как крестится Эльза, и на ее нагрудный крест, нарочито громко вдруг говорит.

СТАРАЯ ГРЕТА: Это подношение дьяволу. Она назвала его Велс, но Велнс — это «черт» по-латышски. За эту соль когда-то сжигали. У вас крест крестоносцев, ваши предки жгли ее предков за этакое. Тут все вокруг — слуги дьявола!

Эльза с изумлением смотрит на двух служанок, то на ту, то на эту. Молодая Ирма при этом бледнеет и на колени перед ней падает, а старая Грета истово крестится и советует.

СТАРАЯ ГРЕТА: Прикажите ей — пусть окрестится. Да она гореть будет, а креста боится она хуже ладана. Прикажите ее сжечь, мерзавку.

ЭЛЬЗА (*по недолгому раздумию*): Молчать! А скажи-ка, раз ведаешь, эта соль... она поможет разрешиться от бремени?

СТАРАЯ ГРЕТА (*с изумлением в голосе*): Да ради этого они душу нечистому продали! Вестимо дело, поклонись Велсу, и сам черт тебе поможет родить. Любой на хуторах это знает.

Слуги начинают согласно кивать головой, и по ним видно, что все они верят и в местного нечистого Велса, и в то, что он помогает с деторождением. Эльза начинает метаться, она явно не знает, что делать. Потом она с силой сжимает кулаки, на зажмуренных глазах у нее выступают капельки слез, и с внезапной яростью она бросается к молоденькой Ирме и начинает что есть сил хлестать ее по щекам.

ЭЛЬЗА: Вот тебе! Вот тебе! Получай, змея подколодная! И не смей хоть один уголок в доме пропустить! Господи, как же я тебя ненавижу! Делай же свое дело, проклятая! Все беру на себя!..

Павильон. Зима. Вечер. Рига. Дом градоначальницы
Картинка меркнет, и мы опять на маленькой кухоньке
Розы Боткиной.

ЕЛЕНА (*охая и прикрывая рот рукой*): Господи, страхи какие-то. Да неужто она на голову трехнугая? Да и кто верит в соль?

РОЗА БОТКИНА (*со значением*): А тут многие в это верят. Черный город, недобрый. Вот и я напугалась аж вся и просила ее отпустить нас с Шимоном в синагогу от присутствия черта очиститься. А она ни в какую, аж затряслась, я думала, что и меня она сейчас избьет иль зарежет, а она взяла меня за грудки и давай кричать, что, мол, хоть мы тут одни образованные, а туда же... Смерть вокруг дома ходит в личине быдла да глупости, и, мол, зарежут там моего Шимона обязательно, а свалят на местных, ибо те в нечистого веруют. Что народ не придумает, лишь бы только на улицу нас не выпустить! Вот и живем тут как проклятые, без слова Божьего!

ЕЛЕНА (*задумчиво*): Вот оно что... Значит в синагогу дяде не выйти? А за лекарством, за средствами...

РОЗА БОТКИНА (*отрицательно мотая головой*): За лекарствами теперь я хожу. Да вот ты приехала, пойдем вместе. Я тебе Ригу всю покажу. А что касасяемо средств, год плохой, душица не выросла, остролист совсем вялый, я к Эльзе пошла, мол, дозвоьте мне разбить огородик — да хоть вместо розария, а я там и остролист, и душицу, и череду, и зверобой сама выращу. А эта овчарка немецкая опять давай гавкать, мол, нам тут волю дай, и всю Ратушную площадь мы засеем чесноком, репою да морковкой. Взбеленилась аж вся и давай вокруг дома искать. Нашла в кадке под розою мой чесночок, он совсем молодой был, вот такой маленький, вырвала его и кричала, что в другой раз она насильно меня им накормит. Вот с такой тварью живем, а что делать?..

Папка с делом. Замок в Гатчине

Воркование Розы Марковны отдаляется и переходит в далекий бубнеж. Вместо него раздается давешний скрипучий голос, и мы будто летим в огромной трубе, на другом конце

которой Павел читает новое донесение и сам с собою играет в шахматы.

«По сообщению агента Синицы из Риги докладывают, что объект Ворон находится под особой охраной и физическое устранение его невозможно. Дом объекта Крысы находится на осадном положении, к Ворону и самой Крысе доступ имеют только три человека: бывшая гофмейстрина Ее Величества, отвечающая за все бытовые дела, нынешний гоффактор Крысы, отвечающий за финансы, и раз в месяц с войны на побывку возвращается объект Жеребец...

Сделав ход черными, Павел встает и прохаживается по комнате. С письменного стола из вороха бумаг он вытаскивает одну, читает...

...В доме обнаружено по меньшей мере шесть постов охраны, по улице вокруг дома движутся патрули. Домочадцы гофмейстриной запуганы, сама она безусловно своей госпоже предана, и работа с ней невозможна. Гоффактор сумел собрать рекордную пошлину, был отмечен уже самой Государыней и для вербовки или обработки сейчас недоступен...

Наследник Павел отрывается от интересного чтения. Он начинает ходить по своему кабинету и при этом приходит в прекрасное настроение. Затем он бросает листы доклада на стол и визгливо смеется.

...За время болезни Крысы Жеребец от нее отдалился, у него сейчас много женщин, которые сейчас на сносях или уже родили маленьких. Жеребец за это дарует матерям своих детей собственность, удачно выдает замуж и рождение детей щедро оплачивает. Крыса не желает об этом знать, а гофмейстрина пресекает любые попытки доложить ей о положении дел».

Павел вновь подходит к доске. Сейчас — ход белых. Павел на секунду застывает, затем молниеносным движением «берет» белым офицером черного ферзя и со стуком, будто бы припечатывая, кладет фигуру на стол.

ПАВЕЛ: Пожалуй, самое время воссоединиться нам с нашим братцем?! Кстати, и у матушки очередное какое-то дурацкое празднество. Пошлю-ка я ему приглашение. Вернее, им, да только эта тварь не приедет. Вот и славно, почудим, как в прежние времена, гладких девок пощупаем... Да и Синицу эту надобно пригласить. Заслужила...

1779. «За три года до этого».

Натура. Осень. Утро. Царское Село

Погожее осеннее утро, Государыня с аппетитом завтракает. Рядом с нею ее бессменный секретарь Бецкой, который следит за каждым движением повелительницы. Сад вокруг золотой и зеленый, на улице свежо. Наконец царица замечает этот преданный взгляд и сухо спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: До докладов и решения дел государственных у нас еще час. Что с тобою случилось?

БЕЦКОЙ: У меня личное дело, Ваше Величество. Мне семьдесят пять, пора на покой...

ЕКАТЕРИНА: Я тобою довольна. Стало быть, об отставке пока и не думай!

БЕЦКОЙ (*обводя рукою вокруг*): Природа... Природа берет свое, матушка. Сколь ей не перечь, а всегда лето кончится, и за ним придет осень. Конец придет балам да турнирам, зато на полях соберут урожай, и не станет больше смеха да молодечества, а грядет время сытости и запах гниения. Посмотри, матушка, осень ведь начинается!

ЕКАТЕРИНА (*окидывая взором золотой сад*): Да... Красиво, аж плакать хочется!

БЕЦКОЙ: А ты поплачь, коли сердце просит, поплачь... Давеча схоронили мы Луя Пятнадцатого. Пустой был человек, право слово... Со дня на день помрет Мария Терезия, ей уже склеп и открытый гроб приготовили. А в Берлине уже не чудачит Железный Фриц. Стар стал... Времена меняются, уходят великие Государи и Государыни, а на смену им приходит буржуй — властелин осени...

ЕКАТЕРИНА (*задумчиво*): Властелин осени... Ты, как и я, боишься появления Антихриста?

БЕЦКОЙ (*с печальным смехом*): Антихрист-то что... Детский Кощей — не больше того. Обычное пугало. Время меняется. Все нынче будут деньги решать, а не причуды иль таланты правителей. В том-то и суть осени, матушка.

ЕКАТЕРИНА: И что предлагаешь, Иван Иванович?

БЕЦКОЙ: Боюсь я, что мы тут на Руси умеем хорошо врагу морду бить, а когда мир и приходит пора торговать, тут-то нас и оберут да обсчитают. Осень — их время, торгашеское! Стало быть, надобно понимать, что в иноземных странах третий, буржуйский чин много веков как заведен и продолжается из рода в род, а у нас он даже и не находится, но лишь мнится. В нем же нынче уже большая нужда состоит, чтобы с выгодой торговать да деньги и нам наживать, как в Европе. А не то как сейчас — лишь продавать всем наше добро да мнить себя с того zelo умными! Времена-то меняются! Нынче Кощей придет с несметными деньгами, и отбиться от него мы сможем лишь, ежели и у нас их не меньше.

ЕКАТЕРИНА: Страсти какие, Ванюш!.. А что ж мои армии?

БЕЦКОЙ: Вопрос не в армиях, а в том, кто командует. Чему его научили-то сызмальства. А учат нынче твоих генералов молодыми в Париже, Вене да в Лондоне, и учат тому, что деньги — всему голова, а не тому, что всему голова — любовь к Родине! Вот будет у тебя такой — с виду гладкий, а внутри червоточина, придет к нам Кощей, предложит ему горы золота, и что тогда? Отобьемся ли?

ЕКАТЕРИНА: И в это время задумал ты меня бросить? Хорош гусь! А мне что ж делать-то?

БЕЦКОЙ: Во-первых, всех генералов и маршалов надобно наукам и любви к Родине у нас тут, а вовсе не в парижках учить. Тогда, придет час, — и любое нашествие они отразят, и любого Кощея погубят. Это — главное. Во-вторых, надо срочно растить у нас тут третий чин, то самое буржуинство, чтоб не купили нас задарма, за похлебку. Раз пока нету своих, звать чужих, желательно родственников, чтобы навсегда в Россию приехали. А тебе, матушка, все равно новый

секретарь надобен, чтоб мазурку мог танцевать, чтоб за твою честь сумел постоять да не боялся драться при случае. Такой же, как я, но моложе. А я бы и рад-то дальше служить, да уж годы не те. Всех сверстников, почитай, пережил, вдруг что, а дела-то не переданы. Хватитесь чего, а где же мой Ваня-то, а я-то уже в гробу.

ЕКАТЕРИНА: Так и я, сам видишь, немолода, а от дела не бегая.

Бецкой: Так ты и не смеешь, ибо ты у нас — Императрица Екатерина Великая, и замен тебе нету и пока, слава Богу, у нас не предвидится. А я — человек маленький, сам себе уж и замену нашел. Человек горячий, прямой, хорошо юга знает, особливо турецкую натуру предательскую, и понимает, когда турка можно давить, а когда пора и дать слабину. А на службу я, матушка, все равно ходить буду. Все дела как есть передам, ибо боязно мне: вдруг помру и тем доставлю тебе неудобство.

ЕКАТЕРИНА: А как он там насчет денег, твой человек? Ведь сам говорил мне про сословие осени. Ибо выходит-то — мне нужно, чтобы и деньги любил и чтоб не продался. Как это все совместить, пока мне неясно.

Бецкой: Так для этого, Государыня, тебе совсем иной человек будет надобен. Ищи среди осени буржуйской того, кто будет верен тебе не за деньги, а потом держи поодаль и к уху не подпускай. Пусть он издаля деньгу тебе зарабатывает. А что для таких важней денег? Одна только кровь, я так думаю. Иначе — перекупят. Ей-ей, перекупят! Смекаешь?

ЕКАТЕРИНА (*задумчиво*): Хорошо, Иван Иванович, убедил, речистый. Но на службу ходи, не бросай! Ведь мне от тебя прежде всего совет нужен, ибо молодые — они бестолковые, а нас с тобой уже раз-два и обчелся. Давай, показывай своего молодца.

Бецкой тут же приподнимается и начинает кому-то во дворце делать знаки. К столу бежит новый секретарь Безбородко. На нем характерная казацкая форма. Екатерина, увидав форму, спрашивает с сомнением.

ЕКАТЕРИНА: Кто это? С Запорожья, с Кубани иль с Яика?

БЕЗБОРОДКО: Никак нет, с Малороссии мы, с города Глухова — с Гетманщины. По вашему указу уже пятнадцать лет как мы часть империи. Служил секретарем у Румянцева, нынче четвертый год как ваш статс-секретарь, отвечаю за прием жалоб у населения.

ЕКАТЕРИНА (*с подозрением*): Знать не вольный казак с Запорожья, не турецкий игнат из Кубани да не бунтовщик с Яика? Будто... Ну хорошо, верю на слово. А скажи-ка мне, малоросс с Гетманщины, не хотят ли у вас возвращения гетманов?

БЕЗБОРОДКО (*с достоинством в голосе*): Я родился в городе Глухове, пока тот был столицей гетманов. Я сам по молодости своей волей пересек границу и поступил на русскую службу. Нынче я подданный великой Российской Империи и давно живу в Санкт-Петербурге. Чего именно хотят в уездном Глухове — без понятия. Но коли прикажете, выясню и сам своею рукой любую крамолу выдеру.

ЕКАТЕРИНА (*с интересом и одобрением*): Хорошо сказано. Надеюсь, сработаемся. А скажи-ка мне, будущий секретарь, где лежит граница нашей империи?

БЕЗБОРОДКО (*на мгновение теряется, а потом выталивает*): Где прикажете, Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*со смехом*): И опять верно сказано! А у тебя, Иван Иванович, чутье на людей! Мне он нравится. (*Вдруг серьезней.*) А вот, если честно, не как мы хотим, а как враги наши думают, где должна быть западная граница нашей империи?

БЕЗБОРОДКО: Не могу знать, Ваше Величество! За врагов — не считал.

ЕКАТЕРИНА (*задумчиво*): А вот мне довелось. Вот Иван Иванович ругает меня, что читаю я Вольтера, Дидро и Руссо, а там все прямо сказано и очень честно написано. Пишет Вольтер, что Европа, просвещенная и культурная, светоч науки и разума, — это все, что на запад от Одера. А все, что от Одера на восток, — это темные и бескультурные варвары, которых надо, как диких зверей, европейцам травить, убивать и брать к себе в рабство. Я не шучу, это Вольтер. Светоч науки и разума. А я как на беду сама-то родом из Штеттина, что на восточном берегу этого самого Одера. Я для

них варвар, и это меня надобно убивать, травить и брать в рабство. Как тебе?

БЕЗБОРОДКО (*со смешком*): Коль придут — будем отстреливаться!

ЕКАТЕРИНА (*с усмешкою*): Опять верно думаешь. Отобьемся, авось не впервой. И раз вольтерьянцы сейчас у них в полной силе, недолго ждать: не сегодня, так завтра вся эта ученая да культурная нечисть на нас лавой через Одер поперет. Травить нас, убивать и обращать в свое рабство. Справимся?

БЕЗБОРОДКО: Так сами же знаете, не впервой нам. Много их тут уже побывало — культурных. Авось сыщем место, где их всех закапывать.

ЕКАТЕРИНА: Ты принят. А теперь сам скажи, где у нас западная граница империи?

БЕЗБОРОДКО: По Одру... Неужто по Одру?

ЕКАТЕРИНА: Именно. Там, где надобно спасать людей от Европы, там и есть наша с тобою империя.

**1780. «Через год». Павильон. Зимний дворец.
Покои Екатерины**

Государыня сидит в своем кресле и читает какие-то рукописи. В покои вводят Шарлотту. Екатерина жестом приказывает слугам выйти, а Шарлотте сесть в кресло напротив. Она откладывает рукопись в сторону и пристально смотрит на племянку. Потом говорит.

ЕКАТЕРИНА: Итак, прочитала я про твои успехи в иезуитском училище. Тут особо отмечено, что ты сама выбрала химию, однако иезуиты отметили твой успех в экономике и что, по их мнению, ты способна всякие гешефты выдумывать. Так ли?

ШАРЛОТТА (*сразу смутившись*): Ах это... Это так, глупости. Мы играли в детские игры на леденцы и конфеты, и нам предложили написать такой договор, чтобы другие ученики сами захотели в нем поучаствовать. А потом (*улыбается*) все сели подсчитать свои леденцы.

1775. «Игра в леденцы». Павильон.
Колледж иезуитов в Марбурге

Учительница математики сестра Жоли собирает у девочек коробочки со сладостями, по очереди их высыпает на стол, и дети начинают считать леденцы. Леденцов получается мало — по пять-шесть конфет в каждой коробочке, и дети громко считают каждый. Затем из очередной коробочки высыпается целая горка конфет, и все дети ахают. Конфет в горке штук тридцать. Одна из воспитанниц спрашивает:

ЛУИЗА: Чья это? Кто столько набрал? Да так много!

СЕСТРА ЖОЛИ (с явным удивлением в голосе): Это коробка Шарло. Но так странно... Я думала, что она соберет много больше!

ЛУИЗА: Ой, вон еще одна, да здоровая! Чья она?

Дети достают из-под стола еще одну коробку. Она огромна. Когда из нее начинают сыпаться сладости, все понимают, что там конфет больше сотни. Сестра Жоли, высоко подняв брови, с интересом смотрит на девочек. Вперед выходит Мария Федоровна, которая с вызовом на всех смотрит.

МАРИЯ: А что?! Это я собрала! Я — победительница!

ЭЛЬВИРА: Ты — обманщица! Наглая воровка! Ты худшая в классе по математике, как ты сумела всех обсчитать?!

ЛУИЗА: А я знаю, а я знаю, кого она ограбила! Она отняла все леденцы у Шарло! Та в классе лучшая, а конфет у нее слишком мало! Вот и сестра Жоли удивилась.

МАРИЯ (с визгом): Ах, я воровка, я, значит, обманщица?! Вот я вам! Шарло, на помощь!

Сразу устраивается куча-мала. Мария Федоровна таскает обидчиц за волосы и пытается их то ли укусить, то ли лягнуть, а те навалились на нее кучей. Шарлотта, вместо того чтобы лезть в драку, бросается к сестре Жоли.

ШАРЛОТТА: Это наши общие конфеты, но Марихен так любит сладкое... Я нарочно составила договор, что она главный бенефициар,

а я ее молчаливый партнер. Это ее конфеты по праву. Я все равно не люблю сладкого...

СЕСТРА ЖОЛИ (*свистит в свисток*): Разойтись! Разойтись! Кто ослушается — три дня в карцере! Все свободны, а вы, барышни, (*кивает Шарлотте и Марию*) со мною к аббату. Там выясним, у кого чьи конфеты.

1780. Павильон. Зимний дворец. Покои Екатерины

Государыня с интересом разглядывает племяшку.

ШАРЛОТТА: Эти леденцы... Собирать их было бы просто, только я испугалась, что я такая маленькая, и у меня отнимут все и побьют, и поэтому договор я заключала как доверенное лицо нашей Мари-хен, а часть леденцов была якобы платой от нее мне за услуги. Вы не смотрите, что Марихен с виду тоже маленькая, дерется она прямо как зверь, и ежели ей что взбредет в голову, она не отступит и своего не упустит. Ее все в колледже побаивались, и поэтому никто у нее назад конфеты не требовал... А потом вдруг меня стали зазывать поработать в банке иезуитов для святой церкви. Только мне всегда по душе была химия.

ЕКАТЕРИНА (*с легкой усмешкой*): Стало быть, химия... Что ж, неволить не буду, займешься для меня химией. Да только для химических опытов деньги нужны, а вот с этим я тебе помочь не смогу. Все средства идут на войну против турок, ибо пока не умирим этих нехристей — страну не накормим. Ты вроде получала специальность по магометанцам, не так ли?

ШАРЛОТТА: Так точно. Противодействие, разведка, тайные операции...

ЕКАТЕРИНА: Стало быть, понимаешь, что на твою химию у меня денег нет. Так что крутись там как знаешь, но провинцию из руин подними, и деньги на свои химические опыты сама и добудь. Сумела с конфетами, сумеешь со шведами... Если что, везде пиши, что я твой бенефициар, я хоть и не безумная Марихен, но конфеты твои и у меня хрен кто отымет. Все ясно?

ШАРЛОТТА (*сразу же приободрившись*): Не беспокойтесь, Ваше Величество, все конфеты, что добуду, ваши, а за услуги беру я недорого!

ЕКАТЕРИНА: Вот и договорились. А теперь скажи-ка мне, милая, как ты себя видишь — уже русскою, иль еще немкой?

Шарлотта теряется, и видно, что не знает, что отвечать. Тогда Екатерина поднимается из своего кресла и, начиная ходить кругами по комнате, говорит.

ЕКАТЕРИНА: Не спеши. Это самый важный и сложный вопрос, на который тебе когда-нибудь придется ответить...

Мы видим, что Екатерина начинает что-то рассказывать, но вместо ее голоса мы видим, как возникает будто живая картинка...

1772. Павильон. Вена. Шенбрунн. Договор о Первом разделе Польши

136

В кабинете Марии Терезии, блестящем и полном всяких безделушек, — прекрасное настроение. За круглым столом — Фридрих, австрийская императрица Мария Терезия и Екатерина Великая. На столе откупоренные бутылки, перед государями початые бокалы. Кто-то, видимо, только что сказал веселую шутку, и все смеются. Затем Екатерина, промокнув уголок глаза от слезинки со смеху, осторожно так замечает.

ЕКАТЕРИНА: Да, кстати... Я рада, что все закончилось с Польшей, но меня теперь ждет война с Турцией. А у турок огромная армия... Не мог бы мой любезный брат Фридрих помочь мне, передав или продав нам патент на новый сверлильный и токарный станок, который по слухам изобрели его мастера?

ФРИДРИХ (*с издевательским смехом*): Конечно, не мог... Я еще не забыл, как русские варвары жгли и гадили в моем Сан-Суси! Ежели я, сестра моя дорогая, передам вам подобный станок, завтра

русские в мой Берлин вновь придут и сожгут все дотла, моих верных бюргеров выпотрошат, а немецких девиц изнасилуют!

Екатерина изменяется в лице, глаза ее гневно вспыхивают, она резко поворачивается вместе со стулом к Марии Терезии и, обращаясь к ней, говорит.

ЕКАТЕРИНА: Насколько я помню, наши солдаты попали в Берлин по вашей просьбе, сестра. А случилось это после того, как добрый брат наш напал внезапно на вас и отнял у вас же вашу Силезию. И тогда русским витязям пришлось брать Берлин — придя к вам на помощь!

МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ (*примирительным голосом*): Было дело, да бльем поросло. Кто старое помянет, тому глаз вон. Все мы тут — немцы и должны дружить супротив той же Польши. Но что касается Турции и станков для производства оружия, то я тебе, сестра, против Турции и так помогаю — людьми, кредитами и оружием. А коли брат наш тебе подарит эти станки, ты сама начнешь его делать и перестанешь у нас покупать. Так и в чем тут мой профит?

ФРИДРИХ: Верно сказано! Все мы тут немцы и должны держаться все кучно. Ежели что промеж нас и было, так это ссоры семейные. Но ты, наша сестра, вечно забываешь, что тебя нарекли Софьей-Фредерикою, и ведешь себя как русская Катька! Веди ты себя как наша, как немка, вопросов бы не было. И, кстати, я не хочу пережить еще одно нашествие русских.

ЕКАТЕРИНА (*резко поднимаясь из-за стола*): Вы плохо знаете русские поговорки, сестра моя. Сказано — кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому оба. Вы вольны забывать, что он сделал, а меня, пожалуй, увольте. А вам, брат, я вот что скажу. Ваших немок насиловать — много чести было бы, сами на моих красавцев напрыгивали, а уж с голодухи или еще от чего — это уж вам, добрый братец, видней! (*С этими словами она оглядывает Фридриха сверху вниз, разворачивается и неторопливо выплывает из комнаты, хлопнув на прощанье дверью.*)

Картинка меркнет, и мы снова видим Государыню, ходящую кругами по комнате.

1780. Павильон. Зимний дворец. Покои Екатерины

146

Государыня останавливается за креслом, в котором сидит Шарлотта, гладит племянницу по голове и почти шепчет.

ЕКАТЕРИНА: Вот так оно вышло. А с вопросом, русская ты уже или еще немка, я тебя, доченька, пока что не тороплю. Придет день, и ты на него себе ответишь сама. А пока же, если получится, сделай хотя бы вид, что ты все еще немка. Мне эти прусские станки для оружейных заводов позарез надобны...

Павильон. Зима. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

156

Мы снова оказываемся в доме Шарлотты. Она сидит перед зеркалом в ночном платье, а Эльза волосы ей расчесывает. Шарлотта читает письмо, к которому приложена большая кожаная папка с документами.

ШАРЛОТТА: Ответ пришел к нам из Инсбрука. Местный иезуит аббат Николя пишет, что работы Лавуазье есть ловушка. Полученный им хлорный порошок не имеет мечущих свойств, а только дробящие. Это — взрывчатка. Очень многие пытались повторить опыты Лавуазье — и взорвались. Именно для этого его работы и были опубликованы. Боже мой!

ЭЛЬЗА (*продолжая причесывать свою госпожу*): Не изумлюсь ни на минуту. Эти масоны и нам много врал про «народы, свободы и прочее». А свелось все к идее ударить ножом нашего ландграфа в бок, и девочку подобрали для этого поглупее да повосторженней. Вспоминаю себя и поверить по сей день не могу, как же я была такой дурую?! Стало быть, нарочно опубликовали они эту формулу, чтобы умные люди пытались повторить и взрывались. Умно. И эти гады говорили нам, что править должны люди умные, а сами как раз в них-то и целятся!

ШАРЛОТТА: Тут дальше пишут, что зато у них есть верный метод по переработке соединений аммиака в селитру обычную. Можно легко получить много пороха. Только этот самый аббат Николя меня просит, чтобы мы с тобою придумали, как такое производство от врага скрыть, ибо, в отличие от работ Лавуазье, вот это уже секрет государственный. Что думаешь?

ЭЛЬЗА (*небрежно*): Думаю, самое простое и правильное — просто купить обычный порох у продажного негоцианта, а потом сказать всем, что купили мы его больше, чем он нам продал. Вору и предателю веры нет, а какой у нас порох да откуда он, вряд ли кто станет допытываться. Где взяли? Купили!

ШАРЛОТТА (*с невольной улыбкой*): Как же у тебя все складно и просто, а я уж придумываю себе всякие ужасы... Эль, я тут думала... Ну вот рожу я сына Кристоферу, сына с кровью царей. А что потом?

ЭЛЬЗА: Давайте сперва родим, а потом о всяких пустяках станем думать.

ШАРЛОТТА: Это не пустяки. Нам в колледже иезуиты рассказывали: прежде чем наяву свершается преступление, все мы его сперва у себя в голове проговариваем. И я подумала: ведь я, в сущности, готовлюсь убить и Павла, и Марихен, и всех от них деток, раз хочу родить сына. Или им его придется убить... Ибо русский трон на свете один, а сказано: «Царь да будет един, ибо стране нужна лишь одна голова!» Что же мы с тобой делаем?!

Эльза резко прекращает причесывать, присаживается с госпожой рядом, и они обе смотрят в общее зеркало.

ЭЛЬЗА: А еще сказано, что был лишь один только сын у Вильгельма Завоевателя. Он случайно погиб, и страна его впала в распрю. И еще сказано, что был один только сын, а от него один внук у Петра Великого. Петр Второй умер оспою, и в страну пришли бедствия. Ваш сын — лишь гарантия преемственности дома Романовых.

Шарлотта резко оборачивается, смотрит на Эльзу и шепчет.

ШАРЛОТТА: Господи, избави нас от лукавого... Нельзя думать, хорошо просто верить тому, что сын мой взойдет на русский престол. Ибо в этом — соблазн. Эль, поклянись, что и ты так не думала!

ЭЛЬЗА (*с сомнением в голосе*): Я-то пообещаю и поклянусь, да только там не одна наша Марьюшка, там еще — Павел. Пока вы болели, я много книжек прочла о русской истории. Был такой кузен у царя Ивана — князь Старицкий. Милый да невинный был человек, а убил его царь Иван, убоявшись за царство, а памятуя нрав Павла, и с него тоже станется.

ШАРЛОТТА (*приходя в возбуждение*): А я и об этом подумала. Сыну моему мы здесь в Прибалтике создадим другую страну. Латыши мои враждебны ведь русским, вот и надобно нам создать свою страну — наособицу. Лифляндия моя по указу Петра самовластна, так и надо всего, чтобы мы стали сильнее да больше.

ЭЛЬЗА (*махнув рукой, да со смехом*): Страну нашу и с лупой не отыщешь на карте! Чтобы стать больше, надо кого-то завоевать, а Кристофер какой уже год бодается с ничтожной Курляндией вокруг трех хуторов. А прочие-то соседи посильней да побольше! У нас же один штык против восьми у курляндцев. Нет, думаю, войною нам страны не создать.

ШАРЛОТТА (*с загорающимися глазами*): А он не то делает! Не так надо думать! Коль играть, так играть нам надо по-крупному. Какой прок в этих трех хуторах? Смотри, Курляндия полвека сосала соки из Российской Империи. В замках Биронов да Юксюлей с Левенвольдами накопились наворованные ими в России богатства неслыханные. А у нас пол-Риги — это отставные пираты, британские да голландские. Что если их собрать да повести не против трех хуторов, а ради несметных сокровищ в тех замках?! Курляндия маленькая, мы ее с отставными разбойниками из конца в конец пройдем в один день! Растрясем богатство из замков, с бандюками поделимся, а потом упраздним Курляндию к чертовой матери и объявим страну латышей — Латвийское герцогство. И нет более горстки моих славных ливов, зато есть в десять раз больше моих латышей! А затем на деньги курляндские соберем из латышей народную армию и пойдем брать Литву. Ее давеча шибко поляки пограбили, и они сейчас стоят против Польши. А тут мы, да против Польши. Латыши мои соседним литвакам вроде кузены, как Вестфалия — Гессену. Ежели за дело взяться с умом, думаю, лет за пять, ну, может, за десять, соберем мы балтские земли в свое королевство. Тут главное — при этом России служить да с остальными славянами вокруг не поссориться. Литва полна пашней да хлебом... Накормим народ, отстроим порты — вот у нас дело и сладится! Ты пойдешь со мной до конца, моя Элочка?!

Эльза с восхищением смотрит на свою госпожу, с чувством обнимает ее и искренне крестится со словами.

ЭЛЬЗА: До гробовой доски, Ваша Светлость! До самого конца — и в горе, и в радости. Мы сумеем, вы все отлично придумали!

166 **Павильон. Весна. День. Рига. Дом градоначальницы**
В большом зале за столом сидят Шарлотта и Барклай. Эльза у большой карты Прибалтики только что им, видимо, сделала доклад. Обе женщины с надеждою и немым вопросом оборачиваются к Барклаю. Тот морщится.

БАРКЛАЙ: Авантюра и глупости. Набрать пиратов, а потом растратить казну, нанять наемную армию... Эпоха пиратов в Лету давно канула, а наемники разбегутся после первого поражения. И потом нету в этом расчете стратегической глубины. Посмотрите на карту. Хорошо если взятие бироновых замков будет успешно, а вдруг поражение? Тогда курляндцы нанесут ответный визит, а у них по восемь штыков против каждого нашего. Городов у нас два — торговая Рига, защитить которую невозможно, и крепость в Дорпате. Первым ударом они берут Ригу, а мы потом как крысы в Дорпате сдохнем с голоду. Несерьезно все это... Прежде чем идти на Курляндию, нужно обеспечить всему нашему делу тылы. Раз мы строим страну не славянскую, наш естественный тыл — это эстляндские крепости Ревель, Пернов, Рогервик, Нарва и прочие. Их веками строили то против России, то против Швеции, и они хоть сейчас готовы к войне. И потом что за блажь про народную армию? Под кустом веками сидели все эти латыши да молились пенькам, прости Господи. Лучшие солдаты у нас испокон веков — это русские, но раз мы строим страну для нерусских, то тогда лучшие для нас бойцы будут немцы. А латыши с литовцами как бойцы — это все прожекты с фантазией.

ШАРЛОТТА (*с интересом*): Так откуда ж нам взять всех этих бойцов и чем мы их сможем заинтересовать? Я с тех краев и не знаю почти никого.

БАРКЛАЙ (*с легким вздохом*): У нас в Ревеле говорят, что у немецкого барона — одна только шпага и ни шиша, а у его латыша — лишь х%й да душа. Врут, поди, про то, что все тамошние бароны бездушные. Однако и впрямь все они в долгах как в шелках, а должны они моим родным да знакомым из ревельского гетто. Надо дать им прощение долгов, да хорошую драку, да чины с должностями — и псы эти за вас всему миру глотку порвут. Стало быть, вы должны мне предложить интересное для людей из ревельского гетто. За одни красивые глаза долги они никому не простят.

Шарлотта с Эльзою переглядываются.

ШАРЛОТТА: Я знаю, что я им предложу. Право торговать с Европою в моей Риге за хороший процент. Или не торговать с Европою вовсе.

БАРКЛАЙ (*задумчиво*): Не понял... Вы хотите...

ШАРЛОТТА (*терпеливо, как на уроке ученикам*): Я объявляю Ригу городом со статусом порто-франко, но при этом все прочие порты в Прибалтике для иноземных купцов закрываются. А хитрость в том, что ввозить к нам через Ригу из Европы, в общем-то, нечего, так что и убыток от потери ввозных пошлин с тарифами для нас неважен, зато мы будем играть с ценами на зерно из России. Из Санкт-Петербурга зерно из России не вывезти, ибо его сплавляют баржами к нам по Двине-Даугаве, так что мы станем монополистами по продаже зерна. Но все посмотрят лишь на право торговать у нас в Риге беспошлинно, а про зерно не подумают.

БАРКЛАЙ: Позвольте, мы поднимем на зерно цены и по ним же будем его закупать. А в чем профит?

ШАРЛОТТА: Ну так я же сказала: раз мы порто-франко, то и цены на товары Европы для нас без пошлины — европейские. Мы в Риге скупаем европейский товар за копейки и везем его в Петербург или вверх по Даугаве в Россию и там продаем товар уже по русскому ценнику. Там же по русским ценам покупаем зерно и продаем уже тут по цене для Европы. А всем прочим подобная практика запрещается. И да, разумеется, мы честно платим налоги в казну, дабы тетка моя была счастлива.

БАРКЛАЙ (*с воодушевлением*): А вот это, в отличие от дурацких планов по разграблению Митавского замка, может и выгореть! Я все рассчитаю и завтра же доложу, как нам все сделать лучше. (*С этими словами он радостно выбегает из комнаты.*)

ЭЛЬЗА (*плотно закрывая за ним дверь*): Боже, и ты сама все это придумала? Какая ты умная!

ШАРЛОТТА (*чуть потупив глаза*): Я была лучшей ученицей в колледже. Меня даже сделали аббатисой, но потом по приказу французского короля орден наш запретили, а аббатство мое распустили. Но все же что-то я еще помню...

1 в

Павильон. Весна. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

В большом зале на возвышении стоят два больших кресла, похожих на троны. На них в торжественных одеяниях восседают Шарлотта с Кристофером. Над креслами изображения двуглавого орла России и красной розы фон Шеллингов, которая издали очень похожа на красную пятиконечную звезду. Перед креслами стоит Барклай лицом к залу и почти спиной к Шарлотте с Кристофером, а за креслами господ стоит Эльза. Перед Барклаем большой зал, где на длинных скамьях сидят рядами банкиры с негодциантами — все в праздничных одеяниях.

БАРКЛАЙ: Итак, на основании учреждения вместо провинций Лифляндии и Эстляндии нового — в рамках Российской Империи — Латвийского герцогства столицей новой провинции вместо эстляндского Пернова и лифляндского Дорпата становится Рига, которая получает права порто-франко.

В зале движение, банкиры с негодциантами начинают живо обсуждать услышанное. Шарлотта поднимает руку, призывая к вниманию, и объявляет со своего места.

ШАРЛОТТА: Как и в прежние времена, наша земля остается верной Российской Империи. Ежели вы пожелаете у нас торговать как резиденты — без пошлины, вы даете клятву верности не только мне, но и России. Зато как слуги России вы от всей великой страны получите здесь полные торговые права с преференциями. А не хотите служить ни мне, ни России, так неволить не буду. Вот Бог, вот порог, торгуйте где-то еще. Лишь у нас тут медом для всех не намазано!

В зале движение усиливается. В первом ряду поднимается старый банкир, глава английской колонии.

ИСААК ИЗ ЙОРКА: Я, бедный еврей Исаак из города Йорка, счастлив, что дожил до сего дня. И я с радостью припадаю к вашим ногам, моя госпожа, и прошу вас в обмен на торговые права принять от меня вам уступку на полпроцента в кредите вашему дому пожизненно. А так как я очень беден, я прошу вас, моя госпожа, принимать от меня таможенные платежи не звонкой монетой, а товаром, моею

чилийской селитрой. А вы не оставите меня своей милостью, если что, и я всегда найду мой приют у вас — в вашем герцогстве...

Шарлотта милостиво кивает, и банкир бежит целовать ее руку. Поднимается второй банкир, глава голландцев.

МОРДЕХАЙ ИЗ АНТВЕРПЕНА: Тяжелые дни наступают. Нигде не спокойно. Думаю, скоро война, народ бунтует во Франции, Англия проигрывает войну в Новом Свете вновь созданным Соединенным Штатам. По всей Германии споры и распри. Вот и в нашей малой стране беспокойно. Я рад, что в эти нелегкие дни мы все нашли место, куда стало можно податься. А от себя даю ту же полупроцентную скидку и ввиду моей бедности прошу принимать в оплату мои товары.

Шарлотта милостиво кивает и ему, и зал взрывается активностью. Банкиры с негоциантами наперебой что-то предлагают и встают по очереди целовать ручку. Кристофер чувствует себя чужим на этом празднике жизни, поднимается из своего кресла и подходит к Барклаю и Эльзе, которые отошли назад и теперь внимательно слушают гостей. Барклай старается выглядеть серьезным, но все равно сияет широкой улыбкой, да и Эльза выглядит довольной, как сытая кошка.

КРИСТОФЕР: Вы тут, как коты вокруг крынки со свежей сметаной. Кушайте, не обляпайтесь. Вы меня зазывали на всю эту муть, мол, дадут денег. А никто денег пока не дает. Все лишь бегут получать преференции. Обещали одно, а выходит — другое. Чего ж вы такие тут радостные?

БАРКЛАЙ: Как вы не понимаете, Ваша Светлость! Исаак из Йорка — крупнейший торговец селитрой и, стало быть, крупнейший продавец пороха. А порох — военный материал, и поэтому им торговать можно только по разрешению. Однако если не торговать, а просто так отдавать, то по английским законам он уже не преступник. То бишь госпожа нашла способ получать из Англии военный товар, а Исаак — способ, как его продавать, не нарушая законов Британии.

Мордехай — крупнейший производитель пушек из Бельгии, но и пушки как военный товар запрещены для торговли. А ему денег хочется. Зато отныне он не торгует ими, а отдает нам даром, и это уже

тоже не преступление. За все это им платим мы, хотя у нас теперь есть порох и пушки!

КРИСТОФЕР (с недоумением): А зачем нам столько пороха с пушками?

ЭЛЬЗА (с негодованием): А зачем тут нам нужны вы?! Зачем на этом чисто гражданском собрании мы им показали военного? Разве это не дело мужчин — получить порох с пушками, а потом принести домой денег?! Или мне, слабой женщине, надобно это вам объяснять?!

Такое ощущение, будто в глазах у Кристофера что-то вспыхивает. Лицо его расплзается в широкой ухмылке, он подкручивает усы и залиvisto хохочет.

2 В

Письмо Павла Кристоферу

Смех Кристофера переходит в скрип пера по бумаге. На фоне письма скользят тени, которые показывают написанное, и слышен визгливый голосок Павла.

ПАВЕЛ: Соскучился я без тебя, милый братец. Марья моя — опять на сносях, и я один тут за шахматами без тебя кисну. Из людей вокруг лишь Кутайсов, но он же ведь глуп, хоть и предан, а больше не с кем и перемолвиться, ибо прежнего нашего друга Куракина наша матушка выслала. А помнишь, бывали же дни, когда мы вторем кутили с тобою и ним на балах да вместе щупали дебютанток?.. Прослышал я, что и твоей жене нездоровится, и надумал тебе написать. Ты же ведь теперь тоже скучаешь без дамского общества, вот и приезжай, погуляем как в старые времена, лишь мы с тобой да без наших-то баб. Тряхнем стариной. Матушка моя пригласила одного макаронника — Фалькона, чтобы он слепил ей статую, в которой она бы была увековечена вместе с моим прадедом, так он с нею так напортачил, что гнать его пришлось поганой метлой. В его парной статуе матушка нашла себя в сравнении с Петром больно толстой и приказала убрать, так что отливали статую уже без нее. Заявляли парную фигуру Петра Первого и Екатерины Второй, а в итоге получается, что останется один Петр Первый. Представь в какой ярости была моя матушка! Пришлось отливку делать в два раза больше, чтобы маленький Петр одиноким не выглядел. Так

ты приезжай, милый друг, вся столица с загородных домов раньше времени на открытие возвращается, и все дамы за лето по романам соскучились. Будет весело!

Натура. Лето. Яркий солнечный день. Дорога

3 в

Тени на письме Павла обретают телесные очертания. Некие полупрозрачные нимфы в развевающихся одеждах на фоне полей, заросших разнотравьем, да берез сменяются настоящими широкими полями и березовой рощей, а скрип пера переходит в цокот копыт. Кристофер счастлив: насколько ему было не по себе в доме Шарлотты, настолько же ему привольно скакать на лошади по лугам и дороге. Вслед за ним несутся его верные воины, в компании чувствуется дух военного братства и молодечества. В какой-то миг Кристофер срывает с себя треуголку и размахивает руками так, что вольный ветер будто льется на него, и он пьет свежий воздух всей полной грудью. От переизбытка чувств Кристофер кричит.

КРИСТОФЕР: Здравствуй, здравствуй, моя родная сторонка! Как же среди проклятых болот мне тебя не хватало! Виват Россия!

Его люди со свистом и улюлюканьем подхватывают крики «Виват!» и «Ура, Россия!».

Павильон. Лето. День. Петербург. Зимний дворец. Покои Павла

4 в

Крики «Виват!» и «Ура!» продолжают, но слышны они с улицы. Оттуда же доносится бравурная музыка, молочные братья Павел с Кристофером сидят в креслах за столом для бумаг перед огромным окном, из которого открывается вид на площадь, где заметно какое-то большое движение. Оба в парадных мундирах, на столике чайник и чашки, у обоих в ножнах начищенное парадное оружие. Кристофер хохочет, а Павел его внимательно слушает.

КРИСТОФЕР: Вообрази, Латвийское герцогство, то бишь страна латышей, прости господи! И мол, все эти хоффы отныне обязаны служить

нашей империи, а иначе она им не даст торговать. А Барклай — того хлеще! Объявил о том, что мы строим флот. Это при наших-то средствах! И флот он пожелал строить в курляндской Либаве, а не у нас, в Риге, где для верфей все готово. А Либавка — в Курляндии, а нам ее еще завоевать надобно! Курочка в гнезде, яичко в звезде, а они уж со сковородкою бегают! А-ха-ха!

ПАВЕЛ (*задумчиво*): И впрямь, что за притча? Интересно, почему вдруг в Либаве? Чем это ему Рига не угодила?

КРИСТОФЕР (*небрежно отмахиваясь*): А он говорит, мол, вскорости каждый метр причала в городе будет у него на вес золота, но бухту все равно не расширить — не выгодно. Стало быть, нечего военным кораблям занимать место на рейде, ибо военные денег в казну не несут, а все места в порту надо продавать для торговцев. А у него в порту шаром покати, дай бог занята треть причалов — я сам проверял.

Павел резко поднимается из-за стола и идет к стене к картам, которые висят у него одна на другой. Нетерпеливо начинает их сбрасывать на пол, наконец находит подробную карту Прибалтики и ведет по ней пальцем.

ПАВЕЛ: Интересно... И впрямь — интересно. Заполнения порта пока нет, а он уже планирует в качестве основного военного порта Либаву. А сам-то он что про заполнение говорит?

КРИСТОФЕР: По его словам, природой вещей скоро Рига станет крупнейшим портом на Балтике. Безумные прожекты с фантазией...

ПАВЕЛ (*внимательно водит пальцем по карте*): Не скажи... Ригато у нас, оказывается, единственный порт, в который удобно везти зерно по Днепру с Даугавою... Путь пока закрывают польские земли, однако по двору ходит слух, что матушка первым разделом Польши совсем не довольна... Будет новый раздел, и тогда зерно хлынет в Ригу... Умно... Там и впрямь негде будет ставить военные корабли. Да... А зачем ему флот? Корабли гниют и ветшают, их не накопишь...

Кристофер лениво выползает из кресла, подходит к карте и небрежным движением тычет пальцем.

КРИСТОФЕР: Он сказал, что после Литвы расширяться мы можем только в Финляндию. Для этого ему нужен флот. А в Финляндии он в Гельсингфорсе и Або построит большой флот и отнимет у Швеции ее Нурланд, а там посреди тундры и фьордов он построит уже третий флот — «Die Hochseeflotte», или флот верхних широт. И раз так, он говорит, что мы отыщем на нем возле полюсов новые земли — Терра Бореалис Инкогнита и Терра Аустралис Инкогнита — и сделаем их Россией! Я искал эти его океанские порты на большой карте. Нету там ничего — рыбацкие деревушки, и только.

Павел резко срывает со стены карту Прибалтики, бросает ее и две другие на пол и находит подробную карту Швеции.

ПАВЕЛ: Где? Где тут этот Нурланд? Почему не знаю? Почему мне не докладывали?

КРИСТОФЕР: А нет его там. Это земли местных племен, которые, по его словам, как и финны, не шведского корня, и потому могут быть нами отделимы от Швеции. Он мне показывал, что будущий Нурланд — это где-то вот здесь.

Павел пытается разглядеть, но он мал ростом, а искомые места на карте расположены сверху, и ему снизу их плохо видно. Тогда он двигает к карте свое кресло, залезает на него с сапогами и внимательно в карту вглядывается.

ПАВЕЛ: Это какие-то рыбацкие деревушки. Просто точки на карте — Трондхейм и Нарвик. Ни людей, ни дорог. И он там хочет строить порты высоких широт, ибо, согласно карте, море там никогда не покрыто льдом, а глубины прекрасные. Терра Бореалис Инкогнита... М-да-а.

КРИСТОФЕР: Да он там у нас такой не один. Где Шарлотта всех этих блаженных берет, в толк не возьму. Никого нет ни чтобы погулять, ни чтоб выпить... Вообрази, этот Барклай у нас трезвенник! Кошмар! Ужас!

ПАВЕЛ (*погружен в размышления*): Ах, еще к тому же и трезвенник! Качество и впрямь непростительное... Терра Бореалис Инкогнита... Флот высоких широт. Нет, постой, «Hochsee» можно перевести не только как «высокие широты», но и как «открытое море». Флот

открытого моря, выход к незамерзающим портам в мировом океане... Вот что я тебе, братец, скажу. Окажи мне услугу — перемани-ка к себе этого фантазера и умника. А потом его мне подарить. Ибо есть что-то — какой-то особый метод в его безумии. Трондхейм и Нарвик... Флот открытого моря... Новая Россия на полюсах подобно Новой Кастилии, созданной Писарро и Кортесом... А мне это нравится!

КРИСТОФЕР (*растерянно*): Дык он же из этих... Плясаше, играше...

ПАВЕЛ (*задиристо*): Это я будущий Царь, и я определяю, кто у нас кто. Барклай — фамилия древняя и на мой слух — шотландская. Ты будешь настаивать, что все обстоит не так, а иначе?!

КРИСТОФЕР: Да Господь с тобой, конечно, шотландец он. Всем известно. Заберу его у Шарлотты — мне она не откажет.

ПАВЕЛ: Ну и прекрасно. Пойдем, брат, пора. Матушка будет сейчас ленточку разрезать. Посмотрим и мы на этот камень и творение этого макаронника (*крутя головой и будто не веря своим собственным мыслям*). Флот открытого моря... Я выкажу себя прямым потомком Петра — тот строил столицу мира всего на болоте, а моя будет на острых камнях среди тундры...

5 В

Натура. Лето. День. Петербург. Сенатская площадь

Крики «Виват!» и «Ура!» гремят по всей улице. Павел с Кристофером движутся при всем параде внутри огромной процессии, оба покраснелись, разговаривают и шутят с окрестными дамами, а тем явно лестно такое внимание Наследника и его молочного брата-красавца. На большой сцене поставили трон, к которому поднимается Государыня, народ ее с воодушевлением приветствует. Екатерина милостиво кивает всем и, поднимая руку, начинает произносить речь.

ЕКАТЕРИНА: Лет двадцать назад, когда я только восходила на трон, я дала слово поставить здесь у нас памятник — как себе, так и Петру Алексеевичу. Шли годы, памятник строился, и я поняла, что памятник сам по себе — уже по мне память, и просила убрать меня с постамента. Ныне это знак нашего уважения и памяти создателю нашего города и нашей империи Петру Великому. Итак, памятник Первому — от Второй!

Гремят залпы пушек. Полотно соскальзывает с Медного всадника. Народ кричит в совершенном восторге, Екатерина принимает от всех поздравления.

Натура. Лето. День. Замок в Гатчине

6 в

Шум празднеств стихает. В уютном гамаке во внутреннем дворике у плаца, расчерченного как шахматная доска, лежит в подушках Мария Федоровна. По ее животу видно, что она в тягости. Мария то ли спит с открытыми глазами, то ли мечтательно смотрит вверх. Вдали шум, Мария с интересом выглядывает из гамака, двери во внутренний дворик с треском распахиваются, и во дворик выходит Кристофер, а за ним целая толпа молодых офицеров с бутылками. Кристофер глазами кого-то ищет и, увидев Марию Федоровну, расцветает. Он бежит к ней.

КРИСТОФЕР: Какая радость, что я вас все-таки встретил! Я тут на пару дней на побывку — прямо с войны, думал увидеть вас на открытии памятника, да мне сказали, что в вашем положении вам нельзя много двигаться, и поэтому вы кукуете в Гатчине. Боже мой, какое несчастье!

МАРИЯ (в ответном движении, чуть не выпадая из гамака): А я уж и не чаяла свидеться. Павлуша сказал, когда уезжал, что с вами в Питере встретится. Я тоже хотела, даже расплакалась, но я сижу тут — наказанная.

КРИСТОФЕР (осторожно поднимая Марию в объятиях): Кто же посмел у нас вас наказать? Кто посмел обижать мою прелесть?!

МАРИЯ (делая детское лицо): А все муж мой, противный! Я гуляла с Шарлоттой и Эльзой по осени, нечаянно одного мальчишку порезала и выпачкала мой рукав кровью. Павлуша все вызнал и кричал, что Шарло негодяйка и ведьма, лишь только и думает, как сжить со свету меня и моих Сашку с Костиком! Кристер, а ты что про свою жену думаешь?

Кристофер осторожно ставит Марию на землю и явно задумывается. Потом, почесав в затылке, бурчит.

КРИСТОФЕР: Я бы не сказал, что уж ведьма. Обычная женщина. Много книжек прочла и от этого чересчур умная. А дамам лишний ум вреден. Однако не думаю, что любая умная женщина — обязательно ведьма.

МАРИЯ (*с облегчением выдохнув*): Вот и я так не думаю. Шарло — очень хорошая. И не станет она меня убивать, а уж тем более Костика или же моего Сашку. А он все заладил как попугай, мол, бойся ее и с нею больше не разговаривай. А с Шарло всегда было весело! К тому же, она этого мерзкого доктора с собой увезла, и мне больше гадких микстур пить не приходится. Мне кажется, что у меня от них лезли волосы и кожа вся сморщилась! Вот, смотри!

Она крутится перед Кристофером и так и этак, и он невольно целует ее. Мария смущенно краснеет, и глаза ее разгораются.

МАРИЯ: Стало быть, мое положение в ваших глазах меня не портит нисколечко?

КРИСТОФЕР (*с чувством*): На мой вкус, округлев, вы только лишь хорошеете. Надеюсь, что и Шарлотта округлится когда-нибудь, но пока она, извиняюсь за выражение, серая доска в сравнении с вами. А вы стали прям таким румяным розанчиком!

Мария невольно хихикает, тихонько повторяет «доска» и от этого хихикает еще громче, а потом вдруг горько вздыхает.

МАРИЯ: А я уж боялась, что Пауль нарочно мне сделал маленькую, чтобы я раздулась и сидела дома с детишками. Ибо кому я нужна, от родов растолстевшая...

От этой мысли Мария чуть не готовится зарыдать, и Кристофер, дабы тему сменить, ее спрашивает.

КРИСТОФЕР: Почему ж маленькую? У вас наверняка появится третий сын!

МАРИЯ (*хлюпнув носом и отрицательно мотая головой*): Нет, без микстуры мальчик у меня не получится! Ведь и Шарло пьет эту микстуру гадкую, чтоб родить вам Наследника! А Павлуша мой против! Ой, не говорите ему...

В этот момент вдали раскрывается дверь в дворик, и на плацу появляется Павел, который нарочито идет к группе офицеров поодаль. Все они явно не хотят мешать Марии с Кристофером. Мария же тянет Кристофера к ним в честную компанию, и Кристофер идет за ней следом. На лице у Кристофера видна титаническая работа мысли, и он с явным подозрением и уже совсем иначе смотрит на своего молочного брата.

Павильон. Лето. Вечер. Замок в Гатчине

7 В

Большой плац гатчинского замка весь залит светом, играет веселая музыка, кружат пары. Дам немного, они все разобраны, поэтому часть офицеров осталась без пар и, скучая, ждет своей очереди. Чуть в стороне от их компании в густой тени стоит Павел, который смотрит, как легко и плавно движутся в танце Мария с Кристофером. Мария счастлива и смотрит сияющими глазами на своего кавалера, а тот очень нежно и бережно ведет ее в танце так, чтоб партнерша его не устала и ее чрево не повредилось. На лице Павла странное выражение: он смотрит на них обоих одновременно и с любовью, и с ревностью. Тут к Павлу подбегает молодой Оболенский.

ОБОЛЕНСКИЙ: Ваше Высочество, мы за вами шли сюда на рысях и о дамах не думали, а у Ее Высочества свита малая, и от этого пары на всех не составились. Что теперь делать?

ПАВЕЛ (*небрежно, брезгливо и с раздражением*): А мне-то что за печаль? Вы охрана моя, ваше дело меня охранять, а не скакать сюда на танцуйки! Да мне все равно. Да хоть... друг с другом танцуйте! Да — друг с другом. Это — приказ. Вот пусть старшие в чине пригласят младших — как будто женщин. Что непонятного? Исполнять!

Оболенский, чуть помешкав, бежит обратно к товарищам. Кто-то из офицеров смеется, кто-то смотрит на господина своего вопросительно. Затем старшие офицеры начинают к Павлу движение, но тот повелительно указывает им на плац, мол, танцуйте. Люди меж собой переглядываются,

кто-то нехотя исполняет приказ, но многие начинают меж собою яростно спорить. Павел в нетерпении топает ножкой и, понимая, что большая часть людей его приказов не слушает, торопливо идет в темноту прочь от танцев. Тут он вдруг останавливается, хлопает себя по лбу и почти бежит куда-то от плаца за угол. Там в почти полной тени стоит небольшая беседка. Павел заходит внутрь, и навстречу ему движется маленькая фигура в сером. Фигура приоткрывает свой плащ, и мы видим Елену Сперанскую.

ЕЛЕНА: Я уж боялась, что вас не так поняла. Почему не в столице? Туда и вам, и мне добраться было бы проще.

ПАВЕЛ (*с раздражением*): Тебя не спросили! В Зимнем чужих глаз повсюду полно! Никто вас не видел? А то зря что ли мы сюда при-тащились?! Докладывай!

ЕЛЕНА (*торопливо*): Моя подопечная Крыса все время больна. Практически с постели никуда не встает. Все время глотает какие-то микстуры и капли. В доме есть тайная комната, в которой дядя мой, доктор Боткин, все время их для нее варит. Какие микстуры и от какой болезни, я узнать не смогла. Сам дом — будто крепость. Чужим туда хода нет, меня пустили лишь потому, что я Крысе, получается, родственница.

ПАВЕЛ: «С постели не встает» — это общо. Любой симулянт это делает. Какие внешние признаки?

ЕЛЕНА: У нее на лице появились морщины, и она быстро старится. Волосы поседели и, похоже, вылезают. Так говорят, потому что раньше волосы ей служанки расчесывали, а нынче расчесывает ее только Эльза. И я заметила, что у нее порой дрожат пальцы, в общем, никакие документы она сама не подписывает. Ее именем все подписывают или Барклай, или Эльза. Все говорят, что долго она так не протянет.

Павел задумчиво кивает в ответ, достает из кармана кошель и брезгливо кидает его Елене.

ПАВЕЛ: А теперь — пошла вон. Вернешься в Ригу, со мною не связывайся. Твой куратор отныне Тряпицын. Ему и пиши. Убирайся.

Елена бесплотную тенью подбирает с земли кошель и растворяется в сумраке. Павел пожимает плечами.

ПАВЕЛ: Да и черт с нею, с Крысою. Сама подохнет, убогая. Вот уж верно: не торопи умирать, дай состариться! Похоже, не родится у нее никого от Кристофера, а я на душу чуть такого греха не принял... Все к лучшему.

Павильон. Осень. Вечер. Рига. Дом градоначальницы
Шарлотта стоит за конторкой в своем кабинете, который устроен по образцу и подобию кабинета у Государыни, и что-то пишет. Со страшным грохотом открывается дверь, и в комнату входит Кристофер.

8 в

КРИСТОФЕР: Где она? Где эта чертова микстура? Сколько ее надо пить?

ШАРЛОТТА: Ты о чем? Какая микстура? Как к брату съездил?

КРИСТОФЕР: Брат мой меня подло обманывал! Он не хочет, чтобы у меня был наследник! Так где та микстура, которой ты себя травишь?! Я — Романов, и мой долг продолжить мой род! Род Романовых! Я тоже ее буду пить!

Шарлотта пару раз раскрывает рот, будто пытаясь найти слова, а потом звонит в колокольчик. На звонок прибегает верная Эльза. Она с удивлением и испугом смотрит на взмыленного Кристофера, который будто гнал коня без передыха от самой столицы. Шарлотта откашливается.

ШАРЛОТТА: Эля, нам нужно срочно сыскать доктора Боткина. И мы все идем сейчас в тайную комнату. Кристофер в курсе и готов нам помочь. Ты меня понимаешь?

Эльза кивает в ответ и стрелой выбегает из комнаты.

Павильон. Осень. Утро. Дворец в Гатчине

9 в

Павел прогуливается по своему любимому плацу, тут к нему, парадно печатая шаг, при полном параде приближается Оболенский, который с поклоном и церемонией подает

ему некий пакет. Кроме этого, у него под мышкой зажата кипа таких же пакетов. Павел небрежно отвечает приветствием и со скукой, написанной на лице, принимает пакет.

ПАВЕЛ: Что это? Похоже, что рапорт? Я очки в замке забыл, доложите словами!

ОБОЛЕНСКИЙ: Это мой рапорт с просьбой о переводе меня в другой полк.

ПАВЕЛ (*с изумлением*): Какая муха вас укусила? Что вам у меня не угодно? У нас лучший отряд всей империи, вас ждет здесь прекрасная будущность.

ОБОЛЕНСКИЙ (*чеканным голосом*): Я дал слово исполнять любой ваш приказ. Я осознал, что не готов исполнять приказ — танцевать вместо женщины! Прошу вас о переводе меня в другой полк.

ПАВЕЛ (*приходя в раздражение*): Эвон как ты со мною заговорил?! А я переведу тебя. В Сибирь. На Камчатку! Будешь медведям с тюленями хвост крутить, раз не согласен с моими приказами! А это что?

ОБОЛЕНСКИЙ (*поблуднев как бумага*): Это рапорта моих сотоварищей. Мне по жребию выпало за всех их подать.

Павел выхватывает у офицера кипу бумаг, быстро их глазами проглядывает, тут же мнет и бросает на плац.

ПАВЕЛ: Да это — бунт! Мои приказы не исполнять?! Всех сгною, все поедут отсюда с доходных мест на Кавказ или в степи — кайсаков гонять! Все отставлены, пошел прочь!

Оболенский ловко делает поворот кругом и тем же чеканным шагом удаляется от Наследника к дверям замка. Там собрались почти все офицеры охраны, которые каждое слово начальства услышали. Они по очереди отдают Павлу честь, раскланиваются и скрываются в двери замка. Какое-то время Павел стоит возле кучки смятых бумаг совершенно один и растерянный. Затем он кричит.

ПАВЕЛ: Кутайсов! Живо сюда! Эй, Кутайсов!

Из двери замка выбегает неопрятного вида толстый человек в лакейской ливрее. Он бежит к Павлу, смешно отдуваясь и переваливаясь.

ПАВЕЛ: Ты слышал, это — бунт!

КУТАЙСОВ (*подбегая наконец и сияясь перевести дух*): Так точно, бунт, Ваше Высочество!

ПАВЕЛ: Как это произошло? Почему я не был предупрежден? Почему они не сохранили мне верность?

КУТАЙСОВ (*с понимающей усмешкой*): Так они и были не ваши, Ваше Высочество! Охрану вам подобрал молочный брат ваш — Кристофер, и они его, вашего начальника охраны, поэтому слушались. А уехал он в Ригу, вот они и разбаловались.

ПАВЕЛ: Вот черт! Что ж, понятно. Ну да в сибирских снегах на морозе они живо у меня подостынут. Начнут ценить мою доброту.

КУТАЙСОВ: А они не поедут. Готов делать ставки. Ваш-то братец сейчас — самовластный господин в той же Риге, а Лифляндия его от нас независима. Там нынче война, и ему офицеры нужны. Всех этих он знает, они всегда считали его своим предводителем. Нет, не поедут они по приказу в Сибирь, а скорее изменят стране и уйдут к нему, в Ригу. Помяните мои слова.

ПАВЕЛ (*закатая*): Так у нас тут под носом зрела государственная измена с предательством?! Ну и пусть едут к иудам, ибо сами — иудины. А ты подыщешь мне новых людей. Таких, чтобы любые приказы исполнили. Да хоть... Да хоть, чтоб по приказу прилюдно носили женские платья! Так и набирай! А чистоплюев с обманщиками мы тут у нас не потерпим. Если офицер готов нам служить, пусть служит. Исполняет любой мой приказ!

Натура. Осень. Утро. Дворец в Царском Селе

10в

Государыня завершает утреннюю прогулку и выходит из открытой кареты, которая ее катала по парку. Деревья вокруг покрыты багрянцем и золотом, в небе светит уже холодное осеннее солнышко. Императрица раскраснелась от поездки, довольна и счастлива. К ней навстречу от дворца бежит, напуганный, ее секретарь, он же министр иностранных дел Безбородко. Он на ходу машет руками.

БЕЗБОРОДКО: Боже мой, какой ужас! Ваше Величество, не извольте гневаться, не доглядел!

ЕКАТЕРИНА (*меняясь в лице и напрягаясь*): Что случилось?! Неужто опять турки? Или убили кого-то из послов? Где? Кого?

БЕЗБОРОДКО (*задыхаясь от бега и хрипя, пытается отдышаться*): Да хуже того, матушка, вся охрана Наследника подала рапорта об отставке!

ЕКАТЕРИНА (*сразу же успокаиваясь*): Давно пора. Я изумлена, что его кто-то вообще может выдержать. Чего начудил?

БЕЗБОРОДКО (*чуть не плача*): Так он им отставки не дал, а сослал всех на Камчатку! А они нынче требуют отказа от вашего подданства!

ЕКАТЕРИНА (*опять напрягаясь и растягивая слова, с угрозой в голосе*): По-ня-тно... И куда ж молодцы собрались? Небось, в Польшу или уж сразу во Францию?! То-то мне имена их не нравились: Невельский, Оболенский, Потоцкий да Яновский... Развели, понимаешь!

БЕЗБОРОДКО (*испуганно*): Что ты, что ты... Упаси господи... Лифляндского подданства просят. Хотят и дальше служить своему прежнему командиру Кристоферу. То есть будут все равно служить вам, но уже не как русские.

ЕКАТЕРИНА (*замирая как вкопанная, произносит растерянно*): Что за притча? Ничего не пойму. Они что там, у сына моего, как в детстве опять стали пить мухоморовку?! Или курить невесть что?! Господи, какой бред, зачем менять подданство?!

БЕЗБОРОДКО (*почти поскуливая*): Пока они числятся русскими, они обязаны исполнять приказы Наследника, ибо он по чину им старший, а они все эти чертовы платья наотрез отказываются надеть!

ЕКАТЕРИНА (*разинув от изумления рот*): Какие такие платья? Для какой такой цели?

БЕЗБОРОДКО (*чуть не плача*): Не вели казнить, не уследил! Для каких целей, мне неведомо. Говорят, Наследник требовал, чтоб они заменяли для него женщин... Потанцевать там и прочее...

ЕКАТЕРИНА (*приходя в ярость*): Что ты врешь-то мне все! Что ты ересь придумываешь! Старого секретаря мне подать — Ваню Бецкого! При нем-то никаких платьев не было. Живо! И Салтыкова — пусть объяснит, что это за бордель у них в Гатчине!

Павильон. Осень. День. Дворец в Царском Селе

11 в

Екатерина, как разъяренная тигрица, мечется по своему кабинету. Ее секретарь Безбородко стоит в уголке и вжимается спиной в стену. Он делает все, лишь бы царица на него не обращала внимания. Дверь в кабинет распахивается, и на пороге появляется престарелый прежний секретарь Екатерины, а нынче министр образования Бецкой. Он заламывает руки и прямо с порога начинает говорить.

Бецкой (*трясаясь от старости, но с азитацией*): Я всегда говорил, я предупреждал! Это все Вольтер и Дидро, это все масоны проклятые! Кто дозволил Наследнику стать масоном? Кто за этим недоглядел? Сегодня в платья людей нарядит, завтра сам начнет душиться, как баба, а потом еще фабриться и румяниться!

Безбородко (*с отчаянием из угла*): Нет сообщений, чтобы он фабрился иль помадился. До этого не дошло.

Бецкой: Дойдет, ей богу, дойдет! Все эти вольнодумцы — слуги Антихриста, они на своей черной мессе мало что фабрятся, так они еще и... Вам, матушка, нельзя знать про такие бесчестия.

ЕКАТЕРИНА (*с отчаянием*): Да черт с ним, масоном и вольнодумцем, откажу ему от престола — и делу конец! Что с внуками моими, Сашкой и Костей? Какими они при таком отце вырастут?!

Бецкой: Это ты в самую точку, хозяйюшка! В самую точку. Внуков от такого родителя надо срочно отнять, пока маленькие, да пока масонская порча...

Дверь снова распахивается, и на пороге появляется запыхавшийся Салтыков — бессменный ментор и учитель Наследника Павла, а теперь воспитатель и учитель Александра

и Константина Павловичей. Он, заламывая руки, бросается в ноги государыни с криками.

САЛТЫКОВ: Боже, какой кошмар! Не знал, прости, матушка, день и ночь бдел над деточками, а отца просмотрел. Да и как углядеть, взрослый уже, не мальчик. Я, когда услышал, так и сам думал первым подать в отставку, однако забота о благе детей — о благе страны и ваших наследников — удержала. Мальчики ко мне совершенно привыкли, как я мог их там бросить?!

ЕКАТЕРИНА (*устало*): Все понимаю, Николай Иванович, ты один моя надежда на воспитание внуков. Каков твой совет?

САЛТЫКОВ: А какие есть мнения?

ЕКАТЕРИНА: Да нет пока мнений. Иван Иваныч (*указывая на Бецкого*) требует внуков немедленно отнять, пока и они не стали помадиться. Александр Андреевич (*указывая на Безбородко*) боится, что за недосмотр будет ему от меня на орехи. (*Прикусывает губу и говорит чуть ли не сквозь слезы.*) Я же... Павлушу у меня сразу отняли, и сам видишь, что выросло. Я в молодости себе поклялась, что никому того же не сделаю, а вон оно... Вот и дай совет, как нам быть?

САЛТЫКОВ (*окинув взором собравшихся*): Я думаю, детей надо забрать. Это будущие государи великой империи, и вольтерьянства да вольнодумства в царях нам не надобно. И масонов надо гнать от них ссаной тряпкой.

БЕЦКОЙ (*с явной радостью*): Именно так, именно так, моя матушка! Запретить Вольтера и вольнодумство как идейки, опасные для нашего юношества. Я подготовлю указ?

ЕКАТЕРИНА (*безразлично махнув рукой*): Готовь, Иван Иваныч, готовь. Главного ученика, похоже, я все равно уже упустила.

Павильон. Зима. Утро. Рига. Дом градоначальницы
Шарлотта полулежит в своей огромной кровати. Рядом стоит верная Эльза, а доктор Боткин Шарлотту слушает через трубочку.

Боткин: Да, определенно я слышу маленькое сердечко! Лечение помогло — по всем приметам у вас будет маленький.

ШАРЛОТТА (*со счастливым лицом*): Наконец-то! Почему же так долго? А вдруг опять что-то будет не так?

Боткин (*выпрямляясь и убирая в карман свою трубочку*): Ну, болезнь эта редкая. В моей практике это всего лишь второй случай, и мы тут лечим впотьмах, по аналогии. Обычно подобную болезнь можно исцелить, когда средство принимает лишь мать, но видно, что ваша болячка поддается, ежели лечить супруга, у которого нет проклятия. В тот раз успех был после лечения жены вашего кузена, а вам полегчало после того, как лечиться начал ваш муж. Думаю, что у вас будет мальчик.

ЭЛЬЗА: Мария Федоровна сказывала, что ребенок лицом будет похож на одного из родителей, а разумом на другого, и она приказала, чтобы у нее было и так, и этак. А мы бы хотели, чтобы Наследник по облику был точно Романовым. Для нас это важно.

Боткин (*разводя руками*): Болезнь редкая. Я микстуру смешиваю по наитию, но я сделал все, чтобы от отца ваш сын получил бы лицо, но не разум.

ШАРЛОТТА (*с невольной улыбкой*): Под обликом мы, надеюсь, понимаем не только лицо.

Боткин (*с усмешкой*): Да, конечно! Ежели все получится, то и в остальных членах он тоже уродится в отца. Отличие будет лишь в разумении.

ШАРЛОТТА: Нужно срочно сообщить весть Кристоферу.

ЭЛЬЗА: Может, не тревожить его, ибо он у нас нынче в заботах? Из столицы прибыла почти вся охрана Наследника с просьбой принять в полки. Кристофер их сейчас на месте устраивает. Пишет, что опасался он командовать немцами, а с русскими офицерами воевать ему сто крат сподручнее.

ШАРЛОТТА: Чудесные новости! Да, конечно, с русскими офицерами ему служить будет проще. Пусть притираются. До лета у нас еще много времени. Успеем обрадовать.

Натура. Осень. День. Дворец в Гатчине

Павел прыгает на одной ножке по своему плацу, раскрашенному под шахматную доску, так же, как девочки прыгают, играя в классики. Погода — ясная и тихая, воздух — прозрачный и струящийся, будто расплавленное стекло. Вдруг со стороны дворца раздается оглушительный визг Марии Федоровны. Павел раздосадованно машет рукой, вздыхает и понуро идет выяснять, что именно на сей раз так расстроило женушку. Навстречу ему из дворцовой двери выходит встрепанный Салтыков. У него крайне расстроенное и озабоченное лицо.

САЛТЫКОВ: Ах, Ваше Высочество, очень грустные новости. Ваша матушка Государыня изволила приказать, чтоб наследники отныне учились при ней, точно так же, как вас Государыня Елизавета воспитывала. Я за вас бился, аки лев, но сложно оспорить мнение Государыни. Ну да, вы — в курсе.

ПАВЕЛ: Этого стоило ожидать. Мать ни шагу не ступит, дабы меня не уесть. Кто же тогда будет обучать моих мальчиков?

САЛТЫКОВ: Исключительно ради блага детей я осмелился просить Государыню не лишать их учителя. Так я смогу оставаться вашей связью и ниточкой к отпрыскам...

ПАВЕЛ (*заклячая Салтыкова в объятия*): Спасибо вам, верный друг. Я знал, что во всем на вас смогу положиться. Но что за крик, почему так вопит моя Марьюшка?!

САЛТЫКОВ (*разводя руками*): Что поделаешь — женщины! Не желает исполнять царскую волю. Не хочет отдавать вашей матери мальчиков. Дамы, особенно на сносях, бывают такие эмоциональные...

ПАВЕЛ: Это точно. Ты не поверишь, Николай Иваныч, мне все эти ее слезы и вопли вот уже где сидят (*бьет себя ребром ладони по горлу*). Не будь надо мной цербером моя проклятая матушка, ей-ей — завел бы себе любовницу!

САЛТЫКОВ (*с понимающим смешком*): А то, может быть, и любовника? Мальчики не рожают, а удовольствие от них — то же самое.

Детский ваш идеал — Фридрих Прусский, говорят, не чурается. Тут ведь самое главное, чтобы не было слухов и не осталось последствий.

ПАВЕЛ: Фу ты... Не-ет, это не по мне. Конечно, интересно порой поиграть, вообразить самому себе, будто я и есть Фридрих, но все ж таки без всего эдакого. Впрочем, когда Марья опять сопли пустит, так и думаешь: на черта нужны эти бабы...

Дверь из дворца на плац с хрустом распахивается, и через нее к Павлу бежит зареванная Мария Федоровна. Она захлебывается соплями, слезами и икотой и вопит.

МАРИЯ: А-а-а! Отняли! Пауль, наших детей у нас отняли! Сделай же что-нибудь!

ПАВЕЛ: Успокойся, душа моя, моей матери на старости захотелось кого-то воспитывать. Блажь старушки, а для нас — царский приказ.

МАРИЯ: Но... Но это же... Это же мои детки!..

ПАВЕЛ: Ничего страшного, Марихен, а мы еще нарожаем. *Aller guten Dinge sind Drei*. Родили двоих, родим — третьего. Всем — хватит!

Мария Федоровна, как от физического удара, отшатывается от мужа, сразу переставая плакать. Она лихорадочно шевелит губами, морщит лоб, что-то шепчет, по ее лицу видно, будто она о чем-то отчаянно думает. Затем она поворачивается и уже без слез бежит назад и на ходу громко бормочет.

МАРИЯ: Нет... Нет... Все верно... Все правильно, слезами тут не поможешь... Шарло... Я напишу моей милой Шарло, она мастерица придумывать. Она меня спасет. Она меня точно спасет, как всегда было.

ПАВЕЛ (*приходя в ярость*): Опять, опять эта крыса! Убью суку!

САЛТЫКОВ (*со смешком и еле слышно*): И не забывайте, чему я вас учил. Главное — чтобы для вас без последствий. И чтобы не пошли слухи...

ПАВЕЛ (*сразу будто опомнившись*): Спасибо, Николай Иваныч! Вы опять правы, здесь надобно — для себя без последствий.

1 г **1783. Старая хроника. «Окончательное присоединение
Крыма, Кубани и Тамани»**

По экрану идут будто полосы от старой записи. Мы видим Государыню Екатерину, которая величественно вливается в сопровождении своей свиты в тронную залу. Перед нею собрались толпы царедворцев, которые окружают людей в чалмах и степняцких национальных одеждах. При виде Государыни те падают ниц, и министр иностранных дел торжественно объявляет.

Безбородко: По долгому размышлению в знак человеколюбия и своей доброты Государыня Императрица Российской Империи согласилась распространить свою милость и принять в русское подданство народы Крыма, Тамани и Кубани и отныне дарует им свои дружбу, защиту и покровительство. В знак приязни и милосердия Ее Величество объявляет о намерении совершить свое посещение Крыма, чтобы лично принять все эти земли под свою добрую руку.

Люди в чалмах и халатах чуть ли не коленях ползут к Государыне, а она милостиво позволяет им лобызать свою руку.

2 г **Старая хроника. «Подписание Георгиевского
трактата с Грузией»**

Лица лобызающих руки русской царицы неуловимо меняются. Теперь это горские князья в бурках и кафтанах с серебряными газырями. Опять слышен голос Безбородко.

Безбородко: Узрев доброту и смирение нашей матушки Государыни, грузинский царь Ираклий пожелал после смерти оставить грузинское царство Картлии и Кахетии под началом Российской Империи. Отныне Государыня Екатерина его преемница и наследница.

Грузины по очереди поднимаются с колен, получив Екатерино благословление, и выстраиваются в ряд, к ним подходят музыканты, которые, видимо, хотят играть музыку, чтобы петь какие-то песни. Государыня, так же величественно кивая то тем, то этим, выплывает из залы. Там ее ждет возбужденный министр иностранных дел.

Старая хроника. «Катастрофа Испании»**3 г**

Лицо Екатерины сразу меняется и из блаженно-приветливого становится серьезным и озабоченным. Безбородко говорит ей негромко.

Безбородко: То, чего вы опасались, произошло. Английский флот, что разбил французов в прошлом году у Ямайки, прошел через Гибралтар и напал на испанский флот, осаждающий эту крепость. Полная виктория! Испанцы разбежались и прячутся. Англичане прорвались в Средиземное море. Ежели они плывут с дурными для нас намерениями, наш Крым под угрозой.

ЕКАТЕРИНА (*поморщившись*): Как же оно не ко времени... Я писала испанскому рею, мол, бери быстрее Гибралтар, он у вас ключ ко всему... Ну да не по этому Хуану оказалась сия проклятая крепость... Англичане-то известные наглецы — ждать не станут. Теперь нужно срочно строить флот, чтобы Крым от них защищать... Что у нас с флотом?

Безбородко: Да все как обычно. По плану и графику. Вот, правда, есть докладная от рижского гоффактора Барклая, он хочет строить флот в курляндской Либаве. Правда, перед этим Либаву надо захватывать.

ЕКАТЕРИНА: Барклай? Барклай... Вспомнила, я его подарила Шарлотте — племяннице. Покажите мне потом его план, может, и есть там что-нибудь дельное. А сейчас нужно срочно строить флот здесь, на Балтике, а потом сыскать дельного адмирала, чтобы он корабли на юг перегнал. Сыщите мне адмирала хорошего, чтобы на море сумел разбить англичан, а то они что-то прямо разбаловались — бьют всех, кого встретят. А пока наймите кого-нибудь. К примеру, этого... принца Нассау-Зигена. Он наемник, а в боях по слухам хорош, и у него мать и бабка из Франции, так что на англичан у него зуб до земли. И выпишите назад ко мне из Шотландии Грейга, он из шотландцев и англичан ненавидит до колик. А когда нам служил, он был хорош при Чесме. Пусть он хоть и старик, а на службу возвращается с пенсии. Господи, лишь бы успеть, а то Крым пока перед Англией беззащитен. Как же эти чертовы испанцы обосрались не ко времени!

Павильон. Весна. Вечер. Рига. Здание Биржи

По торговому залу Биржи идет, со всеми раскланиваясь, Барклай. Торги уже кончились, и народ собирается расходиться. Со своего места в глубине залы ему машет Исаак из Йорка. Барклай кивает и сворачивает к англичанину. Тот почему-то озирается вокруг.

ИСААК (*полушепотом*): Пс-с-т. Вы слышали интересную новость? Идет слух, что наши пираты только что захватили у испанцев Фолкленды. Захватили и объявили их своею военной добычей. Испанские купцы в панике, все говорят, что это первая ласточка, завтра наши ребята окажутся уже в Аргентине, а там Чили, золото Перу и Боливии, а затем Мексика! Все испанские колонии в тех краях как карточный домик посыпались. Вы понимаете, что оно значит?

БАРКЛАЙ: Мои поздравления, я рад за вашу корону.

ИСААК: А я, боюсь, не так рад. Ведь раз моя страна разбила на море и Францию, и Испанию, а Пруссия с Швецией наши союзники, это значит, что на пути к мировому господству для нас осталась только Россия... Ну а мне у вас нравится, я уж подумывал жить здесь в старости на хороший процент...

БАРКЛАЙ: Так ведь король ваш безумен и непопулярен в стране, а война с Россией наверняка не будет просто прогулкой.

ИСААК: И не говорите! Однако есть Георг Четвертый, мальчику как раз исполнилось двадцать один. Так я молюсь за здоровье безумного Георга Третьего, ибо гешефт у меня тут идет замечательно, но старому оружейнику не дадут зарабатывать, коль скоро меж нашими странами грянут пушки.

БАРКЛАЙ: Так, может, еще не грянут?..

ИСААК: Не скажите, молодой человек. Мы проиграли в Америке, публика жаждет крови, стало быть — война будет! Если бы смог найтись иной враг, как бы мы всем нашим Сити были счастливы! А пока придется ограничиться поставками оружия вам и вашим противникам. И я желал бы оговорить тарифы и скидки.

БАРКЛАЙ: У России нынче тут нету противников.

ИСААК: Ой, не скажите, молодой человек! У войны своя логика, у Сити тоже есть своя логика, и Сити именно на войне зарабатывает. Раз уж умные деньги в войну стали вкладывать, она становится неизбежной. Хорошенько подумайте, и я думаю, что вы посчитаете мне хороший процент.

Барклай задумчиво кивает в ответ, отходит от стола Исаака и торопливо почти бежит к выходу.

Павильон. Весна. Ночь. Рига. Дом градоначальницы

5 г

В кабинете Шарлотты собрались возбужденные Барклай, Шарлотта и Эльза. Все смотрят то на план Риги, то на карту Прибалтики. Шарлотта говорит с нервическим возбуждением, то и дело хватаясь за свой округлый живот.

ШАРЛОТТА: Повтори еще раз мне точно, что именно он сказал?! То есть Англия готова напасть на нашу страну?

БАРКЛАЙ: Нет, я его понял так, что Англия сперва должна закончить дело в Америке, и в самой Англии войною сыты по горло. Но оружейникам нужна большая война, чтобы продать свой товар. Раз Исаак собирается напрямую продавать его нам, стало быть, о прямой войне с Англией речи нет. Но у Англии два союзника, Пруссия со Швецией. Раз эти стервятники чуют поживу, стало быть, война с нами кого-то из этих — дело решенное. Период от начала производства до готовых ружей и пушек у них года три, хотя часть вооружений нынче освободится после завершения баталий в Америке. Это значит, что, может быть, завтра, а может быть, через три года то ли Пруссия, то ли Швеция обязательно на нас нападут, а Исаак хочет быть тем, кто и с нас, и с них снимет сливки!

ШАРЛОТТА: Надо из Латгалии срочно вызвать Кристофера. Его детские игры с курляндцами пока пора отложить. Все средства с этого дня мы вкладываем в строительство флота и крепости. К черту Либаву — закладывайте корабли прямо в Риге. Срочно шлите гонца к Государыне, донесение пусть передаст из рук в руки. Что пруссаки, что шведы — дурные противники. А тут еще твои игры, Миша,

с Эстляндией. Как идет вербовка немецкого офицерства, или оно у вас в Ревеле шведское?

БАРКЛАЙ (*хлопая себя по лбу*): А я-то думаю, что за проволочки у них, что за притча? Вроде и готовы к войне, а в строй не идут, мол, дела у них по хозяйству. А коль затевается на нас тайное нападение противника, тогда ясно, для кого они копят в замках оружие да для кого муштруют своих ливов с эстонцами! Что пруссаки, что шведы — всем им родственники!

ШАРЛОТТА: Черт, черт, черт... (*Эльза почти автоматически говорит: «Не чертыхайтесь, госпожа», но Шарлотта ее не слышит.*) Как же мы не подумали об этом?! Ведь чуяла я, что в тех краях все неладно. Думала, просто помнят походы Петра, а оно вон как — готовятся переметнуться к противнику. Нам бы теперь точно узнать, кто ударит, — те или эти. От этого зависит, на кого больше рассчитывать: на семьи шведские или немецкие... Эля, ты вымуштровала всех наших слуг, пусть поедут по родным хуторам, поспрошают у служанок из родственниц, кто из баронов промеж себя речи странные говорит? Нам нужно точно узнать, кто ударит, кому сейчас верить, — шведам или немцам!

ЭЛЬЗА: Все сделаю. Служанки мои своих сестер с кухнями припрягут, а те все наволочки наизнанку у их немецких да шведских господ вывернут и заглянут в каждый ночной горшок. Это я обещаю.

6 г

Павильон. Весна. Париж. Вечер. Гранд-Опера

В огромном театре идет представление. В ложе для почетных гостей сидят министры в пышных париках и камзолах. Сзади открывается дверь, и вбегает перепуганный Неккер — министр без портфеля. При этом изображение Гранд-Опера блекнет, и на ее фоне идут картины боев и сражений, а также появляется большая карта Северной Америки. На фоне этих гравюр слышны голоса и видны бледные тени министров.

НЕККЕР: Боже мой, какой ужас! Какой это ужас!

МОРЕПА: Полно, старина, что вас так расстроило?

НЕККЕР: Я с переговоров о перемирии в Америке. Пока это большой секрет, но завтра правда вся выплывет, и у нас произойдет революция.

МОРЕПА: Какая правда? О чем вы?

НЕККЕР: А вы не слышали? Испанцы обделались, американцы, на них глядя, — тоже. Мсье, они обязались платить! Эти наглые янки на все готовы, чтоб закончить войну и спасти свои задницы!

МОРЕПА: Как так?! Ведь они ж победили?! Почему же платить?

НЕККЕР: Я сам в шоке, не спрашивайте. Мало того, что они согласились выплатить контрибуцию, так ушлые англичане потребовали еще все прошлые налоги, пошлины и компенсацию за имущество, которые их сторонники оставляют в Америке. Даже цену за чай вписали, сволочи, в договор. За тот самый чай, с утопления которого в Бостоне там все началось. И сказали, что это — принципиальный вопрос. Типа за чай вы ответите. А весь ужас в том, что Америка согласилась и заплатит и за чай, и за поместья, и все недоимки с налогами... Но платить они хотят из наших денег, которые мы ссудили на эту войну!

МОРЕПА: Господь всемогущий! А ведь мы договаривались, что американцы вернут нам процент от того, что Англия им после поражения выплатит. Но раз платят они, то мы — нищие! Ты понимаешь, вся Франция нищая... Кошмар! А наши долги?.. А жалованье войскам?.. Какой ужас! *(Падает замертво.)*

**Павильон. Весна. Страсбург. Вечер.
Пивная «Кер де Лион»**

7Г

По темной и чадной пивной девицы в немецких передниках носят большие глиняные кружки с пивом. Меж ними пробирается крупный сравнительно молодой человек с улыбочивым лицом в хорошей одежде. Она сильно отличается от нарядов местного простого народа, который за длинными лавками пьет пиво, что-то орет и скандалит. Человек кого-то тут ищет. Наконец в дальнем темном углу он видит знакомого и приветственно машет ему рукой. Навстречу ему из-за

стола поднимается совсем молодой человек с неприметным лицом, которое сложно запомнить, в темном плаще, из-под которого видна офицерская форма. Старые друзья обнимаются, они явно рады друг друга видеть. Молодой человек с веселым лицом машет руками и говорит.

ДЕ РОГАН: Никогда не понимал это пиво, на мой взгляд, жуткое пойло. Нужно было его запретить, как только мы завоевали сей город. Как вы, мой друг, можете его пить?

ФУШЕ: Жандармам приходится сталкиваться порою и с худшим. А пивные мне нравятся потому, что легче тут сыскать врагов Франции. У меня есть теория, что любители вина — скорей наши, а любители пива — изменники. Но об этом потом... Как ваши дела? Все время добром поминаю все ваши лекции. Как ваша ложа?

ДЕ РОГАН: Да какие у нас дела! С тех самых пор как Бурбоны изгнали нашу благодетельницу мадам Дюбарри, дела у нас скверные. С вашей легкой руки я теперь глава ложи, но вы же ведь знаете, пост этот хлебный, лишь ежели везет охмурить богатого дурака, охочего до таинственного. А здесь не Париж, здесь Страсбург. Тут пьют это мерзкое пиво и живут одни жадные бюргеры, вот и сидим, положив зубы на полку. А как у вас? С тех пор как я вам выдал диплом и вас отметили в префектуре, я о вас почти и не слышал. Каким ветром вас-то к нам занесло?

ФУШЕ: Время сейчас беспокойное. Ветераны бунтуют, казна пуста, в общем, все смутно. Надеюсь, те, кто снял меня с поста префекта, а у вас отнял кафедру, еще пожалеют. А в целом занимаюсь я черти чем, вместо того чтобы Лионом командовать.

ДЕ РОГАН: Да, да! Ведь вы были самый молодой жандарм Франции. Помню вашу статью «Применение статистического анализа для выявления коррупции», за которую вас сделали лионским префектом. Подумать только, главным жандармом Лиона был избран мой ученик — профессор от математики. Сказка!

ФУШЕ: Сказка недолго продолжилась. Пала мадам Дюбарри, и казнокрады предложили мой пост одному из Бурбонов и принялись при нем грабить и воровать еще пуще...

ДЕ РОГАН: Воры! Разбойники! Как же я вас понимаю!

ФУШЕ: А к черту это все, к черту! Вы писали, что к вам едет гость из России от Наследника Павла. Как он — важная шишка?

ДЕ РОГАН: Нисколько. Дед его был академик у русских, но это все в прошлом. Чем-то он Наследнику глянулся, тот теперь о нем заботится. Шлют его нынче ко мне через ложу, хотят, чтобы он получил тут диплом.

ФУШЕ: Сколько он за диплом заплатил?

ДЕ РОГАН: Он едет в свите князя Голицына. Тот — человек без мозгов, но с деньгами, помешан на девках и выпивке, а протеже Павла ему нынче служит, чтобы оплатить учебу с дорогою.

ФУШЕ: Итак, Павлу нужен помощник бедный и безродный, но умный. Занятно... Кардинал, возможно, я сыщу способ вернуть вас ко двору, а вы приглядите за вашим гостем. Раз этот юноша интересен Наследнику, он будет интересен и нам — контрразведке.

Павильон. Весна. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

8г

Домочадцы собрались за одним большим длинным столом и ужинают. За столом Кристофер, Шарлотта, Барклай, чета Боткиных и есть пустое место для Эльзы, которая почему-то запаздывает. Вот она появляется и, опускаясь на свой стул, объявляет.

ЭЛЬЗА: Служанки мои не болтливы, но сейчас прислуга в возбуждении. Обсуждают одну странную вещь: правда ли, что Наследник у нас родится на Лиго? Точнее, на Троицу?

Домочадцы все смотрят на Боткина, который начинает тут же что-то считать на пальцах.

БОТКИН: Нет, на Троицу не получится. Вернее, получится, но на русскую Троицу... А почему возник подобный вопрос?

ЭЛЬЗА: Дворянка уверена, что в семье Бенкендорфов течет кровь бога Велса — создателя Даугавы и Балтики и родителя всех латышей. Велс у них рождается по поверьям в день солнцеворота — на Лиго,

или на Троицу. Ежели Наследник родится на Троицу, стало быть, он и есть воплощение Велса — Бога любви, покровителя стад и прочая, и прочая. Латыши станут ему поклоняться как Господу.

Боткин (*отмахиваясь вилкою*): Боже, какие дурацкие суеверия! Нет на Лиго их не получится. Не успеем.

Кристофер в это время с усердием жует, и по его лицу видно, что он какую-то думу думает. Затем говорит.

КРИСТОФЕР: А правда ли, что коль женщина на сносях и уже готова родить, у вас, докторов, есть пилюля, которая ускоряет рождение?

Боткин: Да, эти средства давно известны.

КРИСТОФЕР: Отлично, значит мой сын родится на Троицу, и латыши станут почитать его как бога своего и правителя.

Боткин: Погодите, но я же сказал, что это возможно лишь к сроку, а не через две недели!

КРИСТОФЕР: Я понял. Не надо так нервничать. Просто с этой минуты мы тут живем по русскому календарю, и латыши празднуют Лиго — Солнцеворот — двумя неделями позже. На русскую Троицу.

Барклай (*со смешком*): Лиго — самый длинный день в году. Его невозможно сместить на полмесяца. Неважно, кто сосчитает...

КРИСТОФЕР: А я сказал (*при этих словах он несильно ударяет кулаком по столу, однако вся посуда при этом со звоном подпрыгивает*), что живем мы в России — по русскому календарю, и у меня в стране самый длинный день в году получается на русскую Троицу. И хочу посмотреть на того умника, который сосчитает мне иначе!

Домочадцы меж собой переглядываются и углубляются в поглощение ужина. Похоже, что решение принято.

Натура. Лето. День. Рига. Дом градоначальницы

На свежестроенном балконе в доме градоначальницы, украшенном цветами и травами, стоят рижский архиепископ Петр и Эльза. Под ними людское море, все чего-то

ждут, глядя вверх на балкон. Петр благословляет жестами паству, размашисто крестит ее и поздравляет всех с праздником Пресвятой Троицы. Эльза, почти не шевеля при этом губами, вежливо спрашивает.

ЭЛЬЗА: Ну и как вам, лютеранину, поздравлять вашу паству с Православною Троицей?

ПЕТР (*кланяясь и маша рукою народу и тоже почти не раскрывая рта*): А каково вам, католичке, веселиться на лютеранском гулянье в честь православного праздника?

ЭЛЬЗА: Я — слуга моей госпожи, и этого мне довольно, чтоб радоваться и православному, и лютеранскому празднику.

ПЕТР: А я третий сын нищего обладателя замка, и меня отдали церкви, чтобы не делить все наследство. Генерал-губернатор велел назвать этот день святым праздником, и не мне с ним спорить.

На балкон к ним выходит Барклай.

БАРКЛАЙ: Говорят, уже скоро. Пилюли Боткина действуют. Госпожа родит как раз посреди светлого праздника.

ПЕТР: Все в руке Божией. Раз Господь повелел этому дню быть в году самым длинным, значит на то его промысел.

ЭЛЬЗА: Не богохульствуйте, святой отец. (*Барклаю:*) Да, пришли сведения из Ревеля, Дерпта и Рогервика. Я их придерживала, пока картина не стала ясной. В Эстляндии все бароны вооружаются. Но немцы при этом собираются в стаи и готовятся защищать свои замки, а шведы подчиняются некоему центру из-за рубежа.

БАРКЛАЙ (*облегченно вздыхая*): Слава Господу. Стало быть, Швеция, а немцы могут стать и союзниками. Лучше и быть не могло. Пруссакки Железного Фрица готовы по первому приказу в поход, а шведов всегда долго раскачивать. Опять же в бою немцы позлее будут. Значит, есть у нас года три-четыре на подготовку. А то и поболе.

Изнутри дома на балкон начинает прямо накатывать волна ликования. Архиепископ взмахивает руками, и по всей Риге радостно бьют в колокола. Кажется, что оглушитель-

ный звон заполняет вселенную. Но через весь этот звон звучит зычный голос архиепископа.

ПЕТР: Радость! Радость великая! В этот пресвятой день Госпожа нам подарила наследника!

В ответ народный рев.

НАРОД: Слава Лиго и Велсу! Слава отцу нашему — Даугаве! Велс — вновь родился!

10 г

Натура. Лето. День. Гатчина

Посреди плаца стоит стол с вазами с фруктами и кувшинами с прохладительными напитками. За столом сидят Павел с Марией Федоровной в окружении мамок-нянюшек с маленькими в руках. Мария Федоровна с аппетитом кушает сочную грушу, Павел лениво потягивает из хрустального бокала какую-то жидкость, а стоящий у стола толстый Кутайсов читает им из газеты последние новости.

КУТАЙСОВ: А вот еще один забавный курьез сообщают. Самодурный правитель Лифляндии Кристофер фон Бенкендорф поменял календарь у себя в стране с европейского на наш русский и заставил местных пейзан их языческий праздник по русскому календарю праздновать. Все бы ничего, однако теперь день солнцеворота, или самый длинный день, латышам пришлось отмечать не согласно науке, но по велению сего самодура и узурпатора. Чего только люди не выдумают, дабы подгадать рождение наследника к великому церковному празднику. И впрямь, сдурел наш Кристер у них там, в смрадной Риге. А вот еще любопытный курьез...

Со своего места Мария Федоровна вдруг радостно вскрикивает.

МАРИЯ: Ой, а повторите еще раз, что там про наследника? Стало быть, у Шарло родился сын?! Пауль, радость-то какая! И она обещала, что первенца назовет в честь нашего Сашкой! Побегу, напишу ей письмо с поздравлениями и расспрошу обо всем.

С этими словами Мария Федоровна вскакивает из-за стола и с довольным повизгиванием убегает во дворец. Павел застыл как статуя. Лицо его бледно.

ПАВЕЛ: Это какая-то газетная утка. Чего, гады, не выдумают, лишь бы только привлечь внимание публики. ВОРЫ! УРОДЫ! Почему раньше мне не докладывали?!

От напряжения руки его начинают трястись. Он хватается Кутайсова за грудки, цепляясь за отвороты его камзола так, что пальцы его становятся похожи на белые скрюченные когти, и буквально повисает на своем тучном визави с воплями «По-че-му-у?!». От крика в небо взлетают какие-то вспугнутые птицы — прямо в сияющее солнце.

Натура. Лето. День. Страсбург

11 г

Луч солнца отражается зайчиком от стекла и падает на лестницу, по которой в университет поднимаются молодые студенты: князь Борис Голицын и Михаил Сперанский. Обоим лет по пятнадцать. Навстречу к ним вприпрыжку спускается кардинал де Роган. При виде русских студентов он всплескивает руками и восклицает.

ДЕ РОГАН: Ах я садовая голова, опять я все пропустил! Я должен был встречать вас у ворот и опять все прошляпил. Но, слава Господу, вы доехали! Меня зовут кардинал де Роган. А вас как?

БОРИС: Князь Борис Голицын к вашим услугам.

СПЕРАНСКИЙ: Попович Сперанский. Михаил.

ДЕ РОГАН: Что вы, что вы, у нас все равны. Все мы братья. Вы рекомендованы к нам нашим братом Павлом Петровичем, и ваши заслуги мы выясним позже. Все зависит только от вашего ума и способностей. Добро пожаловать в Страсбург — истинный рай для всех, кто ищет учености!

БОРИС: Нам бы разместиться и узнать, где тут можно отдохнуть и развеяться?

ДЕ РОГАН: Вот ваш слуга. Он вам подскажет.

Де Роган делает знак, и откуда-то появляются дюжие лакеи, которые помогают князю Голицыну найти его место. Сперанский, которому помощь не предложили, растерянно стоит с опущенными руками и смотрит на спину де Рогана, который жестами указывает князю дорогу. Вдруг кардинал оборачивается. Он уже не кажется забавным радостным живчиком, и глаза его почему-то перестали быть добрыми.

ДЕ РОГАН: Все так, как и докладывали. Ветренный и поверхностный Борис-Вестрис. Вы уж простите, что вам пришлось терпеть его общество, иным образом мы не могли обеспечить ваш достойный приезд сюда к нам. Ведь это вы написали «Размышление по поводу Данте»? В столь юном возрасте и столь глубокие мысли... Мне бы хотелось на коротке с вами обо всем побеседовать. А князя вы больше не увидите. Считайте его каретой, которая вас к нам доставила. Ибо он — пустьшка и, в отличие от вас, никогда не достигнет высокого градуса.

СПЕРАНСКИЙ (*растерянно*): Какого такого градуса?

ДЕ РОГАН (*с интересом*): А вам не сказали? Вы у нас по протекции Павла Романова, магистра нашей ложи. Добро пожаловать в ложу Великий Восток, брат мой, у нас вам понравится.

СПЕРАНСКИЙ (*с одушевлением*): Великий Восток?! Это потому, что вам ведомы восточные секреты и таинства?

ДЕ РОГАН (*с усмешкой*): Для профанов все так. А для посвященных это потому, что Страсбург — самый восточный город во Франции.

Камера отдаляется, и мы видим картину средневекового европейского города и башни, на которых изваяны каменные горгульи и гарпии. Поверх них появляется надпись: «Конец второй серии», и начинают идти титры.

Серия 3

Ein faules Ei

(Тухлое яйцо)

1784. Натура. Осень. Вечер. Пост на польской границе

1 а

По лесной дороге посреди светлых лесных опушек и прозрачных перелесков несетя карета, запряженная четверкою лошадей. Кучер отчаянно коней нахлестывает, а те несут во весь опор. Вслед за каретой по тому же лесу скачет погоня — группа из трех-четырех офицеров, которые лошадей тоже нахлестывают, бранятся и кричат: «Врешь! Не уйдешь!» Навстречу карете из будки пограничной охраны выходит заспанный офицер, а из соседней избы начинают выглядывать столь же заспанные солдаты. Карета же, не снижая скорости, на всем скаку пролетает через пограничный шлагбаум, с хрустом переламывая его, и уносится дальше в Польшу. Сразу проснувшийся офицер громко свистит, и из соседних пары изб во двор как горошины начинают высыпаться солдаты. Погоня у сломанного шлагбаума задерживается, офицеры спешиваются, один из них подбегает к старшему из охранников, торопливо отдает честь и, весь еще в возбуждении от погони, кричит.

Лядов: Поручик Лядов, нужны лошади, срочно! Дело государевой важности!

Старший офицер торопливо козыряет в ответ.

Щукин-Второй: Капитан Щукин-Второй. Подать сменных лошадей сюда, живо! Кто это был?

Лядов: Да маг и волшебник, ити его! Думали, догоним его до границы, эх, не успели!

Щукин-Второй: Да что за дело-то? От кого поручение?

Лядов: Не видишь, что ль, вензеля у нас Государыни. Сама приказала мага изловить, деньги у него отобрать, девку — выпороть!

Щукин-Второй (*разинув от удивления рот*): Какие деньги? Какую девку?

Лядов (*делая рукой знаки людям, которые лошадей переседывают*): Этот граф Калиостро улестил самого светлейшего князя Потемкина, чтобы тот совершил с ним научный этот... эксперимент. Князь дал ему золота, тот над ним ночью поколдовал, и, когда золото взвесили, так оно у него и утроилось.

Щукин-Второй (*аж хлопая себя по ляжке от восторга*): Как утроилось? Да и впрямь маг и волшебник!

Лядов (*начиная смеяться*): Точно — утроилось! Князь на радостях рассудил, что треть и так была его, еще треть — это ему же и выгода, а третью треть он волшебнику подарил за труды. Про это прослышали, другой день пол-Питербурха принесло этому магу все свои деньги. А тот тут возьми и сбеги вместе с деньгами.

Щукин-Второй (*с восторгом*): Взял деньги и сбег?! Вот каналья!

Лядов (*садясь на подведенную свежую лошадь*): Государыня учинила дознание, и тогда-то и выяснилось, что до того князь Потемкин щедро жену этого Калиостро одаривал. Да невдомек ему было, что жена мага золотишко, по ночам у князя того... заработанное, сразу мужу отдаст. А царица озлилась — страсть! Ибо содержание она князю дала, но, сам пойми, не на девок!

Щукин-Второй: Во дела, значит будет князю теперь на орехи!

Лядов (*kozyряя и прощаясь*): Что князю будет, мне, извиняюсь, неведомо. А у меня царицын приказ: мага догнать, золото уважаемых людей в столицу вернуть, а суку его расстелить и всыпать ей так, чтобы год сидеть не смогла! За лошадей благодарствую!

*С этими словами погоня уносится за кордон в Польшу.
Щукин-Второй приходит в себя и с досадою говорит.*

Щукин-Второй: Эх, а паспорта-то я им не отметил... Ну да лошади у мага усталые, чай, догонят их еще засветло. Ишь ты, маг и волшебник, а ведь бабою своей торговал...

1784. Павильон. Зима. Утро. Собор в Страсбурге

2 а

Кардинал Страсбурга де Роган только что отслужил рождественскую мессу и теперь в своей келье снимает с себя свое праздничное одеяние, дабы облачиться в цивильный наряд. Келья необычайно богато обставлена, и глазам больно от обилия позолоты, украшений и всяких статуэток и прочих финтифлюшек повсюду в комнате. От всего этого келья больше похожа на будуар престарелой кокетки, а не на жилище священника. В дверь стучат, и кто-то негромко сообщает, что его хочет видеть старый знакомый. Кардинал приказывает принять, и через мгновение в комнате появляется видный и вальяжный господин в египетской тоге. Из странного можно отметить, что все лицо господина покрыто ужасными уже желто-зелеными синяками и ссадинами, а губы явно были недавно рассечены и разбиты. При виде гостя де Роган растерянно ахает.

Де Роган: Ах, старый мой друг! Что случилось?

Калиостро (со стоном): В поисках древней истины я погружался в самое дно пирамид, и там давеча повстречал огромную мумию.

Де Роган: О, боже! И вы ее победили?

Калиостро (отмахиваясь): Хотел бы я сказать «да», но поиски истины в глубине тайны могут для всех нас быть опасны! Я еще славно отделался, поглядели бы вы на мою Лоренцу! Бедняжка не может ни сидеть, ни ходить, а лежать она умеет пока только на животе. Фараоны Египта умели оберегать свои тайны.

Де Роган (как-то странно взглянув): Раз она умеет лежать, то большего и желать нечего. Я обязательно нанесу вам визит и утешу несчастную. Что принести?

КАЛИОСТРО (*пожимая плечами*): Да мы сейчас всему будем рады. Во-первых, мы сильно поиздержались в пути. Во-вторых, дороговато обошлось нам лечение...

ДЕ РОГАН (*с лучезарной улыбкою*): Я все понял, друг мой. Мой дом — ваш дом. Давайте сделаем так. Раз вы больны, я дам вам в помощники моего молодого секретаря, а в благодарность вы его своим тайнам научите. Начать можно прямо сейчас, а заодно он вас и покормит. А я пока пойду и проведу вашу жену, принесу ей лечебное наше вино и подарки. И если ей станет лучше, помогу ей перебраться из вонючей гостиницы ко мне во дворец. А она мне все подробно расскажет про ваше сражение с мумией.

КАЛИОСТРО (*с тоскою*): Надеюсь, ваши расспросы будут недолги?

ДЕ РОГАН (*с льдинкой в голосе*): Появление мумии в наших краях мне как защитнику веры представляется невероятной опасностью. Поэтому мои расспросы будут подробнейшими. Иначе все решат, что вы нарочно призвали на нас эту мумию, и тогда придется просить вас прочь из вверенной мне епархии Страсбурга.

КАЛИОСТРО (*поднимая вверх руки с покорностью*): Каюсь, с мумией у меня дурно вышло. Надеюсь лишь на вашу щедрость и доброе сердце, которое не позволит нам и далее скитаться по вонючим гостиницам. Лоренце так нынче нужно хорошее питание, питье и забота...

ДЕ РОГАН (*звонит в колокольчик и говорит появившемуся Сперанскому*): Рад вас видеть, Мишель, вот ваш новый учитель. Слушайте его, помогайте ему во всем и, так как он очень болен, не отпускайте от себя ни на шаг. У меня до завтра дела, и он весь под вашу ответственность. Для начала накормите его. Скажите на кухне — пусть вам накроют в отдельной келье.

КАЛИОСТРО (*расплываясь в улыбке*): Ну что ж, пойдемте покушаем. Надеюсь, кардинал, что ваше расследование об этой мумии пройдет к нашему общему удовольствию. А вы откуда, Мишель?

ДЕ РОГАН: Он из России. Он — русский.

От слов де Рогана Калиостро невольно отшатывается от Сперанского. Де Роган не может сдержать улыбки.

ДЕ РОГАН: Боже мой, неужто от кулаков мумии у нас нынче русским духом запахло? Не бойтесь Мишеля — он смирный. Ни гусарские усы, ни эполеты со шпорами на нем пока что не выросли, да и не вырастут. Бояться нечего.

1784. Павильон. Весна. Париж. Вечер. Гранд-Опера

3 а

Театр полон. Ложки блещут. В одной из лож полускрытая от чужих взглядов красной бархатной портьерой сидит дама под вуалью. В соседней ложе за такую же скрывающую от зала портьеру почти за спиной дамы под вуалью садится молодой жандарм по имени Фуше. Он чуть кашляет. Дама кашляет ему из своей ложи в ответ.

ФУШЕ: Я рад, что вы смогли так скоро прийти. Я все рассчитал и придумал. Мне нужна дама поглупей да пронырливей, которую было б не жалко. Ну из тех, по ком Бастилия плачет. Скажите ей, что государыня хотела бы выкупить знаменитое ожерелье мадам Дюбарри. Вам понятно?

Дама под вуалью снова чуть кашляет. Фуше встает со своего места и выходит из ложи. Оркестр играет вступление.

**1784. Старая хроника. Доклад Екатерине
о положении дел. Тронная зала**

4 а

Государыня в огромной зале за бесконечным столом слушает доклады советников. Советники сидят вокруг за столом, Государыня ходит кругами перед своим отодвинутым от стола креслом. По ней видно, что она беспокоится, постоянно трет лицо руками, то и дело морщится и внимательно слушает сановников. Безбородко читает доклад, доставая документы из папки. Прочие слушают.

ЕКАТЕРИНА: Не нужно подряд. После поражений Испании с Францией нас интересуют только вести из Англии.

БЕЗБОРОДКО (*подыскивая в бумагах лишь нужное*): Из Англии сообщают. Новый английский премьер упразднил независимость

Ост-Индской компании. Отныне ею руководят шесть министров, назначаемых премьер-министром. После смены руководства компании новые адмиралы наголову разбили голландцев у Индонезии. Голландия капитулировала, голландский король отрекся, и англичане поставили нового...

Бецкой (*с кресла чуть сзади от Государыни*): Что творят... Господи, что творят...

Екатерина (*мрачно*): Дай им волю, и до нас доберутся. Да, каковы вести из Индии? Там их вроде бы беспокоили...

Безбородко (*перебирая бумажки*): А вот... Завершилась война с Майсуром. Майсурский бей с помощью французских генералов-инструкторов напал на британцев одновременно с началом событий в Америке. Но война завершилась ничем, и стороны пришли к примирению.

Екатерина: Дурак этот бей. Не решил дел, пока у врагов руки связаны, и замирился не вовремя. А теперь джентльмены опомнятся и, помяните мое слово, завтра захватят всю Индию. И это при том, что король их — безумен!

Безбородко (*улучив момент*): Да, вот и добрая весть. Английская эскадра, которая вроде бы плыла в нашу сторону, ушла назад и возвращается в Англию.

Салтыков (*с другого кресла, чуть сзади от Государыни*): Уф, гора с плеч. Видать, передумали нападать на наш Крым. Или устали... Ведь матросы от долгого похода бунтуют...

Екатерина (*совсем мрачно*): Глупец! Они с испанцами бились на пушках. Стало быть, на кораблях были лишние пушки и комендоры. А на Крым им придется высаживаться, а стреляться там не с кем. Ведь там у нас флота нет! Стало быть, идут домой менять комендоров и лишние пушки на десантные экипажи. Посему найти в Крыму хорошую бухту, и там ставим крепость! Будет где драться с десантами. А что на юге вокруг?

Безбородко: Есть и добрые вести, с восточного края нашей южной границы докладывают, что заложена крепость Владикавказ.

ЕКАТЕРИНА: Это хорошо. Ну хоть что-то... Дай Бог, отстроимся на востоке, подыдем крепости и на западе. Пока же усилить оборону Крымского вала. Коль джентльмены высадят команды в Крыму, на перешейке их остановим. Решено. Теперь к иным странам.

Старая хроника блекнет и будто стирается...

**1784. Натура. Весна. Рига. День.
Городская набережная**

5 а

Вдоль по набережной идет старый и благообразный Исаак из Йорка. Он занят тем, что кормит только прилетевших уток. На деревьях зеленеет дымка первой листвы. Камера чуть откатывается, и мы видим, что чуть сзади за Исааком следует его карета, а спереди и сзади по другой стороне улицы идут люди в его ливреях, которые то и дело случайных прохожих в сторону заворачивают. Однако, когда камера возвращается к Исааку, опять чувство, что он идет совершенно один. Светит яркой солнышко, и погода вокруг самая благодатная. Навстречу Исааку идет Барклай, и они мило друг перед другом раскланиваются.

БАРКЛАЙ: Добрый день, какая хорошая сегодня погода! Кстати, госпожа моя попросила меня передать, что готова платить вам отдельный хороший процент мимо кассы за ваше усердие и любовь к нашей Риге.

Но есть печаль: не все торговцы так же любезны. К примеру, наш друг Мордехай из Антверпена был давеча раздосадован тем, что ваши адмиралы разбили их флот под Джакартой, и поставил условие: дружим мы с ними, причем против вас, или же с вами, и против них.

Ненадолго возникает молчание, и Исаак продолжает кормить уток, так и не ответив Барклаю на приветствие. Затем он, видимо, сознает, что Барклай продолжать не намерен, и, предлагая ему жестом часть корма, спрашивает.

ИСААК: И что же вы ответили другу нашему Мордехаю?

БАРКЛАЙ: По отцу я шотландец, и мне по крови ближе Британия. А мать моя родом из Ревеля, и мне не чужда моя Родина.

ИСААК: Очень верный и мудрый ответ, молодой человек! Очень верный и очень мудрый. Мама для нас — самое главное! Но госпожа ваша корнями, ежели не ошибусь, из Голландии. Нас это порой беспокоит.

БАРКЛАЙ: Один дед моей госпожи был начальником прусского абвера, второй — президентом Академии то России, то Пруссии. Верность ее с глубокой древностью не связана.

ИСААК: Я рад это слышать. Пожалуй, я готов принимать от вас благодарности мимо кассы. Но что же за беда-то вас беспокоит?

БАРКЛАЙ: Похоже, что одной дружбы с вами нам недостаточно. Вы — крупнейший производитель селитры, порохов и фугасов, и мы счастливы, что у нас такой друг. Однако всеми этими фугасными ядрами надобно из чего-то стрелять! И коль скоро мы дружим с вами, а доброго Мордехая оставим вдруг побоку, откуда же нам взять пушки, из которых все это стрелять?! А мы слышали, что у вас в Йорке нету возможности производить артиллерию. Придется брать в долю кого-то еще, а казна не резиновая, и наши подарки для вас придется делить на два, а то иль на три или даже четыре куска. Будете ли вы от этого счастливы?

ИСААК (*с горьким вздохом*): Определенно не буду. Я так беден, а налоги у нас столь тяжелые... Впрочем, я могу предложить вам интересную схему. У меня есть один друг, который мог бы поделиться со мной технологией изготовления тех самых пушек, которые стреляют моими новыми ядрами. Вы бы сами смогли их отлить и закупать мои ядра! Как вам такая идея?

БАРКЛАЙ (*с сомнением в голосе*): Ну, не знаю... Это такие расходы. Строить новый завод, отливать на нем пушки...

ИСААК: Нет, нет... Самые последние пушки в отличие от ваших у нас уже сборные. К ним детали поменьше, вес орудий поменьше, и их легче перевозить, а поэтому скорость армии на марше сразу же увеличится. И потом производство не столь трудоемко. Поверьте, не пожалеете!

БАРКЛАЙ: Нам надо взглянуть, и не просто взглянуть, а вместе с инженерами, которые все это делали, чтобы они пояснили, что там и как. А тогда уже и посмотрим, удастся ли нам сохранить ваше полное вознаграждение.

ИСААК: Тогда, чтоб не оттягивать, я сегодня пошлю гонцов в Англию. Думаю, что скоро инженеры с мастерами приедут и будут готовы вам все показывать. Лишь одно «но»... Вы уверены, что готовы служить именно своей Родине, причем против всех, в том числе и России. Просто меня об этом обязательно спросят.

БАРКЛАЙ: Моя мама из Ревеля, и сделаю все для его процветания. Я сделаю все, чтобы Родине моей жилось лучше!

На этом два хороших друга раскланиваются и расходятся в разные стороны.

**Натура. Весна. День. Страсбург.
Городская набережная**

6 а

Когда Барклай с Исааком расходятся, камера делает оборот, и мы видим, что мы уже в другом городе. Солнце садится, в воздухе еще плывет теплое марево, а с гор уже спускаются холодные тени. По улице мимо цветущих бордюров идет Михаил Сперанский, который куда-то спешит. Он останавливается у неприметного дома, сверяется с какой-то бумажкою, подходит к двери и стучит в нее каким-то особенным стуком. Дверь распахивается, и Сперанский заходит в темное помещение.

Павильон. Весна. Страсбург. Ложа Великий Восток

7 а

Сперанский оказывается в почти полной тьме, его окружают какие-то люди, а из темноты раздается грозный голос, в котором узнается голос де Рогана. Сперанского при этом раздевают до нижнего белья, накладывая ему на глаза черную атласную повязку.

ДЕ РОГАН: Кто ты?

СПЕРАНСКИЙ: Ищущий истину!

ДЕ РОГАН: Чего хочешь ты?

СПЕРАНСКИЙ: Знания!

ДЕ РОГАН: Чем готов заплатить?

СПЕРАНСКИЙ: Готов отдать вам свою душу!

ДЕ РОГАН: Что взамен?

СПЕРАНСКИЙ: Взамен на мою бессмертную душу мне нужна жизнь вечная!

ДЕ РОГАН: Отдав нам бессмертную душу, готов ли ты повиноваться нам — своим телом?

СПЕРАНСКИЙ: С радостью и беспрекословно!

Вдруг начинает играть прекрасная музыка, поднимаются шторы, и помещение освещается множеством свечей. Со Сперанского снимают повязку, и он оказывается в одном нижнем белье в окружении господ в масках и масонских передниках, которые скрестили над его головой шпаги. Главный из них, в котором угадывается де Роган, объявляет.

ДЕ РОГАН: Да обрушатся наши шпаги на голову нечестивца, коли нарушит он свое обещание!

МАСОНЫ: Смерть, смерть предателю!

ДЕ РОГАН: Слава Создателю, ибо сегодня брат наш очнулся и раскрыл глаза свои к жизни вечной!

МАСОНЫ: Слава Мастеру! Слава новому подмастерью!

Де Роган и прочие снимают с себя свои маски. Сперанский переводит дух, однако де Роган взмахом руки останавливает его.

ДЕ РОГАН: Но прежде чем стать полноправным членом нашего братства, вы, сын мой, должны начать служить службу и пройти свое первое послушание!

СПЕРАНСКИЙ: Готов на все, ваша милость!

ДЕ РОГАН: Прекрасно. Я приготовил для вас документы о переводе для обучения отсюда в Париж. Свое обучение завершите в Сорбонне, как нас и просил наш брат Павел. Но поедете вы туда не один, а вместе со своим новым учителем — графом Калиостро.

СПЕРАНСКИЙ (*нервным голосом*): Простите, мне показалось, что он не тот, за кого себя выдает...

ДЕ РОГАН (*с усмешкой*): Хотите сказать, что он шарлатан? Я всегда знал, что ваш ум вам делает честь. Однако мне нужны его парижские связи среди русской колонии. Говорите всем, что от вас нашей ложе нужен секрет философского камня, формулу которого Калиостро сыскал среди пирамид. В общем, придумайте. Мне нужны его знакомства и связи. И вы для меня их получите.

СПЕРАНСКИЙ: Будет исполнено. А как же вы?

ДЕ РОГАН: Я, боюсь, вас вскорости нагоню. Тем более что лечение Лоренцы для меня много обходится. А вы служите графу и доложите, ежели ему придет вдруг фантазия вернуться назад не ко времени.

Павильон. Лето. День. Рига. Дом градоначальницы

8 а

По большой яркой и солнечной детской с маленьким ребеночком на руках ходит Эльза, которая ребенка тетешкает. Она его то тискает, то чуть подбрасывает на руках и постоянно с ним разговаривает.

ЭЛЬЗА: А кто это у нас такой хорошенький и такой маленький? А это наш Сашенька. А сколько лет Сашеньке? А Сашеньке у нас годик. А кого он у нас любит? А он маму любит, наш Сашенька. И еще — тетью Элю. Сейчас придет наша мама, она Сашеньку поцелует...

Раскрывается дверь, и входит Шарлотта. Вид у нее усталый и сильно измученный.

ШАРЛОТТА: Как он? Хорошо кушал?

ЭЛЬЗА: Дядя ваш просто волшебник. Я боялась, что нам не обойтись без кормилицы, но его кашки Саша наш легко кушает.

ШАРЛОТТА: Это не дядя, это все — Роза Марковна. Сколько раз говорила ей, чтоб не стояла она у плиты, когда есть служанки, а пригодилось.

ЭЛЬЗА: Ну, не знаю. Но Сашенька наш кашку кушает. А как там на бирже?

ШАРЛОТТА: Все прекрасно. Деньги текут рекой, еще год-другой, и станем мы баснословно богатыми. Тетка прислала письмо, станки Исаака к делу пристроены. Уже в том году начнут делать пушки. Где-то далеко от нас — в Туле. Ладно, пойду покушаю, а то с утра до безумья голодная, а потом спать...

С этими словами Шарлотта выходит из детской. Эльза опять начинает тетешкать маленького и говорит.

ЭЛЬЗА: Мама устала. Она поцелует нас в другой раз. Вот поспит немного и поцелует...

Мальчик вдруг показывает пальцем на Эльзу и громко и внятно говорит.

БЕНКЕНДОРФ: Эля!

ЭЛЬЗА: Да, меня зовут тетя Эля. Только ты должен сперва научиться выговаривать: «Ма-ма». Ну, попробуем: «Ма-ма».

БЕНКЕНДОРФ: Ма-ма!

ЭЛЬЗА: Боже мой, какой Сашенька у нас умный!

Павильон. Лето. День. Страсбург. Местный собор

За небольшим столом сидят кардинал де Роган и жена графа Калиостро Лоренца. Оба в неглиже, и по растрепанным волосам Лоренцы можно предположить, что они только что из кровати, хотя, судя по солнцу, время уже ближе к полудню. На столике початый кофейник и чашки с кофе, а также фрукты и сласти. Лоренца катает по своей тарелке несколько драже, наклоня тарелку в разные стороны, де Роган читает корреспонденцию, и по всему видно, что Лоренца его уже раздражает. Одно из писем привлекает

особое его внимание, и он в него внимательно вчитывается. Камера у него из-за плеча показывает небольшой кусочек письма.

Голос Фуше: ...Приезжай быстрее в Париж, я нашел способ поправить наши дела. Есть девица, которая готова за счет векселей королевы выкупить драгоценности мадам Дюбарри, но ей нужны и наличные. Я смог одолжить нужную сумму в рептильном фонде полиции (из конфискатов преступников), но не могу сам их предъявить, ибо возникнет вопрос, откуда они у меня. У тебя же своя епархия, и, если ты скажешь, что деньги твои, вопросов не будет, а, выкупив драгоценности мы окажем королеве такую услугу, которую она не забудет...

Де Роган резко закрывает письмо и начинает по комнате бегать, молиться, креститься и шептать «Ну, наконец-то!», а затем достает из шкафа большой кофр путешественника и начинает лихорадочно собирать туда свои вещи. Лоренца сперва молча смотрит на эту суету, а потом спрашивает.

Лоренца: Милый, а куда мы с тобой уезжаем?

Де Роган (резко): Ты — никуда, а мне надо по делам. Срочно.

Лоренца (с обидой): Ты что, бросаешь меня?!

Де Роган: Нет, дорогая. Ты больна, и тебе нельзя из постели. Когда вернусь — все обсудим (с угрозой), а за мною увяжешься — смотри, как бы тебя еще раз не выпороли, и не как русские варвары — обычными розгами, а по всем правилам, как при допросе еретиков!

Натура. Лето. День. Рига. Стена Рижской крепости

10а

По недостроенной стене рижской крепости бегают с транспортом и линейкой Барклай. Он в кои-то веки снял свой черный мундир и остался лишь в пропотевшей белой рубахе. В воздухе слышно гудение пчел. Барклай смотрит то на солнце, то на какую-то точку вдаль через закрепленную на стене подзорную трубу, то и дело выверяет какие-то

углы транспортиром и при помощи линейки делает какие-то пометки на свежей стене свинцовым грифелем. За всеми его манипуляциями с интересом наблюдает Кристофер.

КРИСТОФЕР: Позволь спросить, а что ты тут делаешь?

БАРКЛАЙ: Делаю отсечки для каменщиков. Они будут должны по мои отметки раствором дно бойниц поднять, и тогда потом, когда придут пушки — когда мы их установим, они сразу получают лучшие сектора для обстрела.

КРИСТОФЕР: А ведь ты у нас женин хофффактор, твое дело деньгу зарабатывать. Нашел бы кого, они б и отметили. А то ты как обычный рабочий...

БАРКЛАЙ: Деньги интересно зарабатывать первые сто тысяч гульденов. А потом все это — рутина. Аж скулы сводит. А вот крепость построить, чтоб она любую осаду выдержала, это же интересней сто крат!

КРИСТОФЕР: Чего ж не пошел тогда в армию? Ах, ну да, прости (*увидав, как Барклай в лице изменяется*), ты ж из этих, а ваших в армию не берут... Хочешь, я возьму тебя к себе адъютантом? Я же верховный правитель Лифляндии, и русские правила мне не указ. Будешь помогать мне командовать армией.

БАРКЛАЙ (*с невольной улыбкою*): Да я б с радостью, да только госпожа меня не отпустит. И потом я приставлен к ней по приказу самой Государыни. А за предложение — большое спасибо. Сызмальства мечтал о том, как пройду в мундире, в начищенных сапогах и ремнях, а еще в треуголке с плюмажем по нашему гетто. Мне бы все обзавидовались! Однако правила, и не видать мне как своих ушей службы в армии.

КРИСТОФЕР (*угрюмо*): Ну это еще мы посмотрим!

Павильон. Зима. День. Париж. Ювелирный салон «Бемер и Бессанж»

В ювелирный салон входит торжественная процессия. Впереди идет мужик в полумаске в экзотическом теплом наряде, схожем с египетским, вслед за ним несет его вещи совсем взмоклиший в шубе Михаил Сперанский, а кардинал

де Роган с зонтиком сопровождает даму в теплом плаще, совершенно закрытую темной вуалью, причем все время подобострастно ей кланяется. Ювелиры тоже кланяются незнакомке и ведут себя с нею подчеркнуто вежливо. Уже в салоне загадочный мужик в египетской хламиде снимает наконец с себя маску и величественно произносит.

ГРАФ КАЛИОСТРО: Жозеф Бальзамо, граф Феникс, граф Калиостро к вашим услугам. Обо мне вам докладывали. Давеча любезный Бессанж мне рассказывал, что у него есть ожерелье, изготовленное им для мадам Дюбарри. Я поделился этим открытием с другом моим кардиналом де Роганом, и он — перед вами. Возможно, он хочет прикупить у вас эту безделицу.

БЕМЕР И БЕССАНЖ (*одновременно и поперебой*): Это не безделица, граф! Эта вещь стоит половину годового бюджета всей Франции! К ней уже приценялась королева Мария-Антуанетта, но цена ей показалась чрезмерной...

ГРАФ КАЛИОСТРО (*все так же величественно*): Это вы говорите мне, создателю философского камня?! Для меня и моих друзей любая безделушка — безделица. Однако сам я не готов ее покупать. Мой друг кардинал готов доплатить недостающую для государыни сумму, но нам нужно на ожерелье еще раз посмотреть. Итак, придворная дама графиня де Ла Мотт — де Валуа (из тех самых Валуа, что когда-то здесь правили) по просьбе Ее Величества готова оценить эти камни!

Дама поднимает вуаль, небрежно скидывает в руки де Рогану свой плащ и приветливо улыбается ювелирам. Те низко кланяются, и Бессанж ведет ее куда-то вглубь салона в темную комнату. А граф Калиостро обращается к ювелиру Безье.

КАЛИОСТРО: Друг мой, мне не с руки всякий раз тут бродить и у вас появляться. Пойдут кругом слухи, что все ваше золото для вас мною сделано. А посему вместо меня сюда будет приходить мой послушник, он дичится, ибо он русский, и его зовут Мишелем Сперанским, прошу вас любить и жаловать. Ну все, у меня больше нет времени, я пошел. А вы, Мишель, дождитесь пока с кардиналом прекрасную даму и мне потом все расскажете.

С этими словами величественный граф так же неторопливо выходит. Затем мы видим вход в ювелирный магазин,

тени от деревьев перед магазином на сугробах описывают большую дугу. Тут мы опять возвращаемся в магазин и видим, как графиня де Ла Мотт раскланивается с ювелиром. Сперанский и кардинал ее провожают до выхода, и Сперанский у кардинала тихонько спрашивает.

СПЕРАНСКИЙ: А что эта де Ла Мотт и впрямь близка к государыне? Настолько, что вы готовы доплатить разницу? Кстати, какая цена?

ДЕ РОГАН: Пустяки. Каких-то миллион шестьсот тысяч ливров! Это столько же, сколько вся Россия выпускает сейчас бумажными ассигнациями. Но моя будущая синекура при дворе принесет сто крат больше! А в чем сомнения?

СПЕРАНСКИЙ: У графини правая перчатка недавно была порвана и потом небрежно заштопана. Неужто при дворе вот так нынче модно?

ДЕ РОГАН: Чепуха. На мой взгляд, чепуха. Ну зацепилась случайно за что-нибудь. Впрочем, вы правы. Для верности попросим-ка мы аудиенцию с государыней, и вы сами поймете, что все ваши подзрения беспочвенны.

Павильон. Весна. День. Гатчина. Кабинет Наследника Павла

Павел в каких-то бумагах у себя на столе роется. Раздается стук в дверь, Павел кричит: «Я жду!», продолжая копаться в бумагах. Потом он поворачивается, и мы видим, что в кабинете появилась Елена Сперанская.

ПАВЕЛ: Да, да, вот вас мне и надо! Как там живет наша Крыса? Что нового?

ЕЛЕНА: Она... то есть Крыса, она опять нынче в тягости. Говорят, что ваша жена требует с нее исполнения обещания, что первого Крыса наречет в честь вашего Сашкой, а второго, стало быть, Костей. Вот она и понесла — в другой раз.

ПАВЕЛ: Вот незадача... Ибо дай волю, и она как крыса наплодит кучу побочных Романовых! Это пора прекратить. Я приказывал доложить мне все ее привычки в питании. Где она кушает, что из еды иль питья она любит, что ей из кушаний особенно нравится?

ЕЛЕНА (*растерянно*): Даже не знаю, что и сказать...

ПАВЕЛ: Говорите, приказываю!

ЕЛЕНА (*в ходе ее рассказа мы видим картинки из жизни дома Шарлотты*): Она порой не здорова, и поэтому там всей семьей соблюдают кашрут, то есть едят лишь кошерную пищу. Пару раз, когда хозяйка ела вне дома, ее мучили то колики, то кашель, то опухоли, и теперь она только дома питается. Всю еду готовит тетя моя — Роза Марковна. Я ей помогаю, но одну меня тетка на кухне ни разу еще не оставила. Если ей оттуда вдруг нужно выйти, она всех выгоняет и дверь запирает на ключ. Потом она постоянно все пробует: и сырые продукты, и все ей приготовленное. Она готовит там все — и хлеб печет, и делает сладости. За столом у них только шесть мест: во главе стола хозяйка с хозяином, слева от хозяйки садится есть Эльза, а слева от Эльзы сидит Роза Марковна. Справа от хозяина садится Барклай, а справа от Барклая всегда сидит дядя Боткин. Стол негласно поделен на мужскую и женскую стороны, и даже приборы на другую сторону не перекладывают. Меня кормят вместе с детьми Боткина в детской. Наследника Эльза кормит сама и отдельно. Ах да, еще Эльза иногда на кухню приходит и будто случайно все пробует. Роза Марковна злится, но ничего не поделает, уж такая натура у Эльзы, она любит все проверять и за всеми присматривать.

ПАВЕЛ: И что? Раз никаких драже или там леденцов, так, может, лекарства?

ЕЛЕНА: Лекарства всем только дядя Шимон делает. Да, они еще любят недавно открытый театр, который они привезли из Англии и Голландии. За это отвечает в семье Роза Марковна, она туда любит ходить. Ежели ей пьеса понравится, тогда они идут ее посмотреть вшестером. Или впятером, ежели господин вдруг в отъезде.

ПАВЕЛ: А куда же он отъезжает?

ЕЛЕНА: Известно куда. На свои земли в Латгалии, покататься в сене с латышками. Все это знают, но хозяйке не говорят, а она думает, что он с нею честный.

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Может сифилисом его наградить, чтобы они там все сгнили? (*Раздраженно*.) Ах, черт, ведь это же наш Кристофер!

Коли Марья узнает, за Крестера она как пить дать сживет меня со свету! (*Оборачиваясь к Елене:*) Все, сгинь, болезная! Когда я что-то придумаю, сам тебя вызову.

Натура. Лето. Вечер. Париж. Парк Сен-Клу

Возле входа в парк в густой тени деревьев в сгущающихся сумерках стоят кардинал де Роган и Михаил Сперанский. У ворот парка останавливается карета с задернутыми черными шторами. Из кареты выглядывает графиня де Ла Мотт. Она знаками подзывает де Рогана и Сперанского к карете и велит им подойти к другому окну. Занавеска отдергивается, и мужчины видят в карете даму под вуалью, причем прямо по вуали идут королевские лилии. Де Роган со Сперанским в смущении переглядываются, и де Роган, преклоняя перед дамой под вуалью колена, протягивает руку, дабы поцеловать даме ручку.

ДЕ РОГАН: Я так счастлив видеть вас, Ваше Величество! Это такая честь для меня!

ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ: Мне не довелось узнать вас, мой кардинал... Вас выслали в Страсбург до того, как мы познакомились. Вы и впрямь готовы ссудить мне недостающую сумму?

ДЕ РОГАН: Ах, Ваше Величество, все мои деньги — ваши! Я так счастлив служить вам!

ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ: Прекрасно. Мой муж такой скряга, и у меня порой проблема с наличными. Я выпишу вам сейчас вексель...

ДЕ РОГАН (*в смятении*): Но, мадам...

ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ (*насмешливо*): Что, одного векселя вам недостаточно? Или из-за наших неудач у вас теперь недоверие ко всем нашим банкам? Как непатриотично!

ДЕ РОГАН (*в еще большем смятении*): Я не это имел в виду...

ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ (*смягчаясь*): Простите, все эти поражения меня так печалят. Извольте, я вам выпишу целых три векселя и, так как нынешние французские векселя мало стоят, я дам вам векселя

от богатых сейчас англичан — дома Беринга и дома Томсон и Френч, а еще от моего родного австрийского банкирского дома Арштейн и Эскалес. Надеюсь, трех векселей, причем векселей не французских, вам будет достаточно. Графиня все передаст. Ну все, надеюсь увидеть вас при дворе. До встречи, де Роган, вы меня выручили!

На этом занавеска задерживается, и карета сразу трогается. Кардинал так и стоит, преклонив колено, а Сперанский продолжает делать поклон. Наконец кардинал поднимается, на лице его написано счастье.

ДЕ РОГАН: Ну что ж, дела наши, похоже, налаживаются. Мария-Антуанетта — просто очарование.

СПЕРАНСКИЙ: Я даже и не мечтал так близко с ней свидеться. Расскажите, какая она?

ДЕ РОГАН: Увы, сегодня впервые мы столь близко встретились. Вы же слышали, недруги меня сослали в Страсбург сразу после падения мадам Дюбарри. Случись такая встреча чуть раньше, я бы не впал в мое нынешнее ничтожество...

Сперанский задумчиво смотрит вдаль — вслед карете.

СПЕРАНСКИЙ: Стало быть, вы лично королеву ни разу не видели? А почему ж мы ей кланялись? А вдруг это все какая-то шутка? Деньги-то вы потратите немалые...

ДЕ РОГАН: Ах, оставьте, молодой человек! Ну почему все русские настолько вот подозрительные? Придворная графиня де Ла Мотт, великий маг и волшебник граф Калиостро — и вдруг чья-то шутка. Я уже жалею, что рекомендовал вас на пост нового главы русского отделения нашей ложи. Имейте уважение к титулам! Тоже мне выдумал, сама государыня решит шутить за мой счет! Это же нонсенс!

Натура. Лето. День. Рига. Ратушная площадь

Вся площадь украшена красными розами и лифляндскими лентами. По городу плывет со всех церквей радостный перезвон. С балкона дома градоначальницы кто-то бросает толпе мелкие деньги. Простолюдины толпятся вокруг

и монетки с земли радостно подбирают. Напротив дома градоначальницы на лавочке сидят бургеры. К ним подходит еще один.

Озолс: Припоздился я нынче — большой товар из Голландии в порту принимал. Стало быть, мои поздравления вам с новым наследником.

Улдис: Никак нет. Не с наследником, а с наследницей. Уже выкрикнули, у господ родилась теперь девочка, назовут Доротеей. Подрастет она, и понаедут к нам женихи...

Центис: Да не Доротеей ее назовут, на русский манер вроде — Дарьей. Все, все на русский манер они переделают, и календарь уже русский, и Двина у них теперь надобно говорить вместо Даугавы. Глядишь, и вместо Риги будем мы жить в русском Ригастове или, не дай господь, в Ригани!

Улдис: Для меня она Доротея, а коль говорите вы «Дарья», так оно ваше дело. Господа наши испокон веков были немцы, и дочка у них тоже немецкая, стало быть, Доротея!

Центис: А я что — против? Я так и сказал...

Озолс: А по мне так — один хрен. Лишь бы корабли приходили. Без товара — нет наваара, а без наваара нет и товара. Я лично так думаю.

Улдис: Это ты, кум, верно сказал. Ну что, братья, пойдем что ли ко мне в пивную, выпьем-ка мы ради праздника!

Бургеры встают с лавочки и степенно идут выпить пива да поговорить про жизнь и перемыть кости начальникам.

В ювелирный салон заходят опять граф Калиостро в своей египетской хламиде и полумаске, графиня де Ла Мотт, кардинал де Роган опять закрывает промокший зонтик, и с ними Михаил Сперанский. На этот раз они

торжественно бледны и величавы. Бемер и Бессанж встречают их в дверях своего салона и подчеркнуто предупредительны. Граф Калиостро благословляет присутствующих.

ГРАФ КАЛИОСТРО: Мессире, я счастлив вас здесь собрать. Однако меня ждут срочные дела. Мишель, оформите все бумаги, я потом посмотрю. Кстати, где украшение?

БЕМЕР: Мы рады вручить наше творение самой Государыне и ради этого хотели бы предложить в дар от нас вот этот ларец ручной работы с гербом и вензелем родственницы нашей, уважаемой графини де Ла Мотт Валуа — знаменитой Марии Медичи!

Бемер хлопает в ладоши, и его партнер Бессанж вносит ларец прекрасной работы с вензелями Марии Медичи, в котором блистает прекрасное ожерелье. Все в восторге.

ДЕ ЛА МОТТ: Магнифик! Мон дье, какая божественная красота! Граф, мы должны будем показать ее Государыне вместе, я на этом настаиваю! Вы, кардинал, пока что расплачивайтесь, а Мишель как оформит все документы, так нас и догонит.

С этими словами граф Калиостро и графиня де Ла Мотт, подхватывая прекрасный ларец, покидают салон. Кардинал вынимает из-за пояса огромный кошель и идет с Бемером в кассу, а Сперанский вместе с Бессанжем идут за конторку. Бессанж ловко подсовывает Сперанскому нужные документы, а тот их за Калиостро подписывает.

Павильон. Лето. Вечер. Зимний дворец. Кабинет Павла

56

Павел играет сам с собой в шахматы. Дверь в кабинет вдруг открывается без стука, и толстый Кутайсов вводит к Павлу эффектную даму в парике и вуали. Дама небрежно отбрасывает вуаль и, рисуясь и жеманясь, ему говорит.

ЛОЛА: Княгиня Бриндизи к вашим услугам. С кем имею честь разговаривать?

ПАВЕЛ (с интересом и изумлением): Княгиня?! Как тебя зовут, детка?

ЛОЛА: Лолита. Друзья зовут Лола. Вы хотите быть моим другом? Это дорого стоит.

ПАВЕЛ (*с визгливым смехом*): Лола?! Княгиня Лола? Кутайсов, где ты откопал это чудо?! Она мне нравится!

КУТАЙСОВ: Она такая же княгиня, как я балерина. Она дочь вино-торговца из-под Флоренции. Но ее и впрямь зовут Лолитой. Друзья посоветовали. У нее чудовищный ценник, но и секрет занимательный. Она у нас — девственница.

ПАВЕЛ: Не понял шутки. Вот это — девственница?!

КУТАЙСОВ: Сам не поверил. Загадка природы. Сколько у нее мужиков ни было, а любой врач подтвердит, что целка у нее как у девочки. Но берет дорого. А самый главный кунштюк — она хочет две тысячи рублей серебром, и тогда она вам родит, причем все решат, что сие зачатие непорочно. Хотите попробовать?

ПАВЕЛ (*с интересом*): А ведь интересно было бы стать отцом для практически самого Господа... Но, пожалуй, я воздержусь. Вернется матушка, и будет нам за подобное приключение на орехи. Даже мне, небось, порвет целку. Хоть и нет таковой, но она, уверяю, отыщет. Так что... нет.

ЛОЛА (*с обидою в голосе*): А чего ж позвали тогда? Кто мне оплатит поездку и время? Дураки вы тут все!

ПАВЕЛ (*с новым взрывом визгливого смеха*): Э нет, красавица, у меня к тебе дело. Я заплачу тебе не две, а целых пять тысяч рублей серебром, если ты мне родишь от одного моего друга. Матушка моя нынче отправилась в Крым — к чертям на кулички, так что на осеннем смотре войск у нас будет нечто вроде мальчишника. Никакого непорочного зачатия мне не нужно, все должно быть обычно, но у тебя должны остаться потом доказательства того, кто отец. Я на этом настаиваю. Ну как?

ЛОЛА: Делов-то! А куда я потом дену младенчика? С моим-то бизнесом такой груз мне не нужен.

ПАВЕЛ (*со странной усмешкою*): За это не беспокойся. Жена моего друга — бездетная и дитя твое примет с радостью. А коль ее сердце

не дрогнет, ко мне приходи, я его не оставлю! Я, кстати, Наследник Павел, чтобы ты знала, кого искать. Кутайсов, пойдй обговори с ней подробности.

КУТАЙСОВ: Будет сделано. (*Обращая к Лоле:*) Повезло тебе, лапонька. Пойдем побалакаем.

ЛОЛА (*счастливо улыбаясь*): Уже бегу. Спасибо вам, Ваше Величество!

ПАВЕЛ (*возвращаясь к шахматной партии и бухтя под нос*): Пока не Величество. А ты — беги, Лола, беги!

Натура. Осень. Вечер. Париж. Дом Калиостро

66

Возле большого темного дома бродит Сперанский. Темнеет, накрапывает дождь. Сперанский промок, видно, что бродит он уже давно. Он в очередной раз подходит к двери и стучится в нее. В доме темно, тихо и пусто. Сперанский потерянно опять начинает бродить. Подъезжает карета, из которой выскакивает в жандармской форме Фуше.

ФУШЕ: А вас-то мне, пожалуй, и надо! Как вас там? Мишель... Мишель Скавронски?

СПЕРАНСКИЙ: Михаил Сперанский к вашим услугам. А с кем имею честь, месье?

ФУШЕ: Зовите меня просто Фуше. Следовательно Фуше по особо важным преступлениям парижской полиции. А вы кого здесь ищите?

СПЕРАНСКИЙ: Я секретарь Джузеппе Бальзамо, графа Калиостро. Он, видимо, куда-то уехал и забыл меня предупредить. Теперь хожу, жду его.

ФУШЕ (*с легким смешком*): Вчера ночью этот шарлатан пытался бежать, но был пойман уже почти на границе. Он обвиняется в ужаснейшем преступлении. Давайте проедем со мною до жандармерии и там все выясним...

**Павильон. Осень. Вечер. Париж.
Подвал жандармерии**

Фуше вводит Сперанского в темное помещение, которое освещено огнем огромной жаровни. В помещении жарко и душно, а прямо в жаровне на огне раскаляются разнообразные щипцы, клещи и прочие орудия пыток. Когда Сперанский входит, из глубины помещения раздается душераздирающий крик.

ДЕ ЛА МОТТ: Мишель, слава Господу, скажите же хоть вы им, что я не воровка! Мы же вместе покупали это чертово ожерелье! Прошу вас, спасите меня, я благородная женщина!

ФУШЕ: Мадам, это мы уже обсуждали. По законам Франции, коль речь идет о краже вещи стоимостью более трехсот тысяч ливров, пытка положена всем, в том числе дамам благородных кровей. Вас, молодой человек, это тоже касается. Впрочем, раз вы из простых, то вас ждут плети и дыба, начиная с кражи в пять тысяч ливров. А тут у нас миллион шестьсот тысяч! Эта ночь будет жаркой...

СПЕРАНСКИЙ (*сильно пугаясь*): Господи, какая кража? Я не понимаю вообще ничего! Какие плети и дыба?! Это какое-то недоразумение.

ФУШЕ: Отнюдь. Вот это вот ваша подпись? Это вы подписались тут — Калиостро? Это вы расплатились векселями подложными? Стало быть, раздевайтесь, мы вас сейчас будем поджаривать. Старики еще с прошлой войны мне рассказывали, что русские на пытке крепче обычного, всегда хотел сам это выяснить. А пока продолжайте, господа!

Из дальнего угла раздаются смех палачей, свист плети и женские вопли. Камера этот угол нам не показывает, но мы видим, как в ту сторону смотрит Сперанский, которому становится дурно. Он бледнеет как мел и чуть ли не падает, но Фуше его ловко подхватывает.

ФУШЕ: Понимаю, понимаю... Даже смотреть на все это жутко. Однако как же нам еще сыскать истину? Воровка упорствует, а в ее доме мы нашли вот эти камни. Наши ювелиры уверены, что они из того самого ожерелья, в краже которого вы участвовали. Само ожерелье настолько известно и ценно, что продать его невозможно, и поэтому

воры решили его разобрать и продать по частям, а мы часть камней, как видите, обнаружили. Так я теперь вас, Мишель, спрашиваю: что вы об этом всем знаете и какое принимали в этом участие?

СПЕРАНСКИЙ: Я ничего об этом не знаю. Я секретарь графа Калиостро, который только свел вот эту женщину с ювелирами. А потом подписал за него документы. Прошу вас поверить мне, это правда.

ФУШЕ: Ну да, ну да, а пока вы отдавали ювелирам поддельные векселя, которые не признали ни в Англии, ни в самой Австрии, ваш господин с этой дамою взяли огромные ценности и, по ее словам, передали их государыне...

Под голос Фуше начинают появляться картинки того, как именно шло это следствие...

Мы не постеснялись и спросили о том саму королеву, и та сказала нам, что в жизни не видела ни мадам де Ла Мотт, ни Калиостро. Нам даже позволили привести эту женщину во дворец Тюильри на следственный эксперимент, и что она показала нам?! Общую туалетную комнату, которой кто угодно может воспользоваться. И она не сумела верно описать наряд государыни. А потом мы нашли камни из ожерелья у нее дома среди ее драгоценностей.

Картинки под голос Фуше обрываются, и мы опять в пыточной, а Фуше устало заканчивает.

Все это мы успели за один день! А эта дура даже на дыбе все еще зовет себя невиновною. Вы тоже будете так же упорствовать?

СПЕРАНСКИЙ (*в совершенном ужасе*): Нет, что вы! Но я ничего об этом не знал! Прошу вас, умоляю, поверьте мне, я — невинен. Да, возможно, эта женщина и впрямь нечиста была на руку, я с первого дня уже думал, что с нею что-то неладное. Да, может быть, господин мой лишь шарлатан и обманщик, но я-то ведь чист! Меня просто использовали. Я вам все расскажу.

ФУШЕ: А вы знаете, я вам верю. У вас честное лицо, молодой человек. Вы мне сейчас напишете чистосердечное покаяние обо всем и письменное обязательство отныне помогать нашему следствию, и, может быть, я избавлю вас ото всей этой уголовщины. Кстати, мы даже загодя приготовили вам документы на подпись. Вот, надо подписать здесь и здесь.

Сперанский в полной прострации под жуткие вопли пытаемой де Ла Мотт бумаги подписывает. Фуше их тут же прячет в большой прочный сейф, достает деньги и начинает их по монетке отсчитывать.

СПЕРАНСКИЙ: Что это? Зачем мне эти деньги?

ФУШЕ: Я назначу вам моих офицеров Вебера и Фурнье. Вот им обо всем, что услышите среди русских, и будете еженедельно докладывать. А когда ваше обучение закончится, я устрою вас в свиту Павла, и тогда уже лично мне будете все докладывать. Иначе, раз вы только что сознались, что вся эта афера вами придумана, я дам делу ход. Кстати, здесь тридцать денье. Заметьте, не золотые турецкие ливры, не медные су, а именно серебряные денье. Своим агентам я плачу исключительно серебром, и именно тридцать сребреников.

СПЕРАНСКИЙ: Да что же это? А как же европейская законность? Права человека?

Фуше полуобнимает Сперанского за плечи и ловко подталкивает его к выходу.

ФУШЕ: Да, и если вам что не нравится, то вон в том саду растет смовка, она же иудино дерево. Его наши умники нам сюда привезли, и оно, представляете, выросло. Ежели вам будет тошно, так приходите ко мне, я покажу, где оно там растет, и подарю веревку и мыло. Ну вот, вы и ожили и даже расплакались. А это значит, что жизнь продолжается. Ну, прощайте! Вебер и Фурнье с вами свяжутся.

С этими словами Фуше окончательно выталкивает Сперанского из здания жандармерии прямо под мелкий дождь, поворачивается и, закатывая на ходу рукава, уходит обратно в подвал, мурлыкая песенку «А кто я есть — простой французский парень...».

В огромной зале на трибуне выступает Фуше, который свою речь уже, похоже, заканчивает. Перед трибуной толпится народ — репортеры с издателями. Фуше улыбается всем, ему его положение нравится, он в лучах славы счастлив.

Вокруг раздаются овации, приветственные крики: «Слава нашей полиции! Молодец, Фуше, прекрасная работа, Фуше!»

ФУШЕ: Спасибо, друзья мои! Итак, преступление нами расследовано, виновные будут наказаны. Тем не менее, хотел бы обратить все ваше внимание на тот важный факт, что государыня тут ни при чем. Нам не удалось найти ни одного факта, что она как-либо с преступницей была связана или что она выдавала ей векселя. Поэтому мы просим вас прекратить все эти слухи, что королева Мария-Антуанетта в этом замешана!

Толпа ревет и улюлюкает. Кто-то кричит: «Почему отпустили Бальзамо?» Другой: «Отчего сухим из воды вышел кардинал де Роган?» Третий: «Куда делся русский? Откуда появился русский след в этом деле и куда он рассылался?»

ФУШЕ: Господа, следствие выяснило, что Джузеппе Бальзамо, называвший себя граф Калиостро, — мошенник и был изгнан нашей полицией из страны. Кардинал де Роган был введен в заблуждение и пострадал своими деньгами. К тому же эти деньги ему ювелиры вернули, когда дело раскрылось. Русский студент не при чем, он просто путешествовал вместе с мошенником, но в аферах сам не участвовал... Мы установили вину лишь девицы де Ла Мотт и неизвестной проститутки — ее сообщницы, которая выдавала себя за саму Государыню!

В ответ опять шум и крики: «Стало быть, королева у нас такова, что ее со шлюхой легко спутать?.. Фуше, расскажите, откуда у проституток подлинные векселя австрийских и британских банков, которые работают с Габсбургами... Фуше, это правда, что в этих векселях лишь подделана подпись, но сами векселя были подлинные?.. Фуше продался, он развалил дело ради поста префекта парижской полиции!.. Королева — воровка!..»

ФУШЕ: Господа, это все ваши измышления с домыслами, а их я пояснить не могу!

Толпа негодует в ответ, и Фуше сходит с трибуны под всеобщие возмущенные крики: «Королева — воровка!» и «Фуше за пост префекта продался!»

Натура. Зима. Вечер. Париж. Парк Сен-Клу

По полутемному прозрачному парку идет Фуше. Под его ногами хрустит ледок. Фуше завернут в теплый шарф по самые уши, так что узнать его практически невозможно. В темном углу парка стоит загадочная карета «дамы с вуалью». Фуше к ней подходит, открывается дверца, и Фуше садится внутрь. В карете они вдвоем — он и дама. После недолгого молчания Фуше говорит.

ФУШЕ: Что теперь?

ДАМА С ВУАЛЬЮ: Теперь это дело сделано.

ФУШЕ: А где ожерелье?

ДАМА С ВУАЛЬЮ (*пожимая плечами*): Мы же не воры. Там, где положено, я передала его королеве. Правда, не думаю, что она о нем в курсе.

ФУШЕ: Какой в этом смысл?

ДАМА С ВУАЛЬЮ: У вас, лягушатников, память короткая. Сегодня вы готовы королеву распять, а завтра простите ее. А вот когда вы ее простите, ожерелье само собой обнаружится. И тогда все уже точно будут знать, кто вор. У вас ветераны не оплачены, инвалиды на каждом углу, в казне ветер свищет, а тут иноземная королева ворует миллион шестьсот тысяч ливров. Изумлюсь, ежели народ не выйдет на улицы и не посадит ее на кол! Вся Европа от того придет в бешенство...

ФУШЕ: Иной раз я мечтаю свернуть вашу шею...

ДАМА С ВУАЛЬЮ (*с неприятным смешком*): Ой, а не вы ли когда-то плакали мне, что готовы на все, чтобы Бурбоны заплатили за то, что они с вами сделали? Не вы ли кричали, как ненавидите вашу же Францию за то, что все друзья от вас отвернулись, когда очередной Бурбон пожелал ваше место?! Я лишь фея-крестная, исполняю ваши желания. Вы пожелали — прекрасно, заплатят Бурбоны, заплатит и Франция.

ФУШЕ (*смущенно и мрачно*): Я не это имел в виду и не об этом просил.

ДАМА С ВУАЛЬЮ: Друг мой, вы не спрашивали нас, как мы устроили, что вас из канавы, нищего, опустившегося, да, извиняюсь, обоссанного, сделали главным жандармом на немецкой границе. Хвала Господу, вы, лягушатники, настолько продажны, что я бы могла устроить на ваше место и клошара вонючего. Собственно, вы и были клошар, но — с фантазией. Без вас никогда так верно утопить королеву мы б не придумали.

ФУШЕ: И все же я не понимаю! Моей фантазии не хватает понять, почему вы согласились на этакое. Я же придумал это скорее, как шутку. Мол, вы хотите своей же сестре сделать гадость. Я и думать не смел, что вы за это ухватитесь. Как же так — с родной кровью?!

ДАМА С ВУАЛЬЮ: Как, как?! По приказу нашего брата... Хорошо. Вы были полезны, и поэтому я расскажу вам.

1784. Павильон. Зима. Вечер. Вена. Шенбрунн

106

В кабинете Марии Терезии столпотворение. Новый император Иосиф горько рыдает на троне, вокруг него столпились придворные. Среди них мы видим даму с вуалью, которая почему-то не снимает вуаль даже в присутствии Государя. Иосиф прямо воет от ненависти.

Иосиф: Боже мой, почему мне все лгут?! Вы, вы все мне говорили, что жабеныш уже не жилец, что он никогда не сможет покрыть ни единую женщину! Лишь поэтому мать отдала ему в жены нашу сестру-красавицу Марию-Антуанетту! Все, все говорили нам, что этот жабоед скоро сдохнет, и вся его Франция достанется через нашу сестру нам по наследству! А теперь что?! Какой-то грошовый цирюльник пришел ему новый член, и наша сестра, дура самовлюбленная, теперь ему нарожает жабенышей! А они, суки, за последние сто лет три раза уже нападали на нас — якобы они тоже Габсбурги!

МАРИЯ-КАРОЛИНА (королева Сицилии): Брат мой, сестра наша пишет, что французский король все такой же бессильный. Наша сестра зачала от своего офицера охраны — того самого шведа, который нами же был туда присланный. Она пишет, что это была минутная слабость, а потом стало поздно.

Иосиф: Черт, вы, сучки, только и думаете, как бы вам раздвинуть перед кем-нибудь свои ляжки! А обо мне, об Австрии она думала?

МАРИЯ-КАРОЛИНА (*шокирована*): Ты, прыщ в короне, ты кого сейчас сукой назвал? Слушай сюда, я повторять два раза не буду. Моя сестра терпела в браке без мужского члена целых пятнадцать лет, и да... Не устояла. Я ее понимаю. Впрочем, кому я это рассказываю...

Иосиф (*оправдываясь*): У меня с женою нормальные отношения! Да, я устаю иногда, но это не повод... Боже мой, с офицером охраны...

МАРИЯ-КАРОЛИНА: Старший брат этого самого офицера трахает шведского короля, и тот вроде не жалуется. Считай, что нашей сестренке свезло, и заканчивай эту истерику. Дитя греха не имеет права на трон, я не понимаю, из-за чего ты поднял такой кипешь?

Иосиф: Ты дура последняя. Французский король только что заявил, что сам сделал Антуанетте ребенка, что тот теперь будущий король Франции, а после моей смерти, согласно договору его отца с нашей матерью, сын шведского гомика станет еще и Императором Священной Римской Империи. Я-то помру, а вот и моей Австрией, и твоею Сицилией станут править шведские содомиты-еретики!

МАРИЯ-КАРОЛИНА (*мрачно*): Ну это мы еще посмотрим, кто из картавых выживет у меня на Сицилии! Климат у нас для них... того — шибко скверный. Моей Коза Ностре они никогда по жизни не нравились.

Иосиф: Да плевать я хотел на тебя вместе с твоею дурацкой Сицилией! Сделайте же, придумайте что-нибудь, чтобы этот ублюдок никогда не стал королем Франции, и тем более для нас Императором!

Натура. Зима. Вечер. Париж. Парк Сен-Клу

Дама под вуалью, договорив, замолкает. Фуше сидит ошарашенный. Он хочет что-то сказать, потом передумывает, потом еще раз хочет что-то сказать, затем утирает пот со лба и бормочет.

Фуше: Господи... Никогда бы до этого не додумался! Слава богу, мы — люди маленькие, и моим дочерям никогда не придется столь бояться своих же собственных теток. С ума сойти...

ДАМА С ВУАЛЬЮ: Нет мелочей в делах династических. Одно гнилое яйцо губит целый пирог.

ФУШЕ: Ну да... А правда, что прямо там, в подвале Шенбрунна, лежат все ее, Марии Терезии, предки, не захороненные, и там она с ними, протухлыми, всякую ночь разговаривала и вроде как вместе молилась?

ДАМА С ВУАЛЬЮ: Да, это правда.

ФУШЕ (*с нервным смехом*): Ну тогда мне все ясно. И последний вопрос. Не могли бы вы снять вуаль? Интересно — до жути.

Дама под вуалью молчит, что-то обдумывая, затем поворачивается к Фуше боком и снимает вуаль. Тот мгновенье сидит в полном остолбенении, а потом шепчет.

ФУШЕ: Невероятно. Если бы не знал, точно спутал бы с королевою. Ну да, ведь вы же сестры. Сходство поразительное!

Дама в ответ горько усмехается и произносит.

ДАМА С ВУАЛЬЮ (ЕЛИЗАВЕТА): Когда-то меня считали красавицей, а нынче у меня растет дочь, такая же рыжая. Я молюсь за то, чтобы она как можно позже познакомилась с лягушатниками.

С этими словами она поворачивается другим боком. С другой стороны ее лицо обезображено страшным шрамом в котором хорошо виден вензель мадам Дюбарри.

ЕЛИЗАВЕТА: Это сделано французской рукой.

1784. Павильон. Зима. Вечер. Итон

1 в

По коридору бежит ватага молодых ребят, которые преследуют одинокого юношу. Преследователи кричат: «Изменник! Бунтовщик! Бейте католика!» Мальчишка забегает в какой-то чулан и там изнутри запирается, вставляя в дверные ручки то ли ручку метлы, то ли швабры. Через мгновение дверь начинает сотрясаться от ударов, толпа за дверями воет: «Смерть ирландцу! Смерть изменнику!» Мальчик стоит, прижавшись к стене, испуганный и бледный, его рыжие волосы взмокли, а по веснушчатым щекам

течет то ли пот, то ли слезы. Он в этом чулане совершенно один, но мальчик выбирает из нескольких швабр ту, что с палкой покрепче, ломает ее так, чтобы получился заостренный конец, упирает ее основанием в пол, а острием направляет к двери, а потом ногой решительно выбивает палку, которая двери удерживает. Дверь распахивается, в нее врываются улюлюкающие преследователи, глаза рыжего мальчишки суживаются, а рот в усмешке ощерился. Раздается ужасный крик...

2 в

Натура. Зима. Утро. Ступени перед Итонским колледжем

Серое холодное утро, на улице вперемишку лед и слякоть. Из дверей колледжа в Итоне выходят графиня Морнингтон и ее сын Артур. Этот тот самый рыжий мальчик, которого мы только что видели. С ними идет сам ректор колледжа сэр Уильям Робертс. Стоя на верхней ступеньке крыльца, он с трудом сдерживает неприязнь.

СЭР УИЛЬЯМ: Дорогая Анна, поверьте, мне самому крайне неприятна вся эта история. Вашему сыну нужна твердая рука в руководстве. Я понимаю, я слышал, что граф пару лет назад умер и не может контролировать мальчика...

ЛЕДИ АННА: Я все понимаю, дорогой сэр Уильям, однако у нас семья католическая, и мой сын не стерпел...

СЭР УИЛЬЯМ (*прерывая ее*): Ну подумаешь, кто-то сказал, что восстание в Америке было католическим заговором! Я знаю, что это не так, вы знаете, что это не так, сам генерал Клинтон, который до последнего дрался с бунтовщиками в Америке, тоже католик, но зачем в своем мнении идти против всех, против всего нашего колледжа?

ЛЕДИ АННА: Но его так учили! Так было заведено в нашем замке...

СЭР УИЛЬЯМ (*строгим тоном*): А мы не в вашем замке, в вашей нищей Ирландии, которая всегда была зачинщицей смуты в нашей стране! Мы в лучшем колледже для благородных семей, и мы учим наших детей уважать мнение окружающих. Вся католическая Европа

была за мятежников! Франция, Испания — все они, и мы разбили всех этих проклятых католиков. А ваш сын... Он никто, поймите, никто, титул перешел к его старшему брату, так вот, этот никто мог бы и промолчать!

Леди Анна: Но он не может и не умеет молчать! Его учили быть и католиком, и британцем! Что же мне теперь делать?

Сэр Уильям (*с нарастающим раздражением*): Ваш сын навсегда изувечил пару прекрасных джентльменов самых лучших кровей! И простили его только из-за того, что не он втыкал в них эту палку, а они сами на нее по очереди напарывались! А меня из-за него теперь могут снять с места (*он в ярости на мгновение теряет дар речи*). Ваш сын — бандит и разбойник и, попомните меня, еще будет повешен как враг Короны и всей нашей Британии! Ему не место в стране! Пусть убирается куда-нибудь... — к врагам, в страну католическую!

С этими словами разгневанный сэр Уильям с треском хлопывает двери Итона, а несчастная графиня остается рыдать на ступеньках, обнимая за плечи своего рыжего и веснушчатого четырнадцатилетнего Артура, выгнанного из самого престижного колледжа Британской Империи.

1785. Павильон. Весна. Вечер.
Собор Святого Михаила в Брюсселе

3 в

По огромному пустому собору идет знакомый нам аббат Николя. На одной из скамей в углу он замечает согбенную фигурку с рыжими волосами. На вид это юноша, почти мальчик, которому невозможно дать больше пятнадцати лет. Мальчик отворачивается. Аббат Николя подходит к нему и садится рядом. Они какое-то время просто молча сидят. Мальчик начинает искоса поглядывать на аббата, а тот ему негромко говорит.

Аббат Николя: Я буду рад помочь вам и словом, и делом. Не хотите ли мне исповедоваться, сын мой?

Артур (*запальчиво*): А в чем исповедоваться? В чем? Что я дурного сделал? Я всего лишь хотел быть достойным моего отца, хотел

служить моей стране в армии, а они меня вышвырнули! Сказали, что я предатель и негод для Британии...

АББАТ Николя (*с изумлением*): Предатель? В таком возрасте и предатель? (*Не найдя слов, оглядывается, вдруг внимательно смотрит на крест впереди и понимающим тоном продолжает.*) А, понимаю. Вы, наверно, католик в Британии, и за это ваши сверстники думают вас предателем. Понимаю. Однако у вас хороший наряд, скорее для лорда, чем для кушца, а именно кушцы у нас часто меняют веру...

АРТУР: Отец мой — граф Морнингтон, и мы всегда были только католики!

АББАТ Николя (*с возрастающим интересом*): Вижу, наконец вижу — эти рыжие волосы, эти веснушки. Вы у нас, конечно, ирландец, и вы все... под покровительством Святой церкви. А откуда вас выгнали, молодой человек?

АРТУР: Я бы и сам ушел... (*с горечью*) из самого Итона... Теперь мне дорога заказана во все прочие колледжи (*с отчаянием*), и все лишь потому, что для них я — католик...

АББАТ Николя (*серьезно*): А в Итон невозможно попасть, если вы худородны или бедны. Стало быть, вы у нас один из богатейших и благороднейших пэров Британии...

АРТУР: Нет. Отец пару лет назад умер. Все отошло моему старшему брату, а я третий сын и не получил ничего. Даже мама от меня отказалась из-за того, что я ради веры покалечил пару нахалов и выскочек. Теперь я живу здесь, среди католиков, пока у меня деньги не кончились, а там, видимо, останется путь в пираты или в петлю. И пусть в пираты, а с того — в петлю, ибо иначе все говорят, что католики меня завербуют воевать против Англии, а я не хочу предать Родину.

АББАТ Николя: Ах, ты господи, какие детские страшилки англичан про петлю, пиратов и злобных католиков! Как все это знакомо! Так и сулят каждому, кто просто заговорит с нами — иезуитами, что мы тут же преобразим его в Гая Фокса и пошлем с бомбой под парламент! Смешно!

АРТУР (*опасливо и с интересом*): А вы что, и вправду — иезуит?

АББАТ НИКОЛЯ (*с гордостью*): Да, и по бабке я англичанин. Я готов сделать все, чтобы Англия была счастлива. Ведь вы же хотите, чтобы к католикам в Англии относились как к равным?

АРТУР: Разумеется...

АББАТ НИКОЛЯ: Тогда пойдете со мной, и я помогу вам исполнить вашу мечту, чтобы начать служить Англии! Насколько я помню, для службы нужно получить офицерский патент, а для этого надобно закончить колледж?

АРТУР (*торопливо*): Да. Но раз меня из Итона выгнали, я не смогу пойти в другой...

АББАТ НИКОЛЯ: Почему же не сможете?! У меня есть друзья, мы устроим вас в самую Королевскую академию верховой езды в Анже! Там вы точно получите патент офицера-кавалериста!

АРТУР (*с подозрением*): Но это же... Это же французская академия, а я хочу служить в Англии. Для службы в Англии мне нужен английский патент!

АББАТ НИКОЛЯ: Заблуждение, мой друг, заблуждение! Для службы в Англии вам нужен подтвержденный патент, а его можно получить не только в колледже, но и при службе в армии. А для службы в колониях годится любой патент, в том числе и французский. Получите французский патент, послужите пару лет в британских колониальных частях в той же Индии — и voilà. Для приема на службу в колонии требования всегда были мягче!

АРТУР (*решившись*): Это правда? Тогда это здорово! Как хорошо, что мы с вами встретились. А меня точно возьмут в академию в Анже?!

АББАТ НИКОЛЯ: Ну конечно. Тамошний директор мне должен. Кстати, пора бы представиться, меня зовут аббат Николя.

АРТУР: А меня — Артур. Сын графа Морнингтона и виконтессы Данганнон. Артур Уэлсли к вашим услугам.

1786. *Натура. Весна. День. Плац в Гатчине*

4 в

Дорожки вокруг плаца уже зеленые, однако Мария Федоровна, которая выгуливает на плацу, выкрашенном под вид шахматной доски, своих девочек, тепло одета и издала

похожа на толстенную байковую бабу на чайник. Две ее служанки катят в широкой коляске по плацу, а вокруг нее гурьбой бегут няньки с тремя разноцветными и разнокалиберными колясочками. На всех трех колясочках розовые ленты. Лицо у Марии Федоровны угрюмое, рядом с ней идет Павел в теплом камзоле, который будто оправдывается.

ПАВЕЛ: Ну не куксись, душа моя! Нашим сыновьям хорошо и у бабушки, а то, что теперь родятся лишь девочки, так и твоя в том вина. Ведь ты сама, душа моя, передала своими руками этого Боткина своей Крысе! А без него у нас не может быть мальчиков!

МАРИЯ (*огрызаясь*): А то вы сами это не знали! Ах, Машенька, ах, давай еще раз попробуем! Ну, попробовали... Куда я теперь их всех дену? За кого их всех выдам? Или вы, как мой папенька, тоже предложите кого-то из моих дочек постричь? Не вы ли это и придумали, коль настояли назвать нашу самую младшую Машкой? Мол, вырастет, и ее пострижем, раз не удалось постричь ее матушку?! Так что ли?!

ПАВЕЛ: Да что вы выдумываете, душа моя? Кто собирается вашу дочку постричь?! Чай Россия не Вюртемберг ваш задрипанный...

МАРИЯ (*с обидою и чуть ли не слезой в голосе*): Наш Вюртемберг не задрипанный. Получше вашего Гольштейна, откуда ваш папенька, да побогаче! И не смейте мне тыкать! Мы — практически Австрия!

ПАВЕЛ: Да кто же вам тыкал-то? И какая вы Австрия? Нищета с гор, плюнуть да растереть, а Гольштейн был столицей Ганзы...

МАРИЯ: Ну и пусть дальше вам рождает детей ваша Ганза! А у нас в горах, знаете ли, свои понятия о гордости!

В этот миг к ссорящимся супругам невесть откуда подбегает взмокший от бега Кутайсов. Он счастливо улыбается и на бегу восклицает.

КУТАЙСОВ: Нашел, слава богу, нашел! Как вы и хотели — вдова, и роду самого лучшего. Опять же, как и желала Мария Федоровна, — Шарлотта Карловна! Точь-в-точь, как ее подруга Шарлотта Иоганновна!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Нашел?! Да кого? Кого ж я искал?

КУТАЙСОВ: Няньку, няньку искали вы своим дочкам. Вот и нашел я — Шарлотта Карловна в браке фон Ливен, а урожденная Гаугребен, лучшего курляндского роду. Раз Шарлотта Иоганновна у нас из Лифляндии, то, стало быть, все враги у нее из Курляндии. Правильно? Вот и нашел такую, чтоб угодила всем вашим требованиям. Опять же сынок у нее уже доблестно служит, так что воспитывает детей она выше всяких похвал.

МАРИЯ (*подозрительно*): То есть? У нее уже взрослый сынок? Пауль, он будет вредно влиять на моих девочек! Я — против!

КУТАЙСОВ (*суетливо*): Не извольте беспокоиться, к юным принцессам мышь без моего ведома не проскочит! А Карл Андреевич служит уже давно в армии.

МАРИЯ (*успокаиваясь*): Мимо тебя-то? Мышь? Ну-ну...

КУТАЙСОВ: Честное-благородное! Да чтоб мне лопнуть!

МАРИЯ (*злорадно*): Хорошо, за тем прослежу... Занятное будет зрелище!

ПАВЕЛ (*с чувством облегчения*): Прекрасно. Раз главная наша капризуля дала добро, рады будем лицезреть нашу новую няньку...

МАРИЯ: Вы ее привели — вы и встречайте, а я с девочками поехала. Много свежего воздуха детям вредно!

С этими словами Мария Федоровна вместе с девочками отъезжает на своей коляске от мужчин. От дверей дворца к Павлу с Кутайсовым величаво и властно выплывает крупная, дородная женщина средних лет с суровыми мужскими чертами лица. Она с достоинством подходит к Наследнику Павлу и строго ему заявляет.

КАРЛОВНА: Слышала я, что вы тут с мужчинками балуетесь. Зарубите себе на носу, я это не потерплю. Не при девочках! А еще не потерплю я разврата да вертихвосток вроде тех, что при дворе Государыни! Увижу шлюх, своими руками удавлю гадин! У моего мужа покойного такие суки бывали, да всех я поймала да вывела. И с вашими тут то же будет! Мужчины, вам все ясно?

ПАВЕЛ (*ошарашенно*): Кутайсов, что это?

КАРЛОВНА (*строго*): А я вам не Кутайсов. Надо чего, так меня спрашивайте. Я по направлению Государыни имею приказ всех масонов, вольтерьянцев и мужеложцев тута сыскать и на чистую воду вывести. И — выведу! А Государыне я представлена самим канцлером Безбородко, мы с ними дружили домами, когда жили в Киеве.

ПАВЕЛ (*с изумленным смехом с повизгиванием*): Ишь как берет быка за рога! А чего же тут говорят, мол, Курляндия, мол, Лифляндия, откуда же вдруг Киев-то?

КАРЛОВНА: А откуда надо, оттуда и будем. Мы не привередливые. Сказали Курляндия, значит, мы из Курляндии. Сказали Лифляндия, так нам — один хрен. А без протокола, так мы с города Киева. Там крестилась, там же и всех сынков родила.

КУТАЙСОВ (*нервно*): Так мне сказали, вроде бы, один сын, и он уже служит!

КАРЛОВНА: Карлуша, тот служит. А Христофор, Ванька да Федька молоды пока, со мной тут будут жить.

ПАВЕЛ (*растерянным голосом*): Но Марихен требовала, чтобы никаких мальчиков. Она у меня женщина нервная — закатит истерику...

КАРЛОВНА (*задумчиво и сплевывая*): Ишь ты — нервная... Воспитывать таких надобно. Нервная...

ПАВЕЛ (*решительно*): Ну уж нет... Или ваши мальчики отныне живут среди слуг в людской, там, куда Марья моя никогда не заглядывает. Или... пусть надевают женские платья и притворяются девочками, а иначе я вам себя ссорить с Марьей не дам! Она и без вас после родов того... Куксится!

КАРЛОВНА (*прищуриваясь*): Вот ведь какой ты! Тоже мне, змей коварный. Или мальчиков моих держать точно слуг, или чтоб ублажали они тебя точно девочки. Посмотрим ишо... (*Не дожидаясь позволения, поворачивается и уходит, бормоча про себя.*) Стало быть, одену мальчиков в платья, а они у меня миловидные, авось сойдут за девок, а? И ведь хотел он, прынец, на мужиков, одетых в женское, посмотреть, вот и додумался... Вот змей... Что же делать-то? Ребяток-то от себя отпускать не могу, неужто им придется платья надеть?.. Вот змей...

1786. Натура. Лето. День. Конюшня в Гатчине

Жаркий летний день. Мария Федоровна бредет откуда-то по плацу дворца. На ней теплый мягкий домашний халат, видимо, она только что встала с постели, хоть солнце уже высоко. Судя по тому, что лицо у нее уже не измученное и не столь капризное, как прежде, возможно, что ее проблемы с детьми как-то решились. Она идет по дорожке и протирает заспанные глаза, и идет она на дикий детский крик, прерываемый неразборчивыми возгласами Шарлотты Карловны. Мария Федоровна сворачивает и оказывается на дворе конюшни, посреди которого Шарлотта Карловна по очереди лупцует розгами двух мальчиков примерно десяти лет, а третий мальчик, почему-то в женской одежде, стоит чуть поодаль.

КАРЛОВНА: Вы меня послушаетесь, вы у меня станете шелковыми! Начальник отдал приказ, стало быть — положено исполнять!

ВАНЯ: Никак нет, маменька, князь Павел велел — людская иль платья. Так мы с Федькой в людской будем жить, тут ведь здорово!

ФЕДЯ: Да, тута кони, оружие, чего нам с сопливými девками...

КАРЛОВНА: Ты кого, ты великих княжон сопливками назвал! Вот я тебя! *(С этими словами бросается за сыном, а тот норовит увернуться.)*

МАРИЯ: Так может, их лучше в полк? Или школу там навигацкую? Ну не хотят мальчики...

КАРЛОВНА *(устало)*: Детей — не отдам! Я на один только раз, на недельку всего с чужими оставила свою деточку. Дочку мою единственную Сашеньку. Андрею Карловичу нужно было срочно в войска — восстание подавлять, ну и я за ним, дура... Молодая была, все мечтала, потому и закончила курсы фельдшеров, чтобы раненых врачевать, перевязывать...

Шарлотта Карловна на миг замолкает, и с нею, кажется, замолкает весь двор. Мария Федоровна подходит к крупной женщине и что есть силы обнимает ее, а та, торопливо смахивая непрошеную слезу, продолжает.

КАРЛОВНА: Решила, зачем в бой тащить девку мелкую? Оставила... Не поверишь, три дня — и все. Скарлатина. И ни меня рядом не было, дуры, с моим сраным дипломом фельдшера, ни моего Андрей Карловича... Так что этих я ни за что никому не отдам!

МАРИЯ: Как жаль, что вас тут раньше не было! Вы бы со мной моих мальчиков нипочем бы не отдали, правда?!

КАРЛОВНА (*махнет рукой*): Будь я государыней, так не только бы отняла, так и сослала бы твоего, куда Макар телят не гонял. Нельзя с таким папашей — яacobинцем да вольтерьянцем — воспитывать мальчиков! Парни мои — в нашу породу, настоящими мужиками растут. Лишь война на уме, коняшки, оружие... Все в моего Андрей Карловича! А твой-то иной, пороха не нюхал, с конями не дружен — вона как конюшня запущена! Одни парады на уме да красивая форма. А коль мужика тянет на красоту — сыновей у него отнять просто надобно. Иначе произойдет невесть что!

МАРИЯ (*с легкой обидою и пугаясь*): А что произойдет — невесть что?!

КАРЛОВНА (*назидательно*): Масонами станут. А ты знаешь, как принимают в масоны? Через задний проход!

МАРИЯ (*с ужасом*): Не-е-ет! Моих мальчиков не надо в масоны!

КАРЛОВНА: Вот и Государыня так же думает. Потому забрали детей лишь от этого. Но ты не опасайся, я за порядком тут прослежу!

МАРИЯ (*с обидою*): Так вот он какой! Вот почему он на меня почти и не смотрит! А, вспомнила, его в масоны принимал князь Куракин, а Государыня Куракина того в ссылку выгнала, видно, как раз из-за этого! Вот оно что...

КАРЛОВНА: Ты это, не нервничай. Скажи лучше, раз так, может, мне сынков моих в платья одевать и не надобно? А то вон как они против! А в людскую я их сама не пущу. Пусть они с нами кушают, а играют в конюшне да в мастерской, а?

МАРИЯ: Да не нервничаю я, совершенно спокойно ему про эти платья скажу и про все про эти фантазии. Я его еще на чистую воду-то

выведу! С полным спокойствием! А с детей платья снять, дабы не по-давать ему соблазна и повода!

КАРЛОВНА (*с облегчением*): Эй, Ванька, Федька, слышали приказ?! Исполнять его, неслухи! В другой раз так отделаю, что сидеть в жизни не сможете. Хрися, и тебя это касается!

Ваня и Федя (*в один голос*): Ур-ра!

«Хрися» (Христофор фон Ливен) (*с обидою*): А почему? Мне мое платье понравилось. Только тут я б еще цветочки бы вышила...

КАРЛОВНА (*с яростью*): Молчать, запо-ору! Какие к черту цветочки?! Почему, к черту, «вышила б»?!

МАРИЯ (*с округлившимися то ли от изумленья, то ли от ужаса глазами*): Дурдом...

1786. Старая хроника

6 в

По экрану идут пятна и полосы. Появляется огромная траурная процессия. Под печальные звуки музыки мы слышим голос секретаря Фридриха Вильгельма.

Фон Зайдлиц: Сегодня ночью после продолжительной болезни умер король Пруссии Фридрих Второй, которого все звали Великим. Имя Железного Фрица долгие годы было страхом и ужасом всей Европы. На престол нашего государства восходит племянник усопшего — Фридрих Вильгельм Второй. Король умер! Да здравствует король!

На трибуне появляется старый неклюжий Фридрих Вильгельм. Он утирает рукою свой лысый лоб и говорит.

Фридрих Вильгельм: Боюсь, все последние годы наша страна развивалась неверно, неправильно. Дядя мой под конец перестал быть Железным. Вольтерьянцы, либертины и якобинцы вокруг распоясались, и мы, новый король Пруссии и Германии, этого не потерпим! Мы сделаем все, дабы истребить всю якобинскую заразу, которая расплозается на весь мир из распущенной Франции и безумной Британии! Пруссия веками наводила порядок в Европе, и мы обязаны

выполнить эту нашу историческую миссию во всем мире! Прежние либеральные порядки моего дяди с этого дня отменяются!

Слушающие это выступление прусские сановники в легком ужасе переглядываются.

Фон Рапп: Не сплю ли я?! Это что — при Фридрихе Великом у нас был либерализм и все прочее? Где он был все эти годы? Что же теперь?

Фон Бюлов: Известно, что. Будут жечь книги, запретят всех философов, а коли найдут в доме энциклопедию, сразу поволокут в Моабит. Вы забываете, что при Фрице у нас разрешались Вольтер и Дидро, и вот к чему это все сейчас ведет Францию!

Фон Рапп: Боже мой... Значит, будут жечь книги... Темные века наступают, ждите теперь явления Антихриста!

Опять крутится старая пленка, и с нее раздается голос Зайдлица.

Фон Зайдлиц: По приказу нового прусского короля наши доблестные войска вошли в Голландию. Штатгальтер Вильгельм Третий возвращается на свой трон, английские интервенты срочно пакуют вещички, а кое где и сброшены нашими парнями в канал. Франция негодует. Англия заключает перемирие с Францией, и они вместе готовятся воевать против нашей объединенной Германии!

Мы видим кадры с отступающими британскими солдатами, которые срочно грузятся в свои лодки возле Дюнкерка, а по ним стреляют доблестные молодцы в германской форме. Мы видим отступающих французских драгун, знамена англичан и французов смешиваются, и мы видим людей, плачущих на берегу, которых оставляют бегущие французы и англичане. Хроника показывает развевающиеся флаги с германскими орлами и восходящим солнцем, которое освещает brave лица офицеров-пруссиков на ступенях захваченных ими дворцов и селений. Опять слышен голос сановника...

Фон Рапп: Боже мой, и они еще смеют звать моего прежнего короля агрессором!

1787. Натура. Лето. День. Рига. Ратушная площадь

Ратушная площадь запружена народом. Все газоны зеленые, клумбы полны цветами. Лавки с магазинами переполнены, половина площади превратилась в один сплошной бесконечный базар, полный ярких иноземных товаров, нарядов, тысячи новых лиц, которые тут толпятся, торгуют и говорят на тысяче разных языков и наречий. Рижан от «понаехавших» можно отличить по характерным черным одеждам, крой которых почему-то напоминает армейский. По площади прогуливается Барклай, которого под обе руки взяли Шарлотта и Эльза. Их черные одеяния на фоне разноцветных одежд «понаехавших» выглядят очень странно.

Камера чуть отъезжает и дает полный план площади. Оказывается, что вокруг этой троицы есть большой круг — молодых девиц и людей в черном, которые совершенно случайно прогуливаются в ту же сторону. Камера выхватывает короткие сценки: например, мясник, показывающий в своей лавке мясо, тянется за ножом, чтобы отрезать кусок покупателю, и одна девица в черном вежливо, но властно придерживает его руку, не дав поднять нож. Или пара с виду влюбленных в черном вдруг ловко выхватывает из толпы парня и, оттеснив его за палатку с прилавком, начинает проверять его документы. А в целом день очень яркий, очень нарядный и очень праздничный, а «хозяева Риги» просто делают обычный для них променад.

БАРКЛАЙ: Никогда в жизни бы не поверил, что в Риге так взлетят на все цены! Да тут теперь — пол-Голландии! И все хотят у нас жить.

ШАРЛОТТА (с нервным смешком): Это только начало. Австрийский Иосиф выбрался из-под юбки у своей умирающей матушки и ввел в Бельгии прямое правление. Туда переводят австрийскую армию, чтобы остановить с одной границы французов, а с другой — пруссаков. Завтра тут у нас будут не только Амстердам с Роттердамом, но и Брюссель вместе с Антверпеном!

БАРКЛАЙ: Да эти два молодца — прусский Фридрих Вильгельм и австрийский Иосиф — нынче Бельгию да Голландию превратят в головешки.

ЭЛЬЗА (*желчно*): Дорвались древние юнцы — лысые, потные, жирные — до маршальских жезлов!

ШАРЛОТТА (*серьезней*): Однако же люди оттуда бегут и бегут, а у нас город маленький. Я думаю, надо снести часть стены, что к реке, и строить там новый город. Дешевое жилье для малоимущих да беженцев. Это же сколько умельцев, сколько золотых рук всей Европы мы получим лишь за крышу над головой!

БАРКЛАЙ (*с живым интересом*): Интересная мысль! Да ведь рискованно: а вдруг нападение? Впрочем, там река широка... В общем, надо подумать. Я нарисую вам план и сделаю смету. Что еще нужно?

ЭЛЬЗА: Чем больше чужих людей, тем больше лазутчиков. Мне нужно сформировать полный штат, а я пока на птичьих правах...

ШАРЛОТТА: Решено. Мы создадим у нас точно такой же Абвер, какой сделал мой дед для Железного Фридриха. Нынче в Пруссии скверно, мне писали уже, что ветераны его ищут места. Примешь их, Элечка? Они хоть и старые, а много что помнят, многому нас научат.

ЭЛЬЗА: А они готовы подчиняться мне, женщине?

ШАРЛОТТА (*с кривою усмешкой*): А куда они денутся? Они пишут мне, что они все — старые волки, попавшие под власть толстого борова. Даже не хрюка, но борова! Служить будут как миленькие, ведь ты же, Эль, для них — одной с ними крови!

Эльза молча кивает в ответ.

1787. Павильон. Лето. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

Теплый летний тихий вечер. Шум города почти стих. За конторкою стоит Эльза, которая что-то пишет. Раздается робкий стук в дверь, и появляется испуганная служанка. Она тихонько зовет Эльзу.

КИРСТЕН: Ваша милость, к хозяйке пришел тайный гость. Говорит, что у него нарощенное письмо от нее и что он лишь с ней готов свидеться. А ее нету, ибо четверг, и она с банкирами на бирже что-то празднует. Куда мне его?

ЭЛЬЗА (*торопливо складывая письменный прибор*): Зови. Скажи ему, что я хозяйке все передам, а нынче у нее дела важные.

Служанка исчезает, и через мгновение в комнату заходит по внешнему виду старик в походном плаще. Лицо старика прикрывает что-то похожее на платок. Войдя в комнату, старик запирает двери на ключ и разматывает платок. Под платком мы видим старого секретаря барона фон Шеллинга, а ныне одного из прусских министров — генерала фон Раппа. Фон Рапп с Эльзой учтиво раскланивается.

ФОН РАПП: Фройляйн фон Винценгерод, насколько я понимаю? Мы о вас в Берлине наслышаны. А в каких чинах эта милая девушка?

ЭЛЬЗА (*с изумлением*): В смысле? Вы про Кирстен?

ФОН РАПП: Ах, даже шведка? Разумно, в свете подготовки шведов к войне против вас. Весьма разумно. Кстати, впервые слышу, чтобы к нашей работе привлекали бы столько женщин. Старый черт Шеллинг эту идею оценил бы по достоинству. Многие девицы без толку стареют и дурнеют, ибо мужчин на войне гибнет больше, а тут вы им нашли такое занятие. С приключением!

ЭЛЬЗА: Кирстен — дочь залетного шведского рыбака и рижской портовой шлюхи. У нее нет ни чина, ни звания, лишь только шанс из ее состояния вырваться. В том борделе девочки вырастали и потом либо начинали там же работать, либо оказывались в канаве. Я ее и взяла из канавы. Примерно та же история у всех иных моих девочек, и они служат мне не за деньги, или со скуки, или ради идей... Удивлены?

ФОН РАПП: Удивлен. Вы, оказывается, даже больше идеалистка, чем я, старый дурак. Но — ближе к делу. Ваша госпожа мне прислала письмо, в котором пишет, что слышала о моей недавней отставке, знает про мою честную службу для ее дедушки и предлагает мне место. Руководить местной разведкой. А вы, как я понял, — местная контрразведка.

ЭЛЬЗА: Ну, контрразведка, боюсь, громко сказано. Просто мне мои люди и девочки все время что-то рассказывают — не больше того.

ФОН РАПП: Не прибедняйтесь. Ваша хозяйка на днях вас пожаловала чином полковника. Полковник — это серьезно.

Эльза (*с интересом*): А вы многое знаете о событиях в нашем медвежьем углу... Очень бы мне хотелось лично побеседовать с теми тварями, которые так много о нас у вас в Берлине рассказывают. Само собой, просто в целях ознакомительных.

Фон Рапп: Я был уверен, что с вами мы легко найдем общий язык. Вот мои документы (*протягивает папку с бумагами*). И, разумеется, к любой бумаге я дам мои полные пояснения.

Эльза (*просматривая бумаги*): Я прикажу, и вас разместят в тихом месте, где мы с вами обо всем побеседуем. И где-то через месяц-другой примем решение. Один лишь вопрос, почему вы так легко предали Пруссию?

Фон Рапп (*очень тихо*): Мой отец из Эльзаса. Из страны, которая нынче под Францией. Он служил Фридриху, потому, что тот пытался построить Германию и обещал, что немцы никогда более не станут воевать с немцами. Я тоже готов по сей день на все ради великой и единой Германии. А нынешний прусский король принялся воевать против немцев, незаконно занял Голландию, а теперь вернул ее назад, потому что англичане ему заплатили. Тьфу!

Эльза: А почему вы решили, что мы тут живем и работаем ради Германии?

Фон Рапп: Мой господин любил только маленькую Шарло... Она мне писала, что одна Россия способна объединить все германские земли и дать нам порядок. А лично вам я верю лишь потому, что купил ваше уголовное дело по восстанью во Франкфурте, и то, что я там прочел, мне понравилось.

Эльза: И об этом мы с вами тоже обязательно побеседуем. Кирстен (*приказывает появившейся девушке*), проводи нашего гостя в дальний гостевой домик. И скажи Андрису и Каролу, чтобы служили ему и глаз с него не спускали.

Фон Рапп: Что ж, разумно... До встречи, фройляйн.

Кирстен выводит фон Раппа из комнаты. Эльза возвращается было к своей конторке, но тут ее привлекает какой-то шум. Она быстро выходит из комнаты и почти бежит по коридору. В конце коридора раскрыто окно, и из него на улицу

свесился маленький Александр Бенкендорф. Он, видно, вылез из кровати, ибо в ночной пижаме, и так перегнулся через подоконник, что застрял и теперь висит наполовину внутри дома, а наполовину на улице. Эльза быстро выхватывает мальчика из окна и тут же от души пару раз шлепает по заднице. А тот в ответ обнимает спасительницу и бормочет.

САША БЕНКЕНДОРФ: Прости, я так больше не буду.

ЭЛЬЗА: За подобную шалость — три дня без сладкого!

САША БЕНКЕНДОРФ: Ты моя самая-самая любимая, глупая, старая бонна!

С этими словами маленький Бенкендорф выскальзывает из рук обомлевшей бонны и стремительно исчезает в своей детской комнате. Эльза сперва хочет за ним погнаться, но потом передумывает и возвращается в свою комнату. По дороге она проходит мимо огромного зеркала. Эльза смотрится в него и сумрачно произносит.

ЭЛЬЗА: И тот заладил «фройляйн» да «фройляйн», и этот мелкий туда же... А я... Я, может, и глупая, но совсем даже не старая!

Натура. Лето. День. Плац в Гатчине

9 В

На плацу стоят солдаты, наряженные шахматными фигурами. Сам плац раскрашен теперь так, чтобы больше напоминать именно шахматную доску. Павел ходит между солдатами и ругается, ибо они, видимо, его приказанья не слушают. За ним тенью бродит толстый взмокший Кутайсов и пытается утихомирить своего господина. На заднем плане — большая переносная беседка, в тени которой Мария Федоровна вместе с Шарлоттой Карловной возьмась со своим большим выводком из великих княжон и сыновей Карловны. Ни маленькие княжны, ни мальчики, видно, мам не очень-то слушают и поэтому все вопят, причем и Мария Федоровна, и Шарлотта Карловна попеременно ругают то тех, то этих, как будто все дети у них теперь общие. Из-за всех этих криков как Павла, так и Марии

с Карловной атмосфера сильно наэлектризована, как будто перед грозой.

ПАВЕЛ: Господи, где вы набрали этих ослов?! Почему никто меня тут не слушает?

КУТАЙСОВ: Так это же тупые пейзажи. Лишь вчера хвост крутили лошадям да коровам. А крестьянину что нужно? Палка! Надобно, чтобы офицеры вбили им сперва ума-разума, вот и будут они исполнять любые приказы.

ПАВЕЛ: Так где, где все эти офицеры с дубинками? Почему я должен сам заниматься такой простой малостью?

КУТАЙСОВ: Так они же все с вашим братом в Прибалтику убили! А новых — чтобы носить женские платья — мы пока не нашли. Вот все от этого!

ПАВЕЛ: Вот все — решительно все, я должен всегда делать сам! Уверяю тебя, я сам сыщу таких офицеров, которые не только платье наденут, но и вообще... Во все тяжкие.

КУТАЙСОВ (*с нервным смехом*): Как пожелаете, Ваше Высочество. Однако ежели вы захотите в свиту таких, что тогда (*многозначительно кивает в сторону беседки, откуда слышится громкий рев детей и младенчиков*) скажет Мария Федоровна?

ПАВЕЛ (*в сердцах*): Да пошла она к черту! А ведь я любил ее и, когда увидел в первый раз, была она чистый ангел, херувим вылитый. А нынче что? Рожает как свиноматка! На нее же ни посмотреть, ни дунуть нельзя, чтоб она от этого не понесла! Да шлюха любая гуляющая всегда знает, что с этим делать! А эта (*передразнивая, сюсюкает*): «Мы — католички и как честные девицы не пойдем против промысла Божьего!» Вот и раздуло ее точно хрюшку!

Со стороны беседки слышен опять оглушительный детский рев. Павел морщится от злости и ярости.

ПАВЕЛ: И ладно, если бы плодила она мужиков! А то ведь как увезла от нас Крыса своего дядю, с тех пор — одни кривосышки! Где я сыщу за ними приданого! В сказках цари дают дочь и полцарства в придачу. Где сыскать мне уже четыре полцарства?! А делов-то — взять пару советов от простой тупой шлюхи!

Кутайсов тем временем смотрит куда-то в сторону двери, от которой из дворца ведет дорога на плац.

КУТАЙСОВ: А вот и наша тупая простая шлюха! Спросим у ней совета для Марьи Федоровны?

Из дверей гатчинского дворца на внутренний плац выходит «княгиня Лола». В руках она несет живой сверток, перевязанный голубою лентой. Павел всплескивает руками.

ПАВЕЛ: Хорош братец! Дунул, плюнул — и уже мальчик. Без всяких там микстур и таблеток. Да и Лола за дело деньги берет, обещала мужика родить, и вот — на тебе! Не то что моя...

Он с видимым удовольствием берет из рук Лолы сверток, заглядывает внутрь и начинает тыкать пальцем в сморщенное крохотное лицо.

ПАВЕЛ: Ути-ути, какой хорошенький, какой маленький! А тяжелый, ну и росту он вымахал! Смотри, Кутайсов, во всем хорош братец, сразу видно по статям настоящего гренадера. Ну иди, иди сюда маленький, поздоровайся с дядей Павлом!

МАРИЯ (вдруг из-за спины Павла): Кто это? И что это тут за фря? Вы кого в дом привели? Твои проделки, Кутайсов?

Павел, Лола и Кутайсов с изумлением оборачиваются. Мария Федоровна, которая, казалось бы, только что возилась с детьми, уже стоит рядом. Лицо ее покраснело от возмущения, а гневный взгляд она переводит с мужа на Лолу, на маленький сверток и обратно на мужа.

ПАВЕЛ: А это княгиня Лола — родила нам племянника. Смотри, какой крупный. Сын нашего с тобою Кристофера. Правда, хорошенький?

Мария Федоровна сразу же успокаивается и, подходя ближе, тем не менее фыркает.

МАРИЯ: Тоже мне, Лола... А Кристер — может. У него таких Лол — пяточок за пучок, не то что у некоторых. Хороший мальчик — сильный и крупный, сразу видно — в Кристофера. Что скажет Шарлотта? Напишу-ка ей... Нет, не буду, зачем мне подругу расстраивать?!

С этими словами Мария Федоровна поворачивается на каблуках и идет назад к детям и Карловне. Вся ее фигура выражает крайнее негодование. Павел с досадою крикает.

ПАВЕЛ: Вот живешь с ней, живешь, а ведь и мелькнет порой мысль, что бывают же мальцы, по фигуре сходные с женщиной. А самое главное, Кутайсов, они не беременеют! И фигура у них при этом не портится! Кристером попрекнула, да у меня баб не меньше!

ЛОЛА: Да я завсегда, Ваше Величество! Хоть прямо сейчас!

Павел от этих неожиданных слов пялится на Лолу с ребенком, как будто увидал их впервые.

ПАВЕЛ: А, ну да, надо же с тобой что-то делать... Милая, сейчас Кутайсов даст тебе денег и адресок, поедешь к Кристеру в Ригу и попросишь жену его взять малютку на воспитание. Скажи, я просил. И коль сделаешь, по возвращении дам тебе еще пять тысяч рублей серебром!

ЛОЛА: Еще целых пять тысяч! Так я уже бегу, Ваше Величество!

ПАВЕЛ: Да погоди ты бежать! Кутайсов у нас человек обстоятельный, пока до кабинета дойдет...

МАРИЯ (*издалека на бегу*): Вы слышали?! Радость-то, радость-то какая! У нас опять война с турком! Кристер приедет из Риги за разрешением пойти на войну. Он же не может без этого! А мы его примем, и у нас опять будут танцы!

Павильон. Лето. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

Шарлотта в своем кабинете стоит у конторки. Она что-то пишет. Рядом Эльза проверяет какие-то grossбухи. Обе заняты и не обращают друг на друга внимания. Раздается осторожный стук в дверь. Эльза закрывает grossбух, ставит его на полку и идет к двери. Та внезапно распаивается, и в кабинет врывается Лола, в руках у которой давешний ребенок, а за нею видно служанку, которую она отпихнула, врываясь в комнату.

ЭЛЬЗА: Кто вы? Кто разрешил? Подите вон!

ЛОЛА: Вот еще! Я имею право тут быть больше вашего! Я тут хозяйка!

Эльза хватается непрошенную гостью за руку, чтобы вытащить из комнаты, но Лола в ответ упирается и норовит отмахнуться ребенком. Ребенок кричит. Шарлотта ставит перо на место, закрывает чернильницу и тихо спрашивает.

ШАРЛОТТА: Почему вы думаете себя тут хозяйкой?

ЛОЛА: Я княгиня Лола Бриндизи! Я жена господина Кристофера... Мы с ним в прошлом году познакомились на маневрах. Мне Наследник Павел сказал, что он не живет со своею женой, потому что она, к сожаленью, бесплодная, и, ежели ему кто родит, то он с женой разведется и на той женится. Так я родила — вот его сын и наследник. А вы что, его секретарша? Сразу видно. Прикажите приготовить для меня комнату и детскую для ребенка.

Шарлотта стоит как каменная, и лицо ее бледно как бумага, лишь уголок рта нервически дергается. Она молчит, и тут Эльза ловко выхватывает ребенка из рук Лолы, кладет живой сверток к себе на стол рядом с грессбухами и сухо говорит.

ЭЛЬЗА: Ну что же вы сразу не сказали, что вы наша новая госпожа? А я тут домоправительница. Пойдемте, я отведу вас в вашу комнату.

Лола от этих слов сразу будто смягчает и улыбается. Видно, что и она была вся на нервах. Она поворачивается к Эльзе и делает к ней шаг. И в этот миг Эльза втыкает в живот ей кинжал и в ране его проворачивает. Лола пытается крикнуть, но Эльза уже зажала ей свободной рукой рот и всем телом толкнула к двери, и теперь Лола бьется на кинжале Эльзы, как ночной мотылек, приколотый к стене стальной булавкой. Еще миг Лола вздрагивает в агонии, а потом глаза ее угасают, Эльза опускает руку, зажимавшую ей рот, и Лола сползает по двери на пол.

Эльза раскрывает вторую створку и сухо говорит перепуганной служанке.

ЭЛЬЗА: Ты же у нас, по-моему, Кирстен? Ты сейчас что-нибудь слышала?

КИРСТЕН: Никак нет, ваша честь.

ЭЛЬЗА: Все верно, милая. Принеси-ка мне два полотенца. Одно для рук — я их замарала, а другое — мусор прикрыть. И белый передник сними, чтоб не запачкаться, — поможешь мне мусор вынести.

Дверь опять закрывается. Шарлотта все еще стоит, будто окаменелая, посреди комнаты, а потом вдруг говорит.

ШАРЛОТТА: Мы могли дать ей денег.

ЭЛЬЗА: Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei.

ШАРЛОТТА: Слышала я про гнилое яйцо, которое что угодно испортит. Но причем здесь это?

ЭЛЬЗА: Я отвечаю за вас и ваших наследников. Она помянула тут Павла. Ему нужен повод, чтобы мы ее выгнали. Тогда она вернется в столицу и на весь мир развонит, что вы отказали от крыши сыну шлюхи Кристофера. Людям не интересны подробности, они просто запомнят, что у Кристофера родился сын шлюхи.

ШАРЛОТТА: Грех не на нас, грех на Кристофере.

ЭЛЬЗА: Так-то оно так, но придет день, и нам надо будет везти и Сашку, и Дарью в Петербург — людям показывать. А столица вся будет знать, что у Кристофера дети от шлюхи. И кому мы докажем, что не Сашка и Дарьюшка дети той самой шлюхи? Я ваша охранница, моя госпожа, и не могла я этот скандал живым из дому выпустить.

ШАРЛОТТА (*нервно сглатывая*): Я поняла. Ты — права. Но есть еще и вот это.

Шарлотта указывает на маленький сверток с голубой лентой. Эльза мелко крестится.

ЭЛЬЗА: Хорошо. Ради вас возьму и этот грех на душу.

ШАРЛОТТА: Нет, нет, он невинен. И он по внешности и статям и впрямь похож на Кристофера. Это брат моих Доротеи и Сашки.

ЭЛЬЗА: Я вывезу его за город. Найду хороших родителей.

ШАРЛОТТА: Нет. Это такой же наследник Кристофера, как и мои дети. Давай так, я обещала Марихен, что рожу двух сыновей и назову в честь ее детей Александром и Костей. Александр у нас уже есть, а в нынешних обстоятельствах я не пушу к себе отныне Кристофера, чтобы грязью после вот такой дряни от него не запачкаться. Но я дала слово Марьюшке. Решено. Вот это и будет мой Костик.

Эльза ошеломленно смотрит на маленького, раскрывает рот, чтобы, видно, сказать про многочисленных маленьких латышей, но сразу же передумывает.

ЭЛЬЗА: Я тогда зову Кирстен? А эта просто исчезнет, будто бы ее и не было.

Шарлотта отворачивается и кивает. Она тихонечко всхлипывает, а плечи ее начинают подрагивать.

Павильон. Лето. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

11 в

В кабинете Шарлотты она вместе с Кристофером. Шарлотта стоит у окна, Кристофер ходит кругами по комнате.

КРИСТОФЕР: Послушай, дорогая, я все объясню!

ШАРЛОТТА: Нет, это я тебе объясню. Ты проявил ужасную безответственность. В итоге твоего поступка должны были пострадать наши дети — Саша и Даша. Я много думала и решила, что так ими рисковать я не могу и не буду.

КРИСТОФЕР: Что ты хочешь сказать?

ШАРЛОТТА: Меж нами все кончено. Ты понимаешь? Однако же я католичка и не смею с тобой развестись, поэтому будет правильно, ежели ты найдешь повод жить где-нибудь отдельно от нас.

Кристофер хочет что-то ответить, сдерживается, но эмоции все же рвутся наружу. Он проходит туда-обратно по комнате и с размаху бьет кулаком в стену возле дверного косяка. На стене появляется вмятина. Кристофер трясет рукой, видно, что ему больно, но он даже не морщится.

КРИСТОФЕР: Хо-ро-шо. Пишут про новую войну с турком. Поеду туда, а то засиделся я тут. Стало душно... Что с этим... С Костей...

ШАРЛОТТА: Пока он слишком мал. Роза Марковна его выкормит, затем найдешь себе латышку потолка, она тебе его вырастит. Я не впишу его в мое завещание, а ты сделай как должен, это все же твой сын. Ты обязан лишь подтвердить, что это я его тебе родила.

КРИСТОФЕР (с чувством): Спасибо, Шарло, что не позоришь младенца!

ШАРЛОТТА (взрываясь): А ты больше не якшайся со шлюхами! Сыщи себе латышку на хуторе иль там бедную фрейлину. Не смей давать повод назвать малышей детьми шлюхи! Ты понял?!

Кристофер в ответ молча кивает и выходит из комнаты. Шарлотта отворачивается к окну и начинает утирать слезы. Сзади раздается робкий стук в дверь. Шарлотта поворачивается, в комнату входит Эльза.

ШАРЛОТТА (горько): Он ушел! Ты представляешь?! Даже не пытался оправдываться! Господи, Эля, что же мне теперь делать?!

ЭЛЬЗА (помявшись): Я вам помогу, моя госпожа. Но в связи с этим у меня есть вопрос. Детей нянчит сейчас Роза Марковна, а мужем ее они видят доктора Боткина. Еще у нас есть Барклай, но и он тоже... любит поговорить «за кашрут».

ШАРЛОТТА (с подозрением): Ты на что намекаешь?

ЭЛЬЗА: Мы растим будущего господина Прибалтики. Ему суждено командовать немецкими офицерами и подчинять себе латышей. Знание кашрута, наверное, хорошо, но никак не поможет ему в искусстве властителя.

Теперь Шарлотта начинает ходить кругами по комнате. Лицо ее становится злым, а нижняя челюсть выпячивается. Наконец она совсем иным голосом задает вопрос.

ШАРЛОТТА: Хорошо. Твои предложения?

ЭЛЬЗА (очень осторожным голосом): До меня дошли слухи, что Кристофер и до этого часто с девицами баловался. Правда, до того

это были простые деревенские девицы. Поэтому Костик этот вовсе не первый.

ШАРЛОТТА (*бледнея*): Да, ну конечно. Постоянные его отлучки в Латгалию. Понятно теперь, на кого он охотился. И какой вывод?

ЭЛЬЗА: У вашего сына растет много сверстников. Если ему суждено народом командовать, то с самых первых дней пора его приучать, что у него есть верные слуги — родные кузены. Привезти их сюда с хуторов, отмыть, приодеть — пусть они вместе с вашим сыном играют и всему учатся. Ибо чем сын шлюхи лучше сына латышки с далекого хутора?

ШАРЛОТТА (*задумчиво*): Ты права. Раз мы воспитаем дитя одного греха, чем провинились все прочие?

Натура. Осень. Вечер. Гатчина

12 В

В Гатчине золотая осень. Во дворце — бал и танцы. Посреди плаца, раскрашенного как шахматная доска, кружатся в танце Кристофер и Мария Федоровна. Кристофер что-то ей шепчет на ушко, а Мария Федоровна радостно хохочет, по всему видно, что она счастлива. Кроме них по плацу кружат и прочие пары, но именно Кристофер с Марией в центре большого кружения, а все прочие как планеты вращаются вокруг этих светил.

Вдоль плаца неспешно прогуливается Наследник Павел, за ним верной тенью, сопя и отдуваясь, переваливается неизменный Кутайсов. Павел поглядывает на жену и молочного брата и грызет ногти.

ПАВЕЛ: Лола, Лола... Где же ты, наша Лола? Как думаешь, почему Кристер уже здесь, а Лола так не приехала?

КУТАЙСОВ (*ковыряясь в зубах*): Думаю, перекупили ее. Я тут давеча новую газетенку читал. Англицкая, только начала выпускаться, толще, полней да интереснее наших. «Тимес» называется. Так там люди пишут, что Крыса уже стала богатейшей женщиной Европы! Ну так и дала она Лоле тысяч сто, чтоб заткнуть ее рот, а та и рада-радешенька!

ПАВЕЛ (*со злостью*): Дурак ты, Кутайсов, тогда ей теперь везде от нас надо прятаться. Это страх на всю жизнь!

КУТАЙСОВ: А так ей от них надо прятаться. Вы слышали, что слуги тайком говорят? Эта ейная Эльза — дура-дурой, а вот что придумала. Она штат себе набрала из служанок, кухарок да кастелянш. Мол, служите, а я вам дам титул. Ну и какая дуреха у нас не желает стать баронессою?

ПАВЕЛ (*с еще большею злостью*): Какой бред?! Какой может быть толк для кухарки именно в титуле? Да им деньги нужны, а не титулы!

КУТАЙСОВ: Да не скажите, Ваше Высочество. Спросите лучше кухарок, что они думают. Многие захотят денег, но есть и те, кто мечтает о титуле. А этим двум что? Крыса вон из Франконии, а Эльза из Гессена. Им ливонские титулы — тьфу, плюнуть и растереть. Вот и пишут их у себя на коленке, а поварихи да полomoйки ради бумажек пустых в лепешку готовы расплющиться... Одно слово — крысы! Так же и деньги, небось, заработали...

Павел в ответ от Кутайсова отворачивается, а тот продолжает из зубов у себя что-то ногтем выковыривать. Они останавливаются, и через минуту к ним подходит Кристофер. Он взмок, но очевидно, что рад и весел.

КРИСТОФЕР: Как же тут у вас хорошо! А то мы живем в нашей глуши, точно в склепе.

ПАВЕЛ (*приветливо*): Где же ты оставил, мой друг, свою даму?

КРИСТОФЕР: Марьюшка натанцевалась со мной, слегка взмокла и отошла... Носик попудрить.

ПАВЕЛ: Да я не о ней. Помнишь, год назад я познакомил тебя с княгиней Бриндизи. У вас был столь пылкий роман. Где она?

КРИСТОФЕР (*небрежно*): А черт его знает! Я как в прошлом году сказал ей адью, так с тех пор и не виделись. А девка она была знатная. Огонь!

ПАВЕЛ: Отчего же «была»? Вроде бы она собиралась к вам в Ригу...

КРИСТОФЕР (*пожимая плечами*): Значит не добралась. Кстати, а у меня радость, уже второй сын родился. Назвали Костей. Все так, как Марьюшке и было обещано.

МАРИЯ (*появляясь опять внезапно у всех из-за спины*): А вот и я! Я так рада за тебя и Шарло! Так здорово: у нас Саша и Костя, и у вас тоже. Ну, пойдём ещё танцевать?! Я, Кристер, без тебя так соскучилась!

КРИСТОФЕР: Да, и правда. Я ж еду сейчас на войну, а там особо не потанцуешь. Так что надо натанцевать всласть, чтоб запомнить.

ПАВЕЛ: А ничего что война с турками, а тебя сделали ответственным за Прибалтику?

КРИСТОФЕР: Так у нас войны, почитай, и нет. А настоящему мужику без войны, верно, скучно! Спроси меня, и я тебе так скажу: либо мужик на войну всегда рвется, либо на него можно надеть только бабское!

С этими словами Кристер подхватывает Марию Федоровну, та от счастья смеется, и они убегают танцевать вместе и о чем-то болтают прямо на бегу. Кутайсов говорит с кислой миной.

КУТАЙСОВ: Ну вот, а вы мне не верили. Купили крысы у нас нашу Лолу, а она деньги взяла и куда-нибудь в Америку сдристнула. Ищи теперь ветра в поле.

ПАВЕЛ: Тогда сыскать мне эту сучку. Я лично ей матку наружу выверну. А про женское платье слыхал?

КУТАЙСОВ: Что именно?

ПАВЕЛ: Братец сказал, что бабское платье согласится надеть только тот, кто от военного призыва уклонится. Вот и ответ, кто мне нужен и кто исполнит любой мой приказ. И даже — не забеременеет.

Павел поглощен какими-то своими мыслями и поэтому не видит очень странный взгляд Кутайсова и то, как тот от него с таких слов на полшага отходит.

Натура. Осень. Вечер. Рига. Набережная

По набережной, кутаясь в теплый кафтан, прогуливается Исаак из Йорка, который опять кормит последних уток. Навстречу ему идет все тот же Барклай, и старые знакомые друг с другом учтиво раскланиваются. Исаак протягивает Барклаю кулек с кормом для уток, и оба идут и кормят теперь уток вместе. Вокруг стоит тихая, замечательная, с легким морозцем погода. Исаак из Йорка горестно вздыхает.

ИСААК: Какая жалость, что это вокруг — эта тишь, покой и благолешие — так скоро закончится.

БАРКЛАЙ: Почему же? Дела у нас идут хорошо. Мы тут создали убежище для всех наших друзей из Европы. Почему все это кончится?

ИСААК: Ой, не скажите, молодой человек. Исаак долго жил, много видел. Вся наша жизнь подобна качанию маятника, ежели было так хорошо, то скоро будет так плохо...

БАРКЛАЙ: Вы говорите загадками, а за шарады мы не платим хороший процент.

ИСААК: Боже мой, какие шарады?! Посмотрите вокруг, весь город заполнен беглецами и трусами, которые бежали сюда от войны и лишений. Вы полстены у реки ради этих трусов снесли, теперь Ригу могут взять все, кому это не лень!

БАРКЛАЙ: И кому же не лень? Мы платим всем ради того, чтобы тут у нас было покойно.

ИСААК: Я знаю, знаю! Но нынешний шведский король Густав — настоящий мешугте! Вы знаете, это первый король на моей памяти, который регулярно у себя же в стране перевороты устраивает. Одеваются все в чужие одежды, наклеивают чужие усы и занимают Стокгольм, а потом своих же министров и вешают. А главными у него целых два финна — братья Спрентгпортены, а все финны не в своем уме, это я вам говорю. Спят и видят возвращенье финского Выборга!

БАРКЛАЙ: То есть вы хотите сказать, что все уже решено? И завтра уже все случится?

ИСААК: Ну, не совсем так, не совсем так.... Король Густав принял на службу много офицеров из Пруссии, а еще ему идет помощь от Англии и Голландии. Все говорят, что пока Россия занята войной с турком, ей не до Швеции. Однако это же Швеция! Безумный Густав совершенно забыл про то, что близко зима и море покроеется льдом, и пока лед не вскрыется, он может у себя во дворце хоть повеситься, но никто никуда не плывет. Но как только весна, пожалуйста бритесь!

БАРКЛАЙ: Спасибо, Исаак. За эту новость ты уже точно получишь хороший процент.

ИСААК (*помявшись*): Это не все... У вас губернатор отбыл ко двору, чтобы с турками воевать, и увел оба русских полка к Динабургу. Рига теперь беззащитная. Я могу говорить с Густавом, чтобы тот согласился дать Риге статус открытого города. За хороший процент.

БАРКЛАЙ (*темнея лицом*): Что значит — «статус открытого города»?

ИСААК: Ну это значит, вы сдаетесь без боя, открываете им ворота, а они обещают не грабить, убивать и насиловать. Впрочем, это же шведы...

БАРКЛАЙ (*сквозь зубы*): Я не готов обсуждать с вами этакое. Не нам решать такие дела...

ИСААК: Да, я все понимаю. Обсудите там, оговорите условия, ежели что, и вам лично от меня будет очень хороший процент. Зачем страдать, воевать, умирать, когда можно обо всем договариваться? И поверьте, все новые жители Риги со мною согласные.

**Павильон. Осень. Вечер. Петербург. Зимний дворец.
Покои Екатерины**

14 в

Государыня, несмотря на поздний час, стоит за конторкой и что-то пишет. Раздается стук в дверь, появляется усталый Безбородко.

БЕЗБОРОДКО: Ваше Величество, Кристофер фон Бенкендорф все еще ожидает аудиенции.

ЕКАТЕРИНА (*желчно*): Ничего. После того что он сделал с моею племянницей, пусть спасибо говорит, что хоть на порог пускают, а не гонят взашей. Скажи, ждем фельдъегеря. Только придет...

Еще раз стук в дверь. Кто-то протягивает пакет со словами: «Егерская почта из Риги. Сказано, срочно!» Екатерина выхватывает пакет, надрывает его и нервными, дрожащими руками раскрывает письмо. Пробегает его глазами и приказывает сановнику.

ЕКАТЕРИНА: Ну вот, как я и боялась! Проклятый Густав прокутил всю казну, залез в долги и, забыв все свои клятвы, готовится воевать против нас. А у меня все силы сейчас турком связаны... Вот ведь подонок! Зови Кристофера — его выход.

Сановник исчезает, и через миг в комнату печатным шагом входит Кристофер. Государыня приветливо ему машет.

ЕКАТЕРИНА: Слава Господу, и ты здесь! Бери своих оба полка и еще две казацкие сотни в придачу и дуй назад в свою Ригу. Вот докладная пришла. По весне к вам туда идет вся шведская армия. А у нас там городские стены разобраны. Отобьешься — дам генерала.

Обомлевший Кристофер в ответ не знает, что и сказать. Наконец он просто отдает честь, делает поворот кругом и выходит. Из коридора слышен его радостный вопль: «Мне дадут генерала!» Вместо него опять заходит сановник. Екатерина тем временем продолжает доклад перечитывать. Найдя в нем что-то, она спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: Племяшка пишет про братьев Спренгтпортенев, которые толкают Густава на предательство. Кто они? Вы лучше нас сведущи в делах Швеции. Премьер и военный министр?

БЕЗБОРОДКО: Спренгтпортенены... Да, помню. Старший, Якуб, был премьером, и его-то Густав один раз и сверг. Понарошку. Якуб обиделся, уехал в Финляндию и даже отказался от поста финского главнокомандующего. Зато он все время выступал перед парламентом и требовал войны против нас, а еще чтобы шведы больше заботились о Финляндии. В прошлом году Якуб умер, а главным финном теперь стал его младший брат по имени Йоран. Так он вообще

обнаглел, объявив, что или шведы воюют с нами за Выборг, или он отделит от Швеции финское княжество. Братья всегда имели силу в Финляндии...

ЕКАТЕРИНА (*с кривою усмешкою*): Так значит безумный Густав идет воевать лишь потому что безумный финн требует прибавить к Финляндии Выборг? А давайте я подарю финну Выборг! При условии, что он мне подарит Финляндию. Напишите-ка письмо этому Йорану!

Павильон. Осень. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

15в

Кабинет Шарлотты. Она опять стоит у своей конторки и что-то пишет. Рядом с ней возится со своими игрушками маленький Александр. Он рассматривает очередную игрушку и вдруг громко говорит.

БЕНКЕНДОРФ: Мама, смотри, какой конь!

ШАРЛОТТА (*отмахиваясь*): Да, конь у тебя замечательный.

БЕНКЕНДОРФ: А у папы есть такой конь?

ШАРЛОТТА: Да, есть. Только он скорей по кобылам...

БЕНКЕНДОРФ: А куда он уехал? А он скоро приедет?

Шарлотта отрывается от своих записей и внимательно смотрит на сына. Потом кладет на место перо и закрывает чернильницу. Она присаживается рядом с сыном и ласково ему говорит.

ШАРЛОТТА: Папа наш — великий герой. Он поехал спасать фею-принцессу от турок. Вот ее спасет и тогда вернется. Помнишь, мы читали и про фею, и про принцессу?

БЕНКЕНДОРФ: Как фея из Золушки? А как ее зовут?

ШАРЛОТТА: Нашу волшебную фею зовут Мария Федоровна. Она очень, очень хорошая. Ежели б ее не было, то и тебя бы, Сашенька, тоже никогда не было. Поэтому папа наш там ее защищает.

БЕНКЕНДОРФ: А нас он будет иногда навещать?

ШАРЛОТТА: Да, конечно. А когда и ты вырастешь, ты тоже поедешь в столицу и будешь там верой и правдой служить прекрасной принцессе — Марии Федоровне. Точно так же, как папа.

Александр седлает своего коня и с криком «ура, я поехал спасать Марию Федоровну!» выбегает из комнаты. Шарлотта смотрит ему вслед.

ШАРЛОТТА: Господи, когда же Эльза наконец привезет ему этих латышских кузенов?

16в

Павильон. Зима. День. Рига. Дом градоначальницы

Эльза ведет вниз по лестнице маленького Александра, и они заходят в большой зал в новой пристройке. Кругом еще лежат опилки и стружки, в зале устроены шведские стенки, маты, стоят разные деревянные кони и козлы для прыжков, а также тонкие бревна для акробатики. А еще посреди зала стоит и жметя друг к другу толпа мальчиков в похожей одежде. Эльза подводит Александра к остальным детям и говорит.

ЭЛЬЗА: Знакомься, Саша, это твои деревенские кузены. Они теперь у нас будут жить и с тобою играть, а еще учиться и тренироваться быть сильными.

И Александр, и мальчики друг друга дичатся. Тогда Эльза хлопает в ладоши и говорит.

ЭЛЬЗА: Итак, вас ровно восемь, и мы разобьемся сейчас на четыре пары. Обнялись друг с другом и вот так в обнимку вместе бежим. Тот, кто сильнее, помогает товарищу, тот, кто слабее, не отстает. Первой паре, которая быстрее других добежит от стены до стены, будет приз. Все понятно? Построились! Айн, цвай, драй, бежим!

Ребятки разбираются по парам и бегут. Эльза свистит в свисток и хлопает в ладоши.

ЭЛЬЗА: Стоп! У нас есть победители. Как вас зовут, нам надо знать самых быстрых.

ПЕТЕР: Петер Петерс.

АНДРИС: Андрис Стурдз.

ЭЛЬЗА: Отлично, Петер и Андрис как победители получают по прянику. Теперь снова разбились по парам, но так, чтобы все пары были новые. Опять берем друга за руку и вместе прыгаем от стены до стены в обратную сторону. Сильные помогают, слабые не отстают! Потом будем бороться. Айн, цвай, драй, прыгаем! Быстрее, быстрее!

Дети оживились и все вместе прыгают. Александр быстро освоился и прыгает вместе со своими латышскими кузенами. Через мгновение и новую раздачу пряников дети уже устроили кучу малу и друг с другом борются, а над ними раздается голос Эльзы.

ЭЛЬЗА: Боремся четыре на четыре. Помогаем товарищам. Выиграем все вместе, проиграем тоже все вместе. Ну, живо, не плакать, не реветь, вы же мужчины!

1788. Старая хроника

1 г

По экрану идут линии с полосами. Мы видим картины взрывов и пожаров, среди которых марширует куда-то шведская армия.

АРНФЕЛЬТ: По сообщениям из Швеции финские националисты под руководством Йорана Магнуса Спренгтпортена подняли мятеж в Финляндии, стремясь отложиться в пользу Российской Империи. Из южной Швеции сообщают, что на страну внезапно напала союзная России датская армия. Весь юг страны охвачен восстаниями местных датчан. В Стокгольме раскрыт вооруженный мятеж, идут отчаянные бои с офицерами, которые не желают воевать с русскими, считая, что их поведут на убой. Тем не менее, король Густав объявил, что без войны он не оплатит английские и прусские займы и воевать с Россией, хочешь или не хочешь, придется всем.

Мы видим, как весь этот доклад слушает Государыня Екатерина, которая мрачно бормочет.

ЕКАТЕРИНА: Говнюк... Какой же говнюк! А вся наша армия пока против Турции. Кого еще можно купить?

БЕЗБОРОДКО: Интерес проявлял фаворит Густава Арнфельт, по слухам, его любовник. Но это будет чересчур дорого...

ЕКАТЕРИНА (в сердцах): Твою ж мать... С каким отребьем иметь дело приходится. С царским любовником... Куда катится мир? Скоро и впрямь жди Антихриста! Ладно, начинайте переговоры с любовником. Да скажите ему, что шлюхи недорого стоят! Пусть цену скинет.

2 г

Павильон. Зима. День. Рига. Дом градоначальницы

Большая празднично украшенная зала, в которой собрались все домочадцы: Шарлотта, Эльза, Боткины (включая Елену Сперанскую), мамки-няньки, Александр и даже все «латышские кузень». Раскрывается дверь, и в залу входит Кристофер в мундире и шинели, припорошенной снегом, который сияет как новый пятак. Маленький Александр при его виде с радостным визгом бежит к отцу и кричит.

БЕНКЕНДОРФ: Папа, папа! Ты уже спас нашу принцессу, нашу Марию Федоровну? А она тоже исполнила самое заветное твое желание?

Кристофер неожиданно для всех от смущения багровеет как рак и не знает, что ему в ответ вымолвить. Он просто хватая сынишку, ловко поднимает его над собой и бурчит.

КРИСТОФЕР: Спас. Конечно же, спас, что с нею сделается?

Шарлотта с огромным интересом рассматривает лицо своего мужа, потом церемонно подходит, чмокает Кристофера в щечку и возвращается назад. При этом она говорит вполголоса Эльзе.

ШАРЛОТТА: Надо же, никогда не подумала бы! Пожалуй, у нас теперь есть чем ответить Наследнику.

ЭЛЬЗА: Поделом ему. Сложное дело — равняться в статях с Кристофером. А вообще-то в доме мужик обязательно нужен. Чтобы Александру было с кого брать пример. А то вон он как ждал отца.

ШАРЛОТТА: У тебя есть идеи?

ЭЛЬЗА: Есть одна. Главное, чтобы был он ребенку пример и чтобы человек хороший. Завтра же приведу, все сами увидите.

Павильон. Зима. День. Рига. Домский собор

3 г

Торжественная рождественская служба в соборе закончена, и люди собираются расходиться, обсуждая наряды знакомых, друзей и соседей, да и кто как мессу слушал. Со скамьи почетных гостей поднимаются Барклай и Шарлотта, они готовы пойти на выход, но Эльза их останавливает.

ЭЛЬЗА: Я обещала показать вам того, кто научит Сашку быть мужиком. Пойдемте, у них тайное собрание после мессы. Это страшный секрет, но мне о нем доложили мои незаметные девочки. Нас туда пустят, но просили лишний раз не высовываться.

Шарлотта с Барклаем меж собой переглядываются и вслед за Эльзой следуют. На их лицах интерес: не всякий день в Риге происходит нечто, о чем им не докладывают. Пройдя по паре хитрых извилистых коридоров, троица попадает в церковную трапезную. Церковный служака кивает Эльзе и пускает их в мелкую нишу, отгороженную от трапезной тонкою занавеской. В самой трапезной собираются протестантские пасторы, а меж ними, к изумлению Барклая с Шарлоттой, мелькают сутаны католиков. При этом и те, и другие мирно здороваются и садятся за общий стол, преломляя меж собой ритуальные хлебцы. Все кого-то ждут. Вот раскрывается главная дверь, и в зал входит рижский архиепископ Петр, который жестом благословляет собравшихся и, не садясь, начинает говорить речь.

ПЕТР: Братья мои, на всех нас идет большая беда. Шведский король — педераст и безбожник — объявил о походе на нашу страну, как только по весне сойдет лед. Ригу он уже подарил своему брату — князю Зюдерманландскому, завязтому масону и чернокнижнику. Этот приспешник Антихриста уже сжег и разрушил в своем феоде тридцать церквей лютеранских и католических и похвалялся при

том, что, по его мнению, Бога нет, иначе бы тот поразил его громом и молнией. Вот смотрите (*показывает какую-то бумагу*), на днях мне пришло письмо, в котором шведский король, повторяю, педераст и безбожник, призывает нас свергнуть власть русских схизматиков и присягнуть на верность ему — королю-шуту, который, как Нерон, ставит у себя театральные пьесы и играет в них роли, как последняя шлюха и проститутка. Я собрал всех вас — представителей всех наших приходов, как лютеран, так и католиков, чтобы мы вместе все обсудили и приняли решение, что нам теперь делать.

Клирики меж собой переглядываются, затем один из них, кашлянув, поднимается.

ЭЙНАР ИЗ РОГЕРВИКА: Мы собрались здесь, в этих древних и святых стенах, которые нам обещают убежище и дают право сказать, что мы думаем. Что нам сделали русские? Наша некогда великая страна была ими разрушена. Русские творили насилие. Лишь в последнее время хоть что-то в Риге стало налаживаться, но лишь потому, что сюда стали приезжать образованные люди из просвещенной Европы. Я не знаю, насколько Густав педераст, я за ноги его не держал, однако, я думаю, что мы часть Европы и должны встать против дремучей России. К тому же многие знаменитые люди были, говорят, педерастами. Цезарь, или, к примеру, Ахиллес, или же Македонский...

Клирики начинают галдеть и что-то меж собой обсуждать. Тут архиепископ с силой бьет кулаком по столу.

ПЕТР: Ах ты шведская падаль! Иного не ждал от тебя. Видать, недаром ты слывешь шведской сукой! Лишаю тебя прихода, езжай в свою Швецию, ублажи проклятого Густава!

Большинство священников приходят в сильное возбуждение. Раздаются крики: «Петр нарушил закон, нельзя наказывать за просто слова, сказанные в церкви. Церковь — это убежище!» Петр, возвышаясь над столом, начинает кричать.

ПЕТР: Плевать я хотел на все ваши права, суки драные! Враг у ворот, они идут жечь наши церкви и вешать священство, а вы мне про убежище! Это мужеложцы, они пошли против Господа и продали нечистому душу! И я сам каленым железом вычищу из церкви эту скверну!

За столом возникает молчание. Клирики с опаской глядят на своего главного пастыря, а тот стоит, нависая над столом, и у него на лице желваки перекатываются. Затем он глухим надтреснутым голосом говорит.

ПЕТР: Вы спрашиваете, что нам сделали русские? А что нам сделали шведы? Сто лет назад вся страна была у них в долгах как в шелках. Шведский король приказал у нас — баронов и рыцарей — отнимать за долги нашу землю. Вы все меня знаете, мой прадед вместе со святым мучеником Карлом Иоганном Бенкендорфом поехал в Стокгольм просить шведского короля об отсрочке и вместе со своим господином лег с ним на одну плаху. И дед мой дрался плечом к плечу с русскими против шведов, потому что русский царь не забрал у нас ни землю, ни латышей... Вот что делали русские, и вот как вели себя шведы. Посему я как рижский архиепископ, духовный глава нашего древнего рыцарско-монашеского ордена, объявляю призыв всех способных держать оружие прибыть сюда ко мне в Ригу и защищать нашу страну против шведов. Донести мой приказ по всем приходам, а ослушников я отлучаю от церкви. Свободны.

Священники молча встают и расходятся в полном шоке. Когда архиепископ остается один, Шарлотта выходит к нему из-за занавеси. Вслед за нею гуськом идут Барклай и Эльза. Подойдя ближе к клирику, Шарлотта ему говорит.

ШАРЛОТТА: Я сожалею, что ближе не сошлась с вами раньше. Обещаю все наверстать. Приходите завтра к нам на обед, заодно познакомитесь с моим сыном, думаю, ему с вами понравится.

ПЕТР (*поднимая на нее усталый взгляд*): Спасибо за приглашение. Обязательно буду. Если меня до того самого не отлучат эти слизни от церкви.

ЭЛЬЗА (*вдруг подключаясь к беседе*): Да и пусть. Невелика беда. У нас все дома — католики, поэтому мы там по-свойски. И, кстати, как вас величать, а то «господин архиепископ» — это как-то вот слишком.

ПЕТР (*с легкой улыбкой*): Пока я не принял сан, меня звали фон Витгенштейн. Петр Христианович фон Витгенштейн. А вас как?

4 г

Павильон. Весна. День. Рига. Дом градоначальницы
Через тонкие занавески в окна светит яркое весеннее солнышко. На улице стоит гул. Камера подъезжает к окну, и мы видим, что площадь запружена вооруженным народом в самых разных одеждах, причем и оружие у них всех самое разномастное. На небольшом помосте стоит Петр, который что-то всем говорит, а народ его жадно слушает. У окна стоит Барклай, который смотрит на это столпотворение. К нему из глубины комнаты подходит Эльза. Барклай к ней оборачивается и указывает на толпу.

БАРКЛАЙ (с удивлением в голосе): Сколько ни смотрю на людей и все не могу понять, что ими движет. Мы годами улещали народ, звали их хорошими жалованьями, но хоть бы один согласился. И вот их позвал сюда пастор, и они все пришли — служить России и защищать лютеранскую Веру и Церковь. Мало того, вон видите? Это знамена католиков, а у них с лютеранами вроде даже война, однако все они здесь. Не понимаю, чего же раньше им не хватало?

ЭЛЬЗА: Может, вождя? Кристофер для них всех слишком русский, а Петр свой, из местных. Получается, что они именно на зов немца пришли, а к потомку русских царей не хотели. И возникает вопрос: за кого все эти люди в реальности?..

БАРКЛАЙ (задумчиво): Да, это вопрос вопросов... Кристофер для них, значит, чужой. А кто для них тогда сын и наследник Кристофера?

ЭЛЬЗА: Я поговорю о том с госпожой. Похоже, лучше напирать на то, что Саша наш — скорей сын Шарлотты, чем сын Кристофера.

БАРКЛАЙ: Век живи — век учись. А Петр Христианович-то хорош! Народ его слушает.

ЭЛЬЗА (невольно улыбаясь): Да, он самый лучший.

Барклай к ней поворачивается, и в глазах его чертики.

БАРКЛАЙ: Боже, что я слышу? Это ли суровая Эльза?! Позвольте напомнить: он клирик и давал обет безбрачия.

Эльза поворачивается и выходит из комнаты, на прощание дернув плечиком. Издали слышен ее громкий голос: «Мальчишки, тренировка! Все сюда, урок фехтования!»

Павильон. Весна. День. Рига. Дом градоначальницы

Детишки выстроились вдоль стены спортивного зала в новой пристройке. Все они одеты теперь одинаково, и Бенкендорф по одежде ничем не отличается от своих кузенов. Тем не менее он уже уверенно покрикивает на своих сверстников, а те его слушаются. Поэтому, когда дети построились, он встает во главу строя как старший. К мальчикам спускается Эльза, которая одета в мужскую фехтовальную форму. Она свистит в свой свисток и кричит: «Разминка! Тянемся, греем мышцы!» Мальчики начинают дружно приседать и нагибаться.

Дверь в залу опять открывается, и на пороге появляется Петр Витгенштейн. Он тоже в легком фехтовальном наряде, причем цвета наряда подобраны так, чтобы подходить к наряду Эльзы. У той белый верх, темный низ, у Петра наоборот. Он громко хлопает в ладоши и объявляет.

ПЕТР: С этого дня от разминки и знакомства с видами шпага переходим к практическому занятию. Мы с Эльзой покажем вам бой, а вы смотрите и мотайте на ус. Кстати, Элли, где вы учились? У вас хорошая стойка.

ЭЛЬЗА: Я была старшей сестрой у трех братьев. Троим всегда нужна была пара, и я к ним вставала четвертою. Притом, как старшая, я долгое время была лучше братьев. А потом они выросли. А вы как? Небось в семинарии?

ПЕТР (со смешком): Нет, я как раз был младшим из троих братьев, и мне и впрямь не было пары. Отец говорил, что мне это не надобно, ибо меня ждет сутана, но старшие братья часто болели иль ранились, и тогда я их подменял. Так что вы слабее меня, но у меня обучение было от случая к случаю. Но к делу!

Витгенштейн берет учебную шпагу и становится в боевую позицию. Эльза в ответ сокрушенно качает головой.

ЭЛЬЗА: Пьер, дорогой, я позвала вас показать детям пример, а вы тут что делаете? Где маска?

ПЕТР: Вы настолько в себе уверены, что думаете мне попасть по лицу?!

ЭЛЬЗА: Ничего я не думаю. Но дети берут с нас пример, они встанут без маски и выбьют друг другу глаза. Кого мы будем винить?

Витгенштейн усмехается и идет к полке с масками и громко при этом говорит мальчикам.

ПЕТР: Дети мои, дайте мне слово, что в этом зале вы всегда будете надевать свои маски. Понятно? Даем клятву? Не слышу ответ!

МАЛЬЧИКИ (*хором*): Клянемся!

ПЕТР: А теперь дайте мне клятву, что вне этого зала вы будете встречать любого врага лишь с открытым лицом, как и подобает немецкому рыцарю! Никогда, ни при каких обстоятельствах мы не прячем своего лица от врага и идем на бой смело и честно!

МАЛЬЧИКИ (*хором и с восхищением*): Клянемся!

Витгенштейн надевает маску и встает в боевую позицию. Эльза тоже надевает маску и, проходя мимо него на свое место, вполголоса говорит.

ЭЛЬЗА: Вообще-то семеро из них — латыши, а не германские рыцари.

ПЕТР (*нарочито громко*): С этого момента они все — германские рыцари. Моим правом архиепископа рижского я всех их только что посвятил. А иначе (*вполголоса*) не стоит и огород городить. Не может быть дружбы меж немцем и его латышами. Друзьями могут быть только равные.

Натура. Весна. Вечер. Рига. Набережная

Холодный слякотный день. Чуть накрапывает дождик. По набережной идет Исаак из Йорка в сопровождении двух подручных. Слуги, похоже, из местных и одеты в народное платье, тогда как Исаак в свой черный деловой камзол, в котором он обычно ходит на биржу.

ИСААК: Теплеет... Лед скоро сойдет. А к нам в Ригу прибыло сразу две армии. Русские полки Кристофера и немецкие полки архиепископа. Все верно?

МИХАЛЬ: Так точно. Как скажете.

ИСААК: А шведы слабы. Безнадежно слабы. Двумя армиями-то их Кристофер и этот, как его, епископ Петр, безусловно, сомнут. И пропал мой гешефт... Все правильно?

ЯКОВ: Все так. Именно так, ваша милость.

ИСААК: Кто бы подумал, что за Россию эти немцы поднимутся! Тупой и жестокий народ, и чего же им в этих русских? Знал бы прикуп, давно купил бы этого батюшку. Что ж делать-то? Как вы думаете?

МИХАЛЬ: Раз в Риге целых две армии, да с разными командирами, кто из них кому подчиняется?

ИСААК (*хлопая себя по лбу*): Верно ты говоришь, хоть дурак, а зришь прямо в корень... Две армии — русская и германская, и командиры их друг другу не подчиняются, потому как один военный, а другой — поп. Так-так-так... Надо это обдумать и все точно обмозговать, пока лед не растаял. А ведь я еще спасу мой гешефт!

Павильон. Весна. Вечер. Рига.

Пивная «Тумшайс Алюс»

7Г

Длинный стол в темной, плохо освещенной пивной. За столом сидят знакомые нам бургеры и два слуги Исаака в обычной для бургеров местной одежде.

МИХАЛЬ: А вот давеча я пошел на базар купить репы и свеклы, а мне на сдачу вместо денег бумажку суют. Я торговке и говорю: что за бумажка-то странная? А она мне: а ею со мной русские солдаты только что расплатились! А я ей: да такую бумажку я тебе и сам нарисую, ты мне деньги давай. А она: солдаты всю медь забрали, а расплатились бумажкой! Тогда я ей: ну и дура ты, баба, тебя обдурили, а ты и рада!

Якув: Все так. Все — так. Мне тоже на днях на сдачу сунули русскую бумажку взамен медных денег. Я с ней и туда, и сюда... Не принимают нигде. Ничего не стоят эти бумажки! Как их там — ассигнации!

Улдис (*начиная судорожно рыться по карманам*): Тьфу ты, пропасть! А мне тоже давеча солдаты бумажкой расплачивались! Что же делать-то, братцы, ведь убили ж, ограбили!

Михаль: Покажи-ка, что там у тебя? Так и есть — ассигнация. Наш хозяин их нам много разных показывал. Подделать такую ничего им не стоит. Может, русский командир, который говорил тут, что он царского рода, их сам и рисует в казарме?! Вона как — выдает офицерам с солдатами ими жалованье. Сам рисует, а потом и раздаст. Вот и выгода!

Якув: Все так. Это и есть ассигнация. Попал ты, братец, ее ж нынче ни в одном банке не примут. У нас-то, в англицком, не возьмут точно. И в прусском не возьмут, и в голландской миссии. Потому что русский командир — точно жулик. Сам их рисует.

Улдис: Да что это?! Помилуйте, братцы! Спасите нас люди добрые! Русские деньги поддельные!

Центис (*вскакивая и выбегая из-за стола прямо на улицу*): Вставайте, братцы, вставайте — поймали русских фальшивомонетчиков!

8 г

Павильон. Весна. Ночь. Рига. Казармы русских полков

На улице творится что-то ужасное, грохот, перестрелка и крики. Слышно, как за стеной собралась большая толпа, по звукам вроде стреляют и бросают в казарму палки и камни. По казарме почти бежит бледный Кристофер, на бегу приказывая ординарцу.

Кристофер: Срочно гонца в Динабург. У нас мятеж, нужны казаки! Пусть ведут обе сотни. Эти латыши буквально взбесились, не пойму отчего.

Невельский: Эти мужланы вашу голову требуют. Я пока отдал приказ стрелять только в воздух, но толпа собирается.

КРИСТОФЕР: Зачем им моя голова? Что за притча? А где вермахт Витгенштейна? Что они делают?

НЕВЕЛЬСКИЙ: По слухам, по казармам сидят. Делают вид, что это их не касается. Звать их на помощь?

КРИСТОФЕР: К черту. Сами с мятежом справимся. Раздавайте людям боевые заряды и, если что, стреляйте на поражение. Таков мой приказ.

Павильон. Весна. Ночь. Рига. Дом градоначальницы

9г

Шарлотта, Барклай и Боткины собрались вместе в гостиной и смотрят в окно. За окном огни большого пожара, грохот выстрелов, ржание лошадей и крики умирающих людей. Шарлотта отчаянно трет виски, как будто не верит тому, что происходит на улице.

ШАРЛОТТА: Что происходит? Против меня латыши подняли мятеж? Но почему тогда никого нету на площади.

ЭЛЬЗА (*вбегая в комнату*): Служанки мои говорят, что на рынке фальшивые ассигнации. И говорят, что их подделал Кристофер. Народ собрался вокруг казарм, долго митинговал, а потом появились казаки и сразу же рубить начали. Из толпы стреляют в ответ, много мертвых. Требуют выдать уже и Кристофера, и казаков. Вся надежда на Петра Христиановича, он ведет вермахт маршем из Дорпата. Надо отделить русских от латышей, а не то все это скверно закончится.

В чернильной ночи раздаются звуки рожков и бой барабанов. В город явно кто-то заходит.

РОЗА БОТКИНА: Што это? Никак — погром?

ШАРЛОТТА (*хватаясь за сердце*): Типун вам на язык, Роза Марковна! Это, наверное, Витгенштейн. Хотя было подумала, что это могут быть шведы.

Снова в ночи воют боевые рожки и слышен печатный шаг сапог по брусчатке.

БАРКЛАЙ: Не, благодарение господу, это наши. По слухам, у шведов нет такой выправки.

ШАРЛОТТА (*утирая то ли пот, то ли слезы*): В любом случае Кристоферу надо уходить из страны и забирать отсюда всех русских. Пока вся кровь не высохнет и забудется.

БАРКЛАЙ: М-да, а сие значит, что силы наши за одну ночь сразу ополовинены.

ШАРЛОТТА (*беря Баркляя за руку*): Михаил Богданович, прошу вас быть отныне с Кристофером. Не знаю пока, что именно произошло, но не верю, будто он деньги поддельвал. А это значит — его просто подставили. А он такой дурак у меня бывает порой. Пожалуйста, ради меня, отправляйтесь-ка с ним и помогите ему в очередную глупость не впутаться!

БАРКЛАЙ: Сделаю, что смогу. Никому не дам его опозорить и в грязи как-то выпачкать!

ЭЛЬЗА: И заберите с собою этого... Костика.

Боткины начинают согласно кивать головами, и Барклай машет рукой, мол, собирайте и Костю.

10г

Павильон. Весна. Ночь под утро. Рига. Дом градоначальницы

В доме все вверх дном, мы видим, как из дому выходит Барклай вместе со слугами, которые несут в колыбели малолетнего Костю (тому еще нет и годика). Их провожают Шарлотта и Эльза. Навстречу к ним в дом взбегает Петр Витгенштейн, который на ходу рапортует.

ПЕТР: Волнение подавлено. Однако лучше бы вывести из города русские полки — от греха.

ШАРЛОТТА: Я уже просила Кристофера. Он с русскими полками уходит. Как видите, после его ухода мы совсем беззащитные. Я очень прошу, я умоляю вас, Петр Христианович, возглавить теперь мою

латвийскую армию. Я уже подписала приказ, вы будете получать завидное жалование, однако я по статуту могу командовать лишь генералами.

На мгновение Шарлотта смолкает, не зная, как продолжать.

ПЕТР (*весьма настороженно*): Так что с того?

ШАРЛОТТА: Снимите сан, Петр Христианович, ибо вы — лютеранин, а я католичка и не смею протестантом командовать. Прошу вас.

Витгенштейн надолго задумывается. В это время вдруг начинают звучать иные рожки. Гораздо более злые и звонкие. К Шарлотте, Петру и Эльзе кто-то бежит.

ПЕТР: Что там? Кто там?

ОБОЛЕНСКИЙ (*с трудом переводя дух*): С Ирбенского пролива для госпожи баронессы семафорной почтой срочное донесение. Шведская эскадра на траверзе!

**Натура. Лето. Солнечный день.
Берег Даугавы под Ригой**

11г

В кустах и высокой траве с подозрными трубами на краю старой дюны лежат двое — Барклай и Кристофер. Они смотрят на курляндский берег, куда шведы что-то сгружают со своих кораблей.

КРИСТОФЕР (*с чувством*): Одно слово — шведы. Кто из них там додумался на мелководном юрмальском взморье высаживаться? Да тут час можно в море идти, и вода все по колено! Да они будут годами высаживаться!

БАРКЛАЙ: Какая странная высадка...

КРИСТОФЕР (*не слушая*): И ведь главная пакость — пока они не высадутся да на Ригу не нападут, мы тут как привязанные! А за спиною чертовы латыши нам пятки поджаривают. И сидим мы ни вперед, ни назад, что за подлость...

БАРКЛАЙ: Ваша милость, а ведь это не армия.

КРИСТОФЕР: Как так? Вон вижу пушки, вон бочки с порохом.

БАРКЛАЙ: Да вот, сами смотрите. Пушек много, да они без лафетов, а лафеты отдельно. А вон бочки с порохом, а мушкетов не видно. Сами шведы слабосильны да малохольны. Это интендантская команда какая-то. Или обозники — привезли все для осады Риги. Им-то куда спешить. Они-то ведь и год запросто могут высаживаться.

Кристофер с проснувшимся интересом смотрит снова в трубу и колесом резкости на ней так и наяривает. Потом хрипло шепчет.

КРИСТОФЕР: А ведь прав ты, Михал Богданыч! Углядел, черт глазастый. И что же нам теперь делать?

БАРКЛАЙ: Раз они интенданты, да слабосильные, почему бы не устроить нам вылазку? Пойдем ночью лишь с холодным оружием, охраны у них там почти никакой, а мы ыть-ыть — и в дамках. Снесем этот обоз, и на осаду припасов у них не останется, стало быть, пойдут вражины на приступ, полезут на стену — все Петру Христиановичу отбиться от них будет проще.

Кристофер с удовольствием хмыкает, по лицу его видно, что задумка ему очень нравится, однако он отрицательно крутит в ответ головой.

КРИСТОФЕР: Вот умный ты человек, Миша, а все же дурак! У нас же мир с этой Швецией. Пока они не напали, мы должны ждать. А иначе военно-полевой суд и тю-тю. Опять же, позор. Не, мы — мирные люди.

БАРКЛАЙ: А где вы тут видите шведов? Я их не вижу. Флаги на кораблях спущены, никаких опознавательных знаков у интендантов не видно. Думаю, это курляндцы. А у вас с курляндцами война в Латгалии еще не закончена. Нападем на Курляндию ночью — ыть-ыть, а ежели под руку попал какой швед там иль еще какой викинг, так надо было им свой флаг подымать, а без флага для меня они лично курляндцы.

Кристофер задумывается, затем негромко свистит. На свист кусты раздвигаются, и на гребень дюны выползают еще два офицера. Кристофер их спрашивает.

КРИСТОФЕР: У нас тут спор интересный затеялся. Невель, что ты там видишь?

НЕВЕЛЬСКИЙ: Шведы высаживаются. Похоже, что интенданты. Думаю, это их обоз — привезли припасы для осады Риги. А что?

КРИСТОФЕР: А я там вижу только курляндцев. С которыми у нас война не закончена. И ежели мы их прищучим, то разве мы винюваты, ежели там окажется еще кто?

ОБОЛЕНСКИЙ (*второй офицер, который тоже смотрит на шведов*): А шутка ведь знатная. Со шведом у нас пока мир, хоть всякая собака знает, что они к войне с нами готовятся. Поэтому шведов мы, конечно, не тронем. А вот с курляндцами у нас война до последнего. Сожжем им бочки с порохом, в море утопим всю солонину, попортим пушки. Знатная будет ночка!

КРИСТОФЕР: Вот и Мишка мой говорит, пойдем ночью на конях с холодным оружием, ыть-ыть и верхами уйдем по сухому курляндскому берегу к нам же в Латгалию. И Риге помощь, и сами из кольца вырвемся. Что думаете?

НЕВЕЛЬСКИЙ: Я только «за». Рейд по тылам, что может быть интереснее? А по шведским или курляндским, мне лично без разницы.

ОБОЛЕНСКИЙ: Да мы все «за», ваше сиятельство. А уж тем более, когда эти гады флаг не развертывают!

КРИСТОФЕР: Решено. (*Быстро что-то начинает писать на бумажке.*) Невельский, живо к ребятам, пусть к ночи готовятся. А ты, Оболенский, давай с этим посланием к жене моей, баронессе. А на словах передай: я выяснил, шведы хотят, чтоб Курляндия оставалась нейтральной. Тогда они осадные припасы смогут брать рядом с Ригой. А это значит, что главные силы у них идут с севера, а тут — бутафория. Обманка. Отсюда они не ударят.

Молодые офицеры с приказами разбегаются, Кристофер же возвращается к трубе и говорит Барклаю.

КРИСТОФЕР: Стало быть, ночью верхом с холодным оружием и — ыть-ыть, говоришь? Так это мы завсегда... Неохота лишь быть нами же повешенным.

Камера отдаляется, и мы видим картину высадки шведских кораблей на побережье Юрмалы, а затем еще шведские корабли, вставшие напротив Риги в Ирбенском проливе, и то, как они на Эзельских островах и где-то на север от Риги огромной массой высаживаются. Поверх них появляется надпись: «Конец третьей серии», и начинают идти титры.

Серия 4

Von chat

(Хорошая кошка)

1788. Натура. Начало лета. Царское Село. Парк

1 а

Государыня идет куда-то по бесконечному цветущему парку. Рядом гурьбою сановники. Один из них торопливо докладывает.

Безбородко: А вот еще из Ливонии передают. Наш губернатор Лифляндии полковник Бенкендорф этой ночью совершил вылазку и напал на шведский обоз, сжег им весь порох и пушки, а также утопил и испортил все припасы на зиму. Шведы жалуются.

ЕКАТЕРИНА (*с интересом*): И много сжег да попортил?

Безбородко: Да все как есть. Им теперь в тех краях хоть войну с нами не начинай. Или придется брать Ригу с ходу, ибо они теперь без припасов пороха и провизии на зиму.

ЕКАТЕРИНА (*с удовольствием и восхищением в голосе*): Ах, он плут! Ах — разбойник! Видать, и впрямь внук Петра! Тот тоже горазд был на этакое. Жаль — придется повесить.

Безбородко (*торопливо доставая другую бумажку*): А вот донесение самого Бенкендорфа. Приносит вам свою повинную голову и кается, что знать не знал, что там шведы. Мол, рубил он курляндцев и потому закон войны не нарушил.

Государыня резко останавливается, а вместе с нею, как цыплята за курицей, останавливаются и все сановники. Царица трет висок и задумчиво спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: Что-то я не поняла, а при чем здесь Курляндия?! О чем он? Что он хочет сказать?

БЕЗБОРОДКО: Так, точно! У нас с ними мир, хоть шведы и собирают армию с их стороны границы в Финляндии и всей эскадрой стоят сейчас против нашего Эзеля. И мы гарантировали мир и неприкосновенность Курляндии. Но полковник Бенкендорф при этом и самовластный владетель Лифляндии, а у него-то как раз война какой уж год с курляндцами. Вот он и пишет, что напал на курляндцев как владетель Лифляндии, а то что шведы ему под руку подвернулись, так они были без стягов и знаков различия. Мол, не вели казнить, Государыня.

ЕКАТЕРИНА (*с напряжением в голосе*): А что, эти крысы обозные и впрямь были без шведских флагов в нейтральной Курляндии?

БЕЗБОРОДКО: Так точно. Там ведь нужно-то лишь перевезти все через реку...

ЕКАТЕРИНА (*с неприкрытой угрозой, опять начиная движение*): Стало быть, придумщики вертожопые, ну да на каждую хитрую жопу найдем мы и свой... Много ли Кристофер людей потерял?

БЕЗБОРОДКО: Никак нет. Были раненые, но у нас потерь не было.

ЕКАТЕРИНА (*с явною радостью*): Ну, значит, наших тел не смогут они предъявить. А удирал Кристер небось напрямки, через реку и к нашей крепости?

БЕЗБОРОДКО: Никак нет. Он ушел верхом по высокому курляндскому берегу внутрь страны. Наш берег топкий, а он, по слухам, взял большой куш. Вот они по просохшим дорогам по высокому берегу и утекли все в Латгалию.

ЕКАТЕРИНА (*ликующе*): А откуда они приходили, хрен теперь кто докажет! Ах, он негодяй, ах, разбойник! Ну-ка выясни, кто ему такие кунштюки планирует? Самому-то ему так вовек не придумать! А шведам пиши: напавших не знаем, в глаза их не видели, видать, приходили бандиты эти... как их... зеленые. Из ведомства по охране края. С них пусть и спрашивают.

ЗУБОВ (*осторожно*): Но что теперь делать с Кристофером? Дурной пример заразителен, а он в сием приключении много выиграл. В войсках его уже готовы носить на руках, значит будут и те, кто попробует повторить. Прощай, дисциплина?

ЕКАТЕРИНА (*небрежно*): Так я накажу. Как же без этого? Отныне он и все его люди — штрафные и направлены в Дунайскую армию. Там кругом степь, место для маневра огромное, коли удастся повернуть им и там хоть что-то подобное, всех верну из штрафных и осыплю наградами. Да, и готовьте приказ. Заслужил, озорник, ох заслужил свое генеральское звание.

Павильон. Лето. Рига. Дом градоначальницы

2 а

Детская спальня. Кругом розовые занавески, с потолка свисают маленькие игрушки. У большой детской кровати, в которой сидит маленькая Доротея, стоит маленький Александр. Доротея смеется, играя с ним в ладушки. В комнату входит Елена Сперанская.

ЕЛЕНА: Дети, поздно уже — пора спать!

Александр кивает, машет сестренке рукой и поворачивается на выход. Взгляд его падает на Елену Сперанскую. Мальчик вдруг пятится, пытаясь закрыть сестренку спиной, и смотрит на Елену волчком.

БЕНКЕНДОРФ: Папа, когда уезжал, сказал, что нынче я в доме старший и должен защищать и маму, и Дотти... (*на миг задумывается*) и еще Марию Федоровну. Не подходи!

В руках у мальчика Елена видит кинжал, а глаза ребенка по-волчьи сузились. Она в ужасе всплескивает руками и выбегает из комнаты. Александр прячет кинжал, поворачивается к сестре, и они снова играют в ладушки. Через миг дверь опять открывается, и входят Боткин с женой и напуганная Елена. Доктор откашливается.

БОТКИН: Ах, внучек, как же я рад, что ты решил защитить маленькую сестру. Однако...

Александр к ним поворачивается, в руках его снова кинжал, и он им очень уверенно угрожающе взмахивает.

БЕНКЕНДОРФ: Прошу, деда, не подходи...

БОТКИН (*растерянно*): Сашенька, что это? Зачем?

БЕНКЕНДОРФ: Мама и тетя Эля нам с ребятами говорили, что в опасную минуту лишь кинжал нам друг и помощник. И близкие (*пытается улыбнуться*). Уйди, деда. Вы с бабой Розой хорошие. Только — слабые. Вас смогут запугать. А верить можно только своим — маме, папе, тете Эле и дяде Барклаю и дяде Петру. Еще моим братикам. Все прочие предать могут. За деньги. Или — по слабости. Так сказала мне мама.

3 а

Натура. Лето. Утро. Гатчина

Обычное летнее утро в Гатчине. Мария Федоровна и Шарлотта Карловна что-то обсуждают между собой, а вокруг роятся маленькие великие княжны, которых выпустили погулять да побегать, и Хрисю, который за маленькими девочками ухаживает. Вани и Феди не видно: они опять то ли в оружейной, то ли на конюшне. Карловна мрачно смотрит на Хрисю.

КАРЛОВНА: Сдам я его в какой-нибудь интернат. Может, хоть там его мужиком быть научат.

МАРИЯ (*со знанием дела*): Не, для армейских дел он не гош! Нужно что-то еще — по чиновной части или по дипломатической. Давеча мальчишки твои пускали шутихи украденные, и одна рядом с ним взорвалась, так он, прости господи, чуть не обделался! Я так смеялась, ты не поверишь, думала, что тотчас лопну!

КАРЛОВНА: Ха-ха-ха! А чего ж меня не позвали? Я тоже салюты люблю!

МАРИЯ: Так ты бы всех выдрала! А меня б обругала... Так что извини, мать, то была военная тайна. Мне так твой Ванька сказал!

КАРЛОВНА: А ты мне ее, значит, не выдала?! Да, хорошие у меня парни растут. Ванька сдал уже мне и медицину, и физику. Вот

только по инженерному делу пока отстает. Но ничего — мы нагоним. А потом с чистым сердцем отдам его в армию, не пропадет.

МАРИЯ: Да, из Ваньки точно славный офицер вырастет. Иван фон Ливен...

КАРЛОВНА: Не. Иоганн он. А Федька у меня — Фридрих. Да зачем нам на Руси Иоганны да Фридрихи? Пусть лучше будут Ванька да Федька... А по документам — шалишь... По документам надобно его Иоганн называть.

МАРИЯ: Умная ты женщина, Карловна. У меня, как ты у нас появилась, будто ума прибавилось и крылья выросли. Откуда ты такая взялась?

КАРЛОВНА: Сперва была я учителькой в женском пансионе. Математику вела, физику, химию, алгебру с геометрией, опять же про горное дело рассказывала или про инженерное. В пансионе все учительки обычно по пению да политесу. Или там — вышиванию. Вот и приходилось учить всему, что остальные не ведали. А у Андрей Карлыча там училась племяшка. Потом поженились, и, пока были в Киеве, я учила физике с математикой молодых офицеров. А когда он представился, Безбородко всем предлагал: мол, вот учителька, знает все, кроме иностранных языков с философией. Возьмете ее — не надо будет пяти педагогам платить. Куда там... Всем нужен французский да политес, а не физика с математикой...

МАРИЯ (*с чувством*): Мне не нужен ни французский, ни философия. У меня лучшая подруга была в колледже первая по химии с математикой. Видать, у меня к математичкам симпатия.

КАРЛОВНА (*с усмешкой*): Стало быть, везучая ты у нас, Манечка... Что там за шум?

Из дверей Гатчинского дворца на плац выходит Кристофер, за которым поспевает Барклай, который несет в руках маленького Костика — сына Лолы. Мария Федоровна с радостным визгом летит к ним навстречу, Кристофер ее на бегу подхватывает и легко кружит. Потом ставит на землю и спрашивает.

КРИСТОФЕР: А где хозяин? Мы проездом тут, не возьмете и моего на воспитание?

МАРИЯ: Пауль в столицу уехал, там новые художники какие-то особые краски ему привезли, но их Государыня из Зимнего не выпустила. Паулю пришлось ехать к ним.

КАРЛОВНА (*со знанием дела принимая ребенка из рук Баркляя*): Да че ж не взять-то? У нас тут уже детский сад! Как звать-то?

БАРКЛАЙ: Костей. Константин Кристоферович.

КАРЛОВНА: Костик... Будет у нас теперь и голубая кроватка промеж розовых!

КРИСТОФЕР: Ну, простите нас. Мы буквально вот на минутку. Турок не ждет!

С этими словами Кристофер и Барклай прощаются с женщинами и уходят. Мария Федоровна бежит их провожать, а когда возвращается, видит, как Карловна с Костей тешкается. Вдруг Карловна спрашивает.

КАРЛОВНА: А что, давно ли жена у него умерла?

МАРИЯ (*растерянно*): Что-то с Шарло? Я не слышала!

КАРЛОВНА: Как же она ему единственного ребенка, наследника своего, отдала?

МАРИЯ (*растерянно*): Да нет, у нее есть и Саша, и Даша, а этот — третий.

КАРЛОВНА: Чудно. При живой матери — лишь одного сына забрал и пошел на войну. Не по-людски оно как-то. Какие же чудные люди встречаются!

МАРИЯ (*запальчиво*): И ничего и не чудные! А очень даже хорошие. Вот напишу Шарло и все вызнаю!

Натура. Лето. Рига. Стена Рижской крепости

По крепостной стене идут Шарлотта и Эльза. Обе они в военных мундирах. Вокруг ослепительно яркое, не по-балтийски высокое синее небо. Внизу раздается гром пушек, откуда-то доносятся чьи-то крики. Очевидно, что где-то

рядом война и происходит страшная битва, однако там, где идут женщины, нет никого, и вокруг благостная тишина и спокойствие. Навстречу им появляется Исаак из Йорка, и дамы его поклоном приветствуют. Шарлотта небрежно машет рукой в ту сторону, откуда слышны звуки битвы, и приветливо говорит.

ШАРЛОТТА: Рада видеть вас, дорогой Исаак. Ваши порох и пушки божественны. Как стрельнут, так в рядах врага улица, а бахнут, так — переулочек.

ИСААК (*смущенно отмахиваясь*): Да что вы, миледи, это все — силы природы. Основа моего пороха — селитра из Чили. Она веками сохнет на солнце, поэтому...

ШАРЛОТТА: И поэтому вы делали все, дабы лучший порт России был бы шведом разрушен. Ах да, понимаю, Чили не ваша, не английская колония, торговать может с каждым, и вы готовы на все, чтоб туда не приплыли мои корабли.

ИСААК (*заметно тушуясь*): Как вы могли такое подумать? Мы же с вами одной веры и крови. Я никогда не стал бы так гадить дочери Давидовой!

ШАРЛОТТА: Ну да, а то, что первой отказалась принимать ассигнации именно ваша контора, а вслед за нею и все конторы английские, прусские и голландские, причем это было еще ДО того, как латыши мои подняли панику, это мне, значит, привиделось?! И то, что именно ваши личные слуги первыми заговорили, что муж мой бумаги подделывал... Обман зрения у меня? Эль, как там?

Эльза, на ходу засучивая рукава, подходит к краю стены, через бойницу смотрит вниз, сплевывает, а потом с довольным видом поворачивается к Исааку и очень легко берет его за грудки.

ЭЛЬЗА: В самый раз — куда надо пришли. Там внизу ров, а на дне его острые колья. Если не разобьется, так значит напорется. Ну что, крысеныш (*глумливо обращаясь к Исааку*), сам прыгнешь или я помогу?

ИСААК: Вы не смеете! Я известный всем человек! Все меня хватятся.

ЭЛЬЗА: Да ладно тебе. Развязанная тобой же война нынче все спешет. Оступился, поскользнулся, шальная шведская пуля — сам выбирай.

ИСААК (*в ужасе*): Вы не можете! Вы же — женщины!

ЭЛЬЗА: А ты, гад, покусился на святое для меня — на Сашку и Дашку! Чтoб с ними было бы, возьми шведы город? За ножку да об притолоку?! Хочешь легко помереть, сам прыгай, а не то я за Сашу и Дашу тебя голыми руками порву!

ИСААК (*падая на колени*): Прошу вас... Мне приказали, меня заставили!

ЭЛЬЗА (*сразу же успокаиваясь*): Вот это уже иной разговор. Чисто-сердечное признание облегчает участь и душу. Сейчас мы пойдем к нам домой, в подвале рядом с жаровней сядем и все на бумаге опишем. Кто приказал, кому и сколько было заплачено. Ты будешь писать, а я в жаровенке огонек разведу, хоть и жарко. Верно, ваше сиятельство?

ШАРЛОТТА: Да, советую подробно все описать, ибо я сама боюсь крови и не приемлю все эти ужасы. Однако, раз вы в том, что подставили моего мужа, дали при нас двоих добровольно признание, я просто обязана дать свое согласие на пытку. Эля, я тебя умоляю, коли он все сразу подпишет и во всем признается — пощади ты его. А то ведь он из подвала так кричать будет...

ИСААК (*глухим голосом*): Я не буду кричать. Я во всем признаюсь и все подпишу. Но помните — а bon chat, bon rat. Как бы ни хороша была кошка, сыщется и на нее хорошая крыса!

ЭЛЬЗА (*с ненавистью*): Вот все у вас там не по-людски! Что у нас, в Гессене, что в России сказали бы, что на всякую жирную крысу обязательно сыщется настоящая кошка! А еще лучше на целое полчище крыс нужен лишь один крысолов!

ИСААК (*с не меньшей ненавистью*): Ну и где же ваш крысолов? Да у нас свои глаза и уши везде, а крысолова я пока что не вижу!

ШАРЛОТТА (*очень тихо*): А мы его вырастим. Видит Бог, мы его вырастим.

Натура. Осень. День. Париж. Монмартр**5 а**

Куда-то вверх по кривой улочке почти вприпрыжку бежит Михаил Сперанский. Под мышкой он держит папку с учебниками, и по всему видно — он счастлив. Кругом яркая парижская осень, редкие деревья — желтые и багряные, народу на улице вокруг мало, и Михаилу никто не встречается. Вдруг из-за угла дома навстречу ему возникает Фуше. Он приветливо раскрывает Сперанскому руки и восклицает.

ФУШЕ: Ба, кого я вижу! Да это же наш самый знаменитый студент — мсье Сперанский! О вашем уме и способностях ходят легенды. Жаль, что вы не удостоиваете нас вашим вниманием, бедный Фурнье уж извелся, все меня спрашивает: а где наш Мишель, почему так давно мне не пишет?

Фуше говорит негромко, его тон приветливый, а жесты исполнены дружелюбия, однако Михаил при виде жандарма начинает вдруг пятиться, меняется в лице и отчаянно озирается, словно ища глазами, куда убежать. Но Фуше его встретил в достаточно глухом месте: с одной стороны улицы глухая стена частного дома, а с другой — выщербленный кирпичный забор, и бежать явно некуда. И главное, вокруг на улице ни души. Михаил бледнеет и, отступая назад, оказывается прижатым спиной к щербатой стене забора, а Фуше подступает чуть ближе и даже бережно с сюртука Михаила невидимые пылинки смахивает, нависая над жертвою.

СПЕРАНСКИЙ: Простите, совсем запамятовал. У меня начался семестр — лекции, коллоквиумы. Я, как только разделаюсь чуть с делами, так сразу и напишу. Честное благородное!

ФУШЕ: Да откуда же у вас благородное? Вы же, насколько я помню, попович, человек совсем не дворянского звания. Однако я не за этим. Ведь вы помните, что я ваш лучший друг?

СПЕРАНСКИЙ: Так точно. И я ваш самый лучший и преданный друг, извольте не сомневаться, ваше превосходительство-с...

ФУШЕ: А как ваш лучший друг, я спрошу: откуда у вас взялись деньги на этот семестр? Я думал, что вы спешитесь с вашим покровителем

Наследником Павлом, а тот пришлет денег или заберет вас домой в Петербург. В русской столице-то вы мне сто крат выгодней.

СПЕРАНСКИЙ (*растерянно*): Я... Мне друзья помогли найти здесь работу.

ФУШЕ: Вы меня поражаете. Ваш друг, князь Борис, учится в Страсбурге, де Роган нами сослан, Калиостро выдворен из страны, а де ла Мотт парит нары. Вы — русский в Париже без единого су и совсем без друзей, и все же вы процветаете. Уж не хотите ли вы сказать, что масонство — прибыльный бизнес? Почему вы не вернулись домой — назад к Павлу?

СПЕРАНСКИЙ (*в отчаянии*): Но мне же нужен диплом! Дома я без диплома никто. Нуль без палочки... Я решил получить его любой ценой...

ФУШЕ (*с усмешкою Мефистофеля*): И?

СПЕРАНСКИЙ: Я написал моему другу Борису Голицыну просьбу представить меня его матушке. Она слыла как известная любительница всего на свете мистического, и я просил рекомендации меня как секретаря самого Калиостро...

ФУШЕ (*с непередаваемыми ужимками*): И?!

СПЕРАНСКИЙ: Княгиня меня приняла и сказала, что сделает меня секретарем с жалованьем пятьсот рублей серебром в год, ежели я... Ежели я расскажу все загадки и тайны моего учителя: от секретов египетских пирамид и пояснений к его изданию Гермеса Трисмегиста до тайны знаменитых трех карт, на которых начертаны судьбы мира и раскрыты все тайны будущего...

По экрану начинают идти сцены встречи Сперанского с княгиней Голицыной, на которые накладываются голоса Сперанского и Фуше.

ФУШЕ (*будто читает из донесения*): Голицына, Наталья Петровна, урожденная Чернышева, из «новых русских», знаменитая «усатая княгиня», про которую идет слух, что она внучка Петра и потому усы у нее такие же, как у Петра! И много вы ей поведали?

СПЕРАНСКИЙ (*в отчаянии*): Но я же не знал ничего! Все что мне показывал Калиостро, было лишь шарады да фокусы. Но пятьсот рублей в год — я бы смог закончить мое обучение... а княгиня...

ФУШЕ (*словно бы продолжая*): А княгиня, по слухам, крута. Да она любого мозгляка, который ее посмел бы обманывать, точно по стенке размазала бы.

СПЕРАНСКИЙ (*в отчаянии*): А что мне было делать! Я секретов не знал, княгиня стала приходиться в ярость, и я мечтал лишь убежать от нее подобру-поздорову. Поэтому я сказал, что открою ей все тайны мистические, ежели...

ФУШЕ (*с надрывом*): Ежели что?!

СПЕРАНСКИЙ (*запинаясь*): Я сказал, что ее сын рассказывал про нее столько хорошего, что я влюбился заочно и по уши. И что не надо мне жалованья, я все подробно ей расскажу — в обмен лишь за один миг блаженства. Я думал, что это ее остановит...

Камера возвращает нас на парижскую улицу. Возникает странная пауза. Фуше с огромным интересом смотрит на Михаила, а тот лишь странно разводит руками в разные стороны. Наконец Фуше не выдерживает.

ФУШЕ: Ну и?!

СПЕРАНСКИЙ: И теперь я ее секретарь с жалованьем в сто рублей в месяц. А все мои обязанности в том, чтобы лучше учиться и получить диплом Сорбонны с отличием. Да, и по выходным я ухаживаю за старым князем Голицыным, вывожу его на прогулку.

ФУШЕ: А как же тайны Калиостро, загадки Трисмегиста и прочее?

СПЕРАНСКИЙ: Княгиня совершенно отвернулась от мистики и говорит всем, что мистика — наука о мертвых, а жить нужно, пока нам живется, причем здесь и сейчас.

Фуше дружески треплет Михаила за щечку.

ФУШЕ: Хорош, хорош каналья! Этот жулик и шарлатан Калиостро и впрямь был маг и волшебник, вон какого ученика вырастил! Однако писание отчетов Фурнье с вас никто не снимал. Ну, не прощаюсь...

С этими словами Фуше наконец выпускает из цепких лап свою жертву, церемонно кланяется с ним на прощание и, как тень, за углом дома сразу же исчезает. Михаил, как пьяный, отлепляется от щербатой кирпичной стены и, не видя дороги, бредет не важно куда. Вдруг его окликают.

Лизон (*размахивая корзинкой с астрами*): Не огорчайтесь, мсье, лучше купите цветочек у бедной девушки! Всего два су, купите цветочек, мсье, ну купите!

Сперанский ошалело смотрит на девицу, потом как-то вздрагивает, достает из кармана очки, нервно начинает их протирать, затем решительно снова сует их в карман, осматривается, отмахивается от настырной цветочницы и опять начинает идти в том направлении, в каком шел.

6 а

Натура. Поздняя осень. Вечер. Эдисанская степь

На бесконечной, пустынно-безжизненной и в то же время сильно пересеченной степи на фоне закатного солнца три всадника. Это Кристофер, Барклай и адъютант Кристофера Оболенский. Холодный пронизывающий ветер, всем троим явно зябко, они ежатся, кутаются в свои шинели и по очереди передают друг другу фляжку. Оболенский рассказывает.

ОБОЛЕНСКИЙ: Мой старший брат, когда служил в прошлую турецкую на восточной границе, рассказывал, что там есть такие же бескрайние Сальские степи. Так там, как и здесь, вокруг ничего живого, ни дома, ни сакли — вообще ничего. Только ледяной ветер и, как и здесь, нету снега. Честное слово, господа, ни снежинок.

КРИСТОФЕР (*прихлебывая*): Не знаю, как там на востоке, но мне рассказывали, что турки, уходя, тут все выжгли. Видите, под копытами земля черная. (*Передает фляжку Барклаю.*) Ежели возьмем эту землю, где-то здесь надобно ставить крепость. Как раз на полдороге от нас до турецкого Тигина.

БАРКЛАЙ (*тоже прихлебывая*): Лучше не здесь, а вот в той, например, балке. Город будет лучше защищен от этого ветра. Стены его

остановят. Впрочем, пока это турецкий тыл, и хорошо, что нету тут города. Этакая мертвая зона меж турецкой границей и их первой крепостью на Днестре.

КРИСТОФЕР: Турок дурак, ясен день, в атаку пошел, оторвавшись от своих крепостей, ну да Александр Васильич сейчас трепку ему даст за такое нахальство. А наша задача — найти, где у них тылы с квартирьерами, и каков реальный отрыв их чертовой армии от их же снабжения. Микаэль, я все правильно говорю?

БАРКЛАЙ (*передавая фляжку Оболенскому*): Так точно, ваше сиятельство, Суворову так и надо докладывать. Ему это понравится.

ОБОЛЕНСКИЙ (*указывая рукой с фляжкой куда-то вдаль*): Господа, Невель с людьми возвращается! Да они же все мокрые, небось через Днестр плавали на таком холоде! Ну, Невель, вот сорвиголова!

КРИСТОФЕР (*крича куда-то назад*): Наши едут, разведите большие костры да соберите что пожрать, и больше водки да спирта. Чтобы не обморозились! Быстро!

Впереди из небольшой балки показывается конная группа человек в пять, один из них начинает двигаться к нашей тройке, прочие, огибая ее, — куда-то чуть в тыл, а навстречу им появляются еще всадники из другой балки. Наша тройка начинает скакать к одинокому всаднику. Первым оказывается молодой Оболенский, протягивая вперед рукой с початой фляжкой. Невельский с ним на ходу обнимается, а потом берет фляжку, но не пьет, а обращается сразу к Кристоферу.

НЕВЕЛЬСКИЙ (*kozyряя одной рукой начальнику, а другою размахивая заветною фляжкой*): Ваше сиятельство, враг, наконец, обнаружен! Стоит в Бендерах, много скота, и скопились обозы для армии. Крепость укреплена — самим атаковать невозможно!

КРИСТОФЕР (*растерянно*): Бендеры, а где это?

НЕВЕЛЬСКИЙ (*судорожно прихлебывая из фляжки*): Ну и мороз! Ах да, виноват. Турки засели в Тигинской крепости, а местные этот их городок называют Бендеры, мол, живут там турки-бендеровцы.

КРИСТОФЕР (*радостно потирая руки*): Все, Невель, марш греться. Всю флягу бери. Ну что, Оболенский, все слышал? Скачи к Суворову,

передай ему, что мы тут в турецком тылу разобьем лагерь и перережем туркам снабжение — как он и приказывал. Жратвы не проси — сами возьмем, а водочки пушай пришлют, а то холода здесь больно лютые.

ОБОЛЕНСКИЙ (*kozyряя в ответ*): Так точно. Будет сделано. А куда присылать-то, тут вся степь одинакова.

КРИСТОФЕР (*оборачиваясь к Барклаю*): Куда присылать? (*Со смешком*.) Какой у нас адрес?

БАРКЛАЙ (*пожимая плечами*): Древнее имя Днестра — Тирас, и, раз уж государыня сейчас любит все греческое, то пусть будет Тирасполь. Вовсе не турецкий, а наш город на Днестре! Государыне такое имя понравится, а значит, понравится и Суворову.

КРИСТОФЕР: Решено! Передай Александру Васильевичу, что мы перерезали снабжение туркам здесь, у Тирасполя! И это теперь — наша земля!

7а

Павильон. Начало зимы. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

Вдоль стены спортивного зала в ряд выстроились все восемь мальчиков. Они в одинаковых спортивных нарядах, у них в руках одинаковые учебные шпаги, и по тому, как они нервничают и охорашиваются, сегодня вечером их ждет что-то важное. Раздается характерный свисток. В зал сверху спускаются Эльза и Петр, и костюмы их опять подобраны по фасону и цвету. Эльза еще раз свистит, а мальчики вдоль стены становятся по стойке смирно и на входящих равняются. Эльза делает объявление.

ЭЛЬЗА: Сегодня у нас важный день. На нас нашлось время у командующего нашим вермахтом Петра Христиановича. Сегодня он преподает нам небольшой урок по тактике боя, а я буду ему ассистировать. Итак, следим внимательно.

Эльза с Петром берут в руки шпаги и маски и встают друг против друга в боевую позицию. Но прежде чем начинать, Петр говорит.

ПЕТР: Мне доложили, что все вы достигли больших успехов в азах фехтования. С этого дня мы добавим уроки тактики.

Он кивает своей помощнице, и они вдвоем надевают маски, а потом скрещивают шпаги в учебном поединке. После первого обмена ударами, которые сделаны как по учебнику, Петр говорит.

ПЕТР: Итак, все это вы уже знаете. Теперь мы изучим, как тактика боя зависит от того, кто наш противник. Ваша бонна — хорошая фехтовальщица, но она женщина, и поэтому запястье у нее слабое. Вот видите? *(Он резко бьет своей шпагой по шпаге противницы.)* Показываю еще раз. *(Он снова бьет по шпаге Эльзы.)* Она делает все возможное, просто, как у любой женщины, запястье у нее слабое, и мой удар она по природе не выдержит. Вот смотрите!

Мальчики уже нарушили строй, они собрались полукругом и внимательно смотрят, как от каждого удара Витгенштейна шпага в руке у Эльзы чуть-чуть отклоняется. А Петр продолжает.

ПЕТР: Всегда обращайте внимание на физическую силу соперника. Ежели вы сильней, не стыдитесь этим воспользоваться. Увидели слабинку — пробивайте защиту, потом шаг вперед, и вот так!

Ловким ударом Витгенштейн опять отбивает в сторону шпагу Эльзы, ее эфесом ловко захватывает и переворотом практически вырывает из руки жертвы. Затем он прижимает спиной к стене уже обезоруженную женщину и почти касается лезвием шпаги ее голой шеи. Затем свободной рукой он легко снимает с лица Эльзы маску, и мы видим, как та покраснелась и раздумянулась. Продолжая держать шпагу у ее горла, он говорит.

ПЕТР: Никогда не стесняйтесь показать свою силу. Как видите, теперь я могу сделать с нею что мне угодно. Вот к чему приводит наша слабость в руках и отсутствие тренировки!

В этот миг Эльза вдруг свободной рукой хватает кончик шпаги, отталкивая Петра от себя, изворачивается, очень ловко наносит противнику понарошку удар ножом в печень и, задыхаясь от возбуждения, говорит.

Эльза: Если бы его шпага была настоящей, я бы сильно обрезалась. Если бы это была сабля, возможно, я осталась бы без руки. А если рапира, то она такая же тупая по длине, как и учебная, но ее нельзя приставлять врагу к горлу лезвием. И помните, дети, в бою сила не главное. Важнее — ловкость и хитрость. А наш Петр Христианович, хоть и силен что твой бык, однако неповоротлив!

Витгенштейн от души хохочет и, обнимая Эльзу, кричит.

ПЕТР: А самое важное — никогда не подпускайте врага слишком близко. Особенно женщину!

Эльза (*не сильно-то вырываясь из его объятий*): Да не будь вы священником, и я бы не подпустила вас, святой вы отец! Какой вы подаете пример для нашей молодежи, для нашего будущего!

Витгенштейн в ответ ее целует и совершенно при этом не слушает.

8 а

Павильон. Зима. Утро. Зимний дворец. Зимний сад

Государыня Екатерина идет по своему саду и цветами лобуетя. Вслед за нею движется толпа сановников. Один из них читает из папки одно за другим донесения.

БЕЗБОРОДКО: После разгрома шведского склада вылазкою Кристофера Бенкендорфа и шведского десанта под Ригой войсками нашего вермахта, а также после нашей победы при Гогланде шведы совершенно изничтожены в нашей Прибалтике. Военные действия полностью переместились в Финляндию.

ЕКАТЕРИНА (*с видимым удовольствием*): Правильно, правильно... Не успокаиваться, покуда не сживем этих шведских говнюков со свету. Беспокоят эти самые «войска вермахта». Кто ими командует?

БЕЗБОРОДКО (*перебирая бумажки*): Командиром назначен вашей племянницей Шарлоттой рижский архиепископ Петр Христианович Витгенштейн.

ЕКАТЕРИНА (*удовлетворенно*): Прекрасно... То есть назначила его моя же наместница. Но вот рижский архиепископ... Разве у меня в Синоде есть эта должность?

БЕЗБОРОДКО: Никак нет. Архиепископ Рижский избирается местным клиром.

Государыня на миг останавливается, о чем-то задумываясь, а потом опять продолжает движение, умиляясь цветочками, и при этом решительно заявляет.

ЕКАТЕРИНА: А вот это мне совершенно не нравится. У нас в стране не может быть хоть каких-то командующих, чьи чины дадены им не мной. Поручите Синоду упразднить это самое архиепископство. Этот Витгенштейн может быть моим генералом, но не смеет быть чьим-то архиепископом.

Павильон. Зима. Вечер. Париж. Явка жандармерии

9 а

В темной парадной мечется от двери к двери Сперанский, который несет с собою пакет и никак не может найти дверь, ему нужную. Он сослепу смотрит и то снимает и протирает очки, то опять надевает их себе на нос. Вдруг одна из дверей сама собой раскрывается, и на пороге возникает Фуше. Он манит к себе Сперанского.

ФУШЕ: Вы топчете по парадной как слон, и весь дом уже о вас слышал.

СПЕРАНСКИЙ (*торопливо и заискивающе*): Ох, простите, я тут совершенно запутался. А где Фурнье? Я думал лишь его встретить.

ФУШЕ (*заводя его в квартиру и запирая за собой дверь*): Сейчас занят чуть другим делом. Оружие раздает, знаете ли. Да, оружие. А вы умеете стрелять, друг мой?

СПЕРАНСКИЙ (*суетливо снимая с себя пальто и пристраивая его на вешалку*): Нет, знаете-с, не обучен. Да и куда мне в моей бурсе...

ФУШЕ (*заводя Сперанского в совершенно пустую комнату, где стоят только стол и два стула*): Жаль, искренне жаль. Вы бы помогли нам свергнуть с трона дебила и жену его — воровку австрийскую. Удивлены? Я всегда говорю открыто и искренне, ибо нынче в столице любой донос расследую я и, наябедничай вы на меня, я же его по совести и расследую. А ведь пишут, знаете ли... Кстати, зачем же я вас

хотел видеть? Ну да! Наш знакомый кардинал де Роган — вне себя от обиды и ярости, король упразднил его маленькую епархию.

СПЕРАНСКИЙ (*изумленно*): Не может быть! Они отменили Страсбургскую епархию? И что теперь?

ФУШЕ: Теперь они подчинены Безансону, но это уже неважно. Кардинал, утратив епархию, вмиг стал санкюлотом, ибо он как клещ уцепился за свою красную шапочку. Замечательные люди все эти духовники: призывают народ к топорам, бунтам и мятежу, стоит покуситься на их кормушку. Вы читали его последние опусы? Хороши! До чего же он их зажигательно пишет! Казним всю знать, повесим всех на кишках, хватит терпеть их на шее трудового народа! Какой слог, какой запал, даже я, старый циник, и то прослезился и чуть не поверил.

СПЕРАНСКИЙ (*разводя руками*): Да, слышать от де Рогана подобное весьма странно. Может быть, у него горячка?

ФУШЕ (*пожимая плечами в ответ*): Не думаю. Де Роган знает о ваших успехах и на вас не нарадуется. Поэтому он мне написал, что дал перевод в Париж для вашего знакомого Бориса Голицына, и пишет, чтобы вы береглись, ибо тот едет к нам, чтоб вас зарезать.

СПЕРАНСКИЙ (*в совершенном шоке и ужасе*): Зарежет? Но почему?! Что я ему сделал?

ФУШЕ: По Страсбургу пошел слух, что вы в Париже живете во грехе с его матушкой, и Борис поклялся, что этого не оставит. На его счету уже восемь дуэлей, и две были насмерть. Так что вас он точно зарежет. Я бы на его месте зарезал — решительно!

СПЕРАНСКИЙ (*падая на колени перед жандармом*): Господи, спасите меня, прошу вас. Ведь вы же можете! Арестуйте его просто так, задержите или как у вас там...

ФУШЕ (*с безразличным интересом*): А ведь вы фрукт, Мишель. Да еще какой фрукт. Сами даму ославили, а как ответ держать — так и в кусты? Благодарите Всевышнего, что у нас в жандармерии не работают с падалью и отбросами, для нас все вы — всего лишь агенты. Хорошо (*по недолгому размышлению*), я специально для вас что-нибудь придумаю. Советую взять в охалку вашу Fee Moustachine и развалину князя и бежать что есть силы из Франции, ибо со дня на день тут

станет жарко. И раз вы уезжаете, сделайте одолжение: передайте оружие из нашего арсенала людям на улице. Я назову адреса и тех, кому передать. Идите!

Сперанский, покачиваясь на ходу, выходит из комнаты. Фуше же остается и по ходу опять мурлыкает какую-то песенку. Затем он тоже выходит из комнаты, распахивает соседнюю дверь и кричит.

Фуше: Вы все слышали, Фурнье? Каков подонок! Прошу вас держите паспорта ему и Голицыным. Да и напишите де Рогану, чтобы тот объяснил этой горячке Борису, что работа Мишеля на его матушку — дела масонские, мол, масоны решили помочь ей свергать русскую царицу за то, что та... Неважно, в общем, придумайте! Что еще? (*На миг задумывается.*) Да, сделайте так, чтобы больше народу нашего Мишеля на улице видело, когда он повезет из арсенала оружие. У них постоянно в стране кто-то свергает кого-нибудь, и коли наше дело не выгорит, мы скажем, что вся афера была делом русских. К тому же у княгини язык без костей и ляпнет что-нибудь, чтобы мы ее как русскую шпионку смогли пристроить на плаху. Если уже не лягнула. Русские варвары как козлы отпущения — это так народу приятно и лакомо, что публика клюнет, не думая!

Павильон. Зима. Вечер. Зимний дворец. Покои Павла

10 а

Павел у себя в комнате занимается чем-то, напоминающим рисование. Он танцует по комнате под аккомпанемент квартета музыкантов и, то и дело проходя мимо полотна, наносит на него то те, то эти цветные пятна. Про художественную ценность картины сложно сказать, однако подбирает цвета Наследник умеючи. Раскрывается дверь, и, отдуваясь, входит толстый Кутайсов. Павел, не отвлекаясь от своего занятия, к нему через плечо обращается.

Павел: Посмотри-ка, как мило! Мне кажется, что я смогу уловить суть этой музыки. Попробуем в четыре руки?

Кутайсов (*с опаскою косится на Павла*): Не, не умею я так же ловко. Таланта нет! Однако же люди могут сказать, что вот с этого все начинается!

ПАВЕЛ: Что начинается? Я не понял.

КУТАЙСОВ: Ну... Это самое. В общем, сперва танцуют да рисуют, а потом желают актерствовать навроде шведского Густава или того же Нерона. А потом говорят про них всякое. Вот.

ПАВЕЛ: Ты говоришь со мною загадками. А раз таланта у тебя нет, с чем я не спорю, так и что ж... Стало быть — не рисуй. Кстати, зачем пришел?

КУТАЙСОВ: Да вот за этим. По поводу танцев и рисования. В общем, ваше приказанье исполнено, сыскал я для вас охранника.

ПАВЕЛ (*рассеянно, разглядывая свою картину*): Ах, это... Ну посмотрим... Он умеет танцевать и рисует ли?

КУТАЙСОВ (*на миг задумавшись*): Ну это-то скорее всего. Там другая беда — его маменька.

ПАВЕЛ (*небрежно*): А что с ней?

КУТАЙСОВ (*отходя в сторону*): Да — вот...

Из-за спины Кутайсова появляется Шарлотта Карловна, которая за руку ведет своего второго сына Христофора — Хрису, как давно зовет его вся Гатчина. Хрися идет в женском платье и покрашена и нарумянена точно девочка. Собственно, если не знать, что вот это вот Хрися, юношу можно принять за красивую, похожую на херувимчика девочку. Павел как раз в этот миг от своего творения обращивается и застывает.

ПАВЕЛ (*растерянно*): Боже правый! Начальник моей охраны будет ходить в женском платье... Однако оригинально, в Европе всегда любили шутов, возможно, им такая мода понравится.

КАРЛОВНА (*с раздражением*): Ну вот, все так, как вы и хотели... Век бы глаза мои эту пакость не видели. Если бы сама его не рожала не выносила, ни за чтоб не поверила, что сие — наша порода! Видать, на сносях думала не о том...

ПАВЕЛ (*разводя руками*): И как же пришли вы к такому решению?

КАРЛОВНА (*с отчаяньем в голосе*): Дык, все я уже перепробовала! И драла его как Сидор козу, и в Пажежский корпус его отдала,

думала, хоть там-то сделают из него мужика! Куда там! Через неделю прислали гонца, мол, забери от нас, Карловна, свое золото. За ним старшие мальчики уже толпой хороводятся и по слухам творят... невесть что.

ПАВЕЛ (*не понимая*): То есть как — невесть что?

КАРЛОВНА (*с осуждением в голосе*): Да ты ваньку-то не валяй, сам знаешь что, Ваше Высочество. В общем, я так решила, чего быть — того уж не миновать. Так пусть уж лучше у меня на глазах, хоть хворь срамную не подхватит не пойми от кого. Опять же, обижать его будешь, Ваше Высочество, смотри у меня, не обессудь!

С этими словами воспитательница великих княжон выходит из комнаты, демонстративно плюнув на пол в сторону своего непутевого сына, а тот даже от этого в ужасе вздрагивает. Дверь за Карловною с треском захлопывается, и Павел остается с раскрытым от изумления ртом смотреть то на смутившегося Кутайсова, то на разругавшегося Хрисю, которому явно нравится это внимание. Павел, не зная, что тут сказать, мямлит.

ПАВЕЛ: Ба... Смотри-ка, Кутайсов, как же он схож ликом с Марией Федоровной!

КУТАЙСОВ (*скромно потупив глаза*): Всегда рад исполнить любой каприз Вашего Высочества. Я старался. Да и может вы знаете, он называет себя в женском роде и сам зовет себя Хрисей.

ПАВЕЛ (*нервно сглатывает*): Я вовсе не это имел в виду! Дурак! Ливен, я вас уже часто видел, но... Послушайте, что вы умеете?

ЛИВЕН (*испуганно*): Я все умею. Могу петь, танцевать, играть девиц в домашнем театре. Все были против, а я всегда с радостью. Еще я умею вязать и вышивать крестиком. Я только не хочу воевать, ибо от выстрелов у меня темнеет в глазах и голова сильно кружится. А еще многие офицеры в войсках — простые мужлань, и от них плохо пахнет, и говорят они лишь (*манерно, в нос*) вульгарно.

ПАВЕЛ (*с чувством*): Я — понимаю. Меня тоже сызмальства не желали понять и всегда обижали. Что вы по поводу этой картины мне скажете?

ЛИВЕН (*жеманно*): Картина хорошая, сделана истинным творцом с чувством прекрасного. Но, если позволите, вот это пятно я бы сделал не канареечным, а может быть, полимоннее. Вот как-то так.

Ливен берет в руки кисточку и закрашивает одно из пятен другой краской. Павел с интересом смотрит на полотно и с удивлением восклицает.

ПАВЕЛ: Прелестно! Так много лучше. А что вы думаете, можно улучшить в этом углу?

ЛИВЕН: Тут бы я добавил немножко сепии, смешав ее с охрой. (*Вносит правки.*) Вот так. Ваше Величество, вы не могли бы велеть, чтобы музыканты играли? Так будет все веселей, и настроение от этого поэтическое.

ПАВЕЛ: Ну да, конечно! Играйте же, господа!

Музыканты начинают играть. Кутайсов пытается обратиться на себя внимание, размахивает какими-то бумагами, но Павел уже совершенно увлекся фон Ливеном и своею картиною. Они начали горячо обсуждать те и эти цвета. Плечи у Кутайсова опускаются, он устало машет рукой.

КУТАЙСОВ (*вполголоса*): А я тогда, пожалуй, пойду. Стар я для этого — вот что. Коль надумаете сыграть в шутку свадьбу — от меня будут розы. Может, хоть так про нашу Крысу вы вспомните.

11 а

Натура. Весна. День. Рига. Загородный пикник

Все семейство выехало после долгой зимы за город. Воздух и земля уже теплые, поэтому все расположились прямо на земле на привезенных с собою коврах и циновках. Шарлотта и Эльза наслаждаются солнцем и принимают воздушные ванны, вокруг них суетятся Боткины, а дети предоставлены сами себе. Мальчики (Александр и его латышские кузены) устроили уже кучу малу и, вырядившись солдатами и пиратами, друг за другом с визгом и криками бегают. За ними с трудом поспевают Саша и Маша Боткины, которые пытаются уберечь детей от травм и царапин. А Лена

Боткина (самая младшая) следит у загончика, из которого пытается выбраться совсем маленькая Доротея. Земля уже покрыта зеленой травой, на деревьях молодая листва, детский ор и крик стоит такой, что уши хоть затыкай, а Шарлотта и Эльза лежат рядом на одеялах, как две большие сытые змеи, и отдыхом наслаждаются.

ЭЛЬЗА: ...Тогда я написала ему, что это ужасно грубо — не отвечать на все мои письма. Вот давеча доложили, что отправились они с инспекцией на Эзельские острова. Так я ему новый теплый плащ послала, пропитанный новомодным каучуком, чтоб он не вымок. И что, он ответил мне? Ни слова, ни строчки!

ШАРЛОТТА: А от Кристофера вообще ни слуху, ни духу. Как уехал на войну, так и пропал. Идут донесения, что геройствует он в глухом турецком тылу, что за его голову уже награда назначена, а я не знаю, что и думать. Смерти его не хочу, потому что он отец и Сашке, и Дашке, а и видеть его не хочу... Ой, кто это? А ведь это твой, прям сюда скачет!

Мы видим, как вдали из-за кустов и деревьев навстречу скачущим всадникам выбегает спрятанная охрана. Большую часть всадников они останавливают, но самый главный из группы подбегает практически к отдыхающим, легко спешивается, небрежно кидает поводья человеку в зеленом, который до этого только что совершенно сливался с пейзажем, и быстро идет к женицинам. Это Петр Витгенштейн. Он в ярости. Со злости он срывает с себя треуголку и швыряет ее в сторону, а потом подходит и начинает кругами метаться вокруг одеял.

ПЕТР: Черт знает что! Я так зол, что готов повесить всех этих церковников! Эти синодальные крысы совершенно не понимают, что у нас тут творится!

ШАРЛОТТА (*нервно вскакивая*): Что с вами, Петр Христианович? Что случилось?

ПЕТР: Эти прохвосты объявили, что число лютеран у нас тут снижается и православных у нас теперь больше. Засим Рижская епархия объявлена православной, а моя лютеранская епархия упраздняется. Черт знает что!

ШАРЛОТТА (*всплескивая руками и пытаясь бежать вслед за Петром*): Да как же это так? Да где они тут нашли православных?

ЭЛЬЗА (*бегая за госпожой следом*): Так мы с вами и есть православные! Мы же давали присягу России, а стало быть — православные. И наши латыши за нами записаны. Так что все верно. Другое дело, что даже в столице мы молиться пойдем в Клаус-кирхе, но по бумагам...

ПЕТР (*чуть не лопаясь от злости и ярости и потрясая кулаками перед обеими женщинами*): Да к черту бумаги! К черту все, они посмели отнять у меня, Петра Витгенштейна, сан архиепископа! Вы понимаете?!

ШАРЛОТТА: Боже мой, какой ужас!

ЭЛЬЗА (*ошеломленно*): Так с вас, стало быть, сняли сан?! И вы теперь...

ПЕТР: Да, отныне я не священник! Да как они смели?! Да как им в голову это пришло?! Рижское архиепископство — самое древнее в этих краях. Я так много сделал, чтобы получить этот сан!..

Витгенштейн бушует, Шарлотта в такт ему что-то жалобное попискивает, а Эльза встала как вкопанная, и лицо ее стало бледным как мел. В это время мальчишки уже подобрали треуголку Витгенштейна, Александр надел ее на себя и, размахивая учебною шпагой, бегают кругом с криками: «Я теперь командир, я ваш маршал. У меня теперь шапка маршала!», а его латышские кузены вслед за ним гурьбой с гиком и криками бегают. Маленькая Доротея почти что визжит из загончика: «И мне, и мне дайте шапку! Я тоже ваш малшал!», но прочие дети ее, конечно, не слушают. Тут Эльза наконец приходит в себя и хватается Петра за грудки.

ЭЛЬЗА: Что ты разнылся?! Что ты раскричался как баба?! Ах, отняли у него сан, ах, отняли у него погремешку! Пойди и еще платье надень и поплачь! А еще генерал, а еще смеет зваться нашим главнокомандующим!

ПЕТР (*в свою очередь хватая Эльзу за плечи*): Ах ты, я значит — баба? А ты знаешь, что для меня значил сан? (*Вдруг осекается и о чем-то задумывается, а потом светлеет лицом и поворачивается к Шарлотте. Все это время Эльза с Петром стоят, вцепившись друг в друга.*) Ну, раз уж так оно вышло, что нынче я стал свободен от обета безбрачия, то прошу у вас руки вашей Эльзы.

ЭЛЬЗА (*с прежним запалом и с обидою в голосе*): А может быть, сперва меня надо спросить?

ПЕТР (*небрежно*): А что вас спрашивать? Вы всегда отвечаете, что во всем покорны воле своей госпожи. Вот ее я и спрашиваю.

ШАРЛОТТА (*с изумленьем и радостью*): Я, конечно, согласная! Я за вас так рада, так счастлива!

Эльза в ответ на это резко вырывается и в слезах убегает. Витгенштейн ошалело смотрит ей вслед, а потом кланяется.

ПЕТР: Простите, мне надобно отойти.

ШАРЛОТТА: Ну конечно, догоните ее!

Витгенштейн срывается вслед за Эльзой, впрочем, та и бежит-то не быстро, и уже у ближайших деревьев он ее догоняет. Судя по всему, меж ними начинается объяснение с обоюдным криком, а в это время Доротея, которая отчаялась выбраться из своего загончика, кричит, уже слезами захлебываясь.

ДОРОТЕЯ: Ну и не надо, не надо мне вашей шапки! Вот я выласту, и у меня будет еще лучше шапка — цалская в золоте и клужавчиках! А еще мне не только малшалы, мне все цали с пьинцами тогда будут кланяться!

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Дом Голицыных

В доме Голицыных настоящий бедлам. Кто-то туда-сюда бежит, по комнатам снуют немывтые и небритые личности в самых клошарских нарядах. Везде кучами свалены какие-то мушкеты и пики, а народ, пробегая, их задевает

ногами. Входная дверь в дом открывается, и появляется молодой офицер в русской форме, который с изумлением смотрит на все происходящее. Мы узнаем его — это Борис Голицын, тот самый, который привез во Францию за свой счет Михаила Сперанского. При его виде по дому несется крик: «Молодой барин приехали!», причем даже неясно, кто именно это кричит, ибо люди в одеяньях бродяг все так же продолжают бестолково суетиться и видно, что русско-го языка они просто не понимают.

Распахивается одна из дверей, и мы видим младшего брата Голицына — Дмитрия. И он тоже в форме русского офицера. При том что Дмитрию всего лишь семнадцать лет, а Борису уже целых двадцать, на вид они ровесники, потому что у Бориса весьма живой вид, а Дмитрий, напротив, очень серьезен. При виде старшего брата он раскрывает объятия.

ДМИТРИЙ: Наконец-то! Я был уверен, что ты успеешь! Завтра самый решительный день, идем брать Бастилию! Ведь ты с нами, Борис?

БОРИС (*немного растягивая гласные*): Разумеется, ну конечно! Разве мог я подобное пропустить?! К счастью, де Роган, похоже, знал, когда выступление, и я по его совету покойно сдал сессию, получил аттестат, и вот я здесь!

ДМИТРИЙ (*с чувством*): Я рад, что ты здесь. Везде беспокойно, я так боялся, что ты во что-нибудь ввяжешься...

БОРИС (*не слушая, подходит к окну, отбрасывает локон со лба и восклицает*): Привет, Париж! Какое счастье, Париж! Боже мой, мы с тобой в самом сердце европейской культуры и цивилизации! А завтра, завтра мы пойдем и свергнем тирана!

ДМИТРИЙ (*задергивая шторы*): Тише, тише! Пока тираны не сломлены, не след кричать о них во все окна.

БОРИС (*выходит в центр комнаты, раскидывает руки*): А помнишь, помнишь, как мы сызмальства представляли нас братьями Орловыми? Я был Григорий, фаворит Государыни, а ты — мой младший брат Алексей, ее главный маршал. (*Обнимает за плечи подошедшего к нему Дмитрия, повышая голос.*) Я царствовал, а ты — правил!

Помнишь, как мы с тобою играли в наше восстание против дурного царя Петра? И вот оно — прямо у нас на глазах, завтра!

Дмитрий (*рассудительно и негромко*): Успокойся, горячка. Армия разбежалась, жандармы все наши, народ весь за нас. Все будет не так красиво и торжественно, как ты думал. Пальнем пару раз, комендант вывесит белый флаг, и все кончится.

Борис (*с азимитацией*): Нет, ну как ты не понимаешь, здесь же во-круг происходит — История! Каждый час, каждый миг народного торжества... Свобода, Равенство, Братство! Ведь это — важно!

Дмитрий: Я очень рад, что ты с нами, и я теперь не отпущу тебя никуда.

Дверь в комнату раскрывается, и входит Сперанский. Борис небрежно машет ему.

Борис: И ты здесь? Занеси со двора мои вещи. И не забудь почистить камзол, нынче мы собираемся в оперу. Кстати, что там?

Дмитрий: Смутные времена, и поэтому не ставят ничего нового. Вроде бы «Супружеская любовь» Гретри на текст Мармонтеля, будут брать крепости и свергать кого-то там. Публика от этой вещи в восторге.

Борис: Точно! Завтра надо будет не забыть кресло для маменьки и обязательно зонтик — может быть жарко. Мишель, приготовьте самое легкое кресло и выходите пораньше — занять лучшее место. Ведь мы хотим, чтобы она все увидела.

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Жандармерия

В жандармерии такой же переполох, как и в доме Голицыных, разве что бегают там жандармы, а не бродяги бомжеватого вида. Но точно такие же кучи самого разного оружия по углам, о которое все вокруг запинаятся, такая же невероятная неразбериха. По этому бедламу пробирается маленький человечек крысиного вида, который спрашивает у всех, где тут Фуше. Наконец, ему указывают на одну из дверей, человечек открывает ее, и мы оказываемся

в большой комнате, где Фуше во главе группы жандармов раскладывает на столе этакий пасьянс из гравюр с дамами в разных соблазнительных позах и разной степени раздетости, причем мужики обсуждают дамские прелести и советуют, какую куда положить, чтобы лежали они «по порядку». При виде крысовидного человечка Фуше встает из-за стола, передавая удивительную колоду товарищам, и ведет гостя в соседнюю комнату. Человечек показывает Фуше то ли монетку, то ли пуговицу и говорит.

БЕРЖЕ: Я Берже — книгоиздатель из Страсбурга. Мой патрон, кардинал де Роган, посоветовал именно к вам обратиться. Видите ли, до Страсбурга дошел слух, что завтра в Париже у вас назначенный штурм Бастилии.

ФУШЕ: Лично я никаких таких слухов не слышал, французская полиция, как всегда, стоит на страже законности и порядка. Впрочем, если вы хотите о чем-либо заявить...

БЕРЖЕ (*перебивая его*): Простите меня, вы не поняли. Пусть берут эту Бастилию на здоровье, и коли полиция об этом не в курсе, кто я такой, чтоб ее беспокоить? Видите ли, дело у меня личное, щекотливое... Есть в Бастилии один узник...

ФУШЕ (*со значением*): В Бастилии много узников. Вам надо, чтобы он при штурме выжил или напротив? Плата разная.

БЕРЖЕ (*с отчаянием маша руками*): Нет, нет, нет. Выслушайте меня, монсеньор! Я всего лишь издатель, у нас небольшая семейная фирма, но мы сделали очень хорошие деньги на изданиях Вольтера.

ФУШЕ (*с видимым интересом*): Я рад за вас. При чем здесь Бастилия?

БЕРЖЕ: Как при чем? При том, что Вольтер, к сожалению, умер!

ФУШЕ: Мир его праху. А я вам зачем?

БЕРЖЕ: Понимаете, мы потеряли лучшего автора. Наши продажи упали, и тогда мы стали искать и нашли еще лучшего автора. Только он, к сожалению, в Бастилии. Мы с ним подписали контракт, но теперь опасаемся, что восставший народ то ли убьет его вгорячах, то ли наоборот на улицу выпустит.

Фуше задумчиво крутит рукой и потом чешет затылок.

ФУШЕ: Вот тут я не понял. Вы хотите сказать, что в Бастилии сидит ваш новый автор, которого толпа то ли так ненавидит, что сразу убьет, то ли так любит, что с триумфом отпустит. Какой странный автор... Кто он?

БЕРЖЕ (*опасливо косясь на Фуше*): Вы его знаете. Это маркиз де Сад.

ФУШЕ (*аж с отвращением сплевывает*): Ох, ё! Да вы охренели! И его кто-то читает?!

БЕРЖЕ (*дрожа всем телом*): Это наш самый продаваемый автор. Публика раскупает его опусы, как перченые пирожки.

Фуше на какое-то время теряет дар речи. Потом, с безразличностью глядя на Берже, цедит.

ФУШЕ: Да на кол надо сажать этого вашего лучшего автора! Раскаленный! Да содрать с него шкуру заживо, как он и описывал! Что?! Что вы хотите, чтобы я с ним сделал? Вывез на тайную квартиру? Подарил вам, перевязанного розовой ленточкой?

БЕРЖЕ (*сжимаясь всем телом и тихо попискивая*): Нет, что вы, нет. Нам всего-навсего нужно, чтобы он дальше писал и деньги нам зарабатывал. Сколько вы просите?

ФУШЕ (*с отвращением*): Двадцать процентов с продаж, и запомните: вы мне так же мерзки, как и ваш автор!

БЕРЖЕ (*с ужасом*): Помилуйте! Мы от силы сможем дать лишь пятнадцать!

ФУШЕ (*с яростью*): К черту! (*Он громко кричит, начиная стучать в стену.*) Фурнье, пошлите в Бастилию, и пусть там этому маньяку де Саду молотком раздробят все пальцы — сегодня же! И это ему повезло!

БЕРЖЕ (*со стоном*): Восемнадцать!

ФУШЕ (*сразу успокаиваясь*): Ну хорошо.

Они с Берже обмениваются рукопожатием. На стук в стену вбегает Фурнье.

ФУРНЬЕ: Вы звали, патрон?

ФУШЕ: Срочно пошлите группу в Бастилию. Оттуда надо этой же ночью перевезти всем известного извращенца де Сада и пересадить его в Шарантон — в психушках у нас стерегут таких крепче. Да... и подарите этому маньяку нашу коллекцию порнографических карточек. Ему надо будет черпать откуда-то свое вдохновение. Когда еще ему живую девицу доведется разделявать! Ха-ха-ха!

БЕРЖЕ (*угодливо*): Хи-хи-хи!

Натура. Лето. День. Париж. Штурм Бастилии

Сложно понять, день это или вечер. По земле стелется густой удушливый дым, из-за которого плохо видно тусклое солнце. Восставшие беспорядочно бегают, стреляя непонятно куда, на лице у многих из них полумаски. Вокруг какие-то разбитые повозки, охапки соломы и хвороста и прочий мусор. На крышах домов вокруг крепости расставлены кресла под зонтиками, на которых восседают знатные аристократки, которые обмахиваются веерами и надушенными платочками, все это безобразие издали лорнетируют и на разные голоса дают советы восставшим и комментируют их неудачи. Дам охраняют отряды жандармов, а также их слуги и челядь. Видимо, где-то среди них и княгиня Голицына со Сперанским. Братья же Голицыны внизу, на улице, посреди гор мусора, пылающей рухляди, трупов и смрада. При этом они все еще в мундирах офицеров русской армии, а на лице у них нет повязок. В руках у обоих мушкеты, из которых они то и дело стреляют куда-то по башням крепости.

БОРИС (*делая очередной выстрел и перезаряжая мушкет*): Плохо дело! Такого бардака я в жизни не видывал. У нас плохая позиция, если защитники захотят, они перестреляют нас будто зайцев.

ДМИТРИЙ: Хорошо, что мы догадались прийти с тобою в мундирах. По нам не стреляют, убивают лишь тех, кто в лохмотьях. Вон видишь Мишо, я его знал, хороший был человек, решил, что в рванье его никто не узнает. Свалили прямо в лоб — между глаз.

Борис: Черт, стало быть, они не бьют по тем, кто тут в форме. Мы стреляем по ним, а они не стреляют по нам. Как бесчестно!

Дмитрий: Не беспокойся. Не думаю, что мы убили кого-нибудь. Наши пули, мне кажется, не долетают до их амбразур.

Борис: А что же тогда мы тут делаем?

Дмитрий: Развлекаем всех наших дам, красуемся перед маменькой. А что еще мы тут можем сделать? Я уже думал, не шутка ли все это местной полиции?! Собрать недовольных на площади перед крепостью и под дамские аплодисменты отстрелять всех смутьянов.

Борис (*бросая мушкет на землю*): Раз так, то в этой комедии я не участник.

Дмитрий: Погоди, горячка. Из таких дел надо выходить победителем. На нас смотрит маменька.

Борис нехотя нагибается и снова поднимает мушкет, но из него не стреляет, а кладет на плечо будто ненужную палку. В это время от крепости раздается восторженный крик: «Поймали! Это, верно, дочь коменданта!» Восставшие перестают стрелять и все бегут куда-то в сторону. Братья бегут вместе со всеми. Кто-то кричит: «Надо передать в крепости, что мы убьем девку, ежели ее отец не откроет ворота!» Толпа радостно улюлюкает. Слышны крики: «Нет, нет, я не дочь коменданта! Отпустите! Я дочь доктора!» — «Все равно — отрубим ей голову, ежели комендант не откроет ворота!» Братья приближаются и видят, что толпа тащит молоденькую девушку, почти девчонку, в простом крестьянском наряде, совершенно босую и в порванном уже платье. Со стены крепости раздается отчаянный крик: «Мари! Мари, моя девочка!», и мы видим, как меж зубцов крепости мечется маленький человечек в черном полумонашеском одеянии. Видимо, это и впрямь местный врач. Со стороны восставших гремят в ответ выстрелы. Даже те, кто вокруг братьев, стреляют залпами по фигурке. Тюремный врач странно машет руками, а потом падает на паранет и со стены Бастилии странно свешивается. Толпа по нему продолжает стрелять,

сопровождая радостными восклицаниями каждый удачный выстрел, когда, по мнению восставших, тело отца Мари под пулями снова дергается. Мари жутко кричит: «Папа! Папа!», но люди при этом ее на середину площади тащат, где среди мусора быстро расчищают квадрат. В это время кто-то кричит: «Нет, мы не отрубим ей голову! Пусть она горит вместе со старыми временами, пусть она горит вместе с тиранами!» Толпа эти крики с упоением подхватывает. Из брусчатки ломами выбивают камни, и на их место в землю втыкают столб, к которому бедную Мари начинают веревкой прикручивать, а добрые парижане начинают забрасывать несчастную сухим хворостом, соломой и поливать смолой и нефтяным маслом. Братья стоят и смотрят на все это, раскрыв рот.

БОРИС (порываясь бежать к девушке): Боже, надо спасти эту несчастную!

ДМИТРИЙ (с силой его удерживая): Опомнись, их тысячи, они взбешены, что крепости им не взять. Они сожгут нас вместе с ней! Мы в мундирах, они решат, что мы — солдаты, королевская гвардия!

Тем временем гора хвороста нарастает, кто-то уже начинает его поджигать, бедная Мари визжит во все горло от ужаса, а восставшие хохочут и говорят ей скабрёзности. В этот миг некий старый солдат в вылинявшей форме прорывается к костру и начинает уже пылающий хворост во все стороны ногами разбрасывать, крича.

МОРАН: Люди, опомнитесь! Мы пришли сюда свергнуть тирана с воровкою! Не сжечь дочку лекаря! Что вам она, люди, сделала! Будьте вы прокляты — это невинная девочка!

В солдата со всех сторон летят плевки, нечистоты и камни, но кто-то и торопливо отшатывается от места казни. В это время оба брата Голицыных присоединяются к ветерану, и Борис громко кричит.

БОРИС: Все, кто в форме и в ком есть понятие чести, сюда! Не дадим погубить невинную без суда и без следствия!

Из толпы начинают появляться старые люди в форме французской армии и в форме полиции. Ветераны берутся за руки и сдерживают толпу, пока старый солдат Моран с помощью братьев Голицыных девчонку от столба отвязывает. Та от ужаса уже потеряла сознание, и старик уносит ее из толпы на руках. С крыши раздаются недовольный свист и крики, что девицу надо было все-таки сжечь, ибо и так не происходит ничего интересного, а при сожжении она хотя бы жалобно покричала. И вообще без красивых сцен казней любая революция — не шарман. К братьям, которые в этот миг все еще стоят, взявшись с прочими ветеранами за руки, и все это слышат, подходит человек в чистом цивильном платье и в круглых очочках.

Юлен: Я — Юлен, и я тут главный. Народ присвоил мне чин полковника, но комендант нам не верит, зовет меня Часовщик и настоящего офицера к себе туда требует. Так что... Это вы тут говорили про честь?! Вас мне и надо. Де Лоне сдаст нам крепость, ежели мы ему дадим слово чести, что всех их живьем выпустят. Пойдемте, надо уговорить их нам сдаться!

Натура. Лето. Ночь. Париж. После штурма

46

Сложно понять, вечер это или ночь. Вокруг что-то горит, и все освещено мерным мерцающим заревом. На заднем плане мы видим, как пылает Бастилия. Все пространство вокруг завалено каким-то дерьмом, обломками, камнями и всякой рухлядью. Кругом лежат груды трупов или, может быть, не трупов, ибо многие из них шевелятся, но при этом — мертвецки пьяные. На окрестных крышах кое-где все еще стоят чьи-то кресла и зонтики. Посреди всего этого ада стоит на четвереньках Борис, которого жестоко тошнит в ливневой желоб. Рядом на камне сидит Дмитрий, у которого вид, в общем, не лучше.

БОРИС (поднимая от желобка голову): Димон, ты тут?

ДМИТРИЙ: Куда я без тебя?

БОРИС (*с изумлением в голосе*): Самое подлое, что это мы с тобой дали им слово чести, а они его предали!

ДМИТРИЙ: Они говорили, что это русские обещали им жизнь, а народ Франции рассудит по-своему.

БОРИС (*с отчаянием*): Господи, что же делать?! Они убили их всех, живыми рвали их на куски... Что мы наделали?

ДМИТРИЙ: Мы дали им свое слово чести. Ты сказал, что мы Голицыны — Рюриковичи, и нам все эти солдаты поверили.

БОРИС (*с рыданием в голосе*): А потом их убили. Растерзали у нас на глазах... Головы насадили на пики... Обмазывались их офицерскою кровью... Что же нам теперь делать?

ДМИТРИЙ (*очень тихо с нажимом*): Слово Рюриковичей, на мой взгляд, много стоит. Кому-то придется платить... Как хочешь, я завтра же возвращаюсь в Россию и буду проситься в армию, а там, Господь даст, вернем крысам должок за предательство.

БОРИС (*с яростью*): Ненавижу... Каленым железом будем выжигать это быдло, возомнившего о себе хама!

ДМИТРИЙ (*успокаивающе*): Тише. Прошу тебя — тише. Вернемся домой, там все и выскажешь. А пока надо тише.

Натура. Лето. День. Царское Село

Государыня катается по пруду на большой лодке. Она сидит под большим балдахином, а ее со всех сторон веерами обмахивают. Яркий солнечный день, вокруг жужжат пчелы, музыканты играют на берегу что-то лирическое. Один из сановников читает донесение.

Безбородко: Новое французское правительство предлагает нам обменять юных князей Голицыных на двадцать тысяч ливров. Иначе князья будут казнены за крамолу и оскорбленья народу Франции.

ЕКАТЕРИНА (*с ленивым удивлением*): Опять эти Голицыны... Ведь это те самые, что свергали брата моего — французского короля?! Как же участие в революции вдруг стало крамолой?

Безбородко: В обвинении сказано, что на границе один из них называл весь французский народ быдлом и крысами и грозился, что приведет с собою всю русскую армию и «хамов прочит». А второй с оружием в руках принялся отбивать его от жандармов. Против них возбуждено дело, по которому оба приговорены к смертной казни. Теперь мусьи просят за обоих двадцать тысяч ливров.

Екатерина будто просыпается, выпрямляется и даже словно увеличивается в размерах. Она начинает нервно тереть виски, а потом даже уголки глаз от накативших слез вдруг промакивает. Сановники не знают, что происходит с царицей, и, пытаясь угодить ей, один из них говорит.

Салтыков: Эти самые Голицыны — вольнодумцы и вольтерьянцы. Вы запретили им обучение за границей, а они вас не послушали.

Прочие сановники начинают галдеть все наперебой, и третий уже сановник восклицает.

Зубов: А матушка их, вы помните, как она называла вас «немецкой кабатчицей» и похвалялась, что они де Рюриковичи, а вы — «немка безродная»! Так и поделом им!

Салтыков: Именно так. Голицыны — люди богатые, но «усатая княгиня» еще богаче. Их земли за вольнодумство уже арестованы, пусть их казнят там, во Франции. Представляете, какая же будет нашей казне выгода?!

Государыня разворачивается к сановникам и с яростью начинает потрясать кулаком.

Екатерина: Мои подданные могут про меня думать всякое. Это мое дело их за это наказывать. Никто, ни одна тварь в мире не смеет обижать моих подданных! Пишите: дам двадцать пять тысяч ливров, и пусть эти гниды всех русских с их семьями и слугами ко мне сюда вышлют. Всех до единого, нечего им в Содоме там делать. А крысам передайте, что всю их гадскую стаю еще прошерстит русская кошка!

Екатерина, потрясая руками, нечаянно рвет на себе ожерелье, и жемчужины со стуком и грохотом рассыпаются у нее под ногами. Тогда царица ногой топает и повелевает.

ЕКАТЕРИНА: А как приедут, пусть всем расскажут, с чего это светочи культуры и демократии вдруг стали для них хамами, а то многие тут себя тешат иллюзией насчет Запада! И мне, а не вам лучше знать, где учить наших деток, потому что я сама из Европы и всю эту мразь по сей день помню и в гробу видела!

66

Натура. Осень. Вечер. Париж. Венсенский лес

Фуше выходит из кареты, приказывает вознице ждать и идет в лес по неприметной тропинке. Деревья вокруг стоят золотые и желтые, а под ногами приятно шуршит и пружинит листва. Из-за первой же группы деревьев показывается уже знакомая нам карета. Фуше оглядывается по сторонам, вокруг никого не видно. Тогда он подходит к темной карете с задернутыми занавесками и садится внутрь. Внутри кареты сидит дама под вуалью. Фуше даме кланяется и достает документы.

ФУШЕ: Вот все, как вы и приказывали. Графиня Бецкая с сыном. У меня есть человек среди русских, он из свиты княгини Голицыной. Молодых князей на днях отпускают, а также выпустят из-под ареста всех русских. Среди них мы легко сможем спрятать вашу сестру и племянника. Я нашел девицу, которая будет какое-то время делать вид, что это она — Мария-Антуанетта. Документы на Бецкую подписаны самим Мирабо, а французы плохо различают русские физиономии. Особенно, если она положит в рот тампон и черты лица сильно изменятся.

Дама под вуалью быстро просматривает документы, потом возвращает их Фуше и передает еще увесистый мешочек с золотом.

ЕЛИЗАВЕТА: Спасибо, мой друг, вы обо всем позаботились. Теперь мне нужно срочно отбыть в Вену, чтобы их пропустили через нашу границу. Я пришлю то, что вам нужно, как только там все уладится.

ФУШЕ (*проверяя кошелек на вес и вдруг боязливо*): Надеюсь, не ливры?

ЕЛИЗАВЕТА: Ваши же ливоры времен прежних царствий. Но если хотите, могу выдать австрийскими гульденами.

Фуше (*с облегчением*): Не хватало, чтобы меня поймали с деньгами врагов на кармане! И все же позвольте вопрос. Мы так много сделали для того, чтобы все вокруг сочли Антуанетту воровкой, а теперь вы же ее из плена намерены вытащить. На мой взгляд, это странно.

Елизавета: Моя сестра платит за то, что наделала. Она не смела рожать, ибо сын ее мог унаследовать Францию вместе с Австрией. Нынче же она свергнута, а ее сын — никто. Теперь она для меня — просто сестра.

С этими словами дама под вуалью открывает дверцу кареты, Фуше с поклоном выходит, дверца за ним закрывается, а карета начинает катиться в сторону темнеющего леса. Фуше же все продолжает ей вслед почтительно кланяться.

Павильон. Осень. День. Вена. Шенбрунн

76

По коридору Шенбруннского дворца идет вперевалочку огромный и толстый Иосиф — император Австрии. Он в военном мундире, только что с войны против турок. К нему то и дело подходят сановники, которые ему что-то докладывают или о чем-то спрашивают. Иосиф отвечает односложно и коротко, а иногда просто делает жест, и люди его понимают. В целом Иосиф вполне собою доволен и с делами разбирается легко и быстро. Один из сановников вместо доклада или вопроса склоняется к уху своего повелителя и почти шепчет.

Клауниц: Очень срочное дело. Вас ждут в тайной комнате. Эрцгерцогиня Елизавета.

Иосифа видимым образом передергивает, он даже невольно крестится и через плечо сплевывает. Почему-то его лоб сразу потеет, и теперь он идет уже не вразвалочку, а как-то целенаправленно и при этом бормочет.

Иосиф: И какого черта она пугает меня в моем замке? Прямо мороз по коже... Будто встретил костлявую...

Он заходит в неприметную дверь, скрытую под портьерой, и входит в небольшую узкую комнату, в которой одни голые

стены. В дальнем углу стоит дама под вуалью. Иосиф делает приветливое лицо.

Иосиф: Ах, Бесси, моя дорогая! Какими судьбами, что заставило спуститься тебя с твоих гор? Я так рад видеть мою любимейшую сестру!

Елизавета: Не лги мне. Будь моя воля и не будь мне приказа слушать тебе от нашей с тобой общей матери, мы бы с тобой никогда не увиделись. Я послала запрос. Почему нет ответа?

Иосиф: Ну, ты понимаешь...

Елизавета: Что случилось? Это наша с тобой младшая родная сестра. Она дура безмозглая, она все испортила, но это — наша родная сестра!

Иосиф: А ее щенок — плод греха! Сын шведского педераста.

Елизавета: Хорошо. Бросим ребенка. Я согласна. Он плод греха, символ династии, и поэтому его сразу хватятся. Но что с самою Антуанеттой?

Иосиф в ответ нечленораздельно рычит и начинает, как попавшийся в клетку зверь, ходить туда и сюда по маленькой комнате. Затем он начинает трясти рукой, будто угрожает даме под вуалью, и вдруг выпаливает.

Иосиф: Нас у матери шестнадцать детей. И не все согласны, как ты, на тихое житье где-то в Инсбруке. А все мы знаем, как жадна и расточительна наша сестра. У меня нет для нее ни дворца, ни замка! У меня нету денег на ее содержание!

Елизавета: Антуанетта глупа и испорчена, но я наставлю ее на путь истинный. Я заберу ее к себе в Инсбрук, тебе совсем не надо будет на нее тратить. Ты согласен?

Иосиф (*потрясая обоими кулаками*): Не смотри на меня так! Не смотри! Не я подсылал к тебе этих французских убийц, а люди мадам Дюбарри. И ты, а не я, тогда всем клялась, что уничтожишь всю ее свиту за то, что они с тобой сделали. Это ты эту гадость с нашей сестрою придумала! Нас шестнадцать детей, и ежели еще одной станет меньше — другим больше останется!

ЕЛИЗАВЕТА (*ошеломленно*): Какой же ты...

ИОСИФ (*в ажитации*): Да, я такой! И мне не нужна пятнадцатая сестра — дурочка недоношенная! А нужен мне *casus belli* на франков, чтобы этой угрозы с запада больше не было. И чем жутче и кровавее они ее там замучают, тем более правым станет все дело для нашей армии!

ЕЛИЗАВЕТА (*хрипло*): Опомнись, это наша с тобою сестра!

ИОСИФ: Сама разуй глаза, дура! Видишь, что творится во Франции? Это потому, что у них там не было денег, чтоб расплатиться с отставными солдатами. И у меня, ты не поверишь, но тоже нет денег. Армия должна сократиться на четверть, а еще лучше на треть, чтобы я смог выплатить отставные пособия. Мне нужна война — и срочно!

ЕЛИЗАВЕТА (*сухо*): Ты хорошо объяснил, мне все ясно. Прими от меня прошение об отставке.

ИОСИФ: Ну уж нет. Хочешь остаться чистенькою, чтобы я один извлялся в дерьме?! Твое ведомство матушка создала только лишь потому, что ты ко всеобщему изумлению выжила, но тебя больше никому нельзя было показывать. И ты, засев в своих горных замках, принялась плести свои сети! Теперь ты из своего неприступного Инсбрука сплела паутину на пол-Европы, и никто в ней, кроме тебя, в жизни не разберется. Нет уж, дорогая, сперва сделай дело, дай мне нужную нам всем войну и лишь тогда дуй отсюда на все четыре стороны!

Натура. Начало зимы. Вечер. Париж. Венсеннский лес

86

Фуше выходит из своей кареты. Деревья стоят белые, покрытые инеем. На той же опушке стоит все та же карета. Фуше подходит к ней, привычно пытается открыть дверцу, но та закрыта, и мы слышим мужской голос изнутри.

ФРАНЦ: Госпожи больше не будет. Мне приказано передать вам пакет. Прочтите при мне, чтобы я знал, что вы все поняли.

Из окна кареты Фуше передают тонкий конверт. Фуше его раскрывает, пробегает глазами и восклицает.

ФУШЕ: Боже мой, но позвольте!

Вместо ответа карета трогается, Фуше бросается за ней и кричит.

ФУШЕ: Да как она могла?! Да что ж вы творите?! А другие ее приказы?! Что мне теперь делать?! (Тут его будто осенило, и он почти визжит.) А мои бумаги? Она обещала отдать мне мои бумаги! Сволочи-и!!

Вместо ответа карета все ускоряется и вскоре пропадает в серых сгустившихся сумерках.

96 Павильон. Начало зимы. День. Париж. Жандармерия

В парижской жандармерии многолюдно. Все собрались послушать очередную речь префекта парижской полиции Фуше. На собравшихся теплая одежда, у многих зонтики, и от этого в помещении жарко, влажно и душно. Наконец на трибуну выходит Фуше.

ФУШЕ: Мадам и месье, я счастлив вам сообщить, что наша доблестная полиция под моим руководством только что предотвратила очередное гнусное и мерзкое преступление. Нами был раскрыт роялистский заговор, нити которого идут в город Лион. Тамошние роялисты решили освободить Марию-Антуанетту, гражданку Капет, и даже в Австрию вывезти. Просто чудом мы сумели предотвратить этот побег и вернуть гражданку Капет назад под арест. Слухи о причастности к этому неких русских, к сожалению, не подтвердились, хоть мы и знаем, насколько дурны и подлы эти русские. Весь заговор зрел только тут, на нашей же почве. Вопросы?

Зал взрывается: «Браво Фуше!», «Теперь в Лион, и вырвите там гадов с корнем!», «Королеву-воровку — на плаху!»

106 Павильон. Начало зимы. Вечер. Париж. Тюрьма Консьержери

Огромная толпа парижан внутри тюрьмы перед большой железной клеткой. Внутри клетки сидит свергнутая Мария-Антуанетта. Идет допрос подозреваемой, причем зрители постоянно королеву оскорбляют и освистывают.

ЭБЕР: Итак, вы настаиваете на том, что не совершали побег?

АНТУАНЕТТА: Нет, не совершала.

ЭБЕР: Тогда как вы объясните то, что ваша карета была задержана полицией вне стен Парижа.

АНТУАНЕТТА: Нас часто перевозили с места на место. В этот раз мы тоже не знали, куда нас везут. Я обратила внимание, что ехали мы дольше обычного, но я не догадывалась...

ЭБЕР: Не смейте лгать всему народу Франции!

АНТУАНЕТТА: Это был не побег. Я не знала, куда нас везут.

ЭБЕР: Скажите еще, что не хотели сбежать от нас к врагам — в вашу Австрию!

Камера дает крупным наплывом лицо Антуанетты. Глаза у нее будто мертвые, а губы изгрызены. Мы видим только эти мертвые глаза и искусанные губы.

АНТУАНЕТТА (*очень тихо и сухо*): Я точно знаю, что никто меня не ждет дома в Австрии.

Павильон. Зима. Вечер. Зимний дворец. Покои Екатерины

116

Государыня сидит на очередном совещании в своей тронной зале. Ей делают какой-то доклад. Сановник достает из папки очередной листок и произносит.

БЕЗБОРОДКО: Из Австрии сообщают о внезапной смерти императора Иосифа. Согласно сообщеньям из Шенбрунна, у тела покойного нашли записку: «Remember!»

ЕКАТЕРИНА (*задумчиво*): Почему по-английски?

САЛТЫКОВ (*выступая вперед и будто рассказывая перед учениками*): Англия — древний враг Австрии. Для австрияков удобно на ее счет любой чих свалить. А «remember» — последние слова на плахе у Карла Первого. Прямая связь и указание, за что именно убили Иосифа.

ЕКАТЕРИНА (*с интересом*): Пока что не понимаю.

БЕЗБОРОДКО (*чуть отодвигая Салтыкова*): В Париже со дня на день казнят Марию-Антуанетту. Стерегут ее крепко, спасти ее уже невозможно, но ходит слух, что в австрийской семье был конфликт. Якобы Иосиф — пока это было возможно — не захотел свою же сестру из французского плена выкупить. Семья возмутилась, ну и...

ЕКАТЕРИНА (*устало*): Ясно. Жаль Иосифа. Был хороший союзник. Кстати, а наших-то, русских, вольтерьянцы всех выпустили?

БЕЗБОРОДКО (*отплевывая Салтыкова вовсе от Государыни*): Из Франции сообщают, что все русские подданные из страны вывезены. Те, кто не пожелал возвращаться, по вашему приказу были лишены русского подданства.

ЕКАТЕРИНА (*мрачно*): И много таких?

БЕЗБОРОДКО (*оставшись перед царицей один, с поклоном*): Да, есть случаи. Но никого из людей знатных.

ЕКАТЕРИНА (*скупо*): Что ж, кто бы это ни был — все люди. Жаль дураков. Что еще из этой страны?

БЕЗБОРОДКО (*доставая другую бумагу*): Из Лиона передают. После разоблачения заговора с целью спасения Марии Австрийской туда прибыл парижский префект по имени Фуше и принялся разоблачать заговор. Очень много осужденных, все приговорены к смертной казни, и все приговоры приведены в исполнение. Фуше нынче называют не иначе как «лионский мясник». Похоже, что, как вы и предсказывали, у них там резня.

ЕКАТЕРИНА: Странно, что не с первого дня. Будто кто-то их останавливал... Но этого и следовало всем ожидать. Заключайте быстрее мир со шведами и бросайте все против турок. Эти, коль не дать пинка, сами собой не замирятся.

БЕЗБОРОДКО (*растерянно*): Но вы же приказывали, чтобы мы добились этих шведских мужеложников... И потом, мы вступили в переговоры с Арнфельтом насчет мира, ну, чтоб они нам сдали Финляндию. Только шведы, боюсь, много просят.

ЕКАТЕРИНА (*хмуро*): Ох, не ко времени! Мне супротив француза нынче деньги нужны. Сколько?

Безбородко мнется, прочие сановники смотрят на него с интересом, и поэтому он делает шаг вперед, наклоняется к уху Государыни и что-то шепчет. По лицу Екатерины видно, что она явно поражена. Она даже сперва не может найти слов в ответ.

ЕКАТЕРИНА: Да... Да... Охренеть! Да дешевле всю эту шоблу удавить! Не фиг, придет удачное время, и мы сами эту Чухню с бою возьмем. Да за такие деньги... Не, ну это наглость!..

БЕЗБОРОДКО (*деловито*): Мне приказ принять к исполнению? Ну, в смысле — что дешевле?

ЕКАТЕРИНА (*небрежно*): О чем это ты? Сам знаешь, никаких таких бесед промеж нас с тобой не было, но ежели тебе что вдруг померещилось или привиделось, так ты того... исполняй! Да и не забудь мир сперва подписать. Без аннексий и контрибуций, а то скажут потом, что для меня была выгода...

БЕЗБОРОДКО: Могу я привлечь вашу племянницу? Она вроде самовластная госпожа, ежели что решит, так это ее дело. Опять же, коли что пойдет не так, так у нее кругом одни немцы.

ЕКАТЕРИНА: Пожалуй что... Стало быть, заключайте мир со шведами, принуждайте к миру султана и готовьте планы на войну с Францией. А то больно много в их царстве крыс, гляжу, развелось.

Павильон. Зима. День. Рига. Дом градоначальницы

126

В рижском доме Шарлотты гремит праздник: свадьба Петра фон Витгенштейна и Эльзы. Торжество с вручением подарков закончено, и уже идут танцы. Возбужденная Эльза вся в белом идет по зале, когда ее окликают. Эльза одними глазами примечает того, кто ее позвал, кивком головы указывает на одну из дверей и через мгновение сама в нее выходит. В коридоре ее ждет фон Рапп, на котором русский офицерский мундир без знаков различия. Он церемонно с Эльзой раскланивается.

ФОН РАПП: Мои поздравления и пожелания многих счастливых лет и множества деток. Мне передали ваши слова о том, что вы сами мне скажете, какой бы вы желали подарок на свадьбу. Я весь внимание.

Эльза: Вы слышали последние слухи из Австрии?

Фон Рапп: Что-то о том, что умерший император предал свою сестру, другая его сестра собрала всех сестер с братьями, и они всей семьей решили, что этого не оставят. А потом австрийский государь на ровном месте вдруг умер.

Эльза: Да, что-то вроде того. И люди говорят нынче, что только так и надобно поступать со всеми предателями и теми, кто пойдет против собственных родственников.

Фон Рапп: Это разумно. Ежели иные готовы плевать на родных и сдавать их ради какой-либо выгоды, они должны знать, что родне это может и не понравиться.

Эльза: А теперь представьте, что у Государыни Екатерины Великой есть двоюродный брат — шведский король Густав Третий. И этот самый брат ради денег Британии подло, без объявления войны нанес своей сестре удар в спину. В другой раз это, может быть, не заметили бы, но после нынешней драмы в Австрии Государыня не сможет просто так оставить подобное предательство своего кузена. Иначе ее начнут считать ниже, чем семейство из Австрии.

Фон Рапп: Я понимаю. И как часто бывает в подобных делах, Государыня не хотела бы, чтоб в деле оказались замешаны русские.

Эльза: Все верно. Используйте своих агентов из Пруссии. Это и будет ваш лучший подарок мне к свадьбе. А заодно и проверка на верность. Госпожа рассудила, что исполнение приказа на немца для вас будет сложно, так что шведский содомит — в самый раз.

Фон Рапп: Особые пожелания? Написать его кровью, что это, мол, за Россию или что так будет с каждым предателем?

Эльза: Ее Величество подчеркнула, что сам Господь накажет мужеложника за его прегрешения, так что будем этого и придерживаться. Мечь брошенного любовника или нечто подобное. Тут уже — как придумаете.

С этими словами Эльза, вся в белом, раскрывает дверь в зал и растворяется в сиянии своего свадебного торжества.

Натура. Зима. Вечер. Бессарабия. Штурм Тигина

1 в

*Смеркается, степь местами покрыта белыми пятнами
вперемешку с пятнами и пучками почерневшей травы.
Перед нами огромная кавалькада верховых всадников. Невдалеке
видны стены крепости, от которой слышны звуки боя.
Один из генералов передает подзорную трубу командующе-
му с восклицанием.*

ЛАССИ: Смотрите, Михал Ларионыч, наши в крепости! Это командир штрафных полковник Бенкендорф. Видать, открыли ворота с другой стороны.

Кутузов смотрит в трубу, вслед за его взглядом дает увеличение камера. Мы видим, как меж зубцов крепости мечутся турки, а на них налетает ватага людей в зеленом. Во главе ее огромный медведеподобный Кристофер с шикарнейшей бородой, совершенно заросший, в крестьянской овчине, которая делает его необъятным. Он рубится и режется с турками, как заправский пират или там главарь какой-нибудь банды. За его спиной мы видим старых знакомых: Баркляя, Невельского и Оболенского, а также прочих офицеров бывшей охраны Павла. Сперва кажется, что их слишком мало, а турки прут на них огромную массу, но тут становится видно, что эта внезапная диверсия сделала свое дело. Турки, видимо, отвлеклись и забыли про основные ворота, в которые врывается огромная волна наших в белом и синем. Впереди всех бежит генерал де Рибас. Огромная наша бело-синяя волна с зеленой группкой на стенах смыкаются — и турки бегут. На стене Кристофер фон Бенкендорф и Осип де Рибас заключают друг друга в объятия.

КРИСТОФЕР: Ах, Хосе Мигелевич, как же я рад тебя видеть! Был миг, думал, что не сдюжим!

ОСИП: Да как же я мог, барон, на помощь-то не прибыть?! Морские экипажи всегда будут вовремя! Вот только турки были упорные...

КРИСТОФЕР (как бы вздрагивает, подтягивается во фронт, пытается затянуть потуже армяк): Простите, ваше превосходительство, полковник фон Бенк...

Осип (*отмахиваясь*): Да полноте, иначе буду звать тебя «ваше сиятельство»! Давай лучше по нашему русскому обычаю выпьем за встречу!

КРИСТОФЕР (*чуть расслабляясь, виновато разводит руками*): Да ведь мы, как полгода назад Днестр перешли, с тех пор и монашествуем. У турок нигде днем с огнем выпивки не найти. Бусурмане, одно слово — ироды!

Осип (*доставая фляжку*): А мы, русские люди, запасливые! Давай, за победу, за наших! (*Оба по очереди прикладываются.*)

Камера откатывается назад, и мы видим крупно лицо Кутузова, который по-отечески улыбается.

КУТУЗОВ: Подавайте представление на полковника Бенкендорфа, будем производить его в генералы. Только перед присвоением чина помойте и побрейте его, а то с виду он — мужик мужиком!

По экрану идут будто кадры старой хроники, на которых мы видим умытого и побритого Кристофера, которому вешают на грудь какой-то орден. Мы видим, как за ним награждают Барклая, Невельского и Оболенского. Мы видим, как Кристофер торжественно бросает новые эполеты в ведро с чем-то пенящимся (похоже, шампанским), а потом и сам, и все его люди по очереди пьют из него. Все это время за кадром звучит торжественный, аж звенящий голос глашатая.

ЛАССИ: Согласно Указу Ее Величества, реорганизовать штрафную бригаду Дунайской армии под командой Кристофера фон Бенкендорфа в конно-егерский полк особого назначения. Вменить в обязанности полка глубокую разведку тылов противника и совершение там диверсий. Приравнять службу в особом Императорском Конно-егерском полку к службе в лейб-гвардии. В мирное время назначить императорских егерей в охрану Ее Величества, а также прочих членов царской фамилии.

Натура. Зима. Утро. Бессарабия. Штурм Измаила

Яркий солнечный морозный день, все в грохоте и дыму. На переднем плане мы видим берег Дуная и то, как под прикрытием гребных галер де Рибаса егерские полки Бенкендорфа

высаживаются на берег под огнем врага. Лед Дуная весь превращен в розовое крошево, по которому чуть ли не по колено в воде вверх на берег поднимаются лифляндские егеря. Из-за того что берег крутой, турки не могут по ним стрелять прямо и бьют по ним навесным огнем из мортир. Впереди своих людей идет Кристофер, который егерей постоянно подбадривает.

КРИСТОФЕР: Вперед, братцы, тут тоненько! Турка дурак, позицию на берегу не устроил! Как подыдемся, там жарче будет!

Вот его линия егерей в зеленом и черном поднялась на край вала, вот люди его бросились через брустверы береговых батарей... Через мгновение над береговыми батареями Измаила поднимаются стяги России и Лифляндии. Осип де Рибас, командующий морским экипажем, который все не мог войти в устье из-за огня турок, подает сигнал и кричит.

ОСИП: Батареи молчат! Десанты — вперед!

Десятки и сотни галер в устье Дуная летят к вражьей крепости, а над батареями, которые закрывали им путь, развевается русский флаг, и рядом с ним мы видим окровавленного Кристофера, который стоит на бруствере захваченной батареи, размахивает столь же окровавленной саблей и дико орет.

КРИСТОФЕР: Россия виват! Десантура — ура! Ур-ра!!

Павильон. Зима. Вечер. Бессарабия. Лагерь под Измаилом

З В

В переполненной палатке шумно и жарко. Посреди толпы стоит перевязанный и обмотанный бинтами Кристофер, который абсолютно и категорически пьян, а все вокруг его поздравляют.

НЕВЕЛЬСКИЙ: Качать командира! Он первым был на стене Измаила!

КРИСТОФЕР: Отставить! Приказ — отставить! Вовсе не на стене Измаила, а стене первой береговой батареи! На самой стене первым был Ласси — мне чужого не надо!

ОВОЛЕНСКИЙ (с восторгом): Ура Кристоферу Карловичу! Самому честному, самому лучшему! Качать командира! Ура России!

Толпа опять смыкается вокруг Кристофера, и все с ним стремятся выпить на брудершафт. В какой-то миг мы опять слышим его пьяный голос.

КРИСТОФЕР: Спасибо, братцы. Нынче — после ранения — оставляю вместо себя командиром нашего Михаила Богдановича. А меня... ик... Меня Наследник Павел зовет, назначил меня своим главным охранником... ик... Отставить! В общем, не поминайте лихом, Михал Богданыч, ты у нас нынче полковник — прими команду.

НЕВЕЛЬСКИЙ: Качать Баркляя! Качать командира! За то, что он — самый умный!

Офицеры опять обступают Баркляя с Кристофером. И в этот миг в палатку входит новая делегация — в белом и синем. Это морские экипажи пришли проводить по ранению своего боевого товарища. Кристофер по-братски обнимается с Осипом де Рибасом и целует того в обе щеки. Тот с трудом отбивается от пьяных объятий гиганта.

ОСИП (отводя Кристофера чуть в сторону): Погоди, дело есть! На-силу успел, пока ты не убыл. Расскажи-ка нам, как вы из Риги своей сделали порто-франко?

КРИСТОФЕР: Вот хороший ты мужик, Хозе Мигельич, а все ж видно, что европеец! Такой день, в последний раз повод выпить, а ты про какую-то чушь?! Да не знаю я ничего про это самое порно-франко! Сам с разинутым ртом как столб стоял, когда все затеялось.

ОСИП: Вот черт... А у меня как раз идея построить такой же город здесь в Эдисане... Только надо понять, как все это устроено.

КРИСТОФЕР: Ха-ха-ха! Так ты не к тому подошел. Вон Баркляя спроси, он тебе все объяснит. Он про это самое порно-франко все и придумывал.

С этими словами Кристофер от де Рибаса отворачивается, тут же выдергивает из толпы Баркляя и представляет де Рибаса своего худощавого адъютанта.

ОСИП (*пытаясь перекричать пьяных*): Вы все про рижский порто-франко придумывали? А не вас ли представляли нашему другу Кристоферу по протекции Цейтлина?

БАРКЛАЙ (*немного смущаясь*): Ну да, мы с Шарлоттой Иоганновной все законы для режима порто-франко и разработали. А с господином Цейтлиным знакомство у меня скорей шапочное, меня ему через нашу ревельскую...

ОСИП: Отлично. Ну раз вы с Цейтлиным не чужие, разрешите представить: мой земляк и зять того самого Цейтлина — Перес. У него есть много вопросов за порто-франко.

ПЕРЕС: Я прочел все учредительные документы на Ригу и так и не понял, откуда там берутся лаве? Само по себе разрешение торговать без взятия пошлины...

БАРКЛАЙ: Монополия. Монополия, друг мой. Мы монопольно принимаем европейский товар по низкой цене у нас в Риге, а потом продаем его по русской цене в Петербурге. Мы скупаем русское зерно в Малороссии, а потом монопольно продаем его по высоким ценам в Европу. Все налоги уплачены, Государыня счастлива. Имеете деньги и прожекты, чтобы нам составить компанию?

ОСИП: Идея и возможность — создать такой же порт на Черном море. Тогда зерно можно будет посылать то в Северную Европу, то в Турцию, в общем, где цены лучше, а барыш пополам...

БАРКЛАЙ: Турция разорена. Лучше по течению Дуная везти в Южную Европу — до Австрии, там дают хорошую цену. Это интересно. Я обязательно предложу вашу идею Шарлотте Иоганновне. Но вы должны со своей стороны гарантировать наше монопольное положение в вашем...

ОСИП: Эдисане?

ПЕРЕС: Государыня не одобрит. Слишком уж звучит по-турецки.

ОСИП: Тогда Эдессе, в честь города крестоносцев посреди земли сарацин?

БАРКЛАЙ: Эдесса? Древнее графство Эдесса? Мне нравится. Только тогда лучше не графство, ведь вы же по происхождению герцог, как

и моя госпожа. Так пусть крепнет дружба между Латвийским герцогством и герцогством Эдесским!

ПЕРЕС: Герцог чересчур по-немецки, а мы с ним испанцы. Тогда уж не герцог, а эдесский дюк де Рибас к вашим услугам!

ОСИП: Нет-нет! Мой предок был Ришелье, уж лучше эдесский дюк де Ришелье! Так звучит лучше!

ПЕРЕС: А с моей стороны имею вам предложить мою крымскую соль. Она имеет дивный розоватый оттенок и особый запах. Ах, какой нежный запах — спелой малины! Если бы мне удалось быстро перевезти мою душистую соль из Крыма в Санкт-Петербург...

БАРКЛАЙ: Что ж, идея прекрасная. Только почему лишь Санкт-Петербург? Если договоримся, то вам открыт путь в Берлин, Лондон и Амстердам!

ПЕРЕС: Рад это слышать. Готов в Ригу с уважаемым Кристофером Карловичем вместе отправиться, дабы подписать все бумаги с Шарлоттой Иоганновной.

БАРКЛАЙ (*разводя руками*): Боюсь, это будет неправильно. У моих господина и госпожи... семейные разногласия. Я бы не советовал пытаться попасть к ней через Кристофера Карловича.

ПЕРЕС: Понятно... Мы будем рады, ежели вы нас сумеете ей представить...

БАРКЛАЙ (*с невольным смешком*): У меня есть хороший знакомый — торговец из Йорка. Он такие фразы обычно заканчивает словами «за хороший процент»!

ОСИП (*с заразительным смехом*): Ну, конечно. В Испании это подразумевается, и никому не надо пояснять, что все это обязательно — за хороший процент! Эти англичане порой такие зануды!

ПЕРЕС (*подхватывая смех*): Что с них взять? Варвары... Хе-хе-хе.

4 в

Павильон. Весна. День. Гатчина. Центральный корпус

Наследник Павел ведет Кристофера по Гатчинскому дворцу и с упоением тому все показывает. Кристофер в парадном мундире и орденах, с новыми генеральскими эполетами,

и по нему видно, что слушает он своего молочного брата скорее из вежливости, а тот прямо поет соловьем, расхваливая новые цвета стен, портьеры и гобелены. При этом сам дворец имеет какой-то на изумление нежиллой вид, и в нем почему-то не слышно ни детских голосов, ни криков. Наконец Кристофер не выдерживает и спрашивает молочного брата.

КРИСТОФЕР: Все это интересно и замечательно, но где же наша хозяйка дома, где Марьюшка?

ПАВЕЛ (*помявшись*): Да ты понимаешь, у ней тут новые причуды с фантазией. Не хочу, говорит, теперь я здесь жить, пойду жить с народом — в людскую. И всех детей она с собой забрала...

КРИСТОФЕР: Вот так притча... Сказал бы, что людская и Марья — вещи несовместные. А людская у нас — это где?

ПАВЕЛ: А это в левом крыле дворца. Рядом с кухней, только там надо стучать и ждать, пока подойдут. Двери меж крыльями, понимаешь ли, заперты.

КРИСТОФЕР (*задумчиво*): М-да... Интересно у вас. (*Он начинает идти в сторону кухонного крыла и останавливается, оборачиваясь к Наследнику, который не движется.*) А ты чего?

ПАВЕЛ: Да что мне делать на кухне? Чего я там не видал? Марихен опять будет вечно жевать, а от этого мне расстройство, ибо она уже схожа с хрюшкой! Нет, ты иди, а я тебя лучше тут...

С этими словами Наследник Павел решительно поворачивается и идет в сторону оружейной с конюшнями, а Кристофер, пожав плечами, идет по левому крылу в сторону кухни. По его лицу видно, что вовсе не такого приема он ждал.

Павильон. Весна. День. Гатчина. Кухонное каре

5 В

Дверь на кухню заперта изнутри. Из-за толстой двери глухо слышны смех и детские голоса. Кристофер сперва осторожно стучит, потом стучит громко и требовательно. Гремит засов, дверь приоткрывается, и появляется раздосадованное лицо Шарлотты Карловны.

КАРЛОВНА (*хмуро*): Сказано было, на кухню нельзя! На обед сколько надобно — вынесут. А ты кто таков? Небошь, новый дружок? Где-то я тебя уже видела...

КРИСТОФЕР (*взрываясь*): Да вы что тут, с ума посходили?! Мне нужна Марьюшка, прочь с дороги, колода!

МАРИЯ (*из глубины кухни с радостным взвизгом*): Ой, это Кристер! Дети, смотрите, кто к нам пожаловал! Карловна, это Кристер, ну Зигфрид, я ж тебе рассказывала!

КАРЛОВНА (*нехотя отходя в сторону*): Так бы и говорил, мол, Машкин друг, а то бродют тут всякие...

Раскрывается дверь, и мы видим, как откуда-то со стороны кухонных печей ко входу со всех ног бежит Мария Федоровна. Она еще пополнела, губы ее лоснятся от жира, а в руке зажата недоеденная куриная ножка. Однако платье на ней при этом — самое лучшее, надеты лучшие драгоценности, а волосы идеально причесаны. Видно, она к чему-то готовилась. Уже подбегая к Кристопферу, Мария осознает, что у нее в руке курица, и торопливо сует ее на бегу на какую-то полку. Она явно пытается губы себе обтереть, но платок она где-то забыла, а рукавом утереться не может, и от этого на лице у нее возникают беспомощное выражение и растерянность. Она даже замирает на месте и начинает метаться в поисках то ли полотенца, то ли любой ширмы, за которой ей можно спрятаться. Ей на выручку приходит Карловна, которая ловко подсовывает госпоже кухонное полотенце. Мария стремительно утирается, да так ловко, что ни румяна, ни помада при том не испорчены, и со счастливым визгом, бросая полотенце Карловне, вешается на шею Кристопферу. А тот и рад ее поймать, обнять и покружить счастливо по кухне.

МАРИЯ: Боже, я тебя так ждала, так ждала! С того самого дня, как нам объявили, что ты теперь наш начальник охраны! Расскажи про войну! Там было страшно?! И здорово?! Все говорят, ты — герой, первым был на стене Измаила! А тебя очень ранили?!

КРИСТОФЕР: Царапина! И не на стене Измаила, а лишь на стене береговой батареи. Мы же — егеря, передовая разведка — лишь открыли путь для десанта, а крепость уже брали пехотные...

МАРИЯ: Неправда! Я точно знаю — неправда! Ты там в бою был самый первый, ты просто меня не хочешь пугать и расстраивать! Пошли, мы тебя вот покорим! Ах какой ты красавец, тебе так идут эполеты! А скажи, я, правда, не изменилась ни чуточки?!

КРИСТОФЕР (с чувством): Вы так похорошели... Я лишь о вас там и думал...

МАРИЯ (со смехом): А вот и снова неправда! У тебя, как у всякого мужика, девок навалом, не то что у некоторых! Поэтому ты не мог обо мне только думать, небось было с кем потешиться! Я, правда, похорошела? Правда?!

КРИСТОФЕР: Мне всегда нравились — полненькие...

МАРИЯ (со счастливым смехом): Все, обедать! Карловна, прикажи накрывать, и пусть дадут водки! Мужчины пьют только водку, не то что там — некоторые... Даже я с вами выпью, ибо это надо отметить! А ты помнишь, это колечко на именины ты мне пять лет назад подарил?

Павильон. Весна. Вечер. Гатчина. Кухонное каре

6 в

За огромным кухонным столом для готовки на углу сидят Мария, Кристофер и Карловна. Стол заставлен прекрасными и сложными яствами, из чего ясно, что к этой встрече долго готовились, однако к кушаньям почти не притронулись. Тарелки перед всеми троими почти пусты, зато и почти пуст пузатый графинчик с ледника, весь покрытый изморосью. Марья Федоровна вся раскраснелась, а Кристофер и Карловна сидят друг с другом в обнимку, и все трое поют «O du lieber Augustin». В руке у Марии Федоровны крохотная изящная рюмочка, а в руках у Кристофера с Карловной — граненые стопки, судя по всему — с водкой. Допев, все трое выпивают залпом и чем-то разным закусывают. Кристофер спрашивает.

КРИСТОФЕР: И все же не возьму в толк, что у вас тут?

МАРИЯ: Это мы готовимся к переезду. Как заделают крышу в Павловске и поставят там хоть одну нормальную печь, уедем туда, и ноги моей больше уж тут не будет!

КРИСТОФЕР: А чего ж тут не так?

МАРИЯ: Да Ваньку с Федькою перестали пускать на конюшню. Мол, там они все портят и пачкают. Мальчишкам нельзя в оружейку, прикинь! Я тогда и сказала: раз моим мальчишкам нельзя к лошадям да к оружию, так и твоей твари отныне нельзя на кухню!

КРИСТОФЕР: Какой такой твари? У моего брата что, прямо здесь, во дворце, при живой жене появилась любовница?

КАРЛОВНА: Не, не любовница. Сынок мой, Хрися — по-нашему. У них с Марьей несовпадение взглядов на нынешнее искусство.

КРИСТОФЕР (*изумленно*): Это как так — сынок?! Что значит — не поделили искусство?

КАРЛОВНА: Ты по главному зданию с Павлом ходил? Видел, что там нынче все стены с портьерами в тонах желтого? А Марьюшка любит розовое. Ну и слово за слово, а братец твой и скажи, что она любит розовое, потому как сама уже вроде поросся. И усе...

МАРИЯ: А я здесь при чем?! Доктора говорят, что это у меня нервное, я как желтое с зеленым увижу, так из себя выхожу и мне надобно сразу пожрать. Говорят, что нервическое. Меня лечить, а вовсе не ругать надобно. Вот!

КРИСТОФЕР (*хмуря брови*): Ах, вот оно что... Ну, слушай мой приказ, Марья-краса. Отныне любая еда для тебя под запретом. Я сам ее буду тебе выдавать, и есть будешь теперь лишь с моего дозволения. А по утрам у нас будут обязательные поездки на свежем воздухе...

МАРИЯ (*с радостным визгом*): И на охоту?! Ты же меня возьмешь на охоту?!

КРИСТОФЕР (*размякая*): Конечно. Но при условии — возьмем с собою и Ваньку с Федькой, а то они без лошадей да оружия у вас тута взвоют. Отпустишь, Карловна?

КАРЛОВНА: Чего же не отпустить? С хорошим командиром да под присмотром — это мы завсегда. Да и Марье там, будто белке, все время грызть будет нечего. Авось вес и скинет на свежем-то воздухе.

КРИСТОФЕР (*подкручивая усы*): А к Хресе твоему есть у меня разговор...

МАРИЯ (*торопливо и испуганно*): Не-не-не... Ты же вгорячах пришибешь мозгляка, тебя сошлют, а то и казнят, и что я тогда стану делать?! Опять же сын он для Карловны, какой-никакой, а все ж — сын!

КРИСТОФЕР (*со вздохом*): Все понял. Отставить... Ладно, тогда пойду что ль с братом поговорю. (*С этими словами поднимается и выходит из кухни.*)

МАРИЯ (*с восторгом*): Ну, как он?! Мой Зигфрид...

КАРЛОВНА (*одобрительно*): Да, впрямь — герой! Но учти, девка (*строгим голосом*), покрывать вас я не буду. Во-первых, все мужики — кобеля, им нужно лишь это самое, а потом ищи-свищи ветра в поле, а во-вторых, у тебя уже дочерей полдворца, вообрази сама, какой подашь им пример!

МАРИЯ (*с изумлением*): Ты о чем? Да я же ни сном, ни... (*Задумывается.*) Господи... Страх-то какой... И впрямь, он на меня как посмотрит, как своей рукой меня тронет, так сердце у меня и забьется, ну прям как воробышек... (*Вздрагивая и крестясь.*) Боже... вот же насколько я грешная...

Павильон. Весна. Вечер. Гатчина. Главное здание

7 В

Кристофер идет по коридору и внимательно во все вокруг глядывается. Стены и впрямь теперь все в зеленом, желтом и золотом, а по углам появились статуэтки с обнаженными дискоболами, копыносцами и прочими гольми мальчиками. Чем дальше Кристофер смотрит на все это, тем более он мрачнеет. Он то и дело хмыкает, поправляет тугой воротничок и постепенно багровеет от ярости. Впереди комната, из которой раздается прекрасная

музыка. Кристофер распахивает дверь и видит все тот же струнный квартет, который аккомпанирует Павлу и Хрисе, которые в четыре руки играют что-то на огромном рояле. Хрися вся в женском и неотличима от девицы, вплоть до того, что у нее на шее огромный бант, который скрывает кадык. При виде всего этого Кристофер багровеет совсем и, смачно плюнув на пол, выходит из комнаты, хлопая за собой дверь. Вслед за ним выбегает расстроенный Павел.

ПАВЕЛ (*взволнованно*): Что ты? Куда ты, душа моя?!

КРИСТОФЕР (*во весь голос и с яростью*): Я тебе... Я — не душа... (*Он тыкает пальцем в сторону комнаты и на весь дворец с возмущением кричит.*) Я... Я — брат твой! Ты о чем думал, когда меня своим начальником охраны позвал?! Что обо мне теперь люди подумают?! Что я такой же вот... твоя душечка?! Душечка-блядушечка, блин!

ПАВЕЛ: Ты не понял, я тебе сейчас все объясню!

КРИСТОФЕР: Что я не понял?! Глаза у меня что ль повылазили?! Что это за пакость вокруг?! Ты сам-то разуй глаза — все статуи голые, притом ни одной бабы нету! Ни единственной!

ПАВЕЛ: Так то же античные статуи. Собственность самого Фридриха Великого. Новый король пожелал их продать, а я и купил их при случае... Да и Хрися одобрила... Очень дешево они нам обошлись...

КРИСТОФЕР (*в ярости стуча кулаком по стене*): Ты что, не понимаешь, почему их все продали?! Сам не видишь — их нельзя держать в приличном дворце!

ПАВЕЛ: Да потому, что там, в Пруссии, теперь одни дураки. Не понимают красоты и античности. Вон, говорят, лучшие офицеры с министрами оттуда бегут к нам на службу. (*Постепенно успокаиваясь.*) А Фридрих был великий король и для всех нас пример. Это наше счастье огромное было выкупить его статуи. У матушки есть Эрмитаж, а я тоже начну собирать лучшее у меня в Гатчине.

КРИСТОФЕР (*со стоном*): Вот я дурак-то, вот дурак! Черт, не верил же, не верил никому! Даже когда Невель с Оболенским божились,

что ты заставлял их платья надеть, все равно я не верил! Ибо ты же — брат мой! Ба... Так они же скоро приедут, и как мне ими теперь прикажешь командовать?!

ПАВЕЛ (*растерянно разводя руками*): Раз они люди столь темные и ограниченные... А можно их распустить? Ну да, конечно (*увидав возмущенный жест Кристофера*). Получится, что мы нарушили прямой указ моей матери. Давай так: ты будешь общий начальник нашей с Марьей охраны, а Невель, Оболенский и прочие ретрограды пусть охраняют только Марью с детьми, все равно она мечтает жить в Павловске, а сюда мы еще наберем.

КРИСТОФЕР (*раскачиваясь с носка на пятку и обратно и сжимая и разжимая огромные кулаки*): А дочек куда? Где дочек-то думал держать? Здесь или тоже в недостроенном Павловске, без печи да крыши?

ПАВЕЛ: Так... Дочерей она точно мне не отдаст. Стало быть, они будут с ней. В Павловске.

КРИСТОФЕР (*отвешивая низкий поклон*): Тогда все решилось. У меня приказ — прибыть охранять членов августейшей фамилии. Трое членов фамилии — Государыня, а также наследники Александр и Константин — нынче в Царском Селе. Итого — три. Ты будешь здесь, в Гатчине. Итого — один. А Мария Федоровна и великие княжны — Александра, Елена, Мария и Екатерина — по твоему решению едут в Павловск. Итого — пять. Пять больше, чем три и один, значит, долг мой — быть в Павловске. Все верно?

ПАВЕЛ (*угрюмо*): Да ты, гляжу, у нас математик. Не обсчитайся... Хорошо, я себе другого найду.

Павильон. Весна. Утро. Гатчина. Кухонное каре

8 в

Вычищенный, выбритый и подтянутый Кристофер в обычном мундире стоит перед дверью кухни и стучится. Ему сразу же открывают. Там, видимо, несмотря на раннее утро, вовсю готовится завтрак. Дверь открывает сама Мария Федоровна, она смотрит на Кристофера настороженно. При этом Мария Федоровна при полном параде

и в офицерском мундире, но из-за ее пышных форм мундир ей уже не по размеру и на ней смешно смотрится. Видимо, поэтому он щедро по швам намазан мылом и мелом и, похоже, готовится к перешивке. За Марией толпятся целая горсть мелких девочек и чернявый мальчик, мастью похожий на жгучую Лолу, а также два высоких юноши и могучая Карловна. Все напряженно смотрят на Кристофера. Тот всем кивает и небрежно спрашивает.

КРИСТОФЕР: А для меня тарелка готова? Я всю ночь был в седле, в столицу летал — и теперь голоден.

Мария и Карловна торопливо ведут гостя к столу, Ванька и Федька ловко тарелки расставляют и еду по ним раскладывают, маленькие девицы и мальчик быстро рассаживаются по своим местам. Кристофер оказывается во главе стола, за всех произносит молитву, и вся семья приступает к завтраку. Проглотив первые куски, Кристофер вроде бы небрежно спрашивает.

КРИСТОФЕР: Кстати, а чего ж в Павловске крыша у нас непокрытая? И неужто так сложно там сложить центральную печь?

КАРЛОВНА: Так денег нету, милоч. Царица дает деньги нашему принцу на содержание, так он на все статуи срамные купил! Нынче деньги все на новые краски и прочие гобелены тратятся. Когда они еще найдут средства на крышу для Павловска...

КРИСТОФЕР (*твердым тоном*): Стало быть, собирайтесь. Я все свои деньги у Шарлотты в банке забрал, нынче в Павловск идут теплые палатки с бивуаками, походными печами и кухнями. А еще материалы для крыши и всех печей. По приказу Наследника Павла я теперь комендант Павловска, а на сам дворец им подписана дарственная на Марию Федоровну. Когда мой полк вернется с войны, они там станут охраной. Вопросы?

Ошеломленные женщины меж собой переглядываются, Мария Федоровна начинает почему-то рыдать, а Шарлотта Карловна ее обнимает и успокаивает. С дальнего конца стола руку поднимает Иоганн фон Ливен. Кристофер кивает, и юноша торопливо вскакивает.

ВАНЯ: А нам... Нам тоже готовиться в Павловск?

КРИСТОФЕР: Чем вы лучше прочих? Работать у меня будут все, и от сборов никто не отлынивает!

Оба мальчика обрадованно вскакивают и хотят куда-то бежать, но Кристофер с грохотом опускает кулак на стол.

КРИСТОФЕР: Сели. Доели. Зря что ли мать старалась, готовила?!
Остальных это тоже касается.

Все семейство как по команде опускает взоры в тарелки и с аппетитом завтракает. Даже Мария Федоровна перестала хныкать и всхлипывать, а торопливо жует и не сводит, сперва украдкой поглядывая, потом не может отвести своих огромных восхищенных глаз с нового коменданта дворца в Павловске.

Натура. Лето. Утро. Санкт-Петербург. Дворец Куракиных

9 В

По улице Санкт-Петербурга идет одетый по последней французской моде Михаил Сперанский, который по пути сверяется с какой-то запиской. Наконец он останавливается перед огромным дворцом, к фасаду которого рабочие прикручивают медную табличку, на ней написано: «СОЛЬ. А. Перец». Сперанский долго смотрит на табличку, а потом, тыкая пальцем то в нее, то в свою бумажку, у рабочего спрашивает.

СПЕРАНСКИЙ: Послушайте, в Париже мне сдали комнату во дворце камергера Куракина. А тут какие-то соль да перец!

ПЕРЕС (который выглядел как один из рабочих): А кто вы такой? Не знал, что Куракин, сидя в Саратове, для кого-то в Париже сдает свои комнаты...

СПЕРАНСКИЙ: Ах, простите... Меня зовут Михаил Сперанский, я проходил обучение в Сорбонне, и у меня рекомендательное письмо к камергеру Куракину от монсиньора кардинала де Рогана (торопливо находит письмо).

ПЕРЕС: Ах, ну да... Де Роган, старый друг масона Куракина, бунтовщик, якобинец, возмутитель спокойствия. Но не на пороге же нам стоять. Давайте, я с дороги хоть чаем вас напою. *(Делает взмах рукой, будто приглашая следовать за ним и начиная идти внутрь дворца.)* Расскажите мне про масонов, какие они? В этой стране про них говорят лишь ужасное.

СПЕРАНСКИЙ: Я их не знаю, но кардинал — честнейшей души человек. Его на ровном месте обидели, король у него против всех законов отнял епархию, и, возможно, поэтому он и...

ПЕРЕС *(затворяя за ними дверь во дворец и убеждаясь, что они остались одни)*: Не порите чушь! Кардинал тот еще проходимец. Какая у вас ступень посвящения?

СПЕРАНСКИЙ *(ошарашенно)*: Средняя. Пока я масон сорок третьего градуса... Великий Восток.

ПЕРЕС *(понижая голос)*: Хорошо. Абрам Перес — пятьдесят второй градус, и отныне вы мне подчиняетесь. Мне о вас написали... У вас есть письма для Павла?

СПЕРАНСКИЙ: Вот они *(достает было письма)*.

ПЕРЕС *(отмахиваясь)*: Не нужно. Доставьте их адресату. Наша с вами задача вернуть нашего господина Куракина обратно в столицу. А он уже имеет градус посвящения больший, чем Павел.

СПЕРАНСКИЙ: Я должен просить о том Павла?

ПЕРЕС: Нет. Просто доставьте ему письма из Франции. А де Рогану во Францию напишите, что у нас тут проблема. Два юных идиота — Куракин и Павел — согласно письмам Куракина, обещали шведскому королю привести для него Россию к покорности. А шведы — те еще воры, моты и жулики, так за всю страну примутся, что держись. Опять же их ложа вошла в контры с нашею. Пусть де Роган нам денег пришлет и скажет, как же нам все это расхлебывать? Ну, идите!

С этими словами Перес начинает ловко Сперанского из дома выталкивать, несмотря на робкие протесты: «А как же чай?! А где же мне жить?!» Заперев наконец за ним дверь, Перес утирает со лба пот и бормочет.

ПЕРЕС: Боже, какой идиот... Интересно, а пятьдесят два этих граду-са — это тоже средняя степень у них посвящения или поболе? Страна непуганых дураков! Сперва Куракин дарит дворец за то, что я его из ссылки верну, а теперь этот мне служит лишь потому, что я сумел назвать чуть большую цифру... Интересно, сколько мне пришлет де Роган? И за что? Все-таки Россия — это страна бесконечных возможностей. Но как же умному здесь у них одиноко!..

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Здание жандармерии

10 в

В здании жандармерии из-за летней жары нараспашку раскрыты все двери и окна, и поэтому крики пытаемых из подвала очень хорошо слышатся. За своим столом, положив одну ногу на стол, сидит Фуше и читает донесения Сперанского. Он то и дело посмеивается, то и дело что-то пометает в письме своим пером. Затем он отбрасывает бумагу и задумчиво произносит.

ФУШЕ: Послушайте, Фурнье, а ведь наш Мишель в России прекрасно работает. Вы читали его донесение?

ФУРЬНЕ (*появляясь из соседнего кабинета — такой же потный и взмокший*): Так точно, патрон, это ценный сотрудник.

ФУШЕ: Тогда у меня три вопроса. Во-первых, как бы нам залучить сюда этого самого Переца для конфиденциальной беседы?

ФУРЬНЕ: Я навел справки, это — торговец солью. У нее какой-то особый цвет и запах. В Марселе торговали такою, и она называлась турецкой, а после пропала. Может, дать ему привилегию торговать солью во Франции?

ФУШЕ: Решено. Оформите ему патент, но скажите, что получит он его лишь после того, как лично со мной побеседует. А там и посмотрим: то ли он уважаемый Перец, то ли прямо тут и насыпем ему соли под хвост. А у нас в гостях (*неопределенно машет рукой в сторону камер, откуда слышны крики*) у людей обычно просыпается благоразумие. Теперь — во-вторых. Нужно ли нам, чтобы шведский король и дальше русского Наследника шантажировал?

ФУРНЬЕ: Русская царица, по слухам, настроена против нас, а сын ее — во всем против матери. Шведский король — британская шлюха. Думаю, выбор ясен.

ФУШЕ: Хорошо. Избавим его от этого гнета. Однако неплохо бы повесить тень шведа на его совесть. Когда своя совесть у людей нечиста, они других лучше слушают. Наконец, третий вопрос... О возвращении Куракина. Кроме прочего ходит слух, что слуги Куракина были замешаны в смерти первой жены Наследника Павла. У меня вопрос: как думаете, Фурнье, выгодно ли нам возвращение такого человека к Наследнику?

ФУРНЬЕ (задумчиво): А вот это вопрос! Хорошо бы сперва с ним обо всем побеседовать, но как это сделать, когда мы здесь, а он в своей ссылке в Саратове? Но было бы неплохо держать будущего царя русских не просто за горло, а еще и за яйца...

ФУШЕ: Послушайте, а что вообще нашему Мишелю делать в столице?! Убойный компромат на Наследника, насколько я понимаю, нынче в Саратове, и ничего лучше, чем убийство жены, мы на него и не выдумаем... Похоже, нашему Мишелю пора прокатиться по Волге. Да, речной воздух молодым людям кстати!

11 в

Натура. Лето. Вечер. Рига. Набережная

Вдоль по набережной идет Исаак из Йорка и кормит уток. Вокруг долгий августовский покойный вечер, когда народ обычно идет сюда отдыхать, и поэтому на набережной людно. Среди гуляющих даже сложно разглядеть слуг Исаака — Якуба и Михалю, которые двумя тенями, но чуть в стороне следуют за своим господином. Будто случайно с Исааком равняется молодой человек и с ним даже сталкивается. Исаак в ответ приподнимает цилиндр и затем протягивает человеку корм для уток. Молодой человек в свою очередь поднимает цилиндр, и мы видим, что это наш старый знакомый Перес.

ИСААК: Какими судьбами? Куда держим путь, молодой человек?

ПЕРЕС: У меня есть о чем вам сказать. Французы клюнули, сам Фуше выдает мне патент на торговлю крымскою солью, и мне нужны

ваши инструкции: о чем я смею с ним договариваться, а что для меня будет табу?

ИСААК: Надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы совать голову в пасть этому мяснику.

ПЕРЕС: Чем он так страшен? И не таких мы убалтывали.

ИСААК: Тем, что вы так юны, молодой человек, и ваши бейцы еще вам понадобятся. А Фуше вас повесит на дыбу и будет потихоньку поджаривать, и это еще до того, как начать разговор. Нынче он получает деньги с де Сада и стал его книг горячим поклонником. А де Сад — это вам не ваша любимая тетя Сара... Во всех смыслах.

ПЕРЕС: Ничего себе! А я думал, он бизнесмен.

ИСААК: Таки он и есть бизнесмен. Лично проверяет методики, чтобы в книгах де Сада была «правда жизни». По слухам, ему с того — денег больше. Но если вам оно по сердцу... кто же вам доктор?

ПЕРЕС (*поеживаясь*): Вы знаете, а я рад, что познакомился сперва с вами. Вы такой умный...

ИСААК: А вы — дурак, молодой человек. Вы исполнили мой приказ немедленно выйти из всех дел «Рижско-Дунайского товарищества»?

ПЕРЕС (*пожимая плечами*): Там какие-то проволочки...

ИСААК (*начиная шипеть*): Слушайте, молодой человек, когда мы... когда сама Корона ручалась за вас перед Цейтлиным, вы обещали нам, что будете по струнке ходить. Товарищество — это Шарлотта и это Барклай, а Барклаю палец в рот не клади!

ПЕРЕС (*оправдываясь*): Так и что? Нормально поговорили...

ИСААК: Вы же сдали меня ради гешефта поганого! С потрохами же сдали, когда услышал он в ваших словах мою речь! А теперь я хожу и дрожу, что вот-вот меня схватят и фрау Эльза лично начнет мне под ногти иголки запихивать. Зря мы вас наняли! (*Берет себя в руки.*) В общем, езжайте к Фуше, только не в его застенки, а куда-нибудь в Брюссель или Антверпен, и скажите ему, что в самой Франции на вас ордер. Пусть сам к вам приедет. Целей будете, да и уважать после этого он вас станет больше. И в Ригу более ни ногой. Вы поняли — ни ногой!

С этими словами Исаак резко выхватывает из рук Переса корм для уток и отворачивается. Судя по шагам, Перес после этого удаляется. Исаак несколько раз шумно выдыхает и выдыхает, видимым образом успокаивается и снова идет вдоль набережной, продолжая кормить уток. Сзади раздается какой-то шум. Плечи Исаака резко опускаются, и он сильно сутулится. Сзади слышен звук подъехавшей кареты. Исаак оборачивается — за его спиной карета с распахнутой дверцей. Внутри кареты сидит веселая Эльза и приветливо манит Исаака рукой. Исаак тоскливо смотрит в сторону и видит, что его Якуб и Михаль, большие теперь похожие на мешки, барахтаются под двумя кучками людей в черном, которые накрыли плащами их с головой и теперь усердно мутузят. Исаак издает тоскливый вздох и садится к Эльзе.

Эльза (с веселою искоркою в глазах): А вы знаете, я должна Михал Богданычу сотню гульденов. Мы с ним поспорили. Он божился, что не показалось ему, а я все не верила, откуда связь между торговцем солью — зятем главного поставщика провианта для русской армии, и моим подопечным — британским шпионом, который божился мне все-все рассказывать!

Исаак (убитым голосом): Пошадите, фрау Эльза, я вам сейчас все-все объясню...

Эльза (не меняя веселый тон): А я на вас зла, голубчик. Сто гульденов, знаете ли, на дороге просто так не валяются. Предлагаю вам самому — по старой дружбе и памяти — выбрать между иглками, испанским сапогом или дыбой. Ибо вы, друг мой, — рецидивист. Неисправимый. Поэтому будет больно!

Исаак (решившись): У меня есть что сказать. Но я потом должен суметь показаться не изуродованным вами.

Эльза (серьезней): Вы знаете правила. Это должно быть что-то очень важное, ибо я вас только что за нарушением вашего «честного-пречестного» слова застукала.

Исаак: Перес — наш давний агент, мы его нарочно в зятя Цейтлину когда-то подсунули. Впрочем, разве это агент?! Это жадный поц,

а не агент — за копейку маму родную продаст... Перес сообщил куда надо, что вы готовите убийство шведского короля, и теперь ваших людей ждут в Стокгольме. Там-то уж постараются из них выбить признание, что ваши царица с племянницей занялись террором на высшем уровне. Скандал будет страшный, а Россию знатно грязью попачкают.

ЭЛЬЗА (*захлопывая дверку кареты и приказывая кучеру трогать*): А теперь расскажите мне все обстоятельно. Для начала — от кого сей молодец все это узнал?

ИСААК: Сведения поступили от графа Салтыкова — воспитателя юных принцев. Он слышал их от самой Государыни.

ЭЛЬЗА (*с недоверием*): От Салтыкова... Воспитателя. И каким макаром граф Салтыков пересекся с торговцем солью Абрамом Пересом?

ИСААК (*с плохо скрываемым торжеством*): А таким, что Наследник Александр любит вкусенькое. Нравится ему соль с малиновым запахом! Видать, от маменьки любовь с детства к розовому, а от папеньки — к необычному. А у его гувернера — большая и светлая любовь к деньгам. Так и сошлись. (*В голосе появляются ноющие нотки.*) Опиять-таки, у вас по дворцу не один Перец бродит. Просто он — наглый, как будто у него девять жизней, и поэтому виден, а там еще куча народу, точно есть и австрийцы, и агенты из Франции, и все мне неведомы. Устроили из столицы проходной двор, а как иголки под ногти, так бедному Исааку засовывать!

ЭЛЬЗА (*мрачно*): Похоже, вы, старый плут, в этот раз спасли свои ногти. Ничего, наверстаю, ведь вы же все равно еще раз оскормитесь... Шучу.

Натура. Осень. День. Стокгольм. Площадь Оперы

12 в

К Опере идут два очень разряженных господина. Один, что постарше, король Швеции Густав Третий. Он одет только в серое, ибо этот цвет подходит к цвету его лица, а еще он необычайно худощав, а лицо его невероятно морщинисто. Недруги уверяют, что сие признак то ли срамной болезни, то ли наличия глистов, которые вечно оказываются у него

во рту. Его двоюродная кузина Государыня Екатерина Великая зовет его не иначе как толстяк Гу, и считается, что «толстяк» — это шутка, а «Гу» — это дружеское сокращение от имени Густав. Более осведомленные люди шепчутся, что по-немецки «dicke» значит и «толстяк», и «срамной орган», а «goo» — это «слизь», и значит толстый Гу — нечто вообще непотребное. Вместе со своим королем идет его прелестный юный фаворит Арнфельт, про которого в приличных домах говорить просто не принято.

АРНФЕЛЬТ: Итак, мой король, бритоны передали нам точные сведения, что ваша русская кузина приказала прислать ей вашу голову.

ГУСТАВ: О, эта жирная кабатчица Софья! Ненавижу баб, а особенно толстых. Они так потеют! Кстати, мой друг, по-моему, у меня со щеки чуть осыпалась пудра... Кто именно придет меня убивать?

АРНФЕЛЬТ (*доставая из кармана походную пудреницу и быстро щеку государя обмахивая*): Вот так, мой государь, так лучше. Деньги уже пришли от госпожи Лифляндии Шарлотты. Видно, эта хилая сучка провела, что Наследник Павел с камергером Куракиным обещали вам всю Прибалтику в обмен на то, что вы Куракина великим гроссмейстером лож сделаете.

ГУСТАВ: Ах, если б я мог... Если б я мог... Но они и впрямь были глупы и забавны. Правда, оба ужасно уродливы на мой вкус — один безобразно толст, а второй — кривоног. Так эта самая Шарлотта...

АРНФЕЛЬТ: Да, да! Она, наверное, точно знает, что именно Павлом вам было обещано, и поэтому это покушение она взяла в свои руки.

ГУСТАВ: О, боже... Не надо было в наши планы дураков посвящать, но мы не смогли бы обойтись без этого русского карлика... Да, друг мой, продвижение просвещения в земли варваров порою опасно, однако их офицеры столь статны и красивы, что игра стоит свеч.

АРНФЕЛЬТ (*со смехом*): Останется лишь убедить их, что жить надо по примерам античности. Однако можно ли до конца обуздать варвара? Это все равно что жить в одном доме с плохо прирученным диким зверем, я думаю.

ГУСТАВ: Не тревожься, мой друг, никто не пустит в наш с тобой дом диких варваров. С меня было довольно и тех, кто попадался к нам в плен, благо с ними можно не церемониться. Но мы отвлеклись. Имена! Я хочу знать имена всех этих негодников!

АРНФЕЛЬТ: Во главе заговора генерал Пеклин, а также графы Горн и Риббинг, барон Бьелке и полковник Лилльегорн. И еще человек сорок — офицеров рангом пониже...

ГУСТАВ (*резко останавливается*): Погоди... Что-то их слишком много! Ведь если мы их всех посадим, не останемся ли мы с тобою без армии?! Да и солдаты не сдадут своих офицеров... Возможен бунт!

АРНФЕЛЬТ: Мы об этом подумали... В общем, нам надобно доказать, что покушение на вас организовано врагами страны. Тогда солдаты за них не подымутся. Русские в этом отношении идеальны, наша армия была ими только что жестоко потрепана... Все ими битые встанут за Швецию против русского заговора!

ГУСТАВ (*опять начиная движение*): Согласен, мой друг. Прекрасно. На меня нападут, меня, может быть, ранят, но вся страна будет знать, почему мы нападали на Россию. Именно потому, что это наш вечный и лютый враг, который был и остается нашей главной угрозой, а вовсе не из-за того, что англичане нам заплатили и негодяи о том в газетках пописывают! Что от меня требуется?

АРНФЕЛЬТ: Пока ничего. Ближе ко дню покушения начнете носить под одеждой кольчугу, которая не пропустит ни нож, ни даже пулю. Подходить к вам все смогут только по пропускам и так далее. Впрочем, день покушения назначен на маскарад посреди Великого поста, так что пока время есть.

ГУСТАВ (*с изумлением*): То есть они планируют убить меня лишь через полгода?! Почему проволочка?

АРНФЕЛЬТ (*пожимая плечами*): Так вы же король у нас в Швеции, а не в благословенной Италии, где вы желали бы править. А у нас все нескоро. Пока убийцу подыщут, пока роли меж собою разделят — вот полгода и кончились. К тому же, ими овладела идея, что убивать вас лучше всего под мартовские иды — как Цезаря.

ГУСТАВ: Кассий с Брутом тогда плохо кончили...

АРНФЕЛЬТ (*опять пожимая плечами*): Генерал Пеклин, который нас информирует и который во главе всего заговора, побоялся, что мы приготовиться не успеем. Опять же он, видно, хочет, чтобы вы заметили это его сравнение вас с Цезарем, и простили, когда все раскроется. Офицеры его книг не читали и не ведают, чем тогда все закончилось.

13 в

Натура. Зима. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

Шарлотта, снимая с себя тяжелое меховое пальто, входит в дом и слышит с заднего двора какой-то жуткий грохот и детские крики. Она снова накидывает на себя меховое пальто и спешит на задний двор. Там странная картина: Эльза в маске для фехтования, прикрываясь деревянным щитом, стоит посреди двора с пистолетом в руке на чем-то вроде шахматной доски. Напротив нее — манекен, на который надета кольчуга. По всему двору навалены мешки с песком, за которыми сидят в теплых курточках маленький Александр Бенкендорф и его латвийские кузены. При виде Шарлотты Эльза делает ей предупреждающий знак, чтобы та отошла за угол, и стреляет. Ужасающий грохот, свист пули. Мальчики гурьбой выпрыгивают из-за своих мешков и кричат: «Не прошла!»

ШАРЛОТТА (*из-за угла с интересом*): По какому предмету урок?

БЕНКЕНДОРФ: У нас эксперимент! Тетя Эля выясняет, с какого именно расстояния можно из пистолета известной марки пробить кольчугу из шведской стали, легированной хромом и никелем! И какой должен быть вес пули и заряд пороха, чтобы ствол выдержал. А мы — помогаем.

ШАРЛОТТА (*выходя из-за своего укрытия*): Какой пистолет? Точно ли подобрали кольчугу? С какого расстояния пройдет пуля?

ЭЛЬЗА: Пистолет компании «Аркастрем». Кольчуга аналогичная королевской. Расстояние два шага, заряд в три раза больше обычного — может порвать ствол. Слишком близко, слишком большой заряд, даже если выстрел удастся, наш человек будет схвачен.

ШАРЛОТТА: А они как раз хотят именно этого...

ЭЛЬЗА: Мало того, они хотят, чтобы покушение было успешным, иначе бунт в армии неизбежен. Король будет убит, его убийца окажется русским, военным и верующим. Столько зайцев — и всего одним выстрелом.

ШАРЛОТТА: При чем здесь верующий?

ЭЛЬЗА: При том, что Густав содомит и отрекся от Господа. Он назначил сей маскарад среди Поста, дабы лишний раз оскорбить свою церковь. Убьет его религиозный фанатик, а это повод для отъема имущества церкви в казну, расстроенную военными поражениями. Содомиты. У них все рассчитано.

ШАРЛОТТА: Кто убийца?

ЭЛЬЗА (*мрачно*): Аркастрем. Был царским пажем, растлен королем с детских лет, в шестнадцать стал его фаворитом и слыл «полевой-походной женой» в поездках Густава по Франции и Италии. При этом вел себя мерзко и возбудил общую неприязнь.

ШАРЛОТТА: Мотив убийства?

ЭЛЬЗА: В двадцать один год был выгнан со службы. Король решил, что от него «слишком пахнет козлом». С горя женился, наделал детей, чтобы все перестали его называть царским угодником. Это не помогло, ибо прочие офицеры им все равно брезговали. Тогда он стал кричать, что убьет короля за то, что тот его обесчестил. Удобен заговорщикам, так как его никому ни капли не жалко.

ШАРЛОТТА (*растерянно*): Я утратила нить... Как такого мерзавца можно счесть верующим?!

ЭЛЬЗА: Семья его — верующая, и поэтому стоит сказать: «Аркастрем», и все решат, что он религиозный фанатик. Но он не сможет стрелять. Генерал Пеклин, которому мы шлем деньги, считает, что сам Аркастрем в жизни не выстрелит, ибо кишка тонка.

ШАРЛОТТА: Так кто же тогда будет стрелять?!

ЭЛЬЗА: Пеклин пишет, что раз нам это нужно, то и стрелять должен наш человек. Просит русского, военного и верующего и говорит, что

якобы Аркастрема они подставят. Думаю, что Пеклин — засланный казачок, а сам король Густав — наживка. Во главе же заговора вовсе не Пеклин, но Густав Адольф — сын Густава, которому до смерти надоела борьба отца против церкви и армии. И ему тоже нужен козел отпущения.

ШАРЛОТТА: А ты что?

Эльза: Вам нужно хорошее отношение Государыни, поэтому наш человек уже там. Ну, может, не совсем русский, не совсем военный и не совсем верующий, да и шведам про него знать лишнее. Достаточно и того, что они точно знают, что он уже там. Без подробностей. Посему его ищут. Осталось понять, как пустить пулю так, чтобы все на шведа подумали и чтобы наш человек потом ушел незамеченным. Вот и подбираем расстояние до цели, заряд пороха и вес пули. Мальчишкам нравится.

Шарлотта подходит к манекену, смотрит на вмятины, на кольчугу, снимает перчатку и гладит кольчужные кольца.

ШАРЛОТТА: Пулей такую сталь не пробить. Но в эти дырочки проскочит любая мелочь. Чтобы убить — довольно иголки. Надо попробовать.

14в

Павильон. Весна. Вечер. Стокгольм. Здание Оперы

В темной комнате толпятся заговорщики. На них серые одежды, длинные серые плащи и маски крыс. Со стороны они выглядят как крысиная стая.

БЪЕЛКЕ: Кто придумал столь странные маски?

РИББИНГ: Пеклин узнал, что тиран будет в костюме и маске Крысиного короля. Так мы легче всего сможем подобраться к нему незамеченными.

ЛИЛЛЬЕХОРН: Аркастрем, ты готов? Где твой пистолет?

АРКАСТРЕМ: Я спрятал его загодя среди бутафорского оружия рядом со сценою. Ведь всех же на входе обыскивают!

ЛИЛЛЬЕХОРН: Да ты умный малый, Арчи! Ну с Богом!

Заговорщики выходят из комнаты и рассыпаются по толпе. В оркестровой яме гремит местный оркестр, так что больно слышать. По знаку своего командира заговорщики проскальзывают из главной залы в длинное фойе, где музыка звучит тише, ибо тут для гостей играет лишь маленький духовой квартет. Как раз дудочники начинают играть знаменитое «O du lieber Augustin», когда дверь в фойе открывается и входит король Густав в костюме Крысиного короля. Он уже почти пересек фойе и приоткрыл дверь в залу, когда по приказу главного прочие заговорщики с разных сторон к нему отовсюду сбегаются и хором кричат по-французски: «Привет тебе, прекрасная маска!», а потом опять же по-французски: «Смерть Тирану!» Король Густав в ужасе оборачивается на сходящийся полукруг людей-крыс, совсем забывая, что за его спиной полуоткрытая дверь в главную залу. А как раз с этой стороны к двери подходит Аркастрем. Он при этом начинает шарить рукой за спинками кресел. Однако движения его вдруг становятся хаотическими, и он даже начинает подпрыгивать, чтобы что-то найти. Вдруг сверху слышится голос.

ФОН РАПП: Это ищешь?

Сверху из темноты ложи к Аркастрему протягивается рука с его пистолетом. Человек в маскарадном костюме дудочника — Гамельнского крысолова, стоя на коленях в темной ложе, сквозь перила дружески подает пистолет Аркастрему. Тот растерянно почти уже берет протянутый пистолет, когда дудочник вдруг поворачивает пистолет в спину пятящегося короля и нажимает на спуск. Пистолет падает к ногам Аркастрема. Раздается отчаянный крик короля.

ГУСТАВ: Боже, какая боль! Меня убили! Врача, врача!

Аркастрем машинально поднимает пистолет и видит, что все его руки в крови. Он смотрит вверх, но темная ложа сверху пуста, будто там никого и не было. Лишь из темноты скорее как дуновение ветра доносится звук свирели: «Alles ist hin»... Аркастрем смотрит на свои окровавленные

руки, на свой дымящийся еще пистолет, в ужасе вскрикивает, роняет пистолет на пол и бежит прочь в сторону толпы, мечущейся по театру.

15 В

Павильон. Весна. Ночь. Стокгольм. Здание Оперы

В здании Оперы идет массовый обыск. Все музыканты и обслуга построены с одной стороны зала, гости — с другой. По зданию мечутся десятки людей из тайной полиции. Наконец глава полиции Оксииерна докладывает своему начальнику — Армфельту.

ОКСИШЕРНА: Здание проверено. Никаких русских. Или это сделал пойманный нами урод, или никто.

АРМФЕЛЬТ: Но это невозможно! Это же маскарад, проверьте еще раз гостей, все же были в масках!

ОКСИШЕРНА: Кроме семерых, назначенных вами же заговорщиков, все прочие гости имеют алиби. У меня в зале было в два раза больше агентов, чем случайных гостей.

АРМФЕЛЬТ: Тогда это музыканты! Ну конечно же — музыканты!

ОКСИШЕРНА: Музыканты сидели на виду друг у друга в оркестровой яме. И они играли музыку! Чтобы отойти и убить короля, нужно именно отойти и отложить свою скрипку.

АРМФЕЛЬТ (*растерянно*): Мистика. Прямо какой-то истинный призрак оперы. О! Точно (*хлопая себя по лбу*). Это немецкие дудочники, которые играли в фойе. Я сам их там слышал.

ОКСИШЕРНА (*с тоской в голосе*): Вот именно. Все их слышали. Личный квартет бывшего короля Фридриха Великого. Проблема в том, что они дудочники и они квартет. Любой на слух заметит, когда их вдруг станет трое. И в дудку надо дуть ртом, а значит, что в любой момент там наверху было ровно четыре рта, которые дули в четыре дудки!

АРМФЕЛЬТ (*с отчаянием*): Не может быть! Дайте я с ними поговорю, ведь они не шведы, а немцы, пусть и наши союзники. Среди них мог быть наш убийца.

Начальник полиции и фаворит подходят к дудочникам. Все они в костюмах Гамельнского крысолова. Крайним справа — явно старшим в команде и по возрасту — стоит фон Рапп.

АРМФЕЛЬТ: Кто такие? Откуда? Отвечать!

ФОН РАПП (*с глубоким поклоном*): Мы всего лишь духовой квартет покойного Фридриха. Ублажали всех нашей музыкой уже почти год. Флейта, свирель, гобой и кларнет. Вот послушайте (*начинает играть на свирели и дает сигнал прочим*).

Немцы играют на дудочках так красиво и ловко, что Армфельт машет рукою в отчаянии, ибо и впрямь все время слышны все четыре духовых инструмента, а исполнение столь хорошо, что усомниться в том, что это именно дудочники, никак невозможно. В этот миг в театре движение, и мы видим, как по залу идет молодой Густав Адольф, причем на рукаве у него — траурная повязка.

АРМФЕЛЬТ (*взвывая от отчаяния*): Но как же так?! Эту кольчугу никто не мог прострелить!

ГУСТАВ АДОЛЬФ (*с ненавистью*): Это вы не смогли прострелить, ибо все делали через жопу! Сапожные гвозди. Сотни мелких острых сапожных гвоздей вместо пули. Сотни из них отбила кольчуга, но остальные пролетели сквозь ее кольца. Внутри батюшка нынче — как решето! Доктора решили, что мне пора готовиться к коронации. Убийца схвачен?

ОКСИШИЕРНА (*бравым голосом*): Так точно. Бывший любовник. Руки и лицо его гвоздями посечены, точно был рядом и сам же угодил под свой рикошет. Все ясно.

АРМФЕЛЬТ (*с отчаянием*): Но он же все отрицал!

ГУСТАВ АДОЛЬФ (*решительно*): К черту. Преступника надо казнить и быстрее, чтоб не болтал. Запороть его насмерть, а потом срубить голову. И до казни никого к нему не пускать. Все ясно?!

ОКСИШИЕРНА (*бравым голосом*): Так точно, Ваше Величество! Будет исполнено, Ваше Величество!

ГУСТАВ АДОЛЬФ (*милостиво*): Ну пока еще не Величество, но ваше рвение мне по нраву. Ваши предки Оксииерна всегда были лучшими слугами нашего дома... Не то что всякие выскочки!

С этими словами будущий король, как большой корабль, величаво разворачивается и уходит, сопровождаемый свитой. Раздавленный Армфельт бессильно опускается на пол, а приободренный Оксииерна приказывает.

ОКСИИЕРНА: Отпустить всех гостей с музыкантами. Заговорщиков в крепость. Убийце вырвать к черту язык. От греха. Немедля!

16 В

Натура. Весна. Ночь. Стокгольм. Площадь Оперы

По темной площади по обледеневшим камням идут четверо «гамельнских крысоловов». Под ногами скрипит лед.

ФОН РАПП: Сбить ногу! Сбить ногу, черти, на фигне ведь проколемся!

В ответ смена шага и легкое похихатывание.

ЛЕМКЕ: Не, это — шведы. Видать, медведь все уши им оттоптал. И зачем убогим нужна эта опера?!

МЮЛЛЕР: Камрады, я ведь чуть не обосрался, когда этот хрен стал нашу игру проверять. Думал, вот-вот услышит.

ШУЛЬЦ: А я не боялся. Раз они сразу съели квартет из флейты, свирели и гобоя с кларнетом, значит в музыке у них совсем туго. Свирель — дудка тонкая, на ней можно только соло играть, а в квартете ее плохо слышно. Свирельщику завсегда легко отойти. Поэтому в квартетах не свирель, а фагот. Вот у него-то звук жирный. Не спутать.

ФОН РАПП: Разговорчики в строю. Сбили шаг. Недобрые вы... Уйду я от вас!

В ответ — общий хохот. Четыре силуэта немецких дудочников растворяются постепенно во тьме, поверх которой плывет надпись: «Конец четвертой серии», и начинают идти титры.

Серия 5

In einer guten Ehe

(В хорошей семье)

1792. Павильон. Весна. Вечер.

1 а

Тюрьма Консьержери

В небольшой камере, где есть только стол и лавка, сидит одинокая женщина. Она уже немолода, но на лице ее еще видны признаки былой красоты. Правда, одежда у нее самая дешевая, как у простолюдинки, а руки испорчены стиркой. Дверь в камеру открывается, и туда входит плотный и сильный человек, который больше похож на ходячий квадрат, так как помимо широких могучих плеч у него столь же огромный широкий таз, и от этого вся фигура выглядит как воплощение животной силы. Одет он при этом почему-то исключительно в черное. При виде его женщина вскакивает, заламывает руки, и в ее голосе слышны былые сладкие нотки знаменитой мадам Дюбарри.

Дюбарри: О, это какая-то ошибка! Я бедная, несчастная женщина. До революции жила лишь на подачки неизвестных мне благодетелей, а вот нынче — прачка. Это ошибка, я не могу быть «врагом народа»...

Сансон: Ы?

Дюбарри (*с отчаяньем в голосе*): Да, я та самая мадам Дюбарри, любовница короля. Но, мсье... Это было вечность назад. Я двадцать лет жила в нищете, сами видите, как низко я пала! Что со мной будет?!

Сансон: Гы!

ДЮБАРРИ (со слезою и ужасом в голосе): Но я невиновна! Я так молода! Я не хочу, я не могу умирать! Из-за пирожных и простыней, да это же глупо!

Палач подходит к женщине ближе, оглядывает ее внимательно, как коннозаводчик породистую лошадь, затем по-хозяйски начинает расстегивать пуговицы на рубашке, а когда Дюбарри пытается сопротивляться, берет ее своей лапой за щеки и легонько надавливает. Рот мадам сам собой раскрывается, и палач деловито проверяет ее зубы. Затем он так же деловито задирает дамский подол и со знанием дела лезет туда рукой. Мадам понимающе улыбается, чуть закатывает глаза, издает самый соблазнительный стон и произносит.

ДЮБАРРИ: Может... Не стоит мне рубить голову. Я, может, лично вам — еще пригожусь?

САНСОН: Угу.

ДЮБАРРИ (с понимающей и обольстительною усмешкой): Сколько ночей я буду вас ублажать, дабы вы меня пощадите? Неважно... Вы такой могучий и сильный, что, ручаюсь, мне и самой все это понравится. Но не здесь же...

Вместо ответа палач вынимает руку свою из-под подола пленницы, ловко распускает ей волосы и наматывает их себе на кулак, а потом за эти же волосы вытаскивает ее куда-то из камеры.

2 а

Павильон. Весна. Вечер. Тюрьма Консьержери

Сансон затаскивает Дюбарри в огромную комнату, залитую огнями сотен свечей. Посреди комнаты нечто, напоминающее то ли кровать, то ли какой-то станок с десятками ремней. В дальней стороне комнаты огромная решетка от пола до потолка, за которой чудится движение. Потрясенная Дюбарри, которую чьи-то ловкие руки начали уже раздевать, с изумлением спрашивает.

ДЮБАРРИ: Там что, люди?! Они что, будут смотреть?

Из ослепительного света появляется маленький кругленький человек в уморительной маске. Он с кем-то раскланивается и поворачивается к мадам.

Де РОГАН: А вот и вы! Когда мне сказали, что в конце концов вы будете нашей гостьей, я примчался сюда сломя голову.

ДЮБАРРИ: Кто вы?

Де РОГАН: Это неважно. Меня вы не знаете, вернее, не помните, но я-то вас помню! Мы были друзья, но потом вы упали, а меня за то, что я считался вашим другом, стерли практически в порошок! Но старая дружба ведь не ржавеет! Вот и тут я по старой дружбе хочу предложить вам прекрасную сделку.

ДЮБАРРИ (*с надеждой*): Какую же? Я — согласна!

Де РОГАН: Ну конечно же, вы согласны! Но ежели вы передумаете, на сей счет вот эти ремни сойдут для всех нас вместо согласия. Итак, условие таково: вы по своей воле и при полном согласии нашему Сансону во всем соответствуете. И если это согласие вы сможете продлить до конца представления, то завтра вечером его мы продолжим!

Откуда-то раздается барабанная дробь, и де Роган выскакивает на круг света. В ответ раздаются аплодисменты и возгласы: «Это Человек, который смеется!» и «Рассмеши нас, Гуиннлен!». Де Роган отвечает шутовской поклон публике и кричит.

Де РОГАН: Ах, мадам и месье! Столь многие осуждены народом на казнь — и мужчины, и женщины. И ведь среди них есть прехорошенькие. Сегодня (*обращаясь к мадам Дюбарри, громко, кривляясь и играя на публике*) ваш бенефис! Ваша минута славы! Так сделайте ж так, чтоб все наши зрители на всю жизнь вас запомнили! Пардон, мадам, вам пришлось делать клистир...

В зале раздается новый взрыв смеха, в ответ на который де Роган бежит по сцене и показывает некую неприличную пантомиму. Откуда-то сзади раздается отчаянный вопль Дюбарри: «Боже мой, я не выдержу! Король никогда же не делал этого!» Де Роган при этом стоит, приложив ладонь к уху трубочкой, а затем восклицает.

ДЕ РОГАН: Ах, боже мой, боже мой! Скандалы, интриги, расследования! Только что стала известна пикантная новость: наш старый король никогда... НИКОГДА! Уси-пуси, а мадам-то, судя по ее крикам, невинная! Ничего (*подождав, пока стихнет смех в зале*), сейчас наш Сансон и прочие актеры все это исправят! Да, кстати, если кто-то не знал: этой ночью за отдельную плату любой из мсье может присоединиться к актерам, мы снабдим его маской. Расценки в программке написаны! Любой каприз за ваши деньги!

В зале шум, видно, что кто-то сразу встает и, размахивая буклетами, идет к двери, отделяющей сцену от зрителей. В этот момент в зале крик: «В вашем ценнике нет того, что мне нужно!» В зале нездоровое оживление. Де Роган сокрушенно разводит руками.

ДЕ РОГАН: М-да... мсье знает толк в извращениях... Что ж, присоединяйтесь к актерам, шалун! Если вы сможете показать нам нечто новое, так, чтобы изумить нашу публику, — для вас все будет бесплатно. Кто мы такие, чтобы стоять на дороге прогресса?!

В зале смеются, все начинают внимательно вчитываться в программки, какой-то человек под общие одобрительные слова бежит к сцене. Де Роган же прислушивается к событиям у себя за спиной, а потом, взмахивая руками, просит у всех тишины. Раздается тихая, но постепенно нарастающая дробь барабанов, и де Роган кричит.

ДЕ РОГАН: А теперь — гвоздь программы! По замыслу нашего великого автора, самого маркиза де Сада, перед нами — несравненный Сансон, главный и лучший палач Франции, а также обворожительная мадам Дюбарри в знаменитом и идущем у нас каждый день «Искусстве Содома»!

Гром оваций, мужские и женские крики: «Браво!», «Шарман!» и «Просим! Просим!». Барабанная дробь становится оглушающей, де Роган сходит со сцены, и на нее поднимается огромный Сансон, обнаженный до пояса, который с утробным ревом начинает молотить себя в грудь кулаками. Публика визжит от восторга и неистовствует. Судя по звукам, на сцену тащат и мадам Дюбарри.

Натура. Весна. Утро. Площадь Ситэ

3 а

На площади, где революционный Конвент проводит публичные казни, огромное стечение народа и масса публики. Среди толпы мы видим аббата Николя, который идет в костюме обычного буржуа в сторону площади. У входа на площадь у стены стоит знакомая нам карета с темными занавесками, и аббат без особых вопросов в нее поднимается. Внутри кареты темно, там сидит Мария Елизавета в темном наряде и в своей неизменной шляпе с вуалью. Аббат целует у нее руку и спрашивает.

АББАТ НИКОЛЯ: Я прочел ваше письмо, очень спешил. Что все это значит?

ЕЛИЗАВЕТА: Революции нужны деньги. Фуше их сыскал, продавая билеты на последний вечер перед казнью осужденных. Хороший доход, большие налоги в казну, хорошо продается де Сад, ибо все по сценарию из его книжек.

АББАТ НИКОЛЯ: Господи, прости их всех — грешных... Но я не о них, я — о вас. Вам здесь не место.

ЕЛИЗАВЕТА (сухо): Я знаю, что здесь мне не место, что меня вот-вот могут взять как шпионку или по любому другому дурацкому обвинению, и тогда... Я тогда радуюсь, что французы меня уже изуродовали. За девиц с такими шрамами, как у меня, публика хозяину балагана Фуше мало платит... А вот и она!

По толпе волной идет шум. По улице едет черная карета, из которой, наконец, выводят мадам Дюбарри. По сравнению со вчерашним днем она будто постарела лет сразу на двадцать, явно не может нормально идти, так как странно косолапит, а ноги ее подламываются. При этом она отчаянно и тоскливо кричит.

ДЮБАРРИ: Господи, мсье палач! Пощадите, я же все для вас сделала! Вы обещали! Один день, один только день, вы же мне обещали!

Волнующаяся толпа скрывает ее. Из толпы несутся выкрики: «Смерть шлюхе!» и «Выйдут тебе боком пироженные!». Потом толпа начинает скандировать: «На костер ее!»

и «На кол, ее, суку, на кол!», и в этих криках полностью тонет голос несчастной. Затем волнение толпы достигает зенита, мы слышим, как Дюбарри еще что-то кричит, затем странный глухой удар, и будто кочан капусты упал на бульжник. Толпа взрывается аплодисментами и овациями. Елизавета сидит в карете, вжавшись в спинку своего сиденья, и тяжело дышит. Аббат Николя наклоняется к ней и говорит утешительно.

АББАТ НИКОЛЯ: Вам полегчало?

ЕЛИЗАВЕТА (*с глухим стоном*): Нет. Одна пустота... Я мечтала, я думала, станет легче, однако ровно наоборот. Будто камень на груди, и все давит и давит.

АББАТ НИКОЛЯ: Я говорил вам, не надо было покупать для нее это жуткое поместье Лувесьен, где вы сами так мучились. Не нужно было ее содержать все эти годы. Она сама должна была сдохнуть, а вы предпочли травить свою, заметьте, не ее, но лишь свою душу...

ЕЛИЗАВЕТА (*всхлипнув*): Я думала, станет легче... Я хотела, чтобы она прошла все круги ада...

АББАТ НИКОЛЯ: Их прошли вы, а не она, Ваше Высочество. Она просто жила и ничего не заметила.

ЕЛИЗАВЕТА: Но что же мне делать? Зачем я гублю мою душу?

АББАТ НИКОЛЯ: Желание мести есть грех. Меня утешает лишь то, что вчера, по словам ваших слуг, вы хоть и купили через третьи руки билет у Фуше, но так и не пошли на это безбожное представление. (*Его от брезгливости передергивает.*) Это значит, что у вас в душе еще не одни угольки... Вернитесь в свой Инсбрук, у вас растет дочь. Посвятите ей всю себя, а с вашей местию надо заканчивать.

Мария Елизавета бросается с рыданиями на шею своего исповедника, а тот даже и не знает, что ему делать.

Павильон. Весна. Утро. Вена. Шенбрунн

Во дворце идет торжественный прием по случаю годовщины вхождения Венгрии в состав Австрии. Залы полны пышно одетыми вельможами, блистательными дамами, и все это

в блеске выставленного напоказ богатства и драгоценностей. Канцлер Кауниц подходит к принимающему поздравления императору Леопольду и говорит тому шепотом.

КАУНИЦ: У нас проблема, Ваше Величество. Магьяры пришли.

ЛЕОПОЛЬД (*с изумлением*): Что такое? Какие магьяры?

КАУНИЦ: Венгерская знать, Ваше Величество. Трясут некоей грамотой покойного Иосифа. Якобы тот, объявляя последнюю войну с Турцией, обещал венграм особые льготы и право говорить на своем языке, ежели они сами на свои деньги соберут на войну народное ополчение.

ЛЕОПОЛЬД: Так что с того?

КАУНИЦ (*разводя руками*): Они собрали свое ополчение на свои деньги. А тут умер ваш брат Иосиф, и вы, сочтя, что военные траты при брате стали чрезмерными, вышли из войны с турками. Нынче Россия зла, что вы ее средь войны бросили, а магьяры уверены, что по вашему приказу убили Иосифа, дабы им, магьярам, никаких прав не давать. Теперь угрожают восстанием, а за ними — обиженная Россия.

ЛЕОПОЛЬД: Какая-то чертовщина! Я сейчас пойду и во всем разберусь! При чем здесь права магьяр и смерть моего брата Иосифа?! В тот день у него видели этих бандитов с Сицилии. Их, видать, прислала Мария Каролина, он ее раздражал, не меня...

Он спешно почти бежит в зал, где его должна встретить венгерская делегация. К его изумлению в ту же самую дверь с другой стороны кто-то ломится. Из-за двери слышны грозные крики: «Леопольд, выходи! Выходи, подлый трус!» Дверь не выдерживает и с грохотом раскрывается. В нее сразу вламываются человек пять, и самый первый из них — молодой чернявый человек в роскошной одежде с кучерявыми волосами — бьет Леопольда ножом в бок.

ЗИРЦИ: Смерть тебе, братоубийца! Смерть тебе за нашего господина — императора Иосифа!

ЛЕОПОЛЬД: На помощь, я невинен в смерти Ио... (*Умирает.*)

К месту убийства сбегаются люди, кто-то кричит: «Смерть мадьярам!», венгры в ответ обнажают оружие. Австрийцы тоже вооружаются, короткая стычка, на полу лужи крови, среди убитых пара офицеров охраны, пара венгров, и среди них Зирици. По дворцу к месту стычки со всех ног бежит сын Леопольда Франц, который кричит.

ФРАНЦ: Закройте двери! Запирайте все двери! Всем оставаться там, где стоят!

Он подбегает к месту, где пал отец, где лежат убитые австрийские офицеры вперемешку с мадьярами, наклоняется к потрясенному канцлеру Кауницу, который стоит на коленях перед его убитым отцом, и срывающимся хриплым голосом всем кричит.

ФРАНЦ: Ничего не было! Вот этого всего ничего не было! Отец мой только что умер — моментальной простудой! А вот этих (он с яростью пинает ногой тела убитых мадьяр) тоже здесь не было. И если кто вздумает мстить или болтать, то вскоре узнает, что и его тоже тут не было. А был выстрел там, на охоте, или снова простуда. Всем ясно?!

Ошеломленные люди меж собой переглядываются, смотрят на противников искоса, но потихоньку начинают кивать головами и опускать шпаги в ножны. При этом вся толпа вокруг Франца, Кауница и мертвого Леопольда явно все-таки поделилась меж собой надвое. С одной стороны — знать австрийская, с другой — стеной стоят венгры. И смотрят друг на друга эти две группы с угрозой. Старенький канцлер Кауниц, утирая глаза, поднимается с колен от тела мертвого Леопольда, разводя в стороны руки, залитые кровью мертвого господина, и срывающимся голосом говорит.

КАУНИЦ: Я все понимаю. Согласен, что в хороших семьях всегда худой мир лучше ссоры... Однако... Вам, мой молодой государь, этого никогда не простят ни те (кивает в сторону мадьяр), ни эти (кивает в сторону австрияков).

Павильон. Весна. Утро. Лондон. Виндзор

5 а

Виндзорский дворец оглашается страшными жуткими криками. Слуги торопливо задергивают на всех окнах плотные занавеси и забивают двери меж комнатами толстыми досками. По коридору идут озабоченные премьер Уильям Питт младший и глава правящей партии вигов лорд Шелберн. Новая порция жутких криков.

ШЕЛБЕРН: И никто ничего не может поделывать? Откуда это все у него?

ПИТТ: Он всегда был с причудами. Мне доложили, что король искал жизни вечной. К нему пробрались масоны от Густава, которые наполнили его своей масонскою гадостью... И вообразите, у короля возникла светобоязнь, кожа стала бледной и тонкой, а зубы все увеличились и кажутся совершенно огромными. Зато, по мнению британских ученых, он уже не стареет...

ШЕЛБЕРН (*резко останавливается*): Погодите, вы хотите сказать, что наш король стал вампиром?!

ПИТТ (*с яростью в голосе*): Вампиризм и оборотни — детские сказки! Это какая-то наследственная болезнь! Особая форма... И да, стоит попасть на него лучу света, как кожа его покрывается волдырями, и король начинает гнить заживо. Но этому должно быть рациональное объяснение.

ШЕЛБЕРН (*опять начиная идти*): Вампиры не пьют воды... Так мне с детства нянька рассказывала.

ПИТТ (*резко*): Король никогда не пил воды. Лишь вино. А сейчас у него проблемы с этим... с пищеварением. Доктора его кормят равной смесью крови и молока...

ШЕЛБЕРН (*охнув*): Пресвятой Боже! С нами Господь и все святые угодники... Да, не отвернется от нас светлый лик Божий... Погодите, все эти занавеси...

ПИТТ (*с досадою*): Да! Да-да! Во всем дворце больше не должно быть ни одного луча света, и тогда королю станет лучше! Доктора в этом уверены. Темнота, тишина, прохлада, кровь с молоком, полный покой — и наш государь снова будет как новенький!

ШЕЛБЕРН: Охреть... Похоже, что это безумие стало заразным... И сколько времени вы намерены продолжать? Доколе в Виндзоре не будет ни единого луча света?

ПИТТ (*задумчиво*): Я так понимаю, пока государь потихоньку не выздоровеет. Или пока не случится естественная смена царствия. Как вы знаете, у короля пятнадцать детей, и девять из них сыновья, так что все следят нынче за всеми, чтобы никто не начудил с престолонаследием, как это нынче творится хотя б в той же Австрии.

ШЕЛБЕРН (*опять резко останавливается*): Но погодите, ведь вы сами сказали, что наш государь, по мнению врачей, перестал вдруг стареть?! Сколько же времени пройдет... прежде чем произойдет эта самая естественная смена царствия?

ПИТТ (*с неприятным смешком*): А вам-то что за печаль? Король живет всех живых. Вы — наш глава партии, я ваш премьер, причем самый молодой в истории Англии. На наш-то век хватит. У нас девять принцев, значит, сперва восемь из них сдохнут от старости или впадут в абсолютный маразм, прежде чем девятый решится на что-нибудь. В том числе на низвержение нашей партии да изгнание меня из премьеров. Вы-то что беспокоитесь? Вас-то что не устраивает?

ШЕЛБЕРН (*поеживаясь*): Только то, что его сыновья, которые пока ненавидят друг друга всем сердцем, смогут между собою договориться. Сами знаете, нами правят не англичане, а немцы, а у немцев *In einer guten Ehe fügen sich Himmel und Erde zusammen*. В хорошей семье от неба до земли один шаг!

ПИТТ (*подмигивая*): А опыт такого же немца из Австрии по имени Леопольд мне подсказывает, что путь от земли до неба — еще короче! Когда у нас девять претендентов на трон, понять, кто из них прирезал кого, практически невозможно. А стало быть, кто у нас разделяет, тот в итоге и властвует.

неприятно косятся на Артура, но он сильно вырос, раздался в плечах, и даже смотреть на него косо нынче не стоит. Поэтому ему глубоко плевать на мнение окружающих. На дальнем конце причала появляется аббат Николя. Артур его жестом приветствует, и они оба посреди причала сходятся, приветливо обнимаются, и аббат Николя говорит.

АББАТ НИКОЛЯ: А ты смелый человек, Артур. Люди боятся сейчас англичан, и убить англичанина в Европе нынче за подвиг...

АРТУР (*небрежно*): Ах, вы об этом? Детские страшилки про то, что в Англии появился вампир?! Ерунда. Язык вырву каждому, кто посмеет мне такое сбрехнуть. Я сам не вампир, а верующий католик и всегда за правое дело. Никто не скажет, что я слуга нечисти.

АББАТ НИКОЛЯ: Однако вся Европа готова пойти за тем, кто усмирит английского вампира и Англию. Впрочем, все это и впрямь враки и домыслы. В любом случае я рад, что ты отбываешь в колонии.

АРТУР (*с энтузиазмом*): Да, буду командовать полком против султана Майсура. Говорят, этот дикарь на золоте ест, на золоте спит и золотом какает. А корона обещала щедрую награду в четверть от всей поживы за его лохматую голову. Бьюсь об заклад, что награда будет моей, не будь я ирландец!

АББАТ НИКОЛЯ: Верю, мальчик мой, верю! Но помни, что убивать и грабить хороший католик может лишь нехристей!

АРТУР (*благодарно*): Да, святой отец, я того не забуду. Мир для Европы, меч для язычников! А вы как?

АББАТ НИКОЛЯ: Сам знаешь, Австрия моя на пороге гражданской. Даже здесь, в Австрийских Нидерландах, видна близость войны. Не сегодня завтра и здесь венгры начнут убивать сицилийцев, а те — резать венгров. Вообрази, где Венгрия и где Сицилия, а воевать они будут тут.

АРТУР (*с чувством*): Да, в этом дурдоме вам делать нечего. Кто эти хреновы венгры, где тут эта Сицилия? Я бы и тех, и этих в один общий мешок — и ну их всех на хрен с пляжа! А вы-то куда?

АББАТ НИКОЛЯ: В Англии не слишком-то любят католиков. Во Франции — революция и публичные спектакли с содомией.

В Австрии — гражданская война во весь рост. Шестнадцать детей не могут поделить трон своей матери. В Пруссии — слизни на троне. В Швеции творится вообще невесть что, и говорят, что именно там и придумано вампирское зелье... В Польше — просто безумие, а турки нам всем враги...

АРТУР: Так куда же, учитель?

АББАТ НИКОЛЯ: Остается Россия. В христианском мире лишь она последняя опора разума и порядка. Лишь ее вижу последней твердыней света против Антихриста. Я оттуда получил приглашение от самой Государыни. Поеду и буду учить...

АРТУР: Удачи вам, батюшка... Чует мое сердце, мы с вами еще обязательно встретимся!

7а

Натура. Весна. Гатчина. Плац

Яркое весеннее солнце, на плаце стоят лужи, вокруг плаца нерастаявший снег. Наследник Павел в парадном мундире стоит на краю плаца и наблюдает, как новый его начальник охраны Аракчеев муштрует солдат. От дверей на плац к ним идет толстый Кутайсов в теплом плаще, в котором ему как всегда потно и жарко. Подойдя ближе, он громко произносит.

КУТАЙСОВ: К вам посол от нового шведского короля — Густава Адольфа. Барон Бьелке (со значительным видом) просит принять его лично. Дело — приватное.

Павел кивает, делает знак Аракчееву и в сопровождении лишь Кутайсова идет к двери. Та вдруг сама открывается, и появляется швед. Кутайсов тут же отступает чуть в сторону и отходит подальше.

БЬЕЛКЕ: Барон Бьелке. Я к вам с личным письмом от моего короля.

ПАВЕЛ: Не ваше ли имя я слышал среди заговорщиков?

БЬЕЛКЕ: Именно так. Я получаю амнистию за то, что согласился к вам съездить.

ПАВЕЛ: Забавно. Простить убийцу отца в обмен на деликатное поручение. Что ж, валяйте.

БЬЕЛКЕ (*подавая конверт*): Это ваши личные обязательства перед покойным королем Густавом. Копии. Мой король желает понять, готовы ли вы их подтвердить?

ПАВЕЛ (*раскрывая конверт и пробегая глазами бумаги, которые ему, видно, знакомы*): А... Помню... Детские забавы... Ребячество (*небрежно разрывая конверт вместе с бумагами на куски*). Я слышал, что английский король испил эту мерзость и невесть кем стал. Мы об этом не договаривались.

БЬЕЛКЕ: Это ваше последнее слово?

ПАВЕЛ: Вы меня слышали.

БЬЕЛКЕ: Вы осознаете последствия?

ПАВЕЛ (*отворачиваясь и начиная идти к Кутайсову с Аракчеевым*): Уши прочисти. Козел...

Павильон. Весна. Зимний дворец. Покои Государыни

8а

Государыня сидит за маленьким столиком в своих покоях и завтракает. Она уже одета и причесана, хоть на улице и раннее утро, а царица радуется весеннему солнышку, которое после долгой зимы появилось в ее окне. По коридору кто-то бежит, и слышен голос Безбородко.

БЕЗБОРОДКО: Пропустите к Государыне! Срочно! Она уже встала?

Дверь в покои распахивается, и в покои вбегает явно перепуганный секретарь Ее Величества. При виде повелительницы он явно робеет и не знает, с чего начать.

ЕКАТЕРИНА: Ну, докладывай, коль пришел. Дело, я вижу, срочное...

БЕЗБОРОДКО: В Стокгольме убили развратного короля Густава...

ЕКАТЕРИНА (*небрежно*): Кузена что ль моего?! Этого содомита? Так это не новость — месяц как говнюка завалили. Я даже свечку поставила во здравие того, кто не промахнулся.

БЕЗБОРОДКО: Так точно. Не новость. Новость то, что новый король Густав Адольф сказал, что не приемлет отцовской политики, и опубликовал в ихней «Дагбладет» все его тайные договоры...

ЕКАТЕРИНА (*с недоверчивою усмешкой*): Забавно. У столь подлого короля вдруг такой честный сын. И чего же там пишут?

БЕЗБОРОДКО (*бросаясь на колени*): Не вели казнить, матушка!

ЕКАТЕРИНА (*сразу же напрягаясь*): Окстись! Швеция нам — лютей враг! У нас с ними нет тайного договора!

БЕЗБОРОДКО (*почти катаясь по полу перед царицею*): Не вели казнить, не у нас... То есть у нас, но не с нами...

ЕКАТЕРИНА (*раздраженно и вскакивая*): Ты что, пьян?! Что случилось? На дыбе скажешь, коль не перестанешь дурачиться!

БЕЗБОРОДКО: Это не я, матушка, так сказали в этой в «Нюхетер», то бишь в «Дагбладет». У короля Густава с твоим сыном был договор... Павел без боя отдает шведам Прибалтику, а те его производят в масоны... Самые главные... А еще... Не вели казнить...

ЕКАТЕРИНА: ЧТО ТАМ??!!!

БЕЗБОРОДКО (*закрывая лицо руками*): Наследник Павел у шведов запрашивает, а шведский король ему обещает скорейшее воцарение на русский престол — именно в обмен на Прибалтику... На твой престол, матушка... Не вели казнить...

ЕКАТЕРИНА (*грустно оседая на свой диванчик*): В крепость изменника... Не в Петропавловку, в Шлиссельбург! Видеть его не хочу! (*Лицо ее багровеет.*) Нет, я ему в глаза посмотрю...

БЕЗБОРОДКО (*в полном ужасе*): Матушка, ты же давеча сама себя назвала Второй после Первого. Так Первый тоже лишь в глаза царевичу Алексею хотел посмотреть, а вона чем кончилось... Все кругом говорят, что и в этом ты Второй после Первого будешь! Прошу тебя, не вели казнить...

ЕКАТЕРИНА (*в сердцах*): Да что ты заладил?! Да кто тебя казнит...

БЕЗБОРОДКО (*еле слышно*): Не меня матушка... Не за себя ведь прошу! Не вели казнить, с минутного гнева Петра всей стране плохо стало. Не вели казнить, матушка... За Россию прошу.

ЕКАТЕРИНА (*хрипло*): Готовь документы (*машет рукой, будто не хватает ей воздуха*). Мой внук Александр отныне будет Наследником (*ее будто бы отпускает*), а Павла сюда!

БЕЗБОРОДКО: Так точно, Ваше Величество. Сей момент. К вечеру доставим из Гатчины.

ЕКАТЕРИНА: И Марью тоже с девицами. Такой заговор в секрете от жены держать невозможно. А у нее — язык без костей...

БЕЗБОРОДКО: Прости, матушка, Славянка вся разлилась, недели две туда теперь не проехать.

ЕКАТЕРИНА (*растирая ногу и думая о чем-то своем*): Какая-такая «славянка»?! С чего это Марья — «славянка»?!

БЕЗБОРОДКО: Река Славянка, что возле Павловска, разлилась, и теперь Марья Федоровна со всеми княжнами живут там, как на острове, в своем Павловске.

ЕКАТЕРИНА (*резко выпрямляясь*): То есть как в Павловске?! Когда же успели достроить дворец? Почему не позвали меня на открытие? И почему Павел уже тут к ночи будет, а Марья на острове в Павловске?!

БЕЗБОРОДКО (*пожимая плечами*): Так... Великий князь и княгиня уже без малого год как разъехались. Вам только велели не говорить. А Павловск еще не достроили.

ЕКАТЕРИНА (*изумленно подняв бровь*): А где же она там живет?

БЕЗБОРОДКО: Ее начальник охраны — молочный брат нас... Павла Кристофер фон Бенкендорф — на свои деньги и своими руками им срубил крестьянскую избу. А потом приехали его офицеры, и тоже... В общем, так, хутором, почитай уже год живут. Я был там в гостях на Рождество — избы справные, печи теплые, лари да полати... Уютненько.

ЕКАТЕРИНА (*явно смягчаясь*): Ай да Марья... Сумела же ведь устроиться! И что, много там розового?

БЕЗБОРОДКО: Занавесочки. На печках княжнами нарисованы красные петухи, не знаю, считать ли это за розовое. Мария научилась печь очень вкусные пироги, я сам чуть язык не проглотил.

ЕКАТЕРИНА (*мечтательно*): Небось, на пирогах раздалась как квашня?!

БЕЗБОРОДКО: Никак нет — похудела! Сам не поверил. На пуд — не меньше. Носит нынче все старое, очень счастлива. Может, ну его, оставим мы ее в Павловске?

ЕКАТЕРИНА (*мрачней*): Не получится. Мне Павла теперь или на плаху, или всему народу показывать, что шведы — обманчики. А без цветущей Марьи нам никто не поверит. Везите. На лодке.

БЕЗБОРОДКО (*успокаиваясь*): Ну вот и остыли. День-другой, и придет к вам Мария Федоровна!

ЕКАТЕРИНА (*с отчаянием в голосе*): И чего ж ему с ней не жилось? Ведь и шьет девка, и пироги вкусно печет... Нет, подавай ему мальчиков в платьях. И я б поняла, ежели бы он их трахал! Вот это бы я поняла. А так... В кого он, Андреич, что думаешь? Ну не бывает же таких дураков! Не бывает!

9а

Павильон. Весна. Зимний дворец. Покои Государыни

Государыня сидит на малом троне в малом зале для приемов. Кроме нее в зале лишь Безбородко и Салтыков. У всех троих лица сумрачные. Открывается дверь, в залу вводят Павла, причем слуги его держат так, будто боятся, что тот убежит, но оковы на него надевать не приказано. Павел смертельно бледен, однако держится уверенно, и по его виду можно решить, что происходящее его не касается. Слуги по приказу Екатерины выходят, но прежде один из них что-то Государыню спрашивает. Та в ответ морщится.

ЕКАТЕРИНА: Неужто опять жрет как белка? Год не ела, насилу вес сбросила — и вот опять?! Ни крошки ей не давать! Сейчас вызовем...

Старший слуга кланяется, и все слуги выходят, плотно затворяя за собой дверь. В зале остаются лишь четверо. Государыня дает знак, Безбородко выходит вперед с документами, Салтыков делает пару шагов вперед так, чтобы встать рядом с принцем. Тот нервно отступает.

ПАВЕЛ: Что это? Зачем это?

САЛТЫКОВ: Я просил у вашей матушки чести вас защищать. Я вас всему выучил, значит вместе и ответ держать будем.

Павел невольно закусывает губу, кажется, что он будто заплачет. При этом принц ближе подходит к своему гувернеру и крепко берет того за руку. На лице Салтыкова возникает торжествующая улыбка. Он добавляет.

САЛТЫКОВ: Александру Андреичу велено зачитать только факты. Он вроде как обвинитель, однако же позволю заметить, что тут все одни факты, которые можно повернуть так, а можно иначе. Ваша матушка решила, что дело будет решено между нами. Здесь все свои, говорите правду и только правду, и все будет хорошо. Ни я, ни Александр Андреич не желаем вам зла. А уж тем более его вам не желает ваша драгоценная матушка.

ПАВЕЛ (*судорожно вздыхает*): Это все была шутка. Ребячество. Они... Они обещали вечную жизнь, ну мы и решили, что жить вечно — прикольно и здорово. А за это они просили малость — Прибалтику. Вот и...

ЕКАТЕРИНА (*стальным голосом*): Не тобой взято! Не тебе отдавать!

ПАВЕЛ (*торопливо*): Да мы и не думали... Куракин вызвался пройти полный обряд, и мы потом бы попробовали, можно ли его после убить. Если да, то — война со шведами, а если нет — то я тоже получаю бессмертие и отдам Прибалтику после... Ну, когда вы, маменька, ну... естественным образом. Ведь я вас точно переживу, коли буду жить вечно!

Государыня на своем троне лишь ахает, крестится и, зажав себе рот, смотрит на отпрыска. По ее лицу сложно понять, какие именно слова она сейчас своей рукой зажимает, дабы не высказаться. Безбородко стоит в полной растерянности, и лишь Салтыков говорит торжествующе.

САЛТЫКОВ: Вот все и выяснилось. Никакого нет заговора. Лишь только детские игры дурацкие. Ведь только детям понятие смерти неведомо, и они с этим балуются. Опять же очевидно, что Густав обманщик. Сам помер давеча, и... не было у него никакого бессмертия.

Наши молодцы о том позаботились! А когда само основание ложно, то и дела тут нет. Не мог Густав исполнять обязательства, значит и ответные обязательства никто никому будто и не обещал!

ПАВЕЛ (*упрямо*): Я бы исполнил мое обещание! Да и зачем нам Прибалтика? Народ там нас ненавидит, земля плохая и тощая, полезных ископаемых нет. Одна морока!

ЕКАТЕРИНА (*смотрит на него, будто бык на красную тряпку, ее при этом странно прямо в кресле пошатывает*): Боже... Ничего что нынче Лифляндия дает треть налогов в казну?!

ПАВЕЛ: Так это сейчас! А кто мог о том знать тогда?! Мы хотели отдать земли бросовые, никто не знал, что Ригу станут звать третьей столицей империи. Нынче я бы ее, конечно, в жизни не отдал!

ЕКАТЕРИНА: А ничего что Лифляндия — наследные земли твоего молочного брата? Твоего лучшего друга-приятеля. Отдал бы ты их, а в глаза ему потом как смотрел?

По лицу Павла понятно, что эта мысль никогда не приходила в его голову. Он что-то пытается сказать, теряется, а затем решительно заявляет.

ПАВЕЛ: Это была идея Куракина, а ему Кристер — никто! Да и... Подумаешь, пара нищих хуторов на болоте... К тому же и не друг он мне больше. Да и... Никогда не был. Глуп как пробка и ничего не понимает в искусстве. Статуи мои ему не понравились! А это — античность, века европейской культуры! Красота тела! А он вместо этого кричал, что я назвал его... падшей женщиной.

Екатерина сидит, будто ее чем-то ударили. По лицам Безбородко и Салтыкова тоже понятно, что разговор, в котором Павел мог бы назвать Кристера «падшей женщиной», для них выглядит фантастическим, и оба они склонны верить Павлу. Екатерина, как пловец, который из глубокой воды только что вынырнул, трясет головой.

ЕКАТЕРИНА: Чертовщина какая-то! (*Она морщится, будто у нее болит зуб.*) С Кристером вы нынче в ссоре. Кто вместо него? Или ты теперь без охраны?

ПАВЕЛ: По совету Кутайсова я взял в охрану героя войны Алексея Андреевича Аракчеева.

ЕКАТЕРИНА: Небось, красавчик?

ПАВЕЛ (*небрежно отмахиваясь*): Не, герой войны. Вся рожа в шрамах. Кристер сказал, что хорошего охранника по шрамам на лице видно. (*Тут до него доходит смысл вопроса матери, и он кукуется.*) Не. Ма, ну ничего ж у меня ни с кем не было. Ты прям...

ЕКАТЕРИНА (*будто пытаясь проморгаться*): Хорошо. Сейчас выясним. (*Звонит в колокольчик.*)

Дверь в зал опять открывается, и на пороге появляется Мария Федоровна. Она испуганно озирается, при виде мужа — неприветливо хмурится, но делает книксен в сторону Государыни. По ее внешнему виду ясно, что она сильно вес сбросила и весьма похорошела от этого.

МАРИЯ (*Павлу*): Здравсьте. (*Государыне:*) Вы меня звали, Ваше Величество?

ЕКАТЕРИНА: Да, милая. Выясняем тут, что за черная кошка меж вами вдруг пробежала, да как ее звали?

МАРИЯ (*пожимая плечами*): Да не было никакой кошки. Просто ваш сын стал мною брезговать и назвал тупой хрюшкой. Тупой розовой хрюшкой. А я не хрюшка!

ПАВЕЛ (*со злостью и ненавистью*): Ну вот, опять началось. Да хрюшка она и есть. Жирная, сальная хрюшка. Чертова горская быдлота, у которой лишь одна радость — жирную сосиску сожрать, выпить пива со шнапсом да потом песни орать посреди девок на кухне! А еще обязательно нацепить на себя что-то розовое!

МАРИЯ: Я быдлота?! А ты! А ты... (*Хватает кочергу и, хаотично ею размахивая, начинает на Павла напрыгивать.*) Я... Я, может, и хрюшка, зато живая и теплая, а ты холодный и каменный, и люблю я живое и теплое, а ты — свои сраные статуи. И меня живые все любят! Все-все: и служанки, и детки, и нянька с Кристофером! А ты так и сдохнешь один! Ты же прогнал всех живых, всех их предал! Кристер,

брат твой, тебя ж больше жизни любил, а ты и его... А он и избу срубить, и печь сложить, и дети все его любят, а ты... Ненавижу!

В это время набежавшие на шум слуги, наконец, Марию Федоровну обезоруживают и из залы вытаскивают. Слышно, как та горько рыдает за дверью. Государыня делает повелительный знак, и вслед за слугами из залы торопливо выходят Салтыков с Безбородкой. Мать и сын остаются одни.

ЕКАТЕРИНА (*смотря исподлобья и держа себя за затылок*): Что ж, спасибо, сынок, открыл ты мне на меня же глаза. Люблю сосиски, грешна. А особенно с тушеной капустой! И выпить люблю. И пива, и шнапса, а можно то и то, прям как в молодости. Стало быть, и я для тебя быдлота... А все мои переписки с Руссо да с Вольтерами — от лукавого...

ПАВЕЛ (*испуганно*): Mam, я не это имел в виду...

ЕКАТЕРИНА (*будто набычившись*): Не-ет. Бог-то — он в правде. Я нынче про себя от тебя всю правду услышала. А ты знаешь, Гриша мой и впрямь мог и избу срубить, и печку сложить, а я, дура, променяла его на Вольтера да статуи...

ПАВЕЛ: Мама, но...

ЕКАТЕРИНА (*с яростью в голосе и багровея лицом*): Ты мне не «нокай». Не запряг. А то сама тебя сейчас так взнуздаю, что... (*Вдруг резко бледнеет и будто сереет лицом.*) Не могу. Черт с тобой. (*Стоит, чуть покачиваясь, взгляд ее налит кровью.*) Все статуи завтра же сдашь ко мне в Эрмитаж. До единой. Сегодня же вечером на глазах всех в постель пойдешь с девкой. Повторяю: с девкой! С любовницей.

ПАВЕЛ: Мама...

ЕКАТЕРИНА: Либо ты содомит и, стало быть, слуга Густава, и тогда все правда: и про то, что меня собирался убить, и сдать шведу Прибалтику. Либо ты нормальный мужик, и тогда шведы все это придумали. Так что для тебя выбор прост: или дыба, или любовница. Есть хоть одна на примете?

ПАВЕЛ: Мама!?

ЕКАТЕРИНА (*глядя на сына своего исподлобья*): Понятно. Значит и тут мне — самой. За ужином к тебе подведут фрейлину Гагарину.

Когда ее дрючат, она кричит так, что всему дворцу слышно. Так вот, или завтра на дыбу, или нынче она под тобой будет орать так, что весь дворец не заснет. Все ясно, сынок?! (*По ее налитым кровью глазам непонятно, видит ли она сына.*)

Павильон. Весна. Зимний дворец. Покои Государыни

10 а

Из малого зала к сановникам выходит бледный Павел. От нервного напряжения его аж покачивает. К нему бросается гувернер его, Салтыков, который обнимает и поддерживает цесаревича.

САЛТЫКОВ: Ну что там? Чем кончилось?

ПАВЕЛ: Она заставила меня взять любовницу. Какую-то фрейлину Гагарину.

САЛТЫКОВ: Любовницу? Это — мудро. Шведам никто не поверит. Гагарина... А знаю. Очень мудро! Такая горячая штучка... Задастая, сисястая — с такою-то любыми разговорами о том, что вам нужны мальчишки, сразу кончатся. Еще что?

ПАВЕЛ: А еще отняла у меня всю коллекцию Фридриха! Велела сдать в Эрмитаж, а она мне так нравится!

Салтыков в ответ странно хмыкает и еле слышно бормочет в сторону: «Мудра старуха!»

САЛТЫКОВ: Это она, видно, вам позавидовала. Лишь человек с большим вкусом мог верно оценить эту коллекцию. И вот она ее отняла...

Павильон. Весна. Зимний дворец. Покои Государыни

11 а

В маленькой комнатухе на деревянной скамеечке в темноте сидит Мария Федоровна и горько всхлипывает. Открывается дверь, и через нее вливается Екатерина Великая. В комнатке сразу становится тесно. Екатерина грузно опускается на ту же скамеечку, и та под огромным весом жалобно скрипит. Какое-то время две женщины сидят рядом и молчат, лишь слышно, как Государыня трет свой

загринок. Мария перестает всхлипывать. Затем Государыня ее спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: Как изба в Павловске? Теплая?

Мария Федоровна начинает в ответ часто кивать головой.

МАРИЯ: Да, Ваше Величество, теплая.

ЕКАТЕРИНА: А печка как? Не дымит?

МАРИЯ: Нет, не дымит...

ЕКАТЕРИНА: Стало быть, Кристер твой и в избах, и в печах толк-то знает... Мой Гриша тоже был на все руки мастер...

МАРИЯ (*испуганно*): Да я, Ваше Величество...

ЕКАТЕРИНА (*будто не слушая*): Ежели б меня муж хрюшкой или там быдлотою назвал, я бы ему ни за что не простила. Да я и не простила его. Удавила сученьша. Тебе — не советую. С этого дня (*после недолгого молчания и много мягче*) у мужа твоего — любовница. Жить будете все вместе в Гатчине. Левое крыло с кухней — твое, правое с конюшней — его, но чтоб ни о каких запертых дверях и запорах я больше не слышала. На людях делайте вид, что вы счастливы. Хотя б для империи.

МАРИЯ (*с отчаянием*): Ваше Величество!

ЕКАТЕРИНА (*крепко обнимая невестку*): В твоём крыле командует Кристер, в сыновнем — его Аракчеев. У сына моего будет Гагарина. Смирись. У тебя... Я все уже слышала. В конце концов, и он тоже — Романов. Только сор из избы не носи...

МАРИЯ (*судорожно сглотнув*): Так я это... Побегу?..

Екатерина разжимает объятия, и Мария Федоровна стрелой выбегает из комнаты. Судя по звуку ее шагов, она то ли бежит вприпрыжку, то ли при беге подпрыгивает. Екатерина, оставшись одна в пустой темной комнате, еле слышно шепчет в темноту.

ЕКАТЕРИНА: Конечно. Пока молода, беги, моя деточка. Ты, главное, по пути не сменяй свои избу да печку на статую антическую...

**Павильон. Весна. Зимний дворец.
Комнаты Марии Федоровны**

12 а

По комнате великой княгини кругами ходит Кристофер. Рядом с ним за длинным столом сидят Карловна, куча великих княжон и Костик, а также Ванька и Федька фон Ливены. Все дети с учебниками и то ли читают, то ли делают вид, что читают. В комнате висит напряжение. Вдруг дверь распахивается, и в комнату буквально на крыльях влетает Мария Федоровна. Она, как кошка, напрыгивает на Кристофера, а тот по привычке ее кружит по комнате. Карловна смотрит на это со своего места.

КАРЛОВНА: Ну что решили-то? А вы занимайтесь, сейчас начну проверять!

МАРИЯ (*счастливым голосом*): Мы все возвращаемся в Гатчину. Все левое крыло теперь наше!

КАРЛОВНА: Вот так притча! А правое крыло чье?

МАРИЯ: А там главной будет фрейлина Гагарина. Ее моему мужу сама императрица назначила. Все говорят, что она по ночам орет так, что весь наш дворец не будет спать!

КАРЛОВНА: Заткнули уши все (*детям*), живо! При живой жене (*Марии*), охренеть!

Мария при этом в объятиях Кристофера крутится то так, то этак, и тот, не выдерживая, начинает ее целовать то в ту щечку, то в эту. Карловна вскакивает.

КАРЛОВНА: На сегодня уроки закончены (*детям*). По своим комнатам, живо, по комнатам! (*Выпихивает весь выводок из покоев Марии и сама выходит, закрывая за собой дверь с другой стороны.*) Значит, каждому своя половина... Ну, вообще-то рассудили по совести.

Натура. Весна. Утро. Латгалия

16

Огромное поле посреди лесов с перелесками. За дальним краем поля — Даугава, через которую уже навели понтоны. На поле правильными походными колоннами выстроились

солдаты в черно-зеленой форме местного вермахта. От русской формы их одежда отличается лишь тем, что там, где у русских обилага, манжеты и вороты красные, у местных солдат они черные. Перед колоннами построена небольшая площадка, похожая на веранду. На ней посреди сцены стоит Петр Витгенштейн при полном параде: в генеральской форме, с начищенными орденами и медалями за победу в войне против шведов, а за его спиной на небольшом возвышении Шарлотта и Эльза. Шарлотта в своем обычном черном мундире, похожем на немецкую парадную форму, а Эльза против своего обыкновения надела широкое пышное платье.

Чуть ниже их в полувоенном френче с начищенными орденами и медалями за участие в турецкой кампании стоит Барклай. Впрочем, в отличие от Витгенштейна, Барклай стоит не в сапогах, а в цивильных штиблетах, на носу у него тонкие очки в золотой оправе на шелковой ленте, а его обычные папки с бумагами, с которыми он обычно не расстаётся, теперь в руках двух его секретарей. Любопытно, что за спиной у Барклая стоят наш старый знакомый Исаак из Йорка, а также Мордехай из Антверпена и прочие банкиры, геешфтвахеры и негоцианты из славной Риги. То и дело кто-то из них к Барклаю подходит, что-то с поклоном у него спрашивает, а тот отвечает скорее небрежными жестами.

Иногда секретари подают Барклаю какие-то бумажки, тот их бегло просматривает и обычно небрежно возвращает назад. Пару раз при этом он с поклоном подает бумаги вперед — Эльзе. Та их просматривает, и обычно обсуждает их вполголоса с Барклаем. Видимо, так и устроено сейчас управление в так называемых «лютеранских землях», в которые Государыня особым указом давеча выделила Лифляндию, Эстляндию, «а также прочие инородские земли, которые добровольно присоединятся к нашей Империи». Собственно, процесс этого «добровольного присоединения» как раз перед нами и начинается.

Гремят барабаны, Витгенштейн откашливается.

ПЕТР: Мейне дамен унд херрен, мои солдаты! По особому Указу Ее Величества и в благодарность за верную службу Государыня Екатерина Великая даровала нам все инородские земли за Даугавой согласно нашему договору с прусской Германией! С нами — Бог! Первый батальон прямо, остальные направо! Ша-агом марш!

Опять гремят барабаны, Петру Христиановичу подводят черного жеребца, он легко на него вскакивает и возглавляет колонну. Полковые оркестры начинают играть.

Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren
Öffnen die Mädchen die Fenster und die Tieren...

ШАРЛОТТА: Откуда эта песня? Никогда ее раньше не слышала...

ЭЛЬЗА (*раскрасневшись и подпевая*): Ее привезли наши гессенцы, которые воевали в Америке. Чуть грустно, немного печально, но под нее так здорово маршировать! Люди не хотят идти в бой ради славы. Времена ведь меняются, и мы воюем ради людей, ради вот этих самых солдат, чтобы им жилось лучше! Нам нужны новые песни!

ШАРЛОТТА (*со смехом*): Ты сошла с ума, Элька! Такие слова никогда не утвердят генералы! Это у тебя токсикоз!

ЭЛЬЗА (*раскрасневшись и подпевая*): Плевать на генералов! Солдаты будут именно ее петь, я в этом уверена. И это не токсикоз! Он уже точно шевелится, и я слышу его сердечко!

Пока они разговаривают, первый отряд уже грохочет сапогами по понтонному мосту, и в этот миг... с другой стороны появляются курляндцы. Видно, что они встают на колени, какой-то важный чин с символической петлей на шее предлагает Витгенштейну ключи на блюде, а его помощницы — хлеб да соль. Тот спешивается, принимает ключи, отламывает кусок хлеба, макает его в солонку и с удовольствием ест. Все вокруг оглашается восторженными выкриками: «Хох! Виват! Курляндия наша! Слава госпоже баронессе!» Громче всех кричат банкиры и негоцианты с разными гешефтмахерами, которые стоят за спиной Шарлотты и Эльзы вокруг Баркляя и трясут перед ним какими-то своими бумагами.

Павильон. Лето. День. Гатчина

Жаркий летний день, все окна в Гатчинском дворце распахнуты настежь, с улицы слышна дробь барабанов и звуки команд, видимо, там к параду готовятся. По коридору идет потный наставник наследников Салтыков, судя по всему, ему очень жарко. Под мышкой он несет какой-то доклад. Перед дверью в покои Павла он на миг останавливается, ибо из комнаты слышны женский голос и визгливый смех Павла. Салтыков осторожно заглядывает в покои через раскрытую дверь, успокаивается, приглаживает свой безупречный парик и, постучавши в косяк, сразу заходит. В покоех на столе сидит Павел, весело болтая ногами, а перед ним навтыяжку стоит Елена Сперанская, которая, видно, кончила ему что-то докладывать. При виде Салтыкова Павел сразу соскакивает со стола и бежит к наставнику, раскрывая навстречу объятия.

ПАВЕЛ: Как же я, Николай Иванович, рад тебя видеть! Без тебя, клянусь, скука смертная! А ты (обращаясь к Елене) пошла вон! От сего дня доклады будешь носить моему охраннику — Аракчееву Алексею Андреевичу. Ну, живо!

Елена торопливо выходит из комнаты, но дверь она закрывает неплотно. Чуть отойдя, останавливается и начинает подслушивать.

ПАВЕЛ: Вот смотри, эта убогая только что принесла мне доклад. Оцени, какая усмешка Фортуну. Что скажешь?

Павел подает Салтыкову папку с докладом, тот раскрывает ее и с интересом начинает читать...

Павильон. Лето. День. Рига. Дом градоначальницы

Жаркий летний день, в доме градоначальницы кипят приготовления к празднику в честь бескровного присоединенья Курляндии. По всему дому бегают слуги, бродят какие-то гости, а в небольшой комнате, где приготовлена проверенная еда для своих, стоит небольшой стол с редкими яствами

и лакомствами. На краю стола — ярко раскрашенный какими-то восточными арабесками кувшин с кумысом, на полу лежит пустой уже бурдюк, а на столе стоят три пустые пиалы. Около стола стоят Роза Боткина и Елена Сперанская и смотрят на кувшин с подозрением. Входит Эльза, она все еще в своем пышном платье, и живот ее еще сильнее округлился.

ЭЛЬЗА: Чего звали, клушки? Что у вас опять приключилось? Сами решить не можете?

РОЗА (*мрачно*): Татарин приходил. От князя Юсупова. Подарок принес — кумыс из кобыльего молока. Говорят, стоит он больших денег. Отдайте приказ его вылить.

ЭЛЬЗА (*небрежно*): Что так? Какие-то подозрения? Князь Юсупов мечтает выкупить часть доли у де Рибаса в нашей общей компании. Желает понравиться. Не думаю, что он бы отраву прислал. Опять же вещь дорогая, отчего же сперва не попробовать?

РОЗА (*с металлом в голосе*): Это молоко — от кобылы. У нас кашрут. Мы в рот не возьмем нечистого!

ЭЛЬЗА (*не слишком задумываясь и наливая себе из кувшина пиалу кумыса*): О Боже... Опять ваши религиозные заморочки! Давай я попробую (*поднося пиалу ко рту*).

Роза чуть не кошкой на Эльзу набрасывается, ловко хватывает у нее из рук полную пиалу и с грохотом ставит ее обратно на стол.

РОЗА (*задыхаясь от волнения*): Что вы делаете?! Вам же нельзя! Вам Шимон запретил есть что попало. Подумайте же о маленьком! Раз в Писании сказано, что молоко от кобылы — нечистое, оно уж верно плоду не на пользу. Давайте мы его выльем!

Эльза, будто увидев змею, отшатывается от пиалы и будто пытается прикрыть рукой свое чрево. Они стоят и смотрят друг на друга, и в этот миг дверь в комнату открывается. На пороге Шарлотта, которая счастлива. Она идет прямо к столу.

ШАРЛОТТА (*со смехом*): Ах, какая жара! Все походили с ума, за сегодня мы много чего заработаем! А вот и что-то холодненькое! (*С этими словами она подхватывает пиалу с кумысом и сразу же отпивает.*)

ЭЛЬЗА и РОЗА (*хором*): Нельзя!

ШАРЛОТТА (*чуть не поперхнувшись*): Вы чего? Ну с Эльзой-то понятно, у нее токсикоз, а ты, Роз, точно перегрелась. Что тут такого? Что-то вкусненькое, кисленькое, как раз для жары. Откуда?

ЭЛЬЗА (*хмуро*): Дар от князя Юсупова. Кумыс из кобыльего молока. Роза говорит, что кашрут...

ШАРЛОТТА (*смеется*): Нет, ну вы даете! (*Допивает из пиалы и забирает ее с собой вместе с кувшином.*) Скажу князю спасибо. Очень приятный напиток.

Павильон. Лето. День. Гатчина

Салтыков опускает доклад, достает платок и промакивает лоб, затем задумчиво произносит.

САЛТЫКОВ: Не пойму суть. Надо и мне к татарам послать, дабы этого кумыса попробовать...

ПАВЕЛ (*с визгливым смехом*): А суть-то здесь в том, что я в свое время боялся, что эта рижская Крыса там у себя — соперников мне понаделает. Ну и решил я ее... того, ну, как крыс у нас травят.

САЛТЫКОВ: Что ж, разумно. Нет мелочей в делах династических.

ПАВЕЛ: И вот вообрази, ела и пила наша Крыса только проверенное, а проверяли две суки: Роза да Эльза. Так что тогда затея похерилась. А потом и меня выкинули из наследников...

САЛТЫКОВ: Не уловлю суть...

ПАВЕЛ (*снова начиная смеяться с повизгиваньем*): Ну смешно же! Когда было нужно, отравить мы ее не смогли. А как стало не нужно, так и выяснилось, что у Розы кашрут, а у Эльзы беременность, и кобылье молоко пить у них некому. Трави — не хочу! Как тебе такая насмешка Фортуну?!

САЛТЫКОВ (*назидательно*): Сие — перст Божий. Решил Господь, что нельзя вам мараться об этакое. Вы не рождены быть убийцей. Не ваше это.

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Перст Божий... Занятно. А почему? У Бога на меня какой-то особый есть промысел? Так я же нынче никто! Что ты думаешь?

Салтыков начинает что-то ему отвечать, камера отъезжает, и мы видим, как за дверью Елена Сперанская прекращает подслушивать и идет своею дорогой, про себя повторяя.

ЕЛЕНА: Перст Божий... У Бога для всех для нас есть свой промысел. Каков же он для меня?

Натура. Лето. День. Гатчина

56

На Гатчинском плацу изнурительная жара и яркое солнце. Солдаты получили небольшую передышку и, собравшись возле бочки с водой, пьют по очереди. Чуть в стороне от них стоит новый начальник охраны Павла — полковник Аракчеев. Именно к нему и идет доложиться Елена Сперанская. Когда девушка подходит к полковнику ближе, мы видим крепкого сухого мужчину сравнительно молодых лет, у которого лицо будто на каменном барельефе резцом вырезано, настолько оно по-мужски красиво, сурово, жестко и холодно. Впечатление усиливают боевые шрамы, которые даже украшают бравого героя войны, одного из лучших артиллеристов турецкой кампании. Елена при виде полковника просто обомлевает и останавливается. Полковник сам замечает ее и весьма добрым голосом спрашивает.

АРАКЧЕЕВ: Кто вы, милая, откуда? Кто позволил вам сюда выйти?

ЕЛЕНА: Я-то... Я это... Государь, ой... то есть Наследник, то есть цесаревич... послали-с. Велели сыскать моего нового начальника... Аракчеева.

АРАКЧЕЕВ: Я — Аракчеев. Зачем вас посылал цесаревич?

ЕЛЕНА: А это... А мы... то есть я. Меня звать Елена... Сперанская-с... Исполняю приказы и пожеланья... Мне теперь вам надо... это... докладывать и прислуживать...

В первый миг Аракчеев по виду шокирован. Он изумленно поднимает бровь и внимательно Елену рассматривает. Он выглядит озадаченным и даже смотрит в сторону окон Павла, ожидая увидеть там своего господина. Однако Павла не видно, а слышен лишь его смех да далекий голос учителя Салтыкова. Аракчеев снова смотрит на Елену, а та глядит на него преданно, будто комнатная собачка. В глазах Аракчеева начинают прыгать веселые чертики, и он даже предлагает Елене взять себя под руку и, давая сигнал солдатам, чтобы продолжали пока без него, говорит.

АРАКЧЕЕВ: Не ожидал. А у цесаревича — дивный вкус. Ну пойдемте, выясним, какие такие у меня к вам приказы да пожелания. И о чем вы намерены мне докладывать.

Натура. Лето. День. Царское Село

В Царском Селе небывалая жара. На улице будто расплавленное солнце отражается в огромных прудах, а в небе ни облачка. Воздух как горячее, знойное масло облепляет все живое, и лишь слышно гудение пчел. Ее Величество Государыня Екатерина Великая полулежит на огромном выносном плетеном диване-качалке под голубым балдахинном, а пара слуг ее веерами обмахивают. В такой же глубокой люльке-качалке напротив царицы покачивается ее племянница — наместница Лифляндии «и прочих инородских земель» Шарлотта фон Бенкендорф, которая прибыла к тетке с докладом. Женщины уже обо всем побеседовали и теперь просто лежат, изнывая от жары и безветрия. Государыня лениво пересыпает из руки в руку самоцветные камни и спрашивает.

ЕКАТЕРИНА (с восхищением): Небывалые самоцветы. А они и впрямь наши, уральские?

ШАРЛОТТА (*лениво*): Они самые... Лучшие камни Урала. Добыты в годы Петра и Анны. Герцог Бирон их в Курляндию вывез, когда они дотла Россию ограбили, а бывший герцог Курляндии мне их подарил. Чтобы я его, значит, ради смеха не посадила бы на кол. А то в Европах-то нынче оно практикуется. А камни эти — краса и гордость России, нашей империи! Я и решила — передам я их вам, в Эрмитаж.

ЕКАТЕРИНА (*довольным голосом*): Верно решила, племянница. Все богатства России должны быть у нас. А как насчет иного богатства? Самое ценное, что у нас есть, — это люди!

ШАРЛОТТА: В смысле?

ЕКАТЕРИНА (*с горечью*): Слыхала, что у меня случилось с Наследником? Оставляю все теперь внуку, а он молод еще. Ему друзья да родные нужны. Ты для него сильно старше, с тобою он не подружится, значит, надо ему друзей искать меж родни да меж сверстников. А у тебя сынок есть, наследник, да и девка растет — скоро будет на выданье. Хочу я их здесь в столице растить, чтобы была от них моему Сашке дружба и помощь. Отпустишь?

ШАРЛОТТА: Жаль маленьких, да как не отпустить... Образование им получать надо. Одно меня останавливает. С детства я училась при ордене да в вере была возвращена католической. Я-то в католическое заведение их отдать думала.

ЕКАТЕРИНА (*с улыбкой*): Об этом я слышала. Нарочно для тебя я из Бельгии лучшего преподавателя Австрии выписала. Сперва работал в Тироле, в Инсбруке, затем перебрался в Брюссель. Отправишь сына ко мне в Санкт-Петербург?

ШАРЛОТТА: Одна только просьба. Эльза учила его вместе с незаконными латышскими кузенами, и они нынче не разлей вода. Так что если учить, так не одного, а восьмерых разом! Не обязательно всех одинаково.

ЕКАТЕРИНА: Прекрасно. Значит пришлешь и сына, и дочку ко мне уже этой же осенью. Они у тебя по крови Романовы, а Романовы должны учиться в России, а не в губерниях инородческих.

Натура. Лето. Вечер. Саратов. Надеждино

По огромной и широкой Волге, там, где берега ее высоки и отвесны, плывут огромные челны, которые тащат по берегу местные бурлаки. На челнах накрыты столы и идет пир горой. Посреди головного челна на возвышении сидит хлебосольный хозяин — огромный, гороподобный, необычайно пузатый камергер Куракин, рядом с которым на ларях с сундуками согнулся его новый секретарь Михаил Сперанский. Куракин диктует.

КУРАКИН: А теперь для моих гостей напиши новое объявление. «Хозяин никогда не ужинает, но всякий день в девять часов вечера будет у него готов ужин для всех прибывших к столу, и он, прося дозволения от одного всегда отлучаться, просит также всех своих случающихся гостей, несмотря на его отсутствие, за него садиться и самим за оным хозяйничать». Повтори-ка, что записал.

Сперанский повторяет, а Куракин милостиво кивает в ответ. Солнечный день, жара, но от нее спасает глубокая тень от высокого берега Волги. Когда Сперанский заканчивает читать, он обнаруживает, что хозяин за это время заснул и теперь сладко всхрапывает да причавкивает. Сперанский осторожно трясет господина за ногу, тот сразу же просыпается и оглядывается. На соседних челнах гости пируют и радуются. Куракин довольно усмехается и произносит.

КУРАКИН: Коль все сыты, гуляют и радуются, то и ко мне у всех хорошее отношение! Теперь далее... Ты приготовил каталог для моей новой библиотеки?

СПЕРАНСКИЙ (доставая блокнот): Так точно, вот...

КУРАКИН (небрежно): А все ли эти книги ты прочитал?

СПЕРАНСКИЙ (растерянно): Ну, не все... Почти все... Там же почти пять тысяч томов!

КУРАКИН (с интересом): Откуда ты знаешь, что все эти книги хорошие? Вдруг кто из гостей с полки книжку возьмет, а там какая-то гадость?! Будет мне от этого большое неудовольствие. И даже порицание, можно сказать... Что тогда?

СПЕРАНСКИЙ: Но я, когда книги все закупал, руководствовался только авторитетами. Вольтер, Дидро, Руссо, никто не посмеет сказать, что у вас нету вкуса или он у вас груб. Ни одной книжки новомодного маркиза де Сада, никаких грубостей...

КУРАКИН: Стало быть, есть и те книжки в которых написаны гадости? И что же это за гадости?

СПЕРАНСКИЙ: Ну, я не знаю... Я так, краем уха что-то там слышал...

КУРАКИН: Ага, вот учишь вас, учишь, а копнешь — и не знаете ничего. А как гоголем-то ходил! Мол, Сорбонна, не чета вам, невеждам, а ни одной книжки де Сада не знаешь и не знаешь, какие же там написаны гадости! А вдруг я книжку открою, там гадость, а я и не знал. Тут (*трясет пальцем*) настороже надо быть. Этой, как ее, ну этой... нравственности. А то возьмешь книжку, поставишь на полку, увидит кто, и все — двадцать лет ссылки. Тут... тщательней надо быть. Как же я теперь? Не знаю, какие именно у де Сада написаны гадости...

СПЕРАНСКИЙ: Извиняюсь... Я по случаю... (*Копается в большом дорожном сундуке с книгами.*) У меня с собой один томик. Но там... Там страшные гадости!

КУРАКИН: Так и нам... это... надобно просвещаться. Чтобы, так сказать, не попасть в лапы вражеской пропаганды. Ты, значит, читай, а я буду слушать. Ну, типа ты читал вслух, а я проходил тут случайно...

СПЕРАНСКИЙ (*растерянно*): Тут... (*Он озирается — вокруг их челна река.*) Случайно?!

КУРАКИН (*пожимает плечами*): Чего только в жизни не случается вдруг? Так ты будешь читать, а то я своими руками тебя — как Стенька Разин с персидской княжной. Это у меня — живо!

Натура. Лето. Вечер. Гатчина

86

По широкому плацу маршируют солдаты Павла. Ими умело командует Аракчеев. Солдаты ходят и так, и этак и ловко жонглируют своими тяжелыми ружьями. Парад принимает Павел, который всякий раз, когда солдаты показывают

новый кунштюк, громко и визгливо смеется и бьет в ладоши. Из левого крыла дворца за парадом наблюдают Кристофер и его офицеры, и от этого Павел еще больше радуется. Он все время подбадривает солдат, а те и рады стараться. Вместе с ним на парад приглашены многие гости. Помимо неизменного Кутайсова или фрейлины Гагариной, которая в Гатчине совершенно освоилась и ведет себя как хозяйка дворца, тут еще много и новых друзей, и старых гостей. Здесь есть и наставник наследников Николай Салтыков, и его тезка старый «европейский друг» Павла Николай Юсупов. Князь одет по самой последней моде, камзол его притален чуть сильнее обычного, жабо и манжеты чуть пышнее обычного, а носки у туфель чуть длинней и чуть острее обычного. Говорит Юсупов, чуть растягивая гласные, будто напевая, подносит к лицу надушенный платок из батиста и порою во время беседы грассирует. Именно к нему Павел и обращается в перерыве меж упражнениями солдат на плацу.

ПАВЕЛ: Николай Борисович, гуляка, помню, в свои годы божился, что осел навеки в Европах. Зачем вернулся? Надолго ли?

ЮСУПОВ: В Европах жить, Ваше Высочество, — доходы нужны. А основной доход у меня был с турецкого фирмана на пропуск через Босфор. Коль захочет кто товары через Босфор в Европу везти, так и заносит бакшиш.

ПАВЕЛ: Так и что? Неужто султан от обиды за свои поражения у вас фирман отнял?

ЮСУПОВ (*сокрушенно машет рукой*): Того хуже, Павел Петрович! Теперь не возит никто ничего через чертов Босфор. После падения Измаила с Очаковым товар в Европу по Дунаю пошел. А там платят мошенникам — де Рибасу да Барклаю с Шарлоттою. А они, ити их всех так, не желают торговать с турком. Причем тем же венгерским бандитам товар дают задарма!

ПАВЕЛ (*недоверчиво улыбаясь*): Как задарма? А бакшиш?!

ЮСУПОВ (*раздражаясь и распаяясь*): Мать твоя выжила из ума, объявила, что друг ее, император Иосиф, убит был за то, что дружил

с Россией и против Турции. А брат его, Леопольд, ненавидел Россию до колки и, убив брата, стал дружить с Турцией. Значит венгры, что зарезали Леопольда, — друзья России и русских и, соответственно, враги турок, и надо им помогать. И кузина твоя долбанутая тут же скупила зерно и принялась раздавать его венграм! БЕСПЛАТНО! Ну какой тут бакшиш?!

ПАВЕЛ (*растерянно*): Поверь, я ничего подобного не слышал. Мы любим Австрию, которая уже вторая для тебя родина, и против венгерских царевушек и мятежников. Это все кузина и матушка. От безнаказанности обеим, видать, голову сорвало. Это ж надо — начинать вражду с Австрией! Так вот почему ты из Вены первым делом в Ригу отправился (*хлопает себя по лбу*), ультиматум повез или там примирение?

ЮСУПОВ (*растроено*): Какое там... Я с де Рибасом сперва разговаривал, так моего гонца этот хам с лестницы у себя в Одессе спустил...

Павильон. Лето. Вечер. Одесса. Дом губернатора

96

В доме де Рибаса появляется князь Юсупов. Он входит, не слушая увещеваний камердинера, и раздраженно говорит.

ЮСУПОВ (*надменно*): Полноте, этот хам просто обязан принять меня сразу! Да и кто он такой? Бандит! Выскочка! Как он посмел людей моих из своего вонючего да вшивого городка выгнать?! Без дозволения моего на этом море ни одного торговца отродясь не было!

Сверху шум. По лестнице вниз бежит де Рибас — голый до пояса, чуть ли не в исподнем и сапогах на босу ногу. Он весь в поту и, судя по следам помады на груди и на шее, его оторвали от чего-то очень приятного. Поэтому дюк де Рибас очень зол. Увидев его, князь Юсупов напыжливается.

ЮСУПОВ: Хам! Бунтовщик! Извольте немедленно вернуть моих торговцев в Одессу, иначе все рынки в Турции станут для них терра инкognита! Я, князь Юсупов, это вам обещаю!

Пока князь это все говорит, де Рибас, наконец, до него добегаем, сгребает за жабо и грудки, одною рукой легко поднимает от пола, хоть князь на голову выше дюка, и одним молодецким движением выкидывает из дому.

ДЕ РИБАС (*с чувством*): Князь... Да пошел ты...

Сверху раздается веселый смех дам. Судя по голосам, дам несколько. Де Рибас отряхивается и бежит наверх.

ДЕ РИБАС (*дамам*): Прошу пARDону! Нас отвлекли...

106

Натура. Лето. Вечер. Гатчина

Камера возвращает нас обратно на плац, на котором идет парад. Князь Юсупов продолжает рассказывать.

ЮСУПОВ: В Вене сейчас люди резкие. Когда я не смог заручиться поддержкою де Рибаса, там отняли у меня паспорта и выгнали из страны в одни сутки. Мол, не пожелал помочь им в подавлении венгерского мятежа, а значит и сам я преступник. Так что мне теперь в Европу — волчий билет.

ПАВЕЛ (*невольно усмехаясь и теплея голосом*): Опа-на! Да, ребята там сейчас резкие, как понос. Немудрено, что у них такая буча везде затевается. Так и чего же ты, братец, не ко мне со своею бедой, а к кухне моей?

ЮСУПОВ (*разводя руками*): Так жить-то с чего-то мне надобно!.. Милости от вас — когда еще будут, а кушать надо здесь и сейчас. Так что пошел я на поклон к сим иудам, мол, примите в компанию, а я, мол, с вами правом на провоз через Босфор поделюсь.

ПАВЕЛ (*понимающе усмехаясь*): Продал, значит, право своего первородства. За чечевичную, значит, похлебку... Эх ты...

ЮСУПОВ (*мрачно*): Нет. Не смог. Не вызвало у них интереса. Кузина твоя меня так обхаживала, что я думал уже — дело в шляпе, а она в последний миг и скажи, что, мол, нынче, пока вопрос с Турцией не решен, тот, кто помогает поднять ее экономику, — враг России.

116

Павильон. Лето. Вечер. Рига. Дом градоначальницы
За большим столом, уставленным яствами, сидят Шарлотта и князь Юсупов. Видимо, они что-то горячо

обсуждают. Перед Шарлоттой тот самый красиво украшенный кувшин с кумысом, а она сама то и дело из пиалы прихлебывает.

ШАРЛОТТА: И сколько же, по-вашему, я должна поставлять зерна в Турцию?

ЮСУПОВ: Да чем больше, тем лучше. Надо помочь турецкому народу преодолеть тяготы последней войны, утолить горечь бесславного поражения, накормить голодных, утешить семьи тех, кто утратил кормильцев.

ШАРЛОТТА (*со вздохом и начиная что-то на бумажке подсчитывать*): Ну, про слезинку невинного турецкого ребенка мне все понятно. Интересно, однако, за чей счет банкет?

ЮСУПОВ: Ах, поверьте, право на проход через Босфор на земле не валяется. Надобно доказать султану свою полезность, поэтому цену на зерно я бы для них назначил падающую.

ШАРЛОТТА (*задумчиво*): А вы знаете, у меня есть обязательства и перед обычными венграми. В последнюю войну они добровольно собирали пожертвования на войну против турок. Их австрийская армия умирала и истекала кровью, но не дала врагу перебросить подмогу под Очаков и Измаил. И им тоже нужно накормить голодных и помочь семьям по утрате кормильцев... Особенно в условиях блокады со стороны Вены и всего Запада. А на всех зерна у меня, боюсь, не хватит...

ЮСУПОВ (*с деланным смехом*): Ха, вы хотите сравнить стратегическую ценность Босфора и каких-то там венгров?! Да они и не европейцы-то вовсе. Так — пришлые к нам кочевники... И какая стратегическая ценность у Венгрии? Поссориться с Австрией? Я вас умоляю...

Шарлотта как-то болезненно криво улыбается и звонит в колокольчик. Открывается дверь, и в кабинет входят Эльза с Петром. На супругах форменная одежда: начищенные сапоги, черные парадные офицерские штаны и белые форменные рубахи. Правда, у Эльзы рубаха чуть перешита, чтобы ей было проще кормить грудью. А генерал Петр Витгенштейн на ходу многозначительно рукава закатывает.

Выясняется, что руки у бывшего священника сильные. При входе Петр князю подмигивает.

ПЕТР: У нас с женою пари. Она со мной спорит, что, мол, Хозе Мигельевич — с детства моряк и командир у морского десанта, а я лишь псалмы пел на клиросе. Так что будь другом, помоги мне — подпрыгни, чтобы выглядело, будто я тебя метнул не хуже Мигельевича.

ЭЛЬЗА (*холодно*): Петр Христианович, прекратите вы нести чушь! Никто пока никого не выкидывает. Если что, просто утопим в речке по-тихому. Все бы вам представленья устраивать! (*Она достает откуда-то записную книжечку.*) Итак, Юсупов Николай Борисович. Согласно показаниям инсургента Шептицкого, за отдельную плату оказывал посильную помощь восстанью Костюшко, а именно передавал точные сведения о перемещениях русской армии. Вот еще. Согласно показаниям Мехмет-паши, агент Юсупов сообщал количество стволов пушек, которые Суворов запросил у Ставки под Измаил. Заплачено турками полностью... И еще. Согласно показаниям предателя Сакаи, агент Юсупов нарочно зазывал в свой дом венгерских инсурентов и сдавал их австрийской полиции. Приговорен венграми к смерти. Бежал в Россию. Тут еще много эпизодов, с полсотни... Мне продолжать?

ШАРЛОТТА (*лениво*): Пожалуй, нет... Боюсь, что поставки зерна за дешево в Турцию мне не слишком-то интересны. Желаю удачи.

ЮСУПОВ (*дрожащим голосом*): Вы... Вы меня отпускаете?

ШАРЛОТТА (*так же лениво*): А вы мне на что? Я не мадьярка, чтобы с удовольствием вам кишки выпустить. О вас мне хорошо моя лучшая подруга Мария рассказывала, вы в Европе вроде очень подружились с нею и Наследником Павлом. Пока друзья моих друзей лично мне ничего плохого не сделали, их тел Даугава в море не вынесет. Да... (*Поднимает чашу с кумысом.*) Спасибо вам за кумыс. Очень вкусно!

Князь Юсупов медленно встает и выходит из-за стола. Видно, что его коленки предательски то и дело подрагивают. Когда он уже у двери, Шарлотта говорит.

ШАРЛОТТА (*будто про себя*): И да, я тут много думала. Мне живые люди важней, чем проливы. Даже если они азиатские венгры-кочевники, а проливы те — путь в Европу. Это ежели стратегически.

Натура. Лето. Вечер. Гатчина

126

Камера вновь возвращает нас на парад в Гатчине, и мы видим крупно лицо князя Юсупова, который с надрывом и обидою в голосе говорит Павлу.

ЮСУПОВ: И это мне-то, князю Юсупову, сказать, что я враг Российской Империи?!

ПАВЕЛ (*растерянно*): А что не так? Вы ж лет пятьсот воевали с нами без передыха. Самые что ни на есть враги империи вы и есть. Мне даже сразу и на ум не придет, кто заклятее.

ЮСУПОВ (*горячась*): Но я-то не враг! Я за Россию всегда! А рижская сука мне — мол, нет у нее интереса помогать туркам, а есть интерес кормить венгров да сербов. А ежели она продаст зерно Турции, то венграм может и не хватить, а врагам покойного Иосифа (то бишь врагам России) в Вене от того радость. И как мне с таким ответом в Стамбуле отчитываться? Что я в Вену — домой напишу?!

ПАВЕЛ (*с интересом*): Ну а ты? За что они тебя взяли в компанию?

ЮСУПОВ (*с видимой неохотой*): Пришлось идти к твоей матери в ноги кланяться. Получил под начало дворцовые стекольные, фарфоровые и шпалерные заводы. Кузину твою, Барклая и де Рибаса нынче не обойти при продажах, зато меня не обойти по закупкам. На том и сошлись.

Натура. Лето. Вечер. Царское Село

136

На открытой веранде Государыня Императрица пьет чай и читает какую-то просьбу. Перед нею стоит полусогнутый князь Юсупов и ждет вердикта. Наконец царица просьбу дочитывает, откладывает бумагу, прихлебывает из чашки и задумчиво говорит.

ЕКАТЕРИНА: А ведь складно пишешь, дружок. Лучше тебя при дворе человека мне и не выдумать. Тем более что явился ты ко мне навсему.

ЮСУПОВ: Так точно, Ваше Величество! Ностальгия замучила! Знаете ли — дым отечества, вкус сока березы...

ЕКАТЕРИНА (*угрюмо*): Это-то точно! Дымилось твое отечество знатно, четыре войны уж подряд, похоже, и пятую придется с вашими султанами воевать, чтоб уж наверняка. Дым твоего отечества мне и впрямь, ты не поверишь, приятен! (*Достает откуда-то папку с бумагами.*)

ЮСУПОВ: Нет, что вы! Мы всем Крымом добровольно отдались Вашей власти! С радостью!

ЕКАТЕРИНА (*с гордостью*): Племяшка из Риги прислала. Пишет, что едет, мол, ценный кадр. Врет, как дышит, но есть у него большой плюс. Говорит — как магнит, он к себе таких же притягивает. Вот смотри. Агент польских инсургентов — это раз. Агент турецкой разведки — два. Агент австрийской уже контрразведки — три. Лишь на шведов еще не работал, а так были бы почитай все враги нашей империи! И глянь — ото всех самые лучшие отзывы!

ЮСУПОВ: Все поклеп и злословие!

ЕКАТЕРИНА: Не зуди. Венгров не то моих позову! Они те мигом объяснят, что такое поклеп, а что есть — злословие. Те еще варвары!

ЮСУПОВ: Я пойду, а?!

ЕКАТЕРИНА: Цыть! На три разведки работал не за страх, а за совесть, поработай теперь и на Родину. Раз отдался по твоим же словам — мне с радостью (*подписывая бумаги Юсупова*). С этими полномочиями войдешь в компанию Барклая с Шарлоттой. Все что узнаешь — мне отпишешь. А самое главное — ноги в руки и дуй к моему сыну в Гатчину. О каждом его вздохе, о всяком шевелении — мне сразу доклад. Не то отдам венграм. Ясно?

Натура. Лето. Вечер. Гатчина

Камера вновь возвращает нас на парад в Гатчине, и мы снова видим князя Юсупова.

ЮСУПОВ: Так я ей и сказал, что для развития и красоты нам нужно закупать заводы с технологиями по фарфору из Саксонии, стеклу из Венеции да богемскому хрусталу. А еще флорентийские ткани и прочее! И все оно — по Дунаю. И меня царица послушала!

ПАВЕЛ (*восхищенно*): Ну, Николай Борисыч, да ты — стратег! (*Задумавшись.*) Ну, раз ты вхож отныне к моей рижской кухне, может быть, будешь мне все сообщать, что у них там творится?

ЮСУПОВ (*с широкой улыбкой*): Обязательно. Мои глаза — ваши глаза, мои уши — ваши уши, Ваше Высочество, а мой рот навсегда на замке!

ПАВЕЛ (*задумчиво*): Да, это славно. Ну, спасибо, дружок...

Пока они так беседовали, парад успел продолжиться и закончиться. Павел, приветливо помахав Юсупову на прощание, торопливо спускается вниз. Судя по его виду, он считает, что парад ему несомненно удался. Поэтому он с распростертыми объятиями идет к Аракчееву и оказывает тому особые почести. Павел при всех говорит.

ПАВЕЛ: Я доволен, главное — враги наш триумф, нашу победу хорошо видели. Я всем доказал, что могу обойтись без Кристофера и его присных.

По лицу Аракчеева видно, что подобное сравнение его вовсе не радует, но Павел этого не видит.

ПАВЕЛ (*Аракчееву*): Теперь ты должен научить их ходить, как пешки по полю, и представлять из себя шахматы. Всегда мечтал поиграть в шахматы в живой рост. И пусть одна команда будет набрана из солдат светленьких, а другая из темненьких. И пусть немцы видят, как наши в каждой партии их снова и снова бьют, да по морде!

АРАКЧЕЕВ: То есть как это бьют? В шахматы друг друга обыгрывают?

ПАВЕЛ: Нет! Стенка на стенку. У нас в нашей половине двора все по волосам темненькие, а в том крыле одни беленькие. И я хочу, чтобы каждый раз у меня в шахматы темные били светлых и чтоб эта жирная сучка Марья всякий раз в окно это видела!

АРАКЧЕЕВ: Будет исполнено.

ПАВЕЛ: Да, и это... Я к тебе давеча одну убогую посылал. Дошла она до тебя?

АРАКЧЕЕВ: Дошла. Напрасно вы так, Ваше Высочество. Будь у нее деньги или хорошее покровительство, она могла бы сыскать себе прекрасную партию. А так... Думаю, так и помрет старой девой.

ПАВЕЛ: Ну... Я тоже так думаю. Да и что нам в том за корысть? Довольно и того, что взашей ее не выталкиваем! Ну, ступай...

С этими словами Павел от Аракчеева отворачивается и всякий интерес к полковнику на этом утрачивает, ибо к нему со всех ног бежит наставник Салтыков.

ПАВЕЛ: Рад видеть тебя, Николай Иванович.

САЛТЫКОВ: Краем уха я слышал вашу беседу о светлых и темных... Тут такое дело, на днях ваша матушка хотела мне было навязать нового ученика. Вашего племянша Бенкендорфа.

ПАВЕЛ (*хмурясь*): Чего ради? Пусть живет в своей Риге...

САЛТЫКОВ: Ваша матушка пожелала держать у себя под боком всех юных Романовых. Опять же взятие ребенка в заложники — хороший европейский обычай. Дабы ваша кузина из Риги какой фортель не выкинула...

ПАВЕЛ (*смягчаясь*): А это разумно. И у маменьки бывают отдельные проблески.

САЛТЫКОВ (*картинно заламывая руки*): Я был против. Племянник ваш растет среди торгашей, он окажет очень дурное влияние на ваших наследников! Посему отказался я его учить наотрез. И тогда ваша мать решила сдать его в новый иезуитский колледж, к католикам, чтобы они этого лютеранина контролировали.

ПАВЕЛ: И это верно. Незачем будущему царю вникать в этот... в ссудный процент и все прочее. Но ты ж не затем сюда ехал, старая егоза! Ну-ка давай, что там у тебя?

САЛТЫКОВ (*рдея от смущения*): Прежде чем брать в колледж важных отпрысков, Государыня год ожидала, смотрела, как там детей учат. Поэтому мальчик пойдет в младший класс, а в старшем — одни поляки, ибо кроме них никто в прошлом годе детей иезуитам не отдал.

ПАВЕЛ (*с нарастающим интересом*): Занятно, занятно! Старшие дети смогут обижать младших. А среди младших — сын моего брата Кристофера, моего обидчика, и лучшей подруги у местного склада жира. И если польские дети сынка Кристофера вдруг побьют, то мы-то тут все при чем?! А как славно будет поминать предателя Кристеру, что отродье его бьют все кто ни попадя! А что про светлых и темных?

САЛТЫКОВ (*ликующим голосом*): У польских мальчиков волос темный, а у остзейских немцев он всегда светлый. Коли вам угодно смотреть, как темные побьют светлых, лучше и не придумать!

ПАВЕЛ: Прекрасно! Наши темные всегда били и будут бить (*делает жест в сторону левого крыла Гатчины*) ихних светлых! Я хочу, чтобы эта моя жирная Машка была просто в отчаянии!

Павильон. Лето. Вечер. Рига. Дом градоначальницы

156

Во всем доме градоначальницы идут приготовления к тому, чтобы послать Александра учиться. Из спортивного зала слышны крики Эльзы, которая, видимо, муштрует мальчика и всех его кузенов, чтобы те могли ходить строем и во время построения правильно носочек тянуть. А на кухне Роза Боткина бегаёт меж разных ларей, банок и свертков, которые она готовит в дорогу всем восьмерым мальчикам. Посреди кухни сидит Елена Сперанская и с мечтательным видом рассказывает тетке о том, что было.

ЕЛЕНА: Вот представь, он герой войны, мужчина видный и строгий. Я за ним буду как за каменной стеной. И во всем, во всем у него учет и порядок. Я была у него в комнате — так там стоит шкаф-картотека и там внутри все по буквам разложено. И даже письменный стол у него внутри выстлан бархатом, а там углубления, и всякое перо или стержень в своем особом разделе. Очень положительный человек!

РОЗА (*бегая как заведенная по кухне*): Да подумаешь! У меня у самой на кухне порядок. Вон каждая ложечка, каждая вилочка внутри отдельной салфетки. Нашла чем удивить! А может, у него баба есть? Для меня удивительно, что мужик изнутри обил письменный стол бархатом. Ишь ты!

ЕЛЕНА: Нет у него никого. Просто он работающий и ни минуты без дела никогда не сидит. То пишет что-то, то с солдатами занимается, а то и мастерит там чего. Я сама раз видела, как он шкатулочку мастерил. Очень рукодельный мужик.

РОЗА (*суется и собирая поклажу*): Повезло тебе, девка. Я тебе так скажу, ты за него что есть силы держись. Я-то грешным делом тебе уже парня из наших, из гетто, подыскивала. Но раз уж такой генерал... Я за тебя рада.

ЕЛЕНА: Он пока что не генерал. Он пока что полковник, однако через нашу службу для Павла я точно знаю, что он вверх быстро пойдет. Ах, как мы с ним тогда заживем! Я и вас к себе точно перевезу, и жить все мы будем в столице, а не тут, в провинции...

1 в

Натура. Осень. Вечер. Колледж

По дорожке из зимнего сада и оранжереи колледжа идут Александр Бенкендорф и его семеро кузенов. Все мальчики в одинаковых черно-серых одеждах воспитанников, и поэтому издали они кажутся вереницею черных дроздов или грачей с белыми хохолками, ибо волосы у всех восьмерых мальчиков, как и у общего отца, светлые.

На небольшой полянке за оранжереями их ждет гораздо большая стайка таких же с виду «дрождов», но с темными хохолками, ибо по какой-то случайности полянки, обучающиеся в колледже, поголовно темноволосые. Из толпы темноволосых поляков вперед выходит высокий мальчик в аккуратных круглых очках на пружинке.

ВОРОНЦОВ: Добрый день, господа! Я пригласил вас сюда ради обсуждения вашего поведения в ходе мессы. Прошу вас объясниться.

БЕНКЕНДОРФ (*выходя вперед*): Врагу России я объясняться не буду.

ВОРОНЦОВ (*насмешливо и надменно*): Фи, как грубо! Позвольте узнать, милостивый государь, с чего вы взяли, что я враг России?

БЕНКЕНДОРФ: С того, что отец ваш из России бежал и признал Емельку Пугачева самым Петром Третьим. С того, что отец ваш

из Лондона деньгами Костюшко поддерживал и был за то к изгнанию осужден.

Воронцов (*с ненавистью*): Чьим судом?! Вашим судом — немецкой кабатчицы?! Твоя бабка силой свергла царя Петра, это вы все — мятежники! Пся крив!

Бенкендорф (*с издевкой*): Хотим об этом поговорить?! Не пора ли мне закричать про «Слово и дело»? Или тут мы слышим сына своего отца — очередного сидельца из Лондона?

Воронцов (*беря себя в руки*): Да полно, я всего лишь подискутировал. И сюда меня привели моя матушка — сестра адмирала Сенявина и моя тетушка — президент Академии наук княгиня Дашкова. Или вы и их всех к врагам России припишете?

Бенкендорф (*с показною учтивостью*): Что вы, что вы. Лишь тех, кто на нас пишет из Лондона пасквили.

Воронцов (*с издевкой*): Много чести писать про вас пасквили, быдлота из германской провинции! Небось прокисли на своей кислой капусте да щавеле! Я — крестник самой Государыни!

Бенкендорф (*со злобною вежливостью*): Простите, не признал благородного вампира из Лондона. А я всего лишь внук Государыни, и мне по нраву щавель да чеснок и...От чего еще там вашего брата-вампира так корчит?

Во время сей учливой беседы мальчишки ходят по кругу, не выпуская друг друга из виду, внутри импровизированного круга из темных и светлых голов и теперь больше напоминают не дроздов, но маленьких петухов. Воронцов на год старше и выше, Бенкендорф — чуть ниже, но плотнее. Пока они так беседуют, большой круг вокруг них постепенно сжимается.

Воронцов (*с усмешкой*): Отнюдь. Но мы отвлеклись. Я вызывал вас по поводу вашего непристойного поведения. Как вы читаете «Отче наш»?

Бенкендорф на своих кузенов оглядывается. Латыши стоят за ним плотной стеной и все от волнения бледные. Темных

голов вокруг как минимум втрое больше, чем светлых. И они — старшие. Александр поворачивается к Воронцову и, глядя поляку прямо в глаза, почти отчеканивает.

БЕНКЕНДОРФ (с показною учтивостью): Как и положено: «Vater unser...»

В следующий миг раздается жуткий крик: «Бейте еретиков, Матка Боска!» и «Jeszcze Polska nie zginęła!», а темные головы смыкаются вокруг светлых. Сперва кажется, что темные светлых вот-вот сомнут, однако вскоре уже выясняется, что латышские кузены во главе со своим предводителем «держат строй», тогда как поляки на них просто кучей набрасываются и при этом мешают друг другу. А еще видно, что кулаки мальчиков-хуторян тяжелей да весомее кулаков детей ксендзов и шляхтичей, и вскоре «темные» в беспорядке бегут, а «светлые» плотным строем вылавливают сбитых с ног иль отставших врагов и бьют тех без жалости. Темнеющее вечернее небо оглашается жалобными криками: «Караул, спасите, немцы нас опять убивают!». На шум со всех ног бегут слуги и преподаватели. По знаку Александра кузены его останавливаются, встают в строй и ждут прихода начальства. Вскоре в темнеющем саду появляется аббат Николя. К нему подводят жестоко избитого Михаила Воронцова, без толку утирающего кровавые сопли.

АББАТ НИКОЛЯ (наклоняясь к согбенному Воронцову): Что случилось, Мишель?!

ВОРОНЦОВ (возбужденно): Учитель, мы всего лишь пытались защитить нашу веру от еретиков, а они вон что наделали (показывая на свою рану на лбу). Теперь у меня шрам будет на всю жизнь!

АББАТ НИКОЛЯ (резко выпрямляясь): Каких еретиков, вы о чем?!

ВОРОНЦОВ (с праведным возмущением в голосе): Вот этих вот — немцев! Они бога предали, зачем они здесь?!

АББАТ НИКОЛЯ (поворачиваясь к Бенкендорфу): Я понял. Что случилось, Александр?

БЕНКЕНДОРФ (*невинным голосом*): Они просили прочесть меня «Отче наш». Я сказал: «Vater Unser», а они стали драться.

Аббат Николя усмехается и оглядывается. Вокруг собрались почти что все мальчишки. Он сухо объявляет.

АББАТ НИКОЛЯ (*скучным голосом*): Бенкендорф воспитан орденом. Он такой же иезуит, как и его мать. А все иезуиты обязаны молиться так же, как люди вокруг. Рига — немецкая, посему брат Александр и впредь, как якобы лютеранин, молится по-немецки. «Мы не можем просить брата нашего молиться как положено — на латыни, если дома он себя этим выдаст». Кодекс отца Аквавиты, капут первый, третий параграф.

ВОРОНЦОВ: Но его латыши! Вчера из навоза! Они-то точно не иезуиты по матери! Еретики!

АББАТ НИКОЛЯ (*еще более скучным голосом*): Все кузены брата Александра — есть его говорящая собственность, и поэтому они молятся так же, как их хозяин. Так сказано в главе пятой, параграфе двадцать третьем Аквавиты про наших братьев и их способную к мышлению собственность. Еще вопросы?

Темноголовые мальчишки ошеломленно меж собой переглядываются, а Александр добавляет.

БЕНКЕНДОРФ (*сладким голосом*): Кодекс пятого главы ордена отца Аквавиты мы будем учить на третьем курсе. Но вы же не потомственные иезуиты, чтобы вам мама про это с детства рассказывала. (*Михаилу:*) Ах да, папенька-то ваш от Государыни по Лондонам прячется. Откуда же вам знать про обычаи ордена?! А еще очки надел!

АББАТ НИКОЛЯ: Довольно. Нет чести в насмешках над побежденным противником.

Поляков побыстрее уводят от места их разгрома и поражения. Аббат же пару минут ходит перед кузенами взад и вперед и, видно, думает, что же сказать.

АББАТ НИКОЛЯ: Мне понравились ваши выучка и усердие. Кто был учитель?

БЕНКЕНДОРФ: Фехтованию, борьбе и кулачному бою нас учила моя личная бонна Эльза фон Винценгерод, нынче фрау фон Витгенштейн.

Аббат Николя: Ах, Винценгероды из Гессена. Одобряю. Ревностные католики. Ни одного вольнодумца или вольтерьянца в фамилии. Кроме, пожалуй, самой Эльзы. Но спишем это на ее увлечение кулачным боем. Одобряю. Но в будущем прошу вас не устраивать польским братьям подобные каверзы.

2 в

Натура. Осень. День. Царское Село

В Царском Селе бесконечные празднества по случаю свадьбы Наследника Александра и Луизы Марии Баденской, дочери маркграфа Баденского и графини Гессенской. Юный принц Александр и его невеста, нареченная в браке Елизаветой Алексеевной, принимают от всех поздравления. Гости сперва подходят к юной чете, готовя длинные речи, однако при виде молодых немного теряются. Юному Наследнику Александру — шестнадцать, а будущей Государыне и того меньше — четырнадцать. Поэтому если мальчик принимает гостей и подарки с достоинством, то девочка еще в себе не уверена и дичится. Рядом с креслами молодых на престоле грузно восседает их бабушка — Государыня Екатерина Великая. Родителей Наследника, Павла и Марию Федоровну, напротив, не видно, равно как и от невесты прибыла лишь ее мать, которая окружена вооруженной охраной. На воинственных гессенцев с опаской и подозрением смотрят сановники Государыни, которые толпятся за ее креслом.

Безбородко: Стоило ли пускать их сюда, да с оружием?

ЕКАТЕРИНА (с раздражением): Это моего сына Павлушу лучше об этом спросить и его жену Марью. Не я удавила родную сестру моей новой сваты — принцессу Наталью Гессенскую. Не мой амур ее родного брата Людвига Гессенского в лошадином дерьме прилюдно топил. Знали бы вы, сколько трудов мне стоило ее сюда заполучить!

Бецкой (хихикнув): А может, они того? Извращенцы?! Любят, когда их дают и топят... Мне докладывали — бывают у людей такие отклонения в психике.

ЕКАТЕРИНА (*с сердцем*): Ван Ваныч! Я на твои седины-то не взгляну. Вот клянусь, совсем ты из ума выжил, старый черт... Никто Наталью эту, шлюху драную, у нас не давил. Это так гессенцы думают. Ты только при них-то не повтори!

БЕЦКОЙ: Молчу, молчу, матушка... А про психические отклонения мне нынче много рассказывают. Начитаются новомодных де Садов и всех вокруг мучают, а то и сами рады помучиться. Такое поветрие...

САЛТЫКОВ: Так стоило ли столь торопиться?! Тем более что история брачеваний с Гессеном у нас столь печальна? Будто злой рок...

ЕКАТЕРИНА (*отмахиваясь*): Да сколько раз повторять! Гессен — самая богатая земля всей Германии, а мне сейчас деньги нужны. Опять же лучшие наемные генералы у меня все из Гессена.

САЛТЫКОВ: Так зачем генералы? От них морока одна. Чем плохи Суворов, Кутузов, Каменский? В бою-то наши сто очков вперед немцу дадут!

ЕКАТЕРИНА (*морицась*): В бою-то дадут, а на марше совсем другая печаль. Все эти гессенцы в бою — что мокрые курицы. Но ведь мы в боях в три раза меньше народу теряем, чем от голода, холода да болезни на марше. Так в бой у меня потому и зовут Орлов да Суворов, а к месту боя солдат ведут немцы. У них на марше потерь раз в шесть меньше, чем даже у Александра Васильевича.

САЛТЫКОВ (*разводя руками*): Умываю руки. Однако я учу ваших внуков, что это неправильно. Но что делать...

ЕКАТЕРИНА (*устало*): Сама знаю. Однако за неимением гербовой пишут и на простой. Иван Иваныч, Николай Иваныч, вы оба отвечаете за образование. Когда мы будущих генералов начнем учить так, чтобы на марше людей не терять?! Вопрос-то назрел! Вокруг мы врага уже вычистили. Нынче за врагом за тридевять земель придется идти.

БЕЗБОРОДКО (*будто между прочим*): А далеко ли придется идти, матушка?

ЕКАТЕРИНА (*сухо*): Во Францию. А туда путь-дорога по этому самому Гессену — через Франкфурт. А что делать? Встанем и пойдем, чтобы

изничтожить того же де Сада и все его книжки (со смешком), чтоб Иван Иваныч у нас больше об извращениях ни от кого не услышал.

С этими словами Государыня от сановников своих отворачивается, благо священник стал читать над молодоже-нами проповедь. Сановники меж собой переглядываются и начинают тихий разговор.

Безбородко: Так вот с чего спешка...

Салтыков: И не только. Мне лекари только что донесли, Наследник Александр, похоже, бесплоден, и чем старше он, тем слабей у него будет семя.

Бецкой: А во Франции хорошо. Помню, как по молодости мы там пили шампань... Э-э-эх!

Безбородко: Значит, скоро женят и Константина, а ведь ему только четырнадцать!

Салтыков: Говорят, уже послали в Саксонию. Еще одна немка. А юный принц к этому не склонен...

Безбородко: То есть как? В каком смысле?

Салтыков: Павел приказал растить сына по имени. Раз Константин, значит будешь править в Константинополе, и я воспитывал его в знании турецких обычаев. А обычай у турка, ну, сами знаете (*делает выразительные жесты рукой, от которых Безбородко отшатывается*), а нынче все боятся о том сказать Государыне.

Екатерина, которая вроде бы с интересом наблюдала за свадьбой, резко поворачивается и манит пальцем.

ЕКАТЕРИНА: Ну-ка, Николай Иваныч, а теперь подробнее о турецких обычаях.

Салтыков (*испуганно*): Не вели казнить, матушка! Будущий царь турецкого Константинополя должен знать все о турецких обычаях. А мальчик всегда интересовался, зачем турки сажают пленников на кол и почему среди наших офицеров вечно ходит молва, что лучше с честью погибнуть в бою, чем попасть в плен к туркам и остаться без чести. А он всегда проявлял интерес...

ЕКАТЕРИНА (*с сердцем и хватаясь за висок*): Твою ж мать... Научить нравам турок... Вы меня все уморите! Ну ка, Николай Иванович, вон стоят послы из Саксонии, веди их сюда, мухой. Пора и Константина пристроить, пока Европа не прознала про его турецкие склонности. А с тобою, наставничек, я еще позже лично поговорю!

Салтыков вихрем срывается с места и исчезает. Бецкой провожает его взглядом и спрашивает.

БЕЦКОЙ: Куда это он? Да с такой радостью?

БЕЗБОРОДКО (*со злостью*): Да это он, считай, только что с кола спрыгнул. Подгадал день, когда матушка у нас добрая. А побежал он верно во Францию, на радостях шампань там заказывать.

БЕЦКОЙ (*мечтательно*): Во Франции хорошо...

Екатерина с любовью и жалостью смотрит на своего бывшего, уже девяностолетнего секретаря, протягивает ему руку и, когда тот наклоняется, чтобы ее лобызать, произносит.

ЕКАТЕРИНА: Да, во Франции хорошо. Скоро мы все туда отправляемся. С кортежем, оркестром да пушками. Я там, Иван Иванович, сама тебе куплю много шампанского.

Павильон. Зима. День. Рига. Дом градоначальницы

ЗВ

Шарлотта в своем неизменном мундире стоит у конторки и что-то пишет. Осторожный стук в дверь, Шарлотта просит войти, дверь открывается, и в кабинет входит Эльза. Вид у Эльзы растерянный.

ШАРЛОТТА (*продолжая писать*): Что за вид? На нас напали индейцы? Объявился мой папенька и оставил мне миллион в наследство в Америке? Земля налетела на небесную ось? Никогда я тебя такую не видела...

ЭЛЬЗА (*ошарашенно*): Еще более странная вещь. Там внизу Николай Салтыков — наставник наследников. Просит частной аудиенции...

ШАРЛОТТА (*сразу переставая писать и складывая письменный прибор*): Сам Николай Иванович?! Этот воспитатель и главный наушник

кузена Павла?! И впрямь — небо упало наземь... Проси, проси срочно и сама заходи. Жаль, что Михаил Богданович отправился по делам в Лондон. Ну, жду!

Эльза скрывается за дверь и через мгновение появляется в сопровождении Салтыкова. Тот несет в руках свою шубу и в ответ на удивленный хозяйкин взгляд поясняет.

САЛТЫКОВ: Постеснялся внизу свою шубу оставить. Вдруг кто войдет, увидит ее здесь — и возникнет неловкость... Ах, здравствуйте, милейшая Шарлотта Иоганновна!

Эльза принимает шубу у Салтыкова, достает из шкафа плечики и отдельно у входа шубу вешает, тогда как Салтыков в ответ на пригласительный жест Шарлотты на стуле усаживается.

ШАРЛОТТА (*приветливо*): Как я рада видеть вас в нашей провинции, Николай Иванович! Какими судьбами? Чай, кофе, морс? Если угодно, могу предложить водку, ром или виски.

САЛТЫКОВ (*отдуваясь, хоть и не вспотел*): Да, пожалуй, с дороги лучше и морсу. А спиртного я до первой звезды — ни-ни! Так же и вашему кузену, и его деткам советовал.

ШАРЛОТТА (*с сожалением в голосе*): Мы тут живем тихо и замкнуто, так что последних новостей и не слышали. Подруга Марья мне пишет, что давеча Наследника Александра женили. Невеста его — чистый ангел, отец из Бадена, из Карлсруэ, а матушка, как из моя Эльза, из Франкфурта. Значит ли это, что нас ждет большая война?

САЛТЫКОВ (*с аппетитом выпивая полный стакан морса, поданный ему Эльзой*): Про войну мне неизвестно. Знаю лишь, что Государыня внука женила, поскольку он много тратился.

ШАРЛОТТА (*переглянувшись с Эльзой со значением*): Да неужто и он, как отец, на бронзовых истуканов?

САЛТЫКОВ (*о деланным отчаянием рукою махнув*): Хуже того, много хуже! Познакомился он с польской красавицей — Мариной Червинской, за глаза по деду зовут ее Мнишкой. Точь-в-точь как жену Лжедмитрия. Вообразите, Марина Мнишка-Червинская. Светла она

с ума добра молодца, и стал он на нее деньги спускать. Вот и пришла нужда его срочно женить.

ЭЛЬЗА (*будто невзначай*): Отчего же не на самой этой Мнишке? На законную супругу деньги из казны выделяют.

САЛТЫКОВ (*морицась*): А вы поляков-то видели? Самый сорный народ, ни у кого гроша за душой, а гонору — будто богаче самого Соломона! Присосалась к принцу, пиявка, а младшая сестра ее Жанетта бегаёт уже за Наследником Костей. Тому и радость — лишь бы любой сучке присунуть. А Кочубей с Чарторыйским эту связь одобряют да чуть не стоят на часах, когда Александр с Мнишкой вместе. Но хуже всех среди них Яновский с Потоцким...

ШАРЛОТТА: Ой-йю! Да у вас что там — пол-Польши в Царском Селе разбили свой бивуак?!

САЛТЫКОВ (*бросая острый взгляд на Шарлотту*): А вы не слышали? Грядет третий раздел Речи Посполитой меж нами, австрийцами да пруссаками. Польшу разделим уже насовсем.

ШАРЛОТТА (*задумчиво*): Это я слышала, но пока что не вижу связи.

САЛТЫКОВ (*со злостью*): Всем полякам дозволили выбрать, хотят они жить в Австрии, России или же Пруссии. В Австрии и Пруссии остаются все те, кто не любит Россию и русских, а в Россию перебираются те, кто не любит всех немцев.

ЭЛЬЗА: И кого же у нас они сочли немцами?

Павильон. Зима. День. Петербург. Дом Потоцких

4 в

В большой светлой и уютной гостиной собралась молодежь. Звучит польская и французская речь, струнный квартет играет легкую музыку, юноши и девицы сидят на мягких глубоких диванах и друг с другом дурачатся. Возраст компании — от четырнадцати до шестнадцати лет, и все молодые люди выглядят, как чуть повзрослевшие дети: у мальчиков первый пушок на губах, у девиц оформляется грудь. Впрочем, среди них есть и девицы, уже вполне сформировавшиеся и пользующиеся особым вниманием мальчиков. Посреди комнаты молодой князь Кочубей читает свой манифест.

Кочубей: ...Сим самым повелеваю: за все обиды и утеснения, нанесенные моим польским подданным, изгнать из страны всех их утеснителей немецкого корня. А именно... Господа, предлагайте!

Потоцкий: Первым делом, Павла Голштинского. Голштинцы — самые первые враги Польши!

Яновский: А еще суку Шарлотту Рижскую! Ее верный пес Витгенштейн нынче в Вильно и Ковно всех наших вешает!

Кочубей: Прекрасно, изгоняются Павел Романов, немец голштинский, и Шарлотта Бенкендорф, немка прусская. Еще?

Елена Потоцкая: Тогда уж до кучи и Марию Романову — немку из Вюртемберга!

Яновский: И немку Эльзу Винценгерод — жену Витгенштейна, она в Риге самая подлая. Очистим страну от всех этих Биронов и Остерманов с последышами!

Чарторыйский: Не забудьте и Суворова — вот уж главный враг всех поляков. У него бабка — немка. И братьев Орловых — и их бабка немецкого корня! Изгнать, их имущество конфисковать и раздать тем, кто лишился земли и имущества при упразднении Польши.

Кочубей: Готово! Александр, подписывай! Прямо так и пиши: я, Александр Павлович, Царь Великия, Малыя и Белыя...

Червинская: Нет, погодите. Есть еще одна немка — Елизавета из Бадена. Мой повелитель, молю и ее внести в список изгнанников! А тому, кто впишет ее своею рукой, от меня приз!

Александр (со смехом): Слушаю и повинусь, моя королева. (*Подписывает.*) Смотри: «Елизавета из Бадена». Все верно?

Червинская награждает его своим поцелуем под общие аплодисменты и возгласы.

Павильон. Зима. День. Рига. Дом градоначальницы

Мы снова оказываемся в доме Шарлотты, и видим, как Салтыков завершил свой рассказ и теперь на своем стуле нервно так ерзает. Шарлотта смотрит на него сперва недоверчиво, а потом спрашивает.

ШАРЛОТТА: И что, манифест этот есть?

Салтыков судорожно кивает и лезет во внутренний карман, видимо, за описанной им бумагой. Шарлотта делает отрицательный жест, мол, держите его при себе.

ШАРЛОТТА: Воображаю, что скажет об этом всем Государыня...

САЛТЫКОВ (*с отчаянием в голосе*): Юный принц верит, что любой царский указ немедленно вступит в силу. То, что у вас огромная армия Витгенштейна, что на Дунае под Суворовым армия и у Орловых армия на Кавказе, ему побоку. То, что вы втроем соберетесь и на столбах всех поляков повесите, ему тоже побоку.

ШАРЛОТТА (*хмыкнув*): Собственно, об этом и речь...

САЛТЫКОВ (*с отчаянием и яростью*): Я говорил ему, я учил его: «Что было, то и будет. Что делалось, то и будет делаться!» Раз Суворов бил поляков, так он и дальше будет их бить. Раз Витгенштейн нынче вершит свой суд в Вильне, безумие полагать, что одним польским указом можно его изгнать и объявить вне закона. В Польше указы против России принимали десятками, но он же не слушает!

ШАРЛОТТА: Так, понятно. А кто виноват? Тот, кто учил...

САЛТЫКОВ (*с горечью*): На Востоке есть мудрость: из кувшина можно вылить лишь то, что в него было налито. Отец вашего кузена Павла — голштинский принц Петр — был не в себе. Обожал игры в солдатки, равно как сын его Павел, любил пустопорожние разговоры, как его внук Александр, да возбуждался, когда мог кого-то помучить, как внук его Константин.

ЭЛЬЗА: А что? Константин...

САЛТЫКОВ (*чуть не с рыданием в голосе*): Да! Черт побери, да! А кто в ответе за все?! Я, учитель! А что мне делать — слепил из того что было.... Александр любил умствовать, я научил его философии. Константин любил драться, я воспитал его истинным воином. Но завтра все узнают об указе, подготовленном Кочубеем. У Государыни будет, наверно, удар, а с меня живьем сдерут кожу — не менее!

ЭЛЬЗА (*деловито*): Но, может быть, мы сумеем что-то исправить?

САЛТЫКОВ (*машет рукой*): Ах, фрау Эльза, вам-то хорошо говорить! У вашего воспитанника — дед по отцу народный герой, а из двух прадедов по матери — один академик, а второй генерал абвера. Немудрено, что мальчишка и семь его кнехтов ввосемьмером отмутузили штук двенадцать поляков, которые были старше по возрасту.

ЭЛЬЗА (*с гордостью*): Двадцать. Двадцать поляков.

САЛТЫКОВ (*раздраженно*): Да не суть. Кстати, Шарлотта Иоганновна, мои поздравления — весь двор об этой битве только и говорит. Мария Федоровна счастлива и принимает от всех поздравления. А что делать мне, ежели у моих воспитанников дед был дебил?! Да, дебил! К тому же и извращенец... А кого за это на дыбу? Все верно — учителя!

ШАРЛОТТА (*сухо*): Суть проблемы я понял. Эль, накорми нашего гостя, а я пока напишу письмо кузену Павлу. Да и Марье, конечно. А потом, дорогой Николай Иванович, вы лично доставите оба письма в Гатчину. Обещаю, что мы сделаем все, дабы за игру природы вас не наказывали.

6В

Натура. Зима. День. Рига. Набережная

По рижской набережной, покрытой белым пушистым снегом, прогуливается старый благообразный Исаак из Йорка. Он приветливо со всеми раскланивается и, судя по всему, радуется легкому морозцу, зимнему холодку и яркому солнышку. Навстречу ему едет знакомая нам карета, из которой выходит Эльза в своем обычном мундире и без верхней одежды. Она приветливо раскланивается с Исааком, а тот ей весело говорит.

ИСААК: Мороз и солнце! Изумительная погода! Судя по тому, что из кареты вы вышли и меня к себе не засовываете, нынче иголками вы меня стращать не намерены. Уже хорошо!

ЭЛЬЗА: Ах, боже мой! Какой вы злопамятный, сэр Исаак! Да-да (*в ответ на изумленно приподнятую бровь негоцианта*), мы в курсе, что вам на днях был жалован рыцарский крест за успешную работу в России. Мои поздравления.

ИСААК: Вы знаете, мне на ум тут пришел один интересный гешефт. Вы мне скажете, кто с вами поделился сией чудесною новостью, а я вам уступлю очень хороший процент.

ЭЛЬЗА (*со смехом*): Да что вы! Меж друзьями всегда должна сохраняться небольшая загадка, ибо так мы друг другу становимся интереснее!

ИСААК (*с доброй усмешкою*): Ах, фрау Эльза, вы столь загадочны, что дорого бы я дал, дабы залучить вас в уютное креслице в подвале неприметного здания за Кенсингтонским дворцом. Я бы с таким удовольствием узнал у вас все ваши тайны!

ЭЛЬЗА (*со смехом, чуток истерическим*): Ну уж нет... Лучше вы к нам. К тому же тут ближе! Шучу — не меняйтесь в лице, шучу я. Кстати, и мне тут пришел на ум один вкусный гешефт. Вы поднимете закупочную цену на наше зерно процентов на десять, а я расскажу вам, где можно с толком потратить деньги.

ИСААК (*с видимым интересом*): Боже мой, когда вы начинаете говорить, мне хочется, чтобы вы сказали чуть больше. Исаак очень беден, какой смысл ему тратить фунты и гульденy, а?

ЭЛЬЗА (*серьезней*): В столице появилась польская княжна Марина Червинская, она же Мнишка...

ИСААК (*тоже серьезней*): Да, всего четырнадцать, но уже знает, как ей верно торговать своим тухесом, пока он молодой и упругий. По слухам, весьма дорогая шикса, ее возит юный князь Кочубей. Интересно, на что? Деньгами они сорят, ой-вей, будто завтра потоп.

ЭЛЬЗА: Сорят потому, что деньги не Кочубея. Деньги — Наследника. По слухам, его женили именно потому, что невеста в приданом привезла ему новое состояние. А сейчас молодые начали ссориться, ибо принцесса Елизавета не готова, чтобы приданое ее было спущено на полячку Червинскую.

ИСААК (*задумчиво*): Так юному наследнику престола срочно нужны крупные деньги, дабы набить ими ненасытную польскую прорву?! Ой-вей... А вы предлагаете мне спасти семейное счастье будущего царя Российской Империи?!

ЭЛЬЗА: Так что там с закупочными ценами в Лондоне на наше зерно?

ИСААК: Рынок — это стихия. Сегодня цены одни, а завтра другие. Их колебания зависят от того, выглянет ли у нас солнышко, клюнет ли у нас рыбка. Однако думаю, что ежели будет клев, то и цены подымутся.

7В

Павильон. Зима. День. Гатчина. Покои Наследника

По лестнице вверх в покои Павла спешно поднимается Салтыков. Павел стоит наверху лестницы и смотрит вниз на Салтыкова, а тот сверху выглядывает, как смешной толстый жук. Лицо Павла сумрачно. При виде своего старого учителя Павел произносит с неудовольствием.

ПАВЕЛ: Будь здоров, Иваныч... Что не сразу ко мне? Неужто у этого жирного колобка нынче медом намазано? Так мед весь молочный мой брат нынче слизывает...

САЛТЫКОВ (*задыхаясь от бега вверх по крутой лестнице*): Я, Павел Петрович, по просьбе Марии Федоровны был в Риге проездом. Зашел по случаю к вашей кухне, и она вам прислала письмо. А на словах велела вам передать, что меж вами были в прошлом разные трения, однако она за правду и знает, что тетка ее с вами обошлась не по совести. Вот, прочтите!

Павел берет у Салтыкова письмо, недоверчиво крутит его в руках, затем с подозрением спрашивает.

ПАВЕЛ: Чего это она вдруг разродилась? Вроде даже не разговаривали...

САЛТЫКОВ (*с трудом переводя дыхание*): Кто знает? Может, сынок у нее, известный бандит, нынче тут у нас учится. Так вот и ищет она для него у вас покровительство. Как никак, а вы все ж таки кузены. А как говорится, «в хороших семьях...».

ПАВЕЛ (*задумчиво, не слушая Салтыкова*): Я уж и забыл, что мы с ней — семья. Забавно, пока был я наследник, знать меня не хотела, а стал я никто, и вот пишет. Приятно.

Павел знаком приглашает следовать за собой и идет к себе в кабинет. Там быстро ножом для бумаг разрезает конверт, читает письмо, глаза его от изумления округляются, он даже невольно стягивает с себя свой парик и им же начинает утирать пот со лба. Затем он принимается кругами бегать по комнате, бросается на колени перед распятием и бьет поклоны, повторяя.

ПАВЕЛ: Господи, слава тебе... Прости, Господи, слава тебе, уберег, спас от греха... Господи, не оставил ты раба своего...

Затем он нервно вскакивает, с безумными глазами оглядывается, делает пару кругов по комнате, явно не зная, чего же ищет, потом что есть силы обнимает Салтыкова и чуть не со слезами на глазах восклицает.

ПАВЕЛ: Николай Иваныч, счастье-то какое! Ты сам-то хоть знаешь, о чем там? Кузина пишет, что никогда в мою измену не верила, а нынче вернулся к ней офицер, который был в день убийства там с Густавом, и он готов подтвердить, что я невиновен. Она на днях пришлет его к моей матушке, а та... Та изменит свое завещание. И я, наверно, стану царем! Ты понял, Николай Иваныч, я опять стану наследником!

В первый миг Салтыков стоит как громом ударенный, а потом в глазах его мелькает хитрая искорка, и, пока Павел опять бьет поклоны перед распятием, Салтыков шепчет в сторону.

САЛТЫКОВ: Ох, ну и ловка ж ты, Шарлотта Иоганновна!.. Ну, берегись, Кочубей, берегись, Чарторыйский! Павел-то мой, став царем, живо вам разъяснит, кто тут русский, кто немец, а кто пшекота голозадая. Гляжу, не на того паны-то поставили.

Павильон. Зима. День. Зимний дворец. Покои Государыни

8 в

Государыня Императрица в своей комнате для приемов внимательно читает папку с документами. Перед нею навывтяжку стоят Эльза и фон Рапп. Наконец Государыня отрывается от папки и кивает гостям. Фон Рапп козыряет и выходит из комнаты. Государыня спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: И куда он теперь, этот дудочник?

ЭЛЬЗА: Согласно вашему приказу — гонять крыс поедет во Францию. Попробуем прекратить представления по де Саду.

ЕКАТЕРИНА: Давно пора. Теперь о главном. За Павлушу, сына моего, скажи Шарлотте спасибо. Хоть и не верила, а все одно, раз есть твердые доказательства и показания этого Бьелке, будто камень с души вмиг упал. Пусть путаник, главное, не предатель. Теперь по внуку... Неужто англичанам продался?

ЭЛЬЗА: Прямых доказательств нету. Британский резидент в России — Исаак из Йорка замечен в сношениях с негоциантом Абрамом Перецем. За последние месяцы он передал Перцу огромные суммы, которые получил князь Кочубей — друг Наследника. Программу реформ Кочубея и его указ о срочном выселении немцев с конфискацией их имущества в пользу «шляхты, утратившей имущество в Польше», вы видели. Часть денег, которые получил Кочубей от английской разведки, по-видимому, была растрочена Наследником на подарки для малолетней княгини Червинской...

ЕКАТЕРИНА (*с яростью*): Выдать замуж сучку немедленно! И в свадебное путешествие по Европам, да в одну сторону! Сегодня же жениха ей сыщу, завтра пусть под венец, а послезавтра уже — ехай нах... Прости, вырвалось! Ишь, тоже — содержание внука моего на себя разбазаривать!

ЭЛЬЗА: Так что прямого свидетельства о том, что Наследник брал английские деньги нами не выявлено. Их точно брал Кочубей, но если он скажет, что лишь исполнял приказ...

ЕКАТЕРИНА (*обрывая*): Я поняла. Удавить бы гаденыша, да ведь и так говорят, что руки у меня по локти уже в польской крови. Так что и для допроса не взять, ибо слишком много вони подымется. Хорошо. Вернись в Ригу, продолжайте следить за этим Исааком. За Перцем, спасибо, люди мои приглядят, а с внуком я сама разберусь.

а положила рядом на столик. К ней в тронную залу вводят Наследника Александра учитель его Салтыков и секретарь государыни, он же и канцлер, Безбородко. Оба при этом оказывают Наследнику всякое уважение, но скорей не ведут, а конвоируют. При виде внука Екатерина расплывается в любезной улыбке, однако глаза ее и тон голоса холодны.

ЕКАТЕРИНА: Сашенька, здравствуй, совсем ты забыл меня, старую. Неужто дорогу запомнил?

Александр опасно косится на сурового Безбородку, с надеждой оглядывается на Салтыкова, а тот ему кивает ободрительно и утешительно. Наследник чутко успокаивается и бормочет.

АЛЕКСАНДР: Здравствуй, бабушка! *(После короткого молчания.)* Вели, чтобы мне вернули моих друзей да товарищей.

ЕКАТЕРИНА *(делая невинные глаза)*: Ты о ком, Сашенька?

АЛЕКСАНДР *(с вызовом)*: На днях всех забрали люди твои. Пришли ко всем ночью и взяли. Родные не знают уже, что и думать. Меня пусть лучше возьмут!

ЕКАТЕРИНА *(довольно ледяным тоном)*: А есть за что? Лучше скажи правду, Сашенька. Бабушка-то простит, иное может быть с чужим следователем.

Александр тушует. Взгляд его становится нервным, а вид — как у затравленного зверька. Он с ужасом смотрит то на бабушку, то на двух молчаливых сановников.

САЛТЫКОВ *(сзади, негромко, но поучительно)*: Любой юноша, согласно указу деда вашего, Петра Третьего, обязан решить: либо он идет в армию, либо на стезю государственную, или же готов стать помещиком.

ЕКАТЕРИНА: Все верно. Ваши друзья все уже в возрасте, большинство решили пойти служить в армию и уже направлены к месту службы.

АЛЕКСАНДР: Что с другими?

БЕЗБОРОДКО: От жизни в роли помещиков все отказались. Хоть им и предлагались очень хорошие земли в Тамбове с Саратовом.

ЕКАТЕРИНА (*со злостью*): Я-то сразу хотела земли под Тобольском и Томском, да мои советники менжевались: мол, под Тобольском и Томском точно откажутся.

САЛТЫКОВ (*с отчаянием в голосе*): Так далеко же ведь, матушка!

ЕКАТЕРИНА (*с возмущением*): Томск да Тобольск — это рядом. Рукою подать. Еще один моих внуков ляп, и точно я тебя познакомлю с Ново-Архангельском!

Салтыков бледнеет и делает принцу знак, мол, я за вас бился как лев, а после изображает из себя бессловесную статую.

БЕЗБОРОДКО (*продолжая, будто ни в чем не бывало*): Прочие пошли на чиновную службу и направлены на обучение в Москву.

АЛЕКСАНДР: А почему не в Санкт-Петербург? Здесь у нас тоже университет.

БЕЗБОРОДКО (*разводя руками*): Столичный университет переполнен, а в Москве — недобор...

ЕКАТЕРИНА (*с неприязнью*): Это потому, что в книгах Кочубея и Чарторыйского обнаружен пасквиль Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». И князь Кочубей заявил, что в этой книжке все правда, а Россия — тюрьма. И Чарторыйский поддакивал. Вот я и приказала, чтобы поехали паны и своими глазами кругом все увидели. Где — тюрьма, где — проблемы, а где и гнусная ложь. Поедут, посмотрят и напишут мне сочинения. И будут ездить они до тех пор, пока страну не увидят, а я прослежу! Все — к черту! Аж горечь ко рту поднялась... Завтра расскажешь, как ты страной править будешь.

Яркий солнечный день, легкий морозец, искрящийся белый снег. На похожем на шахматную доску плаце выстраиваются две шахматных армии. Сам Павел одет в костюм шахматного Белого Короля, Христя фон Ливен рядом с ним в костюме

Белой Королевы. На другой стороне доски стоят черные, причем Аракчеев в костюме Черного Короля, а высокая темноволосяя фрейлина Гагарина одета как Черная Королева. Прочие белые фигуры наряжены в белые в рыцарские доспехи немецкого вида, а черные — в зипуны с армяками, причем многие черные фигуры — с татарскими чалмами и турецкими фесками, а у черных пешек — польские квадратные шапки-конфедератки. По приказу Павла начинает бить барабан, две армии сходятся и начинают по-настоящему друг друга бить, как будто в драке на кулаках на Масленицу. Из окон дворца на все на это смотрят зрители. Мы видим офицеров охраны полков Бенкендорфа и Аракчеева, все семейство фон Ливенов, всех великих княжон и даже Марию Федоровну рядом с Кристофером. Драка идет не на шутку, от битвы освобождены только Христия с Гагариной, и сперва непонятно, кто побеждает, однако по ряду признаков можно предположить, что, скажем, Аракчеев и старшие его офицеры дерутся вполсилы. Однако зрители этим малым сражением все больше захватываются, и та же Мария Федоровна все громче визжит: «Вайс! Дойче Вайс!», то есть болеет за белых. Наконец бой завершен, Павел с разбитым лицом, еле переводя дух, ставит сапог на грудь поверженного Аракчеева, а раскрытые окна — прежде всего стороны Марии Федоровны — неистовствуют. По приказу Павла две малые армии снова строятся, а потом белые под барабанный бой совершают вокруг плаца круг почета. Впереди марширует Павел, его лицо разбито в кровь, но он бодро размахивает своей треуголкой и громко кричит.

ПАВЕЛ: Мы победили, потому что мы — немцы! У нас — порядок! Порядок — прежде всего! Виват белые! Свет всегда сильнее Тьмы!

Со всех сторон, из окон обоих крыльев дворца слышны одобрительные возгласы, а громче всех визжит и этой победе радуется, конечно, Мария Федоровна.

Натура. Зима. День. Зимний дворец. Малая тронная зала
Мы видим будто продолжение вчерашней встречи. Только Государыня на этот раз не в официальном наряде, а в широком платье, очень похожем на домашний халат. Сегодня

*на ней нет ни бус, ни давящих украшений, а ворот у халата
растянут, будто Государыне очень жарко.*

ЕКАТЕРИНА: Ну что ж, Сашенька, расскажи нам, как будешь править, что сделаешь?

АЛЕКСАНДР: Я все придумал. Прежде всего необходимо, чтобы народу пришло просвещение. В каждом городе у нас будет университет. В проекте реформ Кочубея про это у нас все написано.

САЛТЫКОВ: Да, Ваше Величество, молодые люди придумали, что нужно дать крепостным грамотность, научить их азбуке с математикой.

АЛЕКСАНДР: Да бог с ней, с математикой. Главное, чтобы крестьяне смогли изучить философию...

ЕКАТЕРИНА (*настороженно*): Так я не поняла, что там за математика с философией?

САЛТЫКОВ: Самое простое — четыре действия арифметики, чтобы лучше развивались торговля с ремеслами, да начала тригонометрии, чтоб при строительстве они могли соблюсти прямой угол.

АЛЕКСАНДР: При чем здесь прямой угол?! Главное — обучить людей умению мыслить. Нужно дать им начала народовластия, чтобы каждый мог судить о делах страны, чтобы цвела демократия.

Рот у Государыни безмолвно открывается. Она смотрит широко раскрытыми глазами то на Салтыкова, то на внука. Безбородко отчаянно делает вид, что его тут нет и он тут ни при чем.

ЕКАТЕРИНА (*Салтыкову, ласково*): Ну все... Готовь шубу, унты и эту... малицу, Иваныч. Значит — народовластие...

АЛЕКСАНДР (*с одушевлением*): Так точно, власть народа. У нас в стране будет настоящая демократия!

ЕКАТЕРИНА (*небрежно*): Политическую программу я поняла. Перейдем к бюджету и деньгам. Казна у меня сейчас с дефицитом. Откуда деньги брать будешь?

АЛЕКСАНДР (*с еще большим одушевлением*): Главная беда экономики — это инфляция. А инфляцию прежде всего военные расходы подстегивают. Поэтому для балансировки бюджета надобно уменьшить расходы на армию. Я так и сделаю.

ЕКАТЕРИНА (*недоверчиво*): Ты сократишь расходы на армию? А деньги — на философию с демократией?

АЛЕКСАНДР (*возбуждаясь*): Нет, нет! Еще лучше армию вообще отменить. Я буду первый Царь-Миротворец! Весь мир нас боится, думает, что мы агрессивные, а я провозглашу вечный мир со всем миром — без аннексий и контрибуций.

ЕКАТЕРИНА (*будто поперхнувшись*): Ладно, все согласились. А если мятеж? Вдруг опять восстанут поляки, или черкесы, или там татары в Крыму?

АЛЕКСАНДР (*восторженно*): Господи, да ведь поляки — наши друзья! Дадим им нового короля. Да хоть друга моего Адама Чарторыйского! А малороссам мы вернем гетмана — Васю моего Кочубея. Вот у них о бунтах пусть голова и болит. А прочие... Да кому нужны все эти дикие мятежные земли? Свет науки с культурой сияет нам с просвещенного Запада, так и плевать на этот дикий Восток. Отпустить бы их к лешему, и хватит, наконец, кормить и пустой Крым, и весь прочий Кавказ! Лучше прежнего мы без них заживем!

Государыня как-то странно оседает на своем троне. Потом она как куль вперед с трона валится, к ней бросаются Салтыков с Безбородкой, распахиваются двери залы, к трону бегут люди. Слышен истерический крик принца.

АЛЕКСАНДР: Бабушка! Что с тобой, бабушка! Не умирай, я люблю тебя! Только не умирай, милая!

Вокруг Государыни уже толпится народ, кто-то кричит: «Соли, нюхательной соли сюда!» и «Раступитесь, дайте ей воздуха!». Камера крупно выхватывает лицо Екатерины, которая вроде приходит в себя и шепчет.

ЕКАТЕРИНА: Верните Павлушу мне, срочно! Помираю, хочу Павлушу — сыночку моего на царство!

Натура. Весна. День. Страсбург. Университет

Погожий солнечный день. В сквере на университетской площади на скамеечке сидит человек, одетый в цивильное. Со стороны его можно принять за профессора, однако, когда камера дает нам увидеть его ближе, это оказывается отставной прусский генерал Иоганн фон Рапп, который нынче в штате у «фрау Эльзы». Прямо к нему идет молодой офицер в форме французской армии. Он радостно восклицает.

ЖАН РАПП: Ба! Дорогой милый кузен! Как только ты мне написал, я тут же получил увольнительную на один день. Куда пойдем ужинать?

ФОН РАПП: Куда угодно, кузен Жан, куда угодно. Я впервые в Страсбурге.

ЖАН РАПП *(со смехом):* Позволь тебе не поверить. В свое время отец мне рассказывал, что всякое появление его старшего брата вызывало в нем чувство, будто черви уже ползут по его могиле.

ФОН РАПП *(усмехаясь добродушно в ответ):* Тем не менее, отец твой прожил долго и счастливо, упокой господь его душу. Думаю, это — традиция.

ЖАН РАПП *(пожимая плечами):* И традиции не меняются, к сожалению или к счастью. Пойми, мы тут немцы на службе у Франции, и к нам здесь особое отношение. Отец мой после присоединения Эльзаса к Франции решил, что поместье и ферма дороже, и стал ярый француз.

ФОН РАПП *(в тон кузену):* А мой отец после подлого захвата Эльзаса французами решил, что он немец и, бросив все, пошел служить Великому Фридриху. А родовое поместье и замок перешли его младшему брату — предателю...

ЖАН РАПП *(морщась):* Если ты прибыл передать через меня что-то важное, не стоит тебе звать моего папу предателем.

За время этого разговора кузены находят маленькое уличное кафе и садятся за столик прямо под огромным кустом цветущей сирени.

Павильон. Весна. Вечер. Лион. Дворец Правосудия

2 г

В огромном большом кабинете, больше похожем на тронную залу, за бесконечно огромным столом восседает Фуше. Раскрывается дверь, и в кабинет вводят фон Раппа. Тот опять в штатском платье, а под локтем у него папка с бумагами. Фуше приветливо машет фон Раппу и приглашает его пройти ближе, а еще дает знак слуге, и двери за фон Раппом наглухо закрываются. В кабинете гробовая, гулкая тишина. Фон Рапп идет к начальнику тайной полиции, и шаги его гулко отдаются вокруг.

Фуше: Изумительная акустика. А снаружи не слышно не звука. Сам проверял. Этот дворец принадлежал хозяину «Креди Лионне», который воровал из казны сверх всякой меры. Я изобрел математический метод, его уличающий, и он постарался меня погубить. Затем времена изменились, и вот я здесь, а негодяй оказался на плахе. Вместе со всею своею семьею и домочадцами. Я не хотел, чтобы кто-то сей дворец у меня потом отнял. Ну, что там у вас?

Фон Рапп: Вы так говорите, будто безусловно во всем мне доверились. Или уверены, что я уже отсюда не выйду...

Фуше: А это зависит... Мне нравится ваш акцент. Французский хорош, но вы из Северной Германии. Это совпадает с вашей легендой, что вы из Пруссии. Однако мне доложили, что со смертью Фридриха вы оставили службу. На кого работаем нынче?

Фон Рапп смотрит на Фуше, мы крупным планом видим его взгляд. Он вновь оказывается рядом с кузеном Жаном в Страсбурге под кустом сирени.

Натура. Весна. День. Страсбург. Уличное кафе

3 г

Кузены получили по чашечке кофе и бокалу вина, перед ними стоит кувшинчик. Они продолжают свой разговор.

Жан Рапп: Признаюсь, когда ты мне написал, я доложил о письме своему начальнику. Он сразу сказал, что ты без толку по Европе не ездись. Итак, на кого работаем нынче?

Фон Рапп (*с усмешкой*): Стало быть, сразу сдал любимого кузена?! Похвально. Отец мне рассказывал, что всякий раз, когда ему надо было что-то сказать жандармерии, он по большому секрету говорил это своему младшему брату. И жандармы отвечали немедленно.

Жан Рапп: Узнаю семейное чувство юмора. Но — к делу. Что у тебя?

Фон Рапп: Грядет раздел Речи Посполитой. Между нами и Австрией начались уже трения из-за Верхней Силезии. Прусский король желает французского наступления здесь, в Эльзасе и Лотарингии, дабы австрийцы на переговорах стали сговорчивее. Только это (*подмигивает кузену*), сам понимаешь, страшный секрет.

Жан Рапп: Как любящий брат могу сократить тебе время пребывания в Страсбурге. В письме ты просил свидания с генералом Моро. Из моих личных источников (*подмигивает*) в контрразведке, с Моро тебе разговаривать не о чем. Что бы ты не хотел ему предложить. Но это, как ты понимаешь, не менее страшный секрет. (*Смеется.*)

Фон Рапп (*с нарочитым уважением в голосе*): А семья-то наша растет! К успеху идем — дядя был обычный сексот, а кузен уже и офицер контрразведки. Очевидный прогресс.

Жан Рапп (*слегка разгорячившись*): Да полно тебе! Я на хорошем счету у самого Жозефа Фуше — руководителя тайной полиции. Именно он решает, что именно случится здесь, в Страсбурге, а не Моро!

Фон Рапп (*с легкой насмешкою*): Уверяю тебя, мое предложение твоему истинному патрону понравится еще больше. Я даже думаю, что ты получишь от этого повышение. Ибо — в хороших семьях...

Жан Рапп: Уговорил, не помню, чтобы дядя хоть раз отцу моему соврал или его как обидел. Пойдем, я выпишу тебе все нужные документы.

Фон Рапп: На кого я работаю? Возможно, что и на вас. Любой инструмент работает на того мастера, который на нем умеет играть. Я привез мир для Франции. Если французская армия нанесет поражение австрийцам, мир для Европы становится неизбежным...

Фуше: Мне нравится. Начало речи прекрасное. Мы все... (*Нарочито громко кричит.*) Мы все тут лишь и радеем ради величия Франции. (*Сокрушенно разводит руками.*) К сожалению, меня тут не слышат (*опять повышает голос*), но ежели вы меня слышите — мы тут делаем все для спасения Франции! (*Опять тихим голосом:*) А теперь ближе к делу, таинственный гость!

Фон Рапп: Успешное наступление на австрийские части, увы, невозможно — пока существует институт комиссаров. Они бестолковы и обычно неграмотны...

Фуше (*разводя руками*): Однако комиссаров в войска назначает сам Робеспьер, а кто такой Робеспьер и кто мы, бедные грешные?

Фон Рапп: А если снять Робеспьера?

Фуше: Как вы и сказали, в Конвенте люди неграмотные и оттого всему верящие. А этот — фанатик, он сам в свои слова верует, и пока есть эта вера, его не убрать.

Фон Рапп раскрывает свою папку, достает оттуда какую-то бумагу и подает ее Фуше.

Фон Рапп: Вера — забавная вещь. Вчера она есть, но сегодня и нет. Маленькая ложь рождает огромное недоверие. Если этот подлинный документ в нужное время зачитают в Конвенте... Много ли у неграмотных людей останется веры для Робеспьера?

Фуше с интересом берет бумагу и небрежно читает.

Фуше: Ты гляди-ка... Брачный контракт, написанный рукою самой Марии-Антуанетты, о том, что она с благословеньем и радостью выдает свою дочь Шарлотту Французскую за Жан-Мари Робеспьера. Боже, какой бред, какая сенсация! Да, это точно почерк Марии-Антуанетты — узнаю ее руку! Откуда это у вас?!

Фон Рапп: Осужденную королеву держали в Консьержери, а там вечерами — по слухам — за большие деньги творилось нечто ужасное. Большая камера была в другом крыле здания, однако женщина все могла слышать. Королева боялась за себя и — свою юную дочь...

Фуше: Какой бред... Чепуха... Глупости... Одно дело — бывшие любовницы короля, или прелестные юные педерасты, или даже графини, или там маркизы без особого имени. Но — королева?! Но — ее дочь! (*По недолгому размышлению изменившимся голосом.*) Нет, ну конечно, цены на билеты взлетели бы до небес, ведь смотреть на это сбегался бы весь Париж, а это огласка. (*Опять прежним голосом.*) О чем вы? Никогда ничего подобного в Париже не было!

Фон Рапп: Конечно, я верю вам! Однако если нечто подобное в той тюрьме все же было, немудрено, что королева написала много контрактов в надежде на то, что кто-то из мучителей пожелает взять в жены ее юную дочь. А вместе с нею и право на корону всей Франции.

Фуше все это время разглядывает контракт — то так, а то этак, то пытаясь поскрести его ногтем, то просматривая на свет, то чуть ли не нюхая.

Фуше: Возможно... Возможно... Версия убедительна. Сам контракт несомненно написан Марией-Антуанеттой. Однако... Подпись Робеспьера... Какая грубая, топорная подделка! Скажите вашим писцам, что руки им надо оторвать, у Робеспьера вот в этом месте перо всегда идет снизу вверх, а тут — сверху вниз...

Фон Рапп: Думаю, что этот документ не попадет в руки экспертов. Однако наш разговор начинался с вопроса о вере. В то, что Робеспьер за народ, неграмотные члены Конвента веруют. Шарлотте нынче пятнадцать. Она несомненно юна, возможно, красива. Ее держат в Тампле, куда Робеспьер часто ходит допрашивать арестантов. А он хоть и пламенный трибун, но и — мужик...

Фуше (*с интересом фон Раппа разглядывая*): Занятно... Занятно... Вчерашняя быдлота любит всех по себе самой мерить. Да, это убедительно. А теперь, раз вы такой хитрый придумщик, объясните папе Фуше, что его тут удерживает от того, чтобы не сдать вас этому хорьку Робеспьеру?

Фон Рапп (*очень тихо*): Ах, мсье, Мария-Антуанетта в отчаянии написала много контрактов. И первый она подписала на имя того, кто был главным тюремщиком Консьержери и с этого балагана получал свою выгоду. Извините, я его имя запамятовал. Впрочем, вы говорили — ничего этого не было.

Фуше (*начиная потеть*): Да, верно. Ведь ничего — не было!

Фон Рапп (*со значением*): И, разумеется, ничего подобного и не будет. Однако, возвращаясь к вопросам веры. Если на заседании Конвента появится такой же вот документ, но там будет иная фамилия, во что поверят неграмотные члены Конвента, памятуя о том, чего не было?

Фуше (*хриплым голосом*): Бросьте вы... Ничего и не будет. Уверен. И, кстати, раз речь лишь о вере, вы понимаете, что стоит этому хорьку-краснобаю лишь раскрыть рот, и он убедит эту голытьбу, что Луна вся из сыра, а белое это черное?

Фон Рапп (*сухо*): Выпишите мне пропуск на заседание Конвента. Назначьте день, когда в Лионе вы объявите этого хорька вне закона, а в Страсбурге мой кузен Жан начнет арестовывать комиссаров. И я обещаю вам, что Робеспьер в ответ на эти все обвинения не промолвит ни слова.

Фуше (*с нервным смехом*): А вы умеете убеждать... Кстати, у вас нет родственников в Инсбруке? В вашем голосе знакомые нотки слышались...

Павильон. Лето. Вечер. Париж. Заседание Конвента

5 г

В зале Конвента огромное стечение народу. Все кричат. У двери в проходе в огромной толпе мы видим фон Раппа, одетого в костюм мещанина. Он тоже с кем-то спорит и громко кричит невесть что. Робеспьер на трибуне отчаянно звонит в колокольчик.

Робеспьер: Тишина, граждане! Прошу тишины! Наше заседание посвящено возмущению в Лионе и Страсбурге, где член Конвента

Фуше объявил меня вне закона! Требую немедленной казни изменника!

Толпа взрывается криками и проклятиями. В этот миг один из депутатов, размахивая уже известным нам контрактом в нижних рядах, кричит.

Тюрго: Ты сам изменник! В руки гражданина Фуше, нашего главного сыщика, попал вот этот документ. Смотрите, граждане, Робеспьер подписал брачный договор с Шарлоттой Французской, а гражданка Мария-Антуанетта Капет его заверила! Граждане, изменник Робеспьер метит в цари!

Начинается настоящее светопреставление. Робеспьер срывается со своего места и с криком: «Покажите мне эту подделку!» бежит к своему обвинителю. В ответ на это из толпы крик: «Он хочет порвать свой контракт!» Кто-то бросается на помощь Робеспьеру, кто-то пытается создать живую стену, чтобы не пустить Робеспьера к Тюрго. Начинается свалка и драка, маршалы и охранники принимаются стрелять в воздух, дабы дерущиеся разошлись. Страшный крик: «Робеспьера убили!» Сразу полная тишина. Толпа расступается. На полу окровавленный Робеспьер. Он жив, он изумленно хлопает глазами — его щеки пробиты пулей навывлет. Тюрго нависает над раненым, размахивая контрактом.

Тюрго: Гражданин Робеспьер, вы отрицаете, что на этом контракте стоит ваша подпись?

Робеспьер в ответ что-то булькает. Видимо, пуля, пролетевшая через его рот, изуродовала его язык и раздробила все зубы. Толпа взрывается воем: «Ему нечего сказать в оправдание!.. На плаху негодяя — на плаху!.. Изменник Робеспьер хотел стать царем!» У боковых дверей виден фон Рапп, который в этом бедламе покойно идет к выходу. Лицо его безмятежно.

Натура. Лето. День. Царское Село

6Г

У ворот дворца останавливается карета, из которой выбирается Наследник Александр. Он торопливо идет прямо к дверям, не заботясь о том, как слуги вынут из кареты его жену Елизавету Алексеевну. Навстречу Александру не менее торопливо идет Салтыков.

АЛЕКСАНДР (*с волнением*): Ну как она? Ей уже лучше?

САЛТЫКОВ (*важным голосом*): Да, Государыне много лучше. По ее здоровью пришлось много чего отменить. Отложили третий раздел Речи Посполитой, приостановили все празднества...

АЛЕКСАНДР (*с облегчением*): Слава богу... Я уж все путешествие думал, что нечаянно свел в могилу мою милую бабушку. Но я не думал, что она вот так отреагирует... К ней можно?

САЛТЫКОВ (*серьезно*): Боюсь, вам с этим лучше пока обождать. У нее сердцебиение от одного вашего имени. Я пытался вам намекнуть, что не надо с нею про философию, но меня вы не слушали.

АЛЕКСАНДР (*недоумевая*): Так что же плохого-то в философии? Я расскажу ей все идеи Платона и Канта, она же сама Вольтером зачитывалась...

САЛТЫКОВ: Ах, Ваше Высочество, ваша бабушка — человек старой закалки, и к новым идеям ее нужно было подводить постепенно и медленно. А вы — форменная горячка. Это ваши молодые дружки сбили вас с панталыку.

АЛЕКСАНДР: Да, как всегда, правы вы, дорогой Николай Иваныч. Я их чересчур много слушал.

САЛТЫКОВ (*утешительно*): Это все ваша горячность и молодость. Если бы вы больше слушали людей мудрых, наделенных житейским опытом...

АЛЕКСАНДР: Все верно, простите, Николай Иваныч, что я такой неслух. Чуть и вас не подвел под монастырь...

САЛТЫКОВ (*с горьким вздохом*): Да что ж я... Лишь о вас я печалился все эти месяцы. Как к вашей новой родне в гости съездили?

АЛЕКСАНДР (*раздраженно отмахиваясь*): Да ну их! Пропах пивом, колбасою да кислой капустой. Зря убил время. Где Марина?

САЛТЫКОВ: Госпожа Червинская — теперь Нарышкина и тоже поехала в свадебное путешествие по Европе. А вы что, там не встретились? Вроде бы на воды поехала — как раз в Баден...

АЛЕКСАНДР (*сокрушенно*): Жаль, а я и не знал...

С этими словами юный принц идет мимо Салтыкова и исчезает внутри дворца. Салтыков пожимает плечами и говорит про себя.

САЛТЫКОВ (*с осуждением*): Как же, увиделся бы он со шлюхою своею на водах в Бадене!.. Будто государыня не послала им туда весть, что на отдых едет разлучница их милой дитятки. Небось Марину там нынче ядами поят, а не целебными водами. Ах, господи (*с распростертыми объятиями встречая только сейчас поднимающуюся по лестнице Елизавету Алексеевну*), как же я рад вас увидеть! Как было в Бадене? Как родители?

7Г

Натура. Лето. День. Царское Село

Жаркий солнечный день, к большой тенистой беседке царскосельского парка подходят цесаревич Константин (пятнадцати лет) и его новые присные — Яновский и Потоцкий (чуть постарше), которые были отправлены служить в армию и стали для юного принца его адъютантами. Вместе с ними идет юный любимчик принца Боур, причем на шее у Боура — собачий «строгий» ошейник, а поводок в руках принца, и он ради забавы этот поводок то и дело поддергивает, а Боур всякий раз жалобно тявкает. Эта удивительная компания ведет в беседку совсем юную девочку, почти крохотулечку, которой тринадцать. Это Анна Федоровна — невеста принца Константина из Саксен-Кобурга. В беседке Константин говорит ей.

КОНСТАНТИН (*холодно*): Мамзель, бабушка, старая дура, приказала мне жениться. Однако я по призванию солдат и не знаю слов любви. Мне приказали из вас — трех сестер Саксен-Кобургских — люблю

для себя в жены выбрать, и я по совету товарищей решил довериться руке Божией. Вам ясно?

Анна Федоровна (*растерянно*): Да, мой господин. Чего вы хотите?

Константин: Итак, я выбрал именно вас, ибо вы из сестер самая младшая и потому маленькая. Вы без труда поместитесь в вазе, и о вас не так будут плакать.

Анна Федоровна (*пожимая плечами*): Я плохо вас понимать по-русски.

Константин: Чем меньше ребенок, тем он менее важен для наших родителей. Если что случится с братом моим Александром, вся страна встанет на уши. А меня пошлют на войну, возможно, убьют в первом сражении, и никто — поверьте — никто не заплачет!

Анна Федоровна (*кивая*): Я... Я-я! Если с вас плохое случаться, я о вас плакать.

Константин: Не лгите, сударыня! Негоже нам начинать совместную жизнь с обмана и подлостей. Впрочем, все немцы подлы, а на полячке жениться мне не дозволено, ибо их люто ненавидит моя злобная бабка.

Яновский (*со злобою*): Эти саксонцы входили в Варшаву вместе с Суворовым. Всех патриотов повесили, пся крив! Вот кого надо рубить, а не турок!

Потоцкий (*усмехаясь*): Да-а... Тебе, Янек, из твоей Варшавы хорошо думать турок людьми. Три самых страшных беды нашей Польши — это турки, немцы да русские.

Бор: Р-р-гав! Гав! Гав! (*После резкого рывка поводка господином.*) Тяф-тяф... Мяу-мя-у...

Константин: Что, пойдешь бабке жаловаться? Да она же лежит и не слышит, почти что как овощ... Не смогла сразу содохнуть... Сашка бы мне волю дал или же получил тумака. А теперь из-за бабкиного каприза будет править наш батя... Опять нас с Сашкою лупцевать своей палкой... Ну, что стоишь — лезь живо в вазу!

Анна Федоровна (*хлопая глазами*): Вас ист дас — Вазен? Варум?

КОНСТАНТИН (*показывая жестами*): А ну лезь! Не то хуже будет! Так отдеру, что сама поутру начнешь одевать поводок вместе с ошейником и на прогулке... (*хохочет*) ногу над кустиком задираешь, как вот этот (*указывает на Боура*).

Все спутники Константина, включая и Боура, дружно смеются, а девочка с опаскою внутрь беседки заглядывает. Там в темноте стоят две огромные парные китайские вазы, в которые маленькая девочка действительно сможет забраться и спрятаться.

АННА ФЕДОРОВНА: Я могу залезть в любую из двух? (*Заходит в беседку и, помешкав, залезает в левую вазу.*) Абгемахт!

Наследник Константин снаружи беседки размахисто крестится, берет пистолет, подготовленный для него Потоцким, и решительным шагом входит в беседку. Там он легко вскидывает пистолет и стреляет. Ужасающий грохот, визг перепуганной девочки. Дым рассеивается, и мы видим, что правая ваза лежит на осколки пулей разбитая, а Анна Федоровна горько рыдает в левой. Константин ожесточенно сплевывает на землю и скрипит зубами.

КОНСТАНТИН: Так и знал, что стрелять надо в левую! Теперь и впрямь придется жениться. А сошло б за несчастный случай... Эх, не свезло!

С этими словами наследник Константин со своими приятелями поворачивается и удаляется прочь, а несчастная Анна Федоровна так и остается всхлипывать в своей целой вазе. Между всхлипами слышно что-то про «шмутциге циге».

Натура. Осень. День. Гатчина

Небо по-осеннему хмурится, моросит легкий дождь. По парку вне стен мрачного замка шествует удивительная процессия. Впереди коляска с розовой лентой, которую катит горничная, рядом с которой идет важная Шарлотта Карловна, а за нею идут Мария Федоровна и цесаревич

Александр. Он в черном и держит над собою и матерью большой черный зонт. За ними следует прочая дворня, причем, видимо, два крыла дворца уже помирились, ибо среди великих княжон идет молодая жена Александра Елизавета Алексеевна, которая весело о чем-то болтает с фавориткой Павла фрейлиной Гагариной. Мария Федоровна держит сына под руку и ему негромко внушает.

МАРИЯ: Не надо отчаиваться! На будущее думай, что говоришь и кому говоришь. Вот я, милый друг, никогда... НИКОГДА не теряю голову, беседа с другими людьми, и вам не советую!

АЛЕКСАНДР: Даже когда вы общаетесь с батюшкой?

МАРИЯ (*с пылом*): Вашего отца даже деревянная колода не выдержит. Но даже с ним, даже с ним...

АЛЕКСАНДР: Я не о нем, а о святом отце на исповеди.

МАРИЯ (*с раздражением*): А я о вашем отце! Почему, Алекс, вы никогда меня в жизни не слушаете?!

АЛЕКСАНДР (*покорно*): Я слушаю, маменька.

МАРИЯ (*вкрадчиво, с интересом*): Вы уже с ним встречались? Что он об этом всем думает? (*Увидев непонимающий взгляд сына и делая невинное лицо.*) Я о рождении Анечки. Я нарочно пригласила эту Гагарину, чтобы у нее самой выведать, но эта корова способна рассуждать лишь о деньгах. Деньгах вашего родителя, Алекс! Проследите за этим!

АЛЕКСАНДР (*нервно*): Отец, конечно, не в духе... Он был не в духе уже от появления Ольги...

МАРИЯ (*запечалившись и даже утерев слезинку*): Олечка мала и слаба. Она не жилец. Результат того, что я так страдала, так мучилась, слушая, как мычит Гагарина под вашим родителем! А Аннушка, по всему виду, вырастет красивой, рослой и сильной. Ваш отец обеспечит ей хорошую партию? Что он говорит по этому поводу?

АЛЕКСАНДР: Мы не... Ну ладно, из его реплик я понял, что и Ольга, и Анна для него тоже Романовы, и он обязательно позаботится о том, чтоб они нашли ровню.

Мария Федоровна счастливо хихикает, наклоняется потешить новорожденную Анну, затем начинает беседовать о кормлении детей с Карловной и совершенно забывает про сына. Она, даже не поворачиваясь от колясочки с Анной, протягивает руку и забирает у него зонт и идет под ним уже с Карловной. Александр останавливается и смотрит вверх на низкое серое небо, раскрывает широко рот, и мелкие капли дождя скатываются в него по губам или остаются полушариками у него на лице. Затем он оборачивается и обнаруживает, что все уже прошли, а он остался вне пределов дворца и свиты совершенно один под хмурым небом и мелким морозящим дождем. Кругом мокро и холодно.

9 г

Павильон. Зима. День. Петербург. Дом Голицыных

В доме Голицыных столпотворение. Люди входят и выходят, играет военный оркестр, молодые люди в военных мундирах пьют за победу, за Россию и Государыню — не просыхая. Посреди всего этого бедлама через толпу пробирается человек лет тридцати — тридцати пяти в форме майора от артиллерии. Это Александр Федосеевич Бестужев, известный масон, либерал и писатель. Его все приветствуют, кричат: «Ура артиллерии!» и предлагают выпить. Бестужев морщится, от возлияний отказывается и наконец добирается до комнаты, где выпивают молодые князья. Он с радостью почти вбегает к ним и кричит.

А. Ф. БЕСТУЖЕВ: Слава богу — вы спасены!

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*странным голосом*): Ах, Александр Федосеевич, не ждал. Каюсь, не ждал. Что ж, проходи, выпей с нами за нашу армию.

А. Ф. БЕСТУЖЕВ: Господа, я добыл вам справку о том, что у вас обоих дурная болезнь, и вы теперь не пойдете против собственной совести!

БОРИС ГОЛИЦЫН (*пьяным голосом*): У князей Голицыных нету дурных болезней! У Голицыных все болезни — хорошие! Выпьем!

А. Ф. БЕСТУЖЕВ: Ну поймите же, вы скажете, что подхватили заразу, вас возьмут в карантин, и вам не придется во всем этом кошмаре участвовать.

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*с неприязнью*): Вы это о чем, любезный?

А. Ф. БЕСТУЖЕВ: О Польском восстании, которое послали вас подавлять. Поймите, все предатели Польши, эти Кочубей, Червинские и Чарторыйские, давно убежали, а истинные патриоты готовы до конца стоять за Свободу! Свобода, Равенство, Братство!

БОРИС ГОЛИЦЫН (*пьяным голосом*): Нету Польши, была — да вся вышла! А есть лишь банда бунтовщиков и мятежников... А мы их — к ногтю! За это и выпьем!

А. Ф. БЕСТУЖЕВ: Господа, ведь вы же оба брали Бастилию! Весь народ ждет ваш сигнал, когда вы нас поведете на Зимний! Вы же оба учились во Франции, вы же все про эту страну, про весь окружающий нас кошмар понимаете. А я вам справку про дурную болезнь уже высправил.

БОРИС ГОЛИЦЫН (*поворачиваясь к брату — громким шепотом*): Он с нами не пьет! (*Полуобнимает Дмитрия и спрашивает задумчиво:*) В чем правда, брат?

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*громко и холодно*): Я, кажется, понял. Этот хмырь, тяжело раненный якобы шведами шесть лет назад и все еще больной, предлагает нам предать Родину. Вот такая вот правда.

БОРИС ГОЛИЦЫН (*бросаясь к Бестужеву и хватая его за грудки*): Ах ты тварь! Да я ж тебя!

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*ловко выдирая Бестужева из рук пьяного брата*): Уймись, Борис! Пятно на нем, пятно на всех нас. Начнут тыкать в Бестужевых, а там недалеко и до Орловых, и до Голицыных. Вспомни, с чего начиналось во Франции. Может, масонам и выгодно, чтобы мы объявили народу, что среди нас — гнильца.

БОРИС ГОЛИЦЫН (*пытаясь от брата вырваться*): Пусти меня, я ему эту гниль... (*Не в силах вырваться — Бестужеву.*) Эй, ты! Ну, я тебя!! По справке ты и так уже с дурною болезнью!

А. Ф. БЕСТУЖЕВ (*растерянно*): Но как же идеалы? А как же Бастилия?

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН (*спокойно и холодно*): Какая Бастилия? Не было никакой Бастилии. Я учился в военном училище, а брат в тот день был на водах. Верно, Борис? Видите, кивает. Так что ни в каких масонских делах или там мятеже мы не участники. А сейчас, извините, вам пора.

Начинает ловко выталкивать Бестужева прочь из комнаты, но прежде чем закрыть дверь, крепко берет его за грудки и прямо в лицо шипит.

ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН: Ты, мразь, попомни. Брат мой тебе по морде не даст. Сейчас. Пока ты — калека. Ты с липовой раной ходишь уже шестой год, а по правилам уже после третьего года — комиссия. Так будет тебе дуэль иль комиссия. Так что привыкай жить в отставке и жрать поменьше. Вон какую ряху наел, а у нас в стране вдовы офицеров с голоду падают...

10 г

Павильон. Весна. День. Лондон. Дом Семена Воронцова

У окна маленькой темной комнатки стоит самый известный русский изгнанник Семен Воронцов (отец Михаила Воронцова, соученика Александра Бенкендорфа по колледжу), сторонник убиенного Екатериной Петра Третьего, и читает письмо из Риги. Шарлотта в нем пишет.

Последние события во Франции и последовавшее за падением Робеспьера упразднение неграмотных комиссаров сделали свое дело. Французская армия под командованием некоего Бонапартия смогла взять английскую крепость Тулон, считавшуюся неприступной. Отныне Англии нечего противопоставить французам на суше, а именно с материка на остров приходит весь провиант. Стоит французам занять все прибрежные крепости, и англичанам есть станет нечего. Наше товарищество «Дуная и Риги» готово обеспечивать бесперебойный подвоз провианта на остров, если нам от английской короны будет на то дана монополия. Прошу вас, как нашего посла в Англии,

в этом содействия. Взамен обещаю ваше возвращение домой из изгнания, как только сменится царствие, и возвращение всего у вас конфискованного...

Семен Воронцов, пожилой человек в полинявшем старом халате, стоит у крохотного окна в маленькой комнатушке с низеньким потолком, смотрит на низкое небо и плачет.

СЕМЕН ВОРОНЦОВ: Господи, все опять станет, как прежде... Можно будет вернуться домой... Вот уж не чаял.... А небо-то такое же низкое, как у нас в Санкт-Петербурге...

Натура. Лето. День. Санкт-Петербург. Форт в заливе

1 д

Жаркий солнечный день. У одного из фортов в Финском заливе бросили якорь три большие лодки: красная, белая и синяя — по классам колледжа. Около лодок у ребят проходят соревнования, и у детей разноцветные рукава курток. Команду старшего класса в красном возглавляет уже знакомый нам Михаил Воронцов, а среднюю команду в белом — Александр Бенкендорф. Капитаном младшей стал Алексей Орлов, и младшие ходят в синем. Рядом стоит и четвертый флаг, зеленого цвета — для самых маленьких, тех, кто поступил уже в этом году. Но, по мнению начальства, эти ребята еще не освоились, и потому их оставили в колледже. Очень парит, и вдали начинает клубиться огромная черная туча. Сам аббат Николая на тучу оглядывается и наконец приказывает всем собираться: шторма в устье Невы приходят внезапно. Дети садятся на свои лодки и от берега к дому на Васильевском острове отчаливают. Уже на пути домой действительно начинается шторм, по морю идут огромные волны, которые то и дело обнажают острые камни на дне мелкого залива. В какой-то момент самая первая лодка, красного цвета, вдруг проваливается в ложбину между двумя огромными волнами, и мы слышим ужасный треск и грохот. Мы видим происходящее со второй — белой лодки. Нам видно, что первая лодка крепко налетела на камни, не смогла сразу с них сняться, и очередная волна накрыла

ее целиком. На поверхности бушующего моря видны только головы тех, кто в воде меж волнами барахтается. Молодой Александр Бенкендорф, которому уже тринадцать, выскакивает на борт своей лодки и кричит латышам.

БЕНКЕНДОРФ: Мы рождены на море и выросли на Даугаве! А поляки все — сухопутные крысы, их надобно вытащить. Кто-то на веслах, баграх и веревках, остальные — за мной!

С этими словами он прыгает за борт, а за ним горохом в воду сыплются его латыши и даже некоторые поляки из его курса. Мы видим, как в бурных волнах к темным головам тонущих прибавляются головы светлые, затем камера начинает показывать отдельными кадрами, как ребята помогают вытаскивать друг друга из воды, причем среди тех, кто помогает вытаскивать, мальчики не только с белыми, но уже и синими рукавами у курточек. На одной из картинок мы видим, как Александр Бенкендорф, ныряющий вокруг места крушения, ударяется головой об обломок разрушенной лодки, и далее идет затемнение.

2 д

Натура. Лето. Вечер. Санкт-Петербург. Берег залива

На море штормит. Под сильным дождем под огромными волнами на мелкий берег выбираются две фигуры, причем издали видно, что мальчик с темною головой и красными рукавами у куртки тащит на себе из воды мальчика с головой светлой и белыми рукавами. Это Михаил Воронцов, спасающий Александра Бенкендорфа. Волны все время сбивают Воронцова с ног, но он вновь и вновь поднимается и тащит свою тяжелую ношу на берег. Камера дает крупный план, и мы видим, что Бенкендорф приходит в себя, крутит головой и с удивлением спрашивает.

БЕНКЕНДОРФ: Воронцов? Ты меня спас?!

ВОРОНЦОВ (с усилием и борясь с волнами): Ты пошел спасать шляху! Шляхтич всегда помнит и злое, и доброе...

БЕНКЕНДОРФ (*хмыкая и пытаясь, несмотря на волны, подняться*):
Тоже мне — шляхта...

Воронцов (*с явным облегчением, помогая встать Александру на ноги*): От барона и слышу...

На море шторм. Идет сильный дождь. Преодолевая огромные волны, по мелкой воде к берегу бредут двое мальчиков. Мальчикам тяжело, и поэтому они, помогая друг другу, идут по воде, обняв друг друга за плечи. А дождь так бьет их струями, так хлещет...

**Натура. Осень. Вечер. Гатчина.
Конюшенное крыло (Павла)**

3 д

Поздний теплый и тихий вечер. На конюшне идет своя жизнь. Возле загонов рядом с конюхами стоит Федя фон Ливен, который только что молодых лошадей объезжал и выгуливал. Он подросток, на губах у него первый пушок, и, судя по всему, он готовится вот-вот пойти служить в армию. Из разговора понятно, что как раз этим летом в армию взяли Ивана, и вот теперь Федя ждет, когда придет лето следующее. Из одежды на нем — легкая, мокрая от пота рубашка, обтягивающие лосины, в которых удобно объезжать лошадь, и короткие кавалерийские сапоги. Возможно, именно на этот вид обращает внимание Константин Павлович, который внезапно появляется на конюшне. За ним подтягивается его свита: Яновский, Потоцкий и Боур в ошейнике.

Константин (*с гнусным смехом*): Смотрите-ка, мальчик! Ну-ка, мальчик, иди, иди к папочке!

Федор (*растерянно*): Что вам угодно, Ваше Высочество? Вы пьяны, а лошади не любят запах алкоголя.

Константин (*делая воздушный поцелуй*): У нас — мальчишник! Все должны развлекаться. Вот Христю хотели... хм... перед расставанием побаловать.

Потоцкий (со значением): Да, Христа — известная всем немецкая баловня.

Константин (ухмыляясь): Вот именно. Да, вот именно. Увы, говорят, что она уехала с батею за каким-то новым английским сукном. Воображаю, как он прямо на этих рулонах сукна ее там приходится!

Константин и все его люди скабречно смеются. Федор багровеет и холодно отвечает.

Федор: Мой брат Христофор тяжело болен. Все доктора говорят, что это болезнь. Прошу передо мной, его братом, всем извиниться.

Яновский (с вызовом): Может, нам его выпороть? За непочтение к цесаревичу?

Потоцкий (жеманно): Стянуть с его круглой немецкой попы эти замечательные штаны и заняться ею. Во всех смыслах. А-ха-ха!

Константин (решительно): Так и сделаем. Нет Христи, так сойдет нам и этот.

Федор молча вынимает шпагу из ножен. Местные конюхи торопливо по загончикам прячутся. Константин Павлович с хохотом вытаскивает свою шпагу и кричит.

Константин (решительно): Что ж, так будет даже интереснее! С боевою добычею я смогу делать все, что мне вздумается. Таковы правила. Из тебя, фриц, мы сделаем свою сучку!

Противники сходятся, причем свита Константина окружает дерущихся, и в миг, когда они готовы уже скрестить шпаги, Яновский шпагой своей бьет Федора по руке, выбивая из нее Федину саблю, а Потоцкий ловко ударом сабли подрезает ноги Федора. Обезоруженный Федор падает наземь. Из его руки и из-под колен течет кровь. Константин оглядывается и говорит.

Константин: Вон в тот загон. Набьем ему рот сеном, свяжем руки и ноги и позабудемся.

В этот миг откуда-то издали раздается удаляющийся в сторону кухонного крыла крик: «Убили! Поляки Федьку»

убили!» Видимо, кто-то из конюхов в начале ссоры сумел через плац с этого крыла выбежать. Константин чертыхается и говорит.

Константин: Эх, черт, сорвался мальчишник-то... Ну раз уж убили...

С этими словами Константин с размаху бьет лежащего на земле Федю шпагой по горлу. Во все стороны летит кровь.

Константин: Теперь — ходу! Сейчас этих немцев тут целый двор набежит...

**Натура. Осень. Ночь. Гатчина.
Конюшенное крыло (Павла)**

4 д

На земле среди конюшни огромное кровавое пятно, около которого на земле на коленях стоит Федина мать — Шарлотта Карловна фон Ливен. Она остановившимся взглядом молча смотрит на огромное пятно крови. Рядом с ней, тоже на коленях, Мария Федоровна, которая теревбит свою гувернантку и плачет.

Мария: Прости, ой прости ты меня! Мой сын, мой и грех. Это я, я пила эти средства ужасные, и это я выбрала, что у одного сына будет сила без ума, а у другого — ум без силы! Это я, я! Ну ударь ты меня, обругай, только не молчи, Карловна... Прошу тебя — не молчи!

Раздается какой-то шум. Камера отъезжает, и мы видим, что вся конюшня забита народом, там есть офицеры охраны как Марии, так и Павла. Лица у всех напряженные и суровые. Становятся слышны разговоры: «Он защищал свою честь!», «Он вступился за брата!», «Негодяю шестнадцать, что будет, когда он вырастет?!», «Это поляки и шведы — они его тут подначивали...». Через толпу людей идет Кристофер. Он подходит к Карловне, присаживается рядом с ней на корточки и произносит.

КРИСТОФЕР: Убийцы бежали в Кронштадт к адмиралу Сенявину. Он тоже ведь польской крови. Там сейчас очень много поляков, говорят, что Федор сам начал... Надо ждать Павла и доложить Государыне. Только она еще... Мало что понимает пока Государыня. Я лично этого так не оставляю.

Из толпы возгласы: «Все верно!», «Яновскому и Потюцкому больше не жить!», «Мы с вами, Кристофер Карлович!» Кристофер от криков отмахивается и тихо добавляет.

КРИСТОФЕР: Я послал запрос в действующую. Думаю, что Карла с Иоганном отпустят на похороны. Черт, они же восстание подавляют и поляков пачками вешают... Что там начнется...

КАРЛОВНА (*будто во сне*): Мой крест. Это у меня планида такая. На миг отвернулась, на один-единственный миг. В Киеве точно так же умерла моя Сашка, а вот тут, во дворце, и мой Феденька... (*Всклипнув, утерев слезу и совсем другим и злым голосом.*) Не-е, не Федька (*поднимаясь с колен и грозя во тьму кулаком*), Фридрих он. За то и погиб. А ты, Маш, не плачь. Цесаревич всегда был такой, а сие — Божья воля. А вот поляки... Они его подучили, они и ответят.

5 д

Павильон. Осень. Утро. Царское Село. Покои Государыни

В покаях на своей постели полулежит Государыня. В комнате тишина, холод и полумрак. Вдруг женщина вздрагивает, открывает глаза и смотрит в темноту. Потом она сама поднимается и, шаркая ногами и хватаясь по пути за все, идет к окну и штору отдергивает. За окном холодное серое утро, моросит мелкий дождь. Царица недолго смотрит в окно, затем звонит в колокольчик. На звон прибегает ее секретаря Безбородко.

БЕЗБОРОДКО: Вы встали? Вы сами встали! Какое счастье, а мы и не чаяли... Но вам ни в коем случае нельзя ходить! Я требую, чтобы вы легли в постель!

ЕКАТЕРИНА (*не слушая*): Долго я была не в себе? За окном рябина уж выросла...

БЕЗБОРОДКО (*растерянно*): Да вроде вчера я с вами разговаривал. Правда, говорили вы немного бессвязно...

ЕКАТЕРИНА: Последнее, что я точно помню, была беседа со внуком. Дальше все будто в кошмаре — настолько все спутанно. Так сколько прошло?

БЕЗБОРОДКО (*утирая слезу*): Два года — без малого... Мы уж не чаяли.

ЕКАТЕРИНА: Стало быть, девяносто пятый уже. То-то рябинка моя так сильно выросла... Что нового? Почему перед дворцом нету флага внука моего Константина?

БЕЗБОРОДКО (*с округлившимися глазами*): Так он это... женился! И уплыл в Европы. В свадебное, так сказать, путешествие.

ЕКАТЕРИНА (*строго*): Царское Село — его дом. При отъезде флаг цесаревича не снят, но приспущен. Вон флаг Александра приспущен, а Константинов — снят. Что с ним?

БЕЗБОРОДКО (*робко*): Так срывают флаг цесаревича разные шутники. Вот и сняли его от греха.

ЕКАТЕРИНА (*зорко взглянув на секретаря*): В Царском Селе?! Шутники?! Ты ври, Андреич, да не завирайся, не то живо поедешь у меня домой в Глухов! Что натворил опять этот пакостник? Неужто убил кого? Он к этому давно шел...

БЕЗБОРОДКО (*осмелившись*): Так точно. Убил. Молодого Федю фон Ливена. Приехал в Гатчину с адъютантами Яновским да Потоцким и убил Федю... Фридриха за то, что тот немец.

ЕКАТЕРИНА (*багровея*): Твою ж мать... Что за семья, ни на миг нельзя оставить... То Александр отчудит, а теперь Костя... Это ж надо, прибыть с поляками к отцу в Гатчину и убить немца за то, что тот — немец (*трет виски и шею рукой и садится, почти падает снова в постель*). Пиши, Андреич, новый указ. Приказываю внуку моему Константину кататься с женою в Европе до моего особого указания. (*Лицо ее принимает обычный вид.*) Фу-ух... Вроде бы отпустило. Как думаешь, мне кофий можно?

БЕЗБОРОДКО (*озабоченно*): Думаю, нет, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА (*не слушая и махнув рукой*): А плевать... Прикажи, чтоб несли кофий да чего пожрать, а то голодная я аки волк. И давай все мне подробно рассказывай, где вы тут еще без меня накосячили...

6 д

Павильон. Зима. Утро. Зимний дворец. Тронная зала

В тронной зале не протолкнуться. От разговоров и перешептываний стоит сильный гул. Все ожидают чего-то серьезного. Среди публики выделяются две большие группы в разных концах зала. В одной группе стоят Наследник Павел и его свита, а после небольшого просвета Мария Федоровна и ее свита. По сути все немцы в зале тяготеют к той или этой половине «немцев». Строго в другой стороне зала стоит цесаревич Александр со своею женой Елизаветою Алексеевной, и вокруг них сгрудились поляки. Между этими двумя толпами явно видны сильное напряжение и взаимная неприязнь. Раздается стук трости церемониймейстера, и в зал входит Государыня Императрица. По виду Екатерина сильно сдала, похудела, она ковыляет, опираясь на палочку, а с обеих сторон ее под руки поддерживают неизменные Салтыков с Безбородко. Екатерина грузно опускается на трон, который под ней скрипит жалобно, и Государыня усмехается.

ЕКАТЕРИНА: Надо же, всего ничего, а уже и разохся. Ну ничего, я тебя отогрею. Эй, Андреич, Иваныч, слышите? Привык, привык к моей попе. Ежели что, вместе со мною придется выбрасывать (*кряхтит, на спинку трона откидываясь*). Прежде чем начинать — из Вильны пришел ответ Витгенштейна?

Безбородко торопливо подает Екатерине пакет. Та неторопливо вскрывает его, пробегает глазами и кивает своему секретарю — канцлеру.

ЕКАТЕРИНА (*с гордостью*): Ну все, как мы и думали. Слишком много поляков, а Шарлотта всех их вешать не станет. Я тебе сразу сказала, что она — не мясник. Пусть мясник с ними и разбирается. Читай вариант без Вильны и Ковны.

Безбородко понимающе кивает, из трех пакетов выбирает один, вскрывает его и выходит на середину зала перед тронном Ее Величества.

Безбородко (*торжественно*): Государство Речь Посполитая сим указом навсегда упраздняется, а Россия входит в конкордат с Королевством Пруссия и Австрийской Империей по разделу бывших земель Речи Посполитой. Вводится черта оседлости, которая навсегда отделяет коренные земли Империи и земли бывшего немецкого ордена от новых земель за чертою оседлости. Все бывшие подданные Речи Посполитой, пожелавшие перебраться в Империю, обязаны в течение ближайшего года вернуться домой — за черту оседлости. Все наши подданные немецкой крови, оказавшиеся за чертою оседлости, обязаны вернуться на прежние земли ордена или на коренные земли Империи. В любых спорах меж нашими немецкими и польскими подданными за чертою оседлости виноват будет немец, а на бывших землях ордена или коренных землях Империи — виновен поляк. Виленская и Ковенская губернии изымаются из-под особого управления «инородскими землями» и тоже переводятся за черту оседлости. В связи с тем, что наши польские подданные во всех делах столь горячо хвалят и поддерживают внука моего Константина, он назначен мною наместником над всеми землями за чертою оседлости (*складывает указ и разводит руками*). Вот и все, собственно. Dixi.

В толпе раздается громкий хихикс, и кто-то даже в ладошки хлопает. В зале все оборачиваются и видят довольную Марию Федоровну, которая показывает полякам язык. И делает жест, будто оборачивает вокруг шеи невидимую петлю, высовывая язык еще дальше.

**Павильон. Весна. День. Зимний дворец.
Покои Государыни**

7 д

В малой тронной зале кругом яркий свет. Тяжелые занавеси на окнах после долгой зимы наконец-то отдернуты, и по всей зале прыгают яркие солнечные зайчики.

За большим круглым столом сидят трое: Государыня и советники ее Салтыков с Безбородкой.

БЕЗБОРОДКО: Из Китая пришла просьба о помощи. Страшное землетрясение, богдыхан просит замирения на границе, ибо войска частью разбежались, а частью работами заняты.

САЛТЫКОВ (*небрежно*): Ой, до Китая ль нам нынче! Где мы и где они?! Смех! Когда еще от нас придет эта помощь?

ЕКАТЕРИНА (*задумчиво*): Богдыхан писал не об этом. Он писал, что из армии много бегут, а это значит, что у нас на границе скоро будет много китайцев с оружием. Голодных, наглых и с оружием обращаться обученных. Может, и впрямь бежали, а может, и новые китайские хитрости. Нападут, получат опять от нас по зубам, и в отказ, мол, не мы, а беглые солдаты из армии. Послать из казны денег и выделить пушки для китайской границы.

БЕЗБОРОДКО: Так пушки у нас сейчас против турок со шведами все расписаны!

САЛТЫКОВ: Казна пуста, матушка!

ЕКАТЕРИНА: Надо сыскать! Пушки снять со шведского фронта, а деньги... Да хоть через реквизиции у польских мятежников. Держава у нас уже на три части света раскинулась. Любую пядь земли оборонить будем, будто это Царское Село или Зимний! А китайцу послать книг, полотна и лекарства, полно им лечиться сушеною саранчой да опилками! Соседи они, как никак, и от дружбы с ними нам не уйти. Ладно. С этим закончили. Давай ближе к нам — про Европу.

БЕЗБОРОДКО: Из Франции сообщают. После окончательного изгнания всех врагов из пределов страны Директория приказала начать ответное вторжение на земли противника. В Бресте собираются все французские корабли для предстоящей высадки в Англию. Командовать высадкой назначен генерал Гош.

САЛТЫКОВ (*презрительно*): Пфуй... Глупости. На море жабоеды за- всегда были никто против джентльменов. И кто этот Гош? Никогда не слышал.

ЕКАТЕРИНА (*как бы между прочим*): Партию еды для вампира Георга по договору везут. (*Дав собеседникам посмеяться.*) Что еще?

БЕЗБОРОДКО: Тем же указом командиром итальянского похода назначен молодой генерал Бонапарти. Имя какое-то итальянское...

САЛТЫКОВ (*продолжая посмеиваться*): Какой бред! Австрийцы, что нынче в Италии, сожрут этого итальяшку на завтрак.

БЕЗБОРОДКО: Не скажи, Николай Иванович. Австрия-то сейчас разделалась. В Праге и Будапеште стоит союзная нам армия убиенного Иосифа, а против них возле Вены — враждебная нам армия убиенного Леопольда. Стоят они друг против друга, и с места им не сойти. Так что в Италии нынче лишь резервные части — разных там сестер Леопольда с Иосифом. А какие из этих баб полководцы?

ЕКАТЕРИНА (*вроде как про себя*): Послать итальянского генерала во главе революционной толпы спасти Италию из лап безумных австриек? Это они ловко придумали... (*После недолгого раздумья.*) Можем ли мы послать туда наши войска?

БЕЗБОРОДКО: Пролиты на юге снова закрыты туркой. Из Стамбула передают, что там появились французишки. Союзу просят против англичан да австрийцев.

ЕКАТЕРИНА (*мрачно*): Против нас, стало быть. Так и знала, что все масоны хоть с чертом в сговоре, хоть с Магометом, а все одно — против Господа. Что ж, плывем туда с Балтики. Отдайте приказ о подготовке к походу. И пора закладывать флот. Надеюсь, хоть года три австриячки в Италии против Бонапарти продержатся.

Натура. Лето. Утро. Царское Село

8 д

На открытой веранде Царского Села под тенистым навесом завтракает Государыня. Вокруг нее все те же советники — Салтыков с Безбородкой. Салтыков ловко намазывает бутерброды и подкладывает Государыне, а Безбородко столь же ловко наполняет ее тарелку омлетом

и кашей. Екатерине остается лишь ложку и вилку ко рту подносить, да еще она сама пьет из чашки. Она еще сильнее исхудала и движется как в полусне. Посреди этого неторопливого завтрака со стороны дворца раздаются грохот и крики. Мы видим, как прямо к столу бежит разъяренный Наследник Павел.

ПАВЕЛ: Матушка! Ваше Величество! Слово и дело! Государственная измена!

Екатерина неторопливо, будто старая черепаха, поворачивает голову в сторону сына и, медленно ворочая языком, отвечает.

ЕКАТЕРИНА: Спокойнее. Я плохо слышу. Что у тебя?

ПАВЕЛ (с внезапным вскриком): Марихен... Эта... Эта толстуха опять родила!

ЕКАТЕРИНА: Знаю. Она уже родила и Ольгу, и Анну. Ольга уже умерла. Что ж нового?

ПАВЕЛ: Но она... Она родила мальчишку! Наследника!

Екатерина закрывает глаза и вдруг багровеет. Потом она делает долгий вдох и выдох и опять не спеша произносит.

ЕКАТЕРИНА: Вчера были девочки, а теперь — мальчик. Логично.

ПАВЕЛ: Но мои сыновья... Они же бесплодные! Лизка, Сашкина жена, на всю Европу трезвонит, что он импотент. А Константин... Этот приходится все, что шевелится, и хоть бы раз... Хоть бы одна забеременела!

ЕКАТЕРИНА (с явной злостью): А с той ли стороны он их... приходится?

ПАВЕЛ (с досадою): Почему мы всякий раз поминаем про эту мерзость? Это-то здесь при чем? Просто если сыновья мои помре, так что ж, передать трон ублюдку?! Велите его...

Павел не может найти нужное слово и лишь мычит, делая странные жесты. Мать в ответ манит к себе сына рукой

и, когда тот к ней наклоняется, вдруг наотмашь бьет его по лицу. Голос Государыни становится громким и звонким.

ЕКАТЕРИНА: Ты!.. Даже произнести это слово не можешь, а туда же! Хочешь, чтобы я взяла с собою грех на душе?! Это ж невинное дитя!

Салтыков с Безбородкой оба со своих мест подпрыгивают и встают стеной за спиной Государыни, и все жесты у них — осуждающие. Павел в ответ, потирая щеку, мямлит.

ПАВЕЛ: Я-то что?! Я и не думал... Вы — Государыня, вам и решать. А вы, Николай Иваныч, сами мне говорили: нету мелочей в делах династических. И вы, Александр Андреич, мне как-то сказали, что кукушонок в гнезде всех прочих птенцов непременно... того.

БЕЗБОРОДКО (*с возмущением*): Но я ж не об этом! Одно дело, когда кукушонок, другое — дитя человеческое...

САЛТЫКОВ (*извиняющимся голосом*): Все верно, Ваше Высочество, нет мелочей в делах династических. Однако ежели один ваш сын импотент, а второй по совсем другой части, что ж будет, если оба умрут?

ПАВЕЛ (*с вызовом*): Да! Что будет? Кому, когда они вымрут, я трон передам? Не Машкиному же отродью!

Салтыков с Безбородкой ошарашенно переглядываются. Тем временем красная как рак Государыня бормочет.

ЕКАТЕРИНА: Что мы сможем сделать? Кроме того, что я не одобрю?

САЛТЫКОВ (*осторожно*): Бывает такое, что с одною женщиной мужчина не может, но это не значит, что не может он в принципе.

ЕКАТЕРИНА (*поворачиваясь к Салтыкову и глядя на него по-бычьи налитыми кровью глазами*): Прямо говори.

САЛТЫКОВ (*осторожно*): Если у цесаревича не выходит с женой, то у него точно выходило с Червинской... Ну той, что нынче Нарышкина. Значит Нарышкину нужно вернуть из изгнания. Кроме того,

к цесаревичу надобно подводить еще женщин. Должно же разыграть ретивое!

ЕКАТЕРИНА: Возвращаем Червинскую. Сын от нее и будет наследником. Если нет — найти умелую женщину, но чтоб не шлюху. Константин?

БЕЗБОРОДКО (*тихо и холодно*): Вернуть. В Европе все уже косятся, все послы пишут о нем этакое, что у меня уши горят со стыда...

Лицо у Екатерины уже даже не пунцовое, а скорее лиловое. Она молча повелевает сыну уйти. Салтыков с Безбородкой торопливо машут над нею руками и полотенцами, чтобы Государыня смогла отдышаться. Когда лицо Екатерины слегка светлеет, она у советников беспомощно спрашивает.

ЕКАТЕРИНА: Он хотел, чтобы я грех на душу взяла. А мне страшно. Я — плохая мать, да?

9 д

Павильон. Осень. Вечер. Зимний дворец. Эрмитаж

По темным, богато обставленным, переполненным предметами комнатам Эрмитажа со свечою в руке бежит что есть сил Безбородко. Он заглядывает во все углы, открывает все двери дворца-музея, чертыхается и бежит дальше. Наконец, он находит свою Государыню в одной из комнат, где собраны бюсты. Она одна в полной темноте. Безбородко торопливо зажигает одну-другую свечу от своей и возмущенно кричит.

БЕЗБОРОДКО: Ну, нельзя же так! Ушли, никому не сказав! Не дети мы, чтобы в нашем возрасте в прятки играть! Зачем вы тут спрятались?

ЕКАТЕРИНА (*не слушая*): Тише, Андреич, пожалуйста! Ты же их тоже слышишь?

БЕЗБОРОДКО (*испуганно*): Кого ж, никого же тут нет, кроме нас двоих, матушка! Никак, опять началось?

ЕКАТЕРИНА (*с воодушевлением*): Да вот же... Вот же — прислушайся! Ах, ну да, ты же их не встречал... Это Ванька Бецкой их голоса слышал и сразу б вспомнил... (*Показывает на мраморные и бронзовые бюсты.*) Помнишь Фридриха? Какой он был строгий и важный...

БЕЗБОРОДКО (*неприятенно*): Да ну его... Мерзкий, злобный старик. Обожал в рванине ходить... Ел из жадности одни сухари да всякую плесень!

ЕКАТЕРИНА (*рассеянно*): Да? Пожалуй... Это мы тогда разбили его, и он ударился в экономию. Ел лишь сухарики и картофельный суп, чтоб поправить казну. Но это потом, а я запомнила его, когда он был богат, вальяжен и в полной силе. А помнишь, какова была вот она — Мария Терезия?

БЕЗБОРОДКО (*пожимая плечами*): Нет, не застал. Говорят, под конец совсем с ума сбрендила. Запрещала всех родных своих хоронить, а ходила к ним и ночи напролет с трупами разговаривала.

ЕКАТЕРИНА (*задумчиво*): Как думаешь, а они отвечали? (*Будто от кого-то отмахиваясь.*) Ну нет, с покойными сидеть — это уж чересчур... (*С тоской.*) А я ведь всех пережила, поговорить уже не с кем. Один лишь Ванюша Бецкой жив — с моей молодости. Да болеет уже, с постели, говорят, не встает. А мне поговорить порой надобно. Ведь из живых остался один лишь Георг... (*С горечью.*) Боюсь умирать. До жути боюсь... (*Окрепшим голосом.*) Но с вампирами мне все одно беседовать не о чем. (*После молчания — хрипло.*) Зовут они меня, Сашенька. Ей-богу, зовут. Видать, скоро свидимся.

Натура. Осень. Вечер. Петропавловская крепость

10д

Смеркается. С неба сыплется мелкий снег, который то становится моросью, то опять обращается в снег. Перед главным храмом — могила Государыни под горюю цветов. Под бесконечным снегом с дождем на могиле сидит старый, дряхлый секретарь Государыни Иван Бецкой и с холмом земли разговаривает.

Бецкой: Как же так, матушка?! Ведь я же старше тебя... Ты ж меня всегда по-людски схоронить обещала... Говорила, что нашла мне местечко покойное. Рядом и деревца там, и речка... Как же мы без тебя?! Я же ведь — тебя старше...

Старик горько плачет. Он ложится на гору цветов, обнимает ее руками и что-то шепчет. Темнеет вокруг, с неба сыплются маленькие капли дождя, которые снова замерзают, обращаясь в снежинки, которые опускаются на морщинистое лицо и широко раскрытые глаза старика. Снежинки падают и падают и — не тают.

Содержание

Предисловие

5

Серия 1

Aller Anfang ist Schwer

(Все начинается с горя)

7

Серия 2

Aller guten Dinge

(Все хорошее)

85

Серия 3

Ein faules Ei

(Тухлое яйцо)

159

Серия 4

Von chat

(Хорошая кошка)

237

Серия 5

In einer guten Ehe

(В хорошей семье)

311

Для связи с автором:
footuh@ya.ru

Научно-популярное издание

Александр Эрдимтович Башкуев

ЛОВЧИЙ

Крысы и дудочка

Книга издана в авторской редакции.

Технический редактор *А. Б. Левкина*

Дизайн обложки *А. С. Екимов*

Корректор *Л. А. Тропилова*

Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать 09.06.2017. Формат 60 × 88 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24,9. Тираж 200 + 300 экз. Печать офсетная.
Заказ № 120Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: renome@comlink.spb.ru
VKонтакте: vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru